И 304/239
кн. 2.

№127 И 304/239
И. О.

ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ

ИЗЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ

Ист. Худ. и Быт. Музей
Библиотека
Донского монастыря
СИСТ. № ШIПб
инвент. № 289

Составилъ

КАРЛЪ БИРНАЦКІЙ

КНИЖКА ВТОРАЯ.

Цѣна 1 руб. сер.

МОСКВА

1868.

И 304/239 № 129. и.о. 127.

ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ

ИЗЪ

ИСТОРІИ РИМА И ГРЕЦІИ

Составилъ

КАРЛЪ БИРНАЦКІЙ

ДОНСКАГО МОНАСТЫРЯ

переводъ А. Бѣлявскаго.

РЯЗАНЬ

МОСКВА

Типографія Ѳ. Б. Миллера.

(Яуз. ч. 1 кв. № 82.)

1868.

Дозволено цензурой. Москва 14 марта 1868 г.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
62250-45

2007237932

ВВЕДЕНІЕ.

Около того времени, когда исполнилось надъ народомъ израильскимъ уже давно грозившее ему наказаніе за отпаденіе отъ Бога: — «язычники войдутъ въ наслѣдіе»; когда стояло во всей силѣ ново-ассирійское царство, основанное на развалинахъ древне-ассирійскаго; когда Мидія старалась упорною борьбою пріобрѣсти себѣ независимость; когда въ Египтѣ эѳіопское чужеземное иго приближалось къ своему концу; когда Спарта мессенскими войнами положила основу своему будущему господству въ Пелопонесѣ; когда Аѳины впервые принялись за устройство самостоятельнаго государства — около этого времени выступилъ на сцену всемірной исторіи впослѣдствіи такъ называемый римскій народъ.

То, къ чему стремились всѣ восточные народы, за исключеніемъ израильтянъ: основать самостоятельныя государства, которыя бы существовали не другъ подлѣ друга, но сливались въ одно государство, въ одну націю, и что нѣкоторымъ изъ нихъ удалось, по крайней мѣрѣ на короткое время, ту же задачу рѣшить на западѣ взялись римляне. Но въ то время, какъ языческіе народы Азіи старались достигнуть цѣли уничтоженіемъ всѣхъ особенностей, всякой самостоя-

тельности отдѣльныхъ племенъ, безпощаднымъ подчиненіемъ всѣхъ волѣ одного лица, а греки наоборотъ пробужденіемъ и развитіемъ всѣхъ силъ каждаго племени, — къ тому же устремились и римляне, и достигли своей цѣли въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежніе народы, достигли цѣли выработкою и утвержденіемъ человѣческихъ формъ права, которыми они какъ цѣпями связывали государства. И такъ какъ они при этомъ слѣдовали и удовлетворяли самой насущной потребности человѣческаго духа, то и удалось имъ основать на развалинахъ всѣхъ восточныхъ государствъ свое, которое уже прежде приняло въ себя весь западъ. Поэтому римское государство сдѣлалось всемірнымъ государствомъ въ полнѣйшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ.

Въ первый періодъ его исторіи, при царяхъ, многія племена, соединенныя союзомъ, имѣли одного общаго представителя, главу союза. Потомъ племенныя особенности начали исчезать, и союзныя общины образовали изъ себя одну республику, которою правили избранные общиною представители народа. Когда мало по малу различныя племена въ слѣдствіе общихъ войнъ противъ общихъ враговъ приблизились къ полному сліянію и объединенію, пробудилось само собою желаніе имѣть одного человѣка во главѣ; это стремленіе сначала прервано было періодомъ революцій. Когда революціонныя движенія были подавлены, прежнее стремленіе пробудилось съ большею силою, и на мѣстѣ падающей республики возникло самодержавіе одного человѣка, монархія, которая одна была въ состояніи прочно устроить государство, возросшее до всемірнаго царства.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ закончилась и исторія Рима, цѣль

была достигнута, а внѣ цѣли нѣтъ никакого развитія. Наступила тишина, а затишье — начало обратнаго движенія. Сила, соединившая востокъ и западъ въ одно цѣлое, впала въ усыпленіе, въ теченіе столѣтій построенное зданіе распадалось. Осталось только то, что было непреходящимъ, — право, не въ Римѣ получившее свое начало, но въ Римѣ выработанное и окрѣпшее. Народы, отпавшіе отъ Бога, закончили свою роль, они обратились въ ничтожество. Теперь началось царство свѣта, назначенное просвѣтить всѣ народы до концовъ земли; на мѣсто преходящихъ всемірныхъ царствъ распространяется непреходящее царство Того, Кому дана всякая власть на небѣ и на землѣ.

ВРЕМЯ ЦАРЕЙ.

ДРЕВНІЙ РИМЪ.

Мы не будемъ разсказывать басню о Ромулѣ и Ремѣ, такъ какъ она не имѣетъ правдоподобности. Не столько ссора двухъ братьевъ, сколько другія обстоятельства повели къ основанію города, который построенъ былъ на разстояніи четырехъ нѣмецкихъ миль отъ устьевъ Тибра на холмахъ лѣваго берега рѣки. Нельзя сказать, что бы это мѣсто отличалось здоровымъ климатомъ и плодородіемъ почвы — здѣсь не произрастали ни виноградная лоза, ни фруктовыя деревья, здѣсь не орошали страну привлекающія къ себѣ, манящія жителей рѣчки, — напротивъ частые проливные дожди ежегодно покрывали водою лежащія между холмами долины, и тогда вредныя для здоровья испаренія поднимались изъ образовавшихся такимъ образомъ болотъ.

Но здѣсь граница латинской области, Тибръ съ незапамятныхъ временъ служилъ пограничною и оборонительною линіею по отношенію къ сѣвернымъ сосѣдямъ и естественною торговою дорогою Лаціума. Здѣсь становятся на якорь корабли, плывущіе съ запада въ устье Тибра, здѣсь они защищены отъ бури и волненія, отъ морскихъ разбойниковъ. Здѣсь морскія и рѣчныя суда могутъ удобно нагру-

жаться товарами и выгружаться, ни одна гавань на западномъ берегу Италіи не представляла такихъ удобствъ. Не предчувствіе будущаго величія, но пониманіе выгодъ этого мѣста для торговли повело къ основанію здѣсь города.

Первоначальные жители Рима были рамны (Romani), тиціи и луцеры. Они поселились съ давнихъ поръ у горы Капитолія, римскаго акрополя. Когда этотъ заселокъ сдѣлался настолько многолюднымъ, что потребовалось обвести его рвомъ и валомъ, около заселка начали появляться другія селенія. Такъ мало по малу произошли «семь огороженныхъ селеній», Кормалусъ и Палатинусъ, на послѣднемъ изъ коихъ находилась древнѣйшая закладка города, Roma quadrata, въ которомъ стояли древнѣйшія святилища, домъ Ромула, покрытый соломою, царскій дворецъ и храмъ Весты; потомъ Веліа, хребетъ холмовъ, соединяющихъ Палатинъ съ Эскилиномъ, Оппіусъ, Циспусъ и Фатугаль, три верхушки Эскилина; наконецъ Сукуза или Субура, укрѣпленіе въ низменности между Капитоліемъ, Эскилиномъ и Палатиномъ. Впослѣдствіи, когда построенъ былъ мостъ чрезъ Тибръ, укрѣпленъ былъ и Яникулусъ, лежащій на другомъ берегу рѣки. Основаніе города принято считать въ 753 г. до Р. Х. 21 апрѣля.

Во время царей Римъ достигъ господства въ Лаціумѣ. Завоеванные города обращены были въ деревни, а жителямъ, оставшимся въ этихъ деревняхъ, равно какъ и переведеннымъ въ Римъ предоставлено право на покровительство и защиту римлянъ. Такъ росла область Рима, имѣвшая въ началѣ только $5^1/_2$ квадратныхъ миль. Эта область имѣла уже 9 квадратныхъ миль, когда Римъ сталъ въ такое отношеніе къ другимъ селеніямъ, въ какомъ бываютъ городъ къ деревнямъ, приморскій пунктъ къ сельскимъ общинамъ. Тутъ произошло столкновеніе съ самымъ значительнымъ союзнымъ государствомъ Лаціума, съ Альбою; этотъ городъ былъ взятъ и разрушенъ.

Такимъ образомъ римская община сдѣлалась повелительницею латинскихъ союзовъ, съ которыми и заключенъ былъ вѣчный земскій миръ и вѣчный союзъ какъ относительно нападенія, такъ и защиты. «Миръ долженъ быть—такъ значилось въ союзномъ договорѣ — между римлянами и всѣми латинскими общинами, пока стоятъ небо и земля; они не должны вести войны другъ съ другомъ, ни призывать враговъ въ свою землю, ни пропускать враговъ чрезъ страну; на кого сдѣлано будетъ нападеніе, тому должны помогать всѣ сообща, все пріобрѣтенное въ добычу на войнѣ дѣлится поровну между всѣми».

Въ торговлѣ и мѣнѣ, во взаимныхъ сношеніяхъ и въ правѣ наслѣдства было полное равенство между союзными племенами. Каждый былъ гражданиномъ той общины, къ которой онъ принадлежалъ по происхожденію. Каждая община имѣла особое управленіе, и на собраніяхъ союзниковъ Альба, бывшая нѣкогда сильнымъ городомъ, имѣла предсѣдательство, такъ что занимала мѣсто Рима въ отношеніи къ другимъ союзнымъ общинамъ. Союзное войско состояло изъ римскихъ отрядовъ, равно какъ изъ латинскихъ войскъ, состоявшихъ изъ отрядовъ отдѣльныхъ общинъ. Предводительство принадлежало попеременно то Риму, то латинскому союзу. Въ тѣ годы, когда Римъ выставлялъ предводителя войскъ, латинскіе отряды являлись предъ воротами Рима и крикомъ привѣтствовали избраннаго какъ своего полководца, послѣ того какъ римляне, избранные латинскимъ союзомъ, по наблюденію надъ полетомъ птицъ объявляли, что боги довольны сдѣланнымъ выборомъ.

* * *

Такъ постепенно изъ торговаго и областнаго города Римъ сдѣлался главнымъ городомъ прекрасной страны, а съ умноженіемъ богатствъ, съ появленіемъ новыхъ потребностей,

съ распространеніемъ его области измѣнялся и характеръ города. До сихъ поръ римляне довольствовались тѣмъ, что окружали рвами и валомъ холмы около замка или акрополя, по мѣрѣ того какъ эти холмы заселялись жителями; замостная часть на другомъ берегу была безъ защиты, мостъ открытъ и устроенъ такъ, чтобы его можно было скоро разобрать. Теперь для главнаго города Лаціума, защитника и хранителя другихъ союзныхъ городовъ, потребовались другія оборонительныя средства. Мостъ, городъ и крѣпость обведены были валомъ, который образовалъ прочную и сплошную линію обороны. Онъ начинался у рѣки около сублиційскаго деревяннаго моста, который велъ къ яникульскому укрѣпленію чрезъ устроенную природою переправу, тиберкій островъ, такъ что доступъ къ мосту съ юга находился внутри общей круговой стѣны города. Отсюда укрѣпленіе шло къ Капитолію, котораго стѣна, обращенная къ Палатину, составляла часть городскаго вала; далѣе валъ обнималъ все пространство Квиринала, Виминала и Эсквилина, гдѣ большая земляная насыпь замѣняла недостатокъ природныхъ скатовъ, далѣе Целійскій и Авентинскій холмы, гдѣ опять достигалъ рѣки.

Такимъ образомъ не только старый городъ на Палатинѣ и новый городъ на Каринахъ вошли въ черту укрѣпленій, но и предмѣстья на Эсквилинѣ, на спускахъ Палатина, на Цеммѣ, даже оба шпитца, Капитолій и Авентинъ, незанятые домами и покрытые лѣсомъ. Ненужныя и мѣшающія заселенію стѣны прежняго города были уничтожены; но замокъ съ своими ключами въ скалахъ, съ своимъ тщательно отдѣланнымъ и содержимымъ «ключевымъ домомъ« (tullianum), остался по прежнему особою крѣпостью, которая могла защищаться даже послѣ завоеванія города. Но дѣло было непрочно до тѣхъ поръ, пока съ почвы, защищенной съ большимъ трудомъ, не была отведена вода, постоянно наполнявшая долину между Палатиномъ и Капитоліемъ, такъ что

здѣсь постоянно стоялъ паромъ; вода превращала въ болото долины между Капитоліемъ и Веліею, равно какъ между Палатиномъ и Авентиномъ. Для этого устроены были изъ превосходныхъ квадровъ подземные рвы для спуска воды— клоаки, которые существуютъ и понынѣ; тогда сдѣлалось возможнымъ на осушенныхъ мѣстахъ возводить зданія и устроивать площади, въ которыхъ была нужда. Мѣсто народнаго собранія, бывшее до сихъ поръ на капитолійской площади въ замкѣ, перенесено было на ровное мѣсто, спускавшееся нѣсколько отъ замка къ городу (comitium), и тянулось оттуда вдоль Палатина, по направленію къ Веліи, гдѣ по обѣимъ сторонамъ новаго римскаго рынка (forum Romanum) стояли ряды купеческихъ лавокъ. Въ долинѣ между Авентиномъ и Палатиномъ было отведено мѣсто для борьбы и ристаній—циркъ; у самой рѣки устроенъ рынокъ для торга рогатымъ скотомъ, и скоро здѣсь явился густонаселенный кварталъ. На всѣхъ холмахъ возникли храмы и святилища, особенно на Авентинѣ союзный храмъ Діаны и на вершинѣ замка видный издали храмъ Юпитера, который даровалъ своему народу такое величіе; этотъ храмъ возвышался надъ другими храмами побѣжденныхъ народовъ, подобно тому, какъ народъ римскій возвышался надъ сосѣдними народами.

ДРЕВНѢЙШЕЕ УСТРОЙСТВО РИМА.

Древнѣйшія учрежденія римскаго государства основаны были на естественныхъ жизненныхъ отношеніяхъ. Государство

было широкимъ отпечаткомъ того, что представляетъ въ маломъ видѣ семейство. Въ семействѣ есть одинъ глава, свободный мужъ, который основалъ семейство. Ему торжественно жрецами чрезъ священный обрядъ соли и муки вручена жена для общаго пользованія водою и огнемъ; онъ управляетъ семействомъ по своей волѣ. Онъ защитникъ жены и дѣтей, отецъ дома и вмѣстѣ домохозяинъ. На семъ основанная власть его неограничена и нерушима; пока онъ живъ, онъ не обязанъ отвѣтственностію никому; ни старость, ни сумасшествіе, ни собственное его желаніе не могутъ лишить его этой власти.

Только дочь, вступающая въ законный бракъ, выходитъ изъ узъ отцовскаго дома и поступаетъ въ родъ, въ защиту своего мужа. Напротивъ рабъ, принадлежащій дому, остается рабомъ, хотя бы и умеръ хозяинъ; на него смотрѣли не какъ на лице, но какъ на вещь, которая съ остальнымъ имуществомъ переходитъ по наслѣдству къ сыну.

Какъ въ домѣ отецъ есть единственный господинъ и повелитель, которому принадлежитъ право судьи надъ своими домочадцами, право смотря по винѣ наказывать ихъ лишеніемъ свободы и жизни, такъ и внѣ дома онъ есть неограниченный представитель дома. Ему принадлежитъ все, что самъ онъ и члены его семейства пріобрѣтаютъ, никто въ домѣ не имѣетъ собственности кромѣ его, никто не можетъ завѣщать что нибудь. Онъ же можетъ все сдѣлать, даже своего сына передать другому. Если онъ умираетъ, то власть отца переходитъ ко всему семейству впрочемъ такъ, что одни сыновья вправѣ воспользоваться ею, но не мать и дочери. Въ такомъ единствѣ домовладѣнія заключались значеніе и сила домохозяина; единство это свидѣтельствовало о прирожденномъ римлянину властительномъ умѣ, равно какъ объ его уваженіи естественныхъ жизненныхъ отношеній. Другіе, принадлежавшіе къ дому сожители, которые однако не принадлежали къ семейству, не нарушали этого единства.

Свободные люди, проживавшіе въ домѣ въ качествѣ гостей или вольноотпущенниковъ изъ рабовъ, состояли подъ покровительствомъ домохозяина. Онъ былъ ихъ почетнымъ отцомъ (patronus), а супруга его почетной матерью (matrona); они были его кліентами. Если они умирали безъ завѣщанія, имущество ихъ дѣлалось собственностью патрона.

Такому положенію семейства соотвѣтствовало государство, которое соединяетъ въ одно цѣлое отдѣльныя семейства, подобно тому, какъ семейство соединяетъ въ одно цѣлое отдѣльныя лица дома, и является такимъ образомъ однимъ большимъ семействомъ народа. Тотъ, кого собравшіяся главы семействъ — народная община — изберутъ въ своего общаго главу, есть господинъ и повелитель въ государствѣ. Государство есть его домъ, въ которомъ онъ царствуетъ. Въ знакъ этого у него въ домѣ, или около дома (жилища), находится вѣчно пламенѣющій очагъ Весты и хорошо запертая комната пенатовъ, или домашнихъ боговъ; они видимымъ образомъ проявляютъ единство высшаго дома, они суть хранительныя божества государства, заступники всего народа.

Власть, которую имѣетъ высшій глава государства, имѣетъ онъ не изъ себя самого, но весь народъ передалъ ему оную, обѣщая ему вѣрность и послушаніе. Но разъ облеченный этою властью, онъ остается съ нею на всю жизнь, и можетъ безгранично пользоваться властью во имя народа, котораго онъ представитель. Подобно отцу семейства, и глава государства — царь никому не отвѣтственъ. Въ немъ и чрезъ него народъ является господствующимъ, повелѣвающимъ, дружественнымъ или враждебнымъ въ отношеніи къ другимъ народамъ. Такъ царь заключаетъ договоры съ чужеземными народами, и народъ долженъ чтить эти договоры. Онъ повелѣваетъ во время войны и мира, и повелѣнія его должны быть исполняемы. Сѣкиру и розги несутъ предъ нимъ ликторы всюду, гдѣ только ни появится онъ въ качествѣ царя, это знаки неограниченной его власти. Всѣ

ссоры рѣшаетъ онъ окончательно, даже когда дѣло идетъ о жизни и смерти. Онъ произноситъ смертные приговоры, и только когда ему будетъ угодно, онъ можетъ допустить воззваніе къ народу о помилованіи; но онъ не обязанъ къ тому.

На войнѣ царь есть также высшій, единственный повелитель; онъ или самъ становится во главѣ войска, или назначаетъ главнокомандующаго, который есть лицо, отвѣтственное предъ царемъ.

По римскому воззрѣнію, положеніе царя, избраннаго народомъ, въ отношеніи къ самому народу, равнялось отношенію высшаго бога къ другимъ богамъ. Поэтому царь имѣлъ такую же, какъ и высшій богъ, одежду и такіе же знаки своего высокаго достоинства. Онъ имѣлъ жезлъ изъ слоновой кости съ орломъ, красныя румяна на лицѣ и корону изъ золотыхъ листковъ дуба. Отсюда также происходило, что римляне оказывали умершимъ царямъ божескія почести.

При всемъ томъ царь, не смотря на свое высокое положеніе и врученную ему неограниченную власть, нуждался какъ человѣкъ въ совѣтѣ другихъ. Хотя онъ не былъ обязанъ спрашивать совѣта *сенаторовъ*, тѣмъ менѣе слѣдовать имъ, но ему прилично было, подобно отцу семейства, въ важныхъ случаяхъ дѣйствовать не по одному только собственному усмотрѣнію. Совѣтъ старыхъ и старѣйшихъ, которыхъ царь самъ избралъ, чтобы спрашивать ихъ, когда ему будетъ угодно: это сенатъ, государственный совѣтъ повелителя. Должность ихъ была пожизненною, и такъ какъ они принадлежали къ благороднѣйшимъ и знатнѣйшимъ родамъ, то они и пріобрѣли мало по малу преимущества предъ остальными гражданами и сильное вліяніе на всѣ государственныя дѣла. Ихъ значеніе еще больше увеличилось отъ того, что народу предоставлено было приносить жалобы сенату, хотя послѣдній собственно и не могъ давать судебнаго рѣшенія. И здѣсь сенатъ являлся собраніемъ, превышавшимъ народъ, собраніемъ, которое по близости своей къ царю,

высшему судьѣ, могло имѣть большое вліяніе на судьбу народа. Здѣсь лежалъ зародышъ послѣдующей противоположности патриціевъ и плебеевъ.

Если сенаторы были немногіе избранные изъ ограниченнаго числа родовъ люди, то въ свою очередь *весь* прочіе жители Рима образовывали народную общину, *народъ*. Народъ состоялъ изъ старыхъ гражданъ, старѣйшихъ обитателей, и изъ новыхъ гражданъ или тѣхъ, которые уже впослѣдствіи поселились въ Римѣ и были приняты въ общину. По различію племенъ — латины, сабины, этруски-граждане дѣлились на три *трибы*, изъ которыхъ каждая имѣла своего трибуна; а триба въ свою очередь дѣлилась на десять *курій*, которыя имѣли своего жреческаго представителя, своего curio maximus. Граждане, то есть всѣ свободные мужи, имѣли право носить оружіе, они образовали гражданство, populus; къ нимъ царь обращался съ почетнымъ названіемъ копьеносцевъ, или *квиритовъ*. Каждая курія выставляла всадниковъ и пѣхотинцевъ: всадниковъ центурію или сотню, пѣхотинцевъ тысячу, которые поэтому и назывались milites (отъ mille).

Гражданство имѣло ограниченное вліяніе на веденіе общихъ дѣлъ. Царь созывалъ ихъ на собраніе, и они являлись на это comitium въ порядкѣ курій. Здѣсь только тотъ долженъ былъ говорить, къ кому царь обращался съ вопросомъ, и спрошенный долженъ былъ только дать требуемый отвѣтъ. Въ дальнѣйшіе переговоры съ comitium царь не входилъ, и такъ какъ рѣшеніе все таки зависѣло отъ него, то гражданство должно было подчиняться. О народномъ самоуправленіи не могло быть и рѣчи при такихъ отношеніяхъ, царь пользовался врученною ему отъ народа властію въ той же мѣрѣ, какъ если бы онъ самъ создалъ эту власть.

На такихъ основахъ создано было въ послѣдствіи гораздо болѣе развившееся устройство Рима. Царь издавалъ неограниченныя повелѣнія, сенатъ образовалъ высшій автори-

тетъ около монарха, оба призваны были придумывать и составлять законы, которые вступали въ силу не прежде, какъ гражданство объявитъ ихъ дѣйствующими. Такимъ образомъ Римъ столько же способенъ былъ имѣть во главѣ царя, сколько и консула, представителя республиканскаго устройства. Въ обоихъ случаяхъ верховная власть находилась въ рукахъ одного лица, которое, въ силу ли переданной ему власти, или въ силу взаимнаго соглашенія, заправляло общественными дѣлами. Каждый переворотъ стоилъ крови, это было неизбѣжно; паденіе монархіи было началомъ республики, которая также пала чрезъ императора. Какъ ни хорошимъ казалось устройство — и оно дѣйствительно было таковымъ во многихъ отношеніяхъ,—все таки оно носило въ себѣ зародышъ смерти, — это невозможность согласить различныя стремленія отдѣльныхъ лицъ къ силѣ и славѣ.

ПЕРВЫЕ ВЛАСТИТЕЛИ РИМА.

Хотя многое изъ того, что говорится о такъ называемыхъ царяхъ, Ромулѣ, Нумѣ, Туллѣ Гостиліи, Анкѣ Марціи, Тарквиніи древнемъ, Сервіи Тулліи и Тарквиніи гордомъ, принадлежитъ баснословію, при всемъ томъ едва ли подлежитъ сомнѣнію, что отдѣльныя лица, какъ бы они ни назывались—царями или носили другое имя—заправляли судьбами новопостроеннаго города. Нельзя также указать съ опредѣлительностію, какія дѣла совершилъ тотъ или другой изъ государей; можетъ быть ни въ какой другой части народной исторіи сага не работала такъ сильно, облекая факты поэти-

ческимъ покровомъ, какъ въ исторіи древняго Рима. И не смотря на то, древній Римъ имѣлъ такую исторію, какую имѣли немногіе города и государства древности. Онъ возросъ въ короткое время до господства надъ сосѣдними италійскими народными общинами, расширялся и украшался изъ рода въ родъ, чтобы жить столѣтія и тысячелѣтія.

Имена царей Рима могутъ принадлежать баснословію, но не ихъ дѣла въ полѣ, ихъ великія предпріятія. Мы вводимъ въ исторію нѣсколько очерковъ изъ этого перваго періода разцвѣтающаго города.

НУМА ПОМПИЛІЙ.

Никогда Римъ не пользовался благодѣяніями столь продолжительнаго мира, какъ при Нумѣ Помпиліи, мудромъ, изъ города Куреса въ сабинской землѣ; его народъ единодушно избралъ въ цари. Ему предшествовала молва о его внутреннемъ благочестіи, объ его высокой мудрости и великодушіи, а своимъ сорокалѣтнимъ правленіемъ онъ доказалъ, что добродѣтелью онъ превосходилъ всѣхъ подданныхъ. Простой по образу жизни и нраву, чуждый всякаго тщеславія и роскоши, онъ любилъ думать въ тихомъ уединеніи о томъ, что есть лучшаго на землѣ, о служеніи богамъ. И если поэтому сага приписала ему бесѣды съ богинею Эгеріею, вѣщею нимфою источника Каменъ, отъ которой онъ получалъ совѣты, то этимъ она хотѣла только выразить, что дѣла этого человѣка были такъ благородны, велики и прекрасны, что казались божественными его современникамъ.

Нума не хлопоталъ о томъ, чтобы основать порядокъ въ государствѣ на человѣческихъ законахъ, онъ хотѣлъ поставить служеніе богамъ въ основу государства, чтобы при разнообразныхъ переворотахъ земной жизни каждый имѣлъ сознаніе о законахъ вѣчнаго, высшаго міроваго порядка. Этимъ достигнута была и другая цѣль: внутренно соединить въ одно цѣлое различныя племена и уничтожить господствующія между латинами, этрусками и сабинами различія.

Въ нижней части аргилетума, (*) которое находилось на форумѣ, онъ построилъ двухвратную галлерею, которой одни ворота обращены были къ востоку, другія къ западу. Эта галлерея украшена была статуею Януса, которая также имѣла два лица. Во время мира галлерея бывала заперта, но какъ только начиналась война, ее отворяли, и войско проходило чрезъ нее, отправляясь въ походъ и чрезъ нее жь возвращалось съ поля въ городъ. Такъ эта галлерея изображала судьбу государства и служила символомъ и свидѣтельницею дѣлъ, которыми народъ основалъ свою славу и господство.

Подобнымъ же образомъ храмъ Весты, построенный между палатинскимъ и капитолійскимъ холмами, составлялъ средоточіе религіознаго культа. Здѣсь дѣвицы изъ знатнаго рода, весталки, поддерживали священный огонь и сторожили святилище города.

Кромѣ нихъ многія жреческія общества заботились объ обрядахъ, предписанныхъ въ честь боговъ. Тридцать куріоновъ, изъ которыхъ каждый былъ представителемъ одной куріи, совершали жертвоприношенія. Фламины, между которыми жрецъ Юпитера былъ главнымъ, котораго поэтому сопровождалъ ликторъ и которому предоставлено было право сидѣть на курульскомъ креслѣ, совершали культъ Юпитера, Марса и Квирина (Ромула). Царя, какъ главнаго первосвя-

---

(*) Argiletum—мѣсто въ Римѣ, гдѣ находилось множество ремесленниковъ.

щенника, окружали главы тѣлохранительной стражи, общество жрецовъ, носившихъ званіе celeres. Авгуры угадывали будущее по полету и голосу птицъ, по клеванію куръ, назначенныхъ для этой цѣли и по явленіямъ въ природѣ; юноши изъ знатныхъ родовъ, носившіе имя Саліевъ и стороживше священные щиты, принадлежавшіе городу, составляли танцы на праздникахъ въ честь бога Марса. Фециалы объявляли народу войну и миръ въ знакъ того, что и здѣсь необходимо содѣйствіе боговъ. Наконецъ первосвященникамъ принадлежало право и обязанность устроивать религіозныя торжества и рѣшать судебныя дѣла, касавшіяся религіи и семейства.

Всѣ эти различныя жреческія общества имѣли назначеніе освящать гражданскую жизнь, смягчать природную грубость и подчинять нравы народа законамъ и надзору, который выходитъ за предѣлы земной жизни и заставляетъ чувствовать зависимость этой жизни отъ иной высшей руки. Поэтому же и граница почиталась священною, граница, отдѣляющая римскія владѣнія отъ владѣній другихъ народовъ, равно и раздѣляющая владѣнія частныхъ лицъ. Богу границъ, Термину, посвящены были пограничные камни, которые отдѣляли владѣнія сосѣдей, и ежегодные праздники, Терминаліи, служили къ тому, чтобы поддержать въ каждомъ живое сознаніе своего господства. Для частныхъ обыденныхъ сношеній и торговли была у римлянъ богиня вѣрности, fides, клятва ея именемъ считалась нерушимою.

Никакое бѣдствіе не постигло Римъ, пока царствовалъ Нума, галлерея Януса постоянно оставалась запертою; народъ наслаждался внѣшнимъ миромъ, а равно и благосостояніемъ въ домашней жизни. Въ глазахъ римлянъ Нума былъ виновникомъ этой мирной, счастливой жизни; поэтому горе было общимъ, когда онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ. Онъ былъ погребенъ у подошвы Яникула, горы лежащей по ту сторону Тибра.

СМЕРТЬ ТАРКВИНІЯ ПРИСКА.

Одинъ изъ опаснѣйшихъ сосѣдей Рима, Альба Лонга, былъ покоренъ Тулломъ Гостиліемъ, и албанцамъ предоставлено право селиться на целійскомъ холмѣ. И другіе сосѣдніе латинскіе города, какъ-то Фидены, Габіи, Пренесте, Тибуръ числомъ до 30, были покорены этимъ царемъ. При его наслѣдникѣ Анкѣ Марціи Римъ пользовался миромъ и спокойствіемъ, а послѣ него былъ украшенъ Тарквиніемъ Прискомъ, который построилъ великолѣпныя зданія. Тогда произошли замѣшательства внутреннія.

Уже давно сыновья Анка Марція жаловались на то, что не имъ достался отцовскій скипетръ, но ихъ опекуну. Теперь, когда послѣдній послѣ тридцатисмилѣтняго царствованія состарѣлся, они боялись, что и теперь, послѣ смерти Тарквинія, царство достанется не имъ, а зятю Тарквинія, Сервію Туллію, сыну иноземной рабыни. Они хотѣли предупредить такой срамъ для себя, почему составили преступный планъ умертвить стараго царя.

Однажды рано утромъ два пастуха съ топорами явились на дворъ царскаго дворца. Они громко бранили другъ друга и со слезами просили царскаго рѣшенія ихъ ссоры. Когда слуги Тарквинія окружили ихъ и узнали объ ихъ ссорѣ, дѣло представлено было Тарквинію, который впрочемъ и самъ уже обратилъ вниманіе на шумъ, происходившій на дворѣ. Царь велѣлъ привести пастуховъ къ себѣ; но они вмѣсто того, чтобы отвѣчать на его вопросы, снова подняли брань, такъ что нельзя было разобрать, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Наконецъ увѣщанія и угрозы ликторовъ заставили

ихъ замолчать. Тогда царь велѣлъ, чтобы одинъ изъ нихъ разсказалъ въ чемъ дѣло. Царь приблизился къ нему, а къ другому сталъ спиною; въ это время послѣдній ударилъ его топоромъ. Потомъ оба бросились къ воротамъ и искали спасенія въ бѣгствѣ.

Свидѣтели этой сцены стояли въ изумленіи какъ вкопанные. Потомъ они подняли умирающаго царя, другіе погнались за убійцами. Происшедшее во дворцѣ смятеніе нельзя было скрыть; скоро народъ собрался кругомъ дворца, испуганный темнымъ, но страшнымъ слухомъ. Тогда Танаквилла, жена умирающаго Тарквинія, велѣла запереть ворота дворца и никого не впускать на дворъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она принимала необходимыя мѣры, чтобы поддержать жизнь царя, пока еще была какая нибудь надежда на спасеніе оной. Но и на случай смерти она также придумывала мѣры. Она велѣла призвать Сервія, показала ему поражоннаго на смерть мужа, схватила Сервія за руку, и настойчиво упрашивала его не оставлять неотмщенною смерть своего тестя, не предавать своей тещи произволу ея враговъ. «Если ты мужъ, говорила она, то тебѣ, мой Сервій, долженъ принадлежать тронъ, а не тѣмъ злодѣямъ, которые чужими руками совершили убійство. Мужайся, слѣдуй указанію боговъ, которые устрояютъ твою судьбу, которые своимъ небеснымъ пламенемъ, озарившимъ нѣкогда твою голову, показали, что со временемъ корона должна блестѣть на этой головѣ. Это божественное пламя должно теперь воодушевить тебя къ мужеству. Да, да, пробудись и мужайся. И мы хотя иноземцы, но царствовали въ Римѣ. Думай не о томъ, отъ кого ты родился, но чѣмъ ты теперь. Да ужь если ты теперь въ смущеніи не можешь разомъ самъ рѣшиться на что нибудь, такъ слѣдуй моимъ совѣтамъ.»

Между тѣмъ народъ все бо̀льшими и бо̀льшими толпами окружалъ дворецъ, и шумно и грозно желалъ узнать о случившемся, или быть допущеннымъ во дворецъ. Въ этой су-

матохѣ Танаквилла не потеряла духа. Она показалась съ верхняго этажа изъ одного окна, которое выходило на улицу, и говорила народу: «особенно безпокоиться нечего, царь былъ въ безчувствіи отъ удара топоромъ, который впрочемъ глубоко не проникъ, — теперь онъ пришолъ въ себя; когда смыли кровь и разсмотрѣли рану, не нашли ее смертельною, такъ что чрезъ нѣсколько дней можно будетъ народу снова видѣть царя; въ это же время, по царскому приказанію, народъ во всемъ долженъ повиноваться Сервію Туллію, который будетъ каждому оказывать правый судъ и во всемъ заступать мѣсто царя.» Ободренный этимъ и самъ Сервій взялся за дѣло; онъ показывался въ царскомъ платьѣ въ сопровожденіи ликторовъ, садился на царскій тронъ, и рѣшалъ тяжбы частію самъ, а иногда показывалъ видъ, что передаетъ дѣло на рѣшеніе самого царя и отправляется къ нему, чтобы испросить его рѣшеніе.

Такимъ образомъ нѣкоторое время скрывали смерть царя, а Сервій между тѣмъ утверждался на престолѣ подъ видомъ царскаго намѣстника. Когда наконецъ объявили о смерти Тарквинія, Сервій Туллій могъ уже рѣшиться на то, чтобы удержать за собою царское достоинство, хотя и не было народнаго избранія въ его пользу. Сыновья Анка, видя свое дѣло проигранымъ, бѣжали въ Суэссу Помецію и тамъ жили въ изгнаніи.

СЕРВІЙ ТУЛЛІЙ.

Въ сенатѣ были различнаго мнѣнія на счотъ поступка Сервія. Одни смотрѣли на него какъ на спасителя отече-

ства, другіе не одобряли его поступка. Казалось, подготовлялся взрывъ партій, отъ котораго могло произойти много зла, и царь не могъ разсчитывать на сенатъ, какъ на опору трона. Поэтому онъ старался не быть зависимымъ отъ одного сената. Для этого пригласилъ на собраніе весь народъ.

На пространномъ форумѣ собралось множество народа, сознавшаго силу, которая находилась въ его рукахъ, и которою онъ можетъ облечь какое нибудь лицо. Сервій явился въ царскомъ облаченіи, окруженный тѣлохранителями. Онъ держалъ за руку двухъ мальчиковъ, сыновей убитаго Тарквинія. Онъ представилъ ихъ народу, какъ имѣющихъ законное право на престолъ, а себя самого ихъ защитникомъ, который обязанъ изъ благодарности къ Тарквинію, его благодѣтелю, защищать права этихъ дѣтей и охранять ихъ отъ враговъ. Народъ изъявилъ на это свое согласіе. Тогда Сервій обѣщалъ заплатить долги бѣдныхъ гражданъ, которые ставили ихъ въ зависимость отъ богатыхъ, и предоставить безвозмездно часть принадлежавшей государству земли бѣднымъ, безземельнымъ семействамъ. Этимъ онъ пріобрѣлъ расположеніе народа, но оттолкнулъ отъ себя всѣхъ знатныхъ, патриціевъ, засѣдавшихъ въ сенатѣ Тѣмъ болѣе онъ старался теперь опереться на народъ, на плебсъ. Для этого онъ усилилъ и укрѣпилъ его право участвовать въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ новымъ раздѣленіемъ сословій и родовъ.

Онъ раздѣлилъ всѣхъ плебеевъ, имѣвшихъ какую нибудь поземельную собственность, на тридцать трибъ или общинъ, изъ которыхъ четыре приходилось на городъ, а двадцать шесть на область, принадлежавшую Риму. Каждая триба имѣла своего представителя, трибуна, свое мѣсто собраній, —въ городѣ храмъ, въ деревняхъ холмъ—и свои собственныя празднества. Они самостоятельно обсуждали и рѣшали свои дѣла. Съ этихъ поръ плебеи или новые граждане пріі-

обрѣли, какъ свободное общество, законное и вліятельное положеніе рядомъ съ старыми гражданами, патриціями.

Если такимъ образомъ патриціи и плебеи какъ будто стояли другъ противъ друга отдѣльными обществами, то съ другой стороны они сливались другъ съ другомъ. Для раскладки податей царь раздѣлилъ народъ на пять классовъ, изъ которыхъ къ каждому принадлежали всѣ имѣвшіе равное, опредѣленное состояніе изъ сословій патриціевъ и плебеевъ; а эти пять классовъ подраздѣлялись на 197 частей или центурій. Въ послѣдствіи на основаніи этого раздѣленія составлялись собранія, которыя назывались центуріатскими комиціями, на которыхъ рѣшали дѣла о войнѣ и мирѣ, о принятіи и отмѣнѣ законовъ и объ избраніи царя.

Этимъ учрежденіемъ послѣдній рѣшительный голосъ въ общественныхъ дѣлахъ, если не былъ отнятъ у патриціевъ, за то очень ограниченъ и перешолъ въ руки народа. Слишкомъ притязательныя народныя требованія предотвращены были тѣмъ, что изъ этихъ пяти классовъ первый, къ которому принадлежали всѣ патриціи, имѣлъ 98 голосовъ, тогда какъ остальные четыре класса только 95. Этимъ нововведеніемъ Сервій пріобрѣлъ новую благодарность плебеевъ, и вмѣстѣ усилилъ ненависть патриціевъ, которые не могли равнодушно смотрѣть, какъ управленіе государствомъ, до сихъ поръ исключительно принадлежавшее имъ, приходилось теперь дѣлить съ плебеями, которыхъ они не считали себѣ равными.

* * *

Изъ сыновей Тарквинія одинъ, Луцій, былъ честолюбивъ и запальчиваго характера, другой, Арунсъ благонравенъ и благороднаго образа мыслей. Первому Сервій отдалъ свою старшую дочь, а послѣдняго женилъ на своей младшей дочери Тулліи, которая была грубаго нрава и горячаго темперамента. Послѣдняя, не считавшая себя счастливою въ замму-

жествѣ за благороднымъ Арунсомъ, сговорилась съ подобнымъ ей по характеру, необузданнымъ честолюбцемъ, Луціемъ о томъ, чтобы ему умертвить свою жену, а она, Туллія, умертвитъ своего мужа; послѣ чего она выйдетъ за Луція замужъ. Они низвергнутъ съ престола царя при помощи недовольныхъ патриціевъ.

Произошло двойное неестественное убійство, а спустя три года представился случай лишить престарѣлаго царя власти. Значеніе плебеевъ болѣе и болѣе усиливалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неудовольствіе патриціевъ на Сервія, который положилъ начало ихъ силѣ. Было время жатвы, и бо́льшая часть римскаго народонаселенія занималась сельскою работою внѣ города. Этимъ временемъ воспользовался Луцій Тарквиній. Надѣвъ знаки царскаго достоинства, въ сопровожденіи вооруженной толпы, на вѣрность которой могъ положиться, онъ явился въ собраніе сенаторовъ. Пораженные изумленіемъ и удивленіемъ, частію его единомышленники, они не показали желанія противодѣйствовать возмущенію; они поднялись съ своихъ креселъ, чтобы засвидѣтельствовать свое уваженіе царскому входу. Луцій занялъ мѣсто, назначенное для царя, и объявилъ безмолвному собранію, что Сервій болѣе не царь.

Между тѣмъ послѣдній былъ извѣщенъ о происшедшемъ. Онъ поспѣшилъ съ немногими спутниками на мѣсто происшествія, подошелъ безъ страха къ зятю и требовалъ, чтобы онъ оставилъ царское кресло. Луцій отвѣчалъ смѣхомъ на требованіе Сервія, потомъ вскочилъ, схватилъ стараго царя, безъ всякаго препятствія со стороны патриціевъ потащилъ его вонъ изъ зала и сбросилъ по лѣстницѣ на улицу. Сильно разбитый Сервій кое-какъ всталъ и поплелся отсюда; никто не сжалился надъ нимъ. Онъ снова упалъ: тутъ-то нашли его слуги Луція, которые уже окончательно убили его, а трупъ бросили на дорогѣ.

Между тѣмъ сенатъ объявилъ цареубійцу царемъ. Скоро

узнала Туллія о томъ, что удалось нечестивое дѣло. Она тотчасъ садится въ готовую повозку и спѣшитъ къ куріи, чтобы поздравить мужа съ новымъ достоинствомъ. Потомъ она возвратилась опять во дворецъ. Разсказываютъ, что она проѣзжала по улицѣ, на которой лежало окровавленное тѣло царя. Улица была узка и возница остановился, чтобы повернуть въ сторону и проѣхать другою дорогою. Но неестественная дочь приказываетъ ѣхать по трупу отца. Испуганные лошади прыгаютъ чрезъ трупъ, который раздавленъ уже колесами повозки. Въ одеждѣ, обрызганной кровью отца, возвращается дочь во дворецъ. Улица, въ которой произошло такое злодѣяніе, была прозвана: проклятою.

Когда народъ возвратился съ поля въ городъ, злодѣйство было уже совершено. Не оставалось ничего, какъ только признать царемъ Луція Тарквинія.

ТАРКВИНІЙ ГОРДЫЙ.

При новомъ государѣ насталъ новый порядокъ вещей. Безмѣрная гордость руководила поступками Тарквинія, который никому не довѣрялъ, всѣхъ ненавидѣлъ, и скоро навлекъ на себя общую ненависть. Опираясь на многочисленную тѣлохранительную стражу, онъ не обращалъ вниманія ни на патриціевъ, ни на плебеевъ, и управлялъ самопроизвольно, безъ совѣщаній съ сенаторами и народнымъ собраніемъ. Чрезмѣрные налоги, которыми онъ обременялъ жителей Рима, давали ему необходимыя средства жить по царски.

Чѣмъ меньше разсчитывалъ онъ на поддержку римлянъ,

чѣмъ болѣе чувствовалъ непрочность своей власти, тѣмъ сильнѣе искалъ помощи сосѣднихъ съ Римомъ общинъ. Такъ онъ заключилъ торговый договоръ съ Карѳагеномъ и старался поддерживать дружескія сношенія съ греческими колоніями въ южной Италіи. Съ этою цѣлію онъ отправился въ Кумы.

Здѣсь все шло по его желанію; здѣсь же случилось съ нимъ другое, весьма важное по своимъ слѣдствіямъ, происшествіе. Разсказываютъ, что къ нему явилась старуха, которая была въ большомъ почетѣ у жителей города за даръ предсказаній. Она принесла девять свитковъ книжныхъ и предлагала царю купить ихъ, восхваляя таинственное содержаніе свитковъ. Но цѣна, какую она требовала, была слишкомъ велика, и царь отказался купить ихъ. Тогда старуха взяла три свитка и бросила ихъ въ огонь. Когда они сгорѣли, она опять предлагала купить шесть оставшихся за ту же цѣну, какую просила прежде за девять. Тарквиній опять отказался отъ покупки, и во второй разъ старуха бросила въ огонь три свитка. Тогда она опять обратилась къ царю съ предложеніемъ купить три оставшихся свитка и все за ту же цѣну, — и только теперь царь рѣшился представить книги авгурамъ, которые разсмотрѣвъ ихъ, присовѣтовали царю купить три оставшихся свитка.

Такъ достались Риму такъ называемыя Сивиллины книги, которыя хранились въ подземельѣ Капитолія, въ каменномъ ящикѣ. Ихъ загадочныя изреченія, къ которымъ народъ питалъ большое уваженіе, въ послѣдствіи служили сенату для того, чтобы дать силу постановленіямъ, мало благопріятнымъ для народа. Сенатъ сильно хлопоталъ о томъ, чтобы не ходили въ народѣ какія нибудь другія сивиллины книги; въ послѣдствіи являлось много подложныхъ. Отъ времени до времени предавали огню книги послѣдняго рода.

Хотя Тарквиній возвысилъ значеніе Рима во внѣ, утвердилъ союзъ съ латинскими городами, покорилъ сабинянъ и

вольсковъ, основалъ новые города, все таки онъ не могъ пріобрѣсти любви и уваженія римлянъ. Даже украшенія города, напримѣръ отдѣлка цирка, окончаніе исполинскаго сооруженія клоакъ, постройка Капитолія, который возведенъ былъ на сводахъ, покрывавшихъ подземныя камеры въ скалахъ и глубокіе ключи (колодцы), которые отчасти открыты, не внушили народу довѣрія, въ которомъ царь нуждался для поддержки своего трона. Его жестокость даже въ отношеніи къ близкимъ родственникамъ вела къ тому, что недовольство его властью дѣлалось все сильнѣе и сильнѣе. Въ то время, какъ царь вышелъ изъ Рима для осады города Ардеи, въ землѣ рутуловъ, вспыхнуло возмущеніе, изъ котораго римское государство вышло республикою, которая имѣла во главѣ двухъ ежегодно избираемыхъ консуловъ. (509 г. до Р. Х.)

ПАТРИЦІИ И ПЛЕБЕИ.

Римъ сдѣлался свободнымъ государствомъ, но не каждый гражданинъ въ немъ былъ свободнымъ человѣкомъ. Одни патриціи выиграли при перемѣнѣ государственнаго устройства, но не плебеи. На послѣднихъ лежало все бремя податей и повинностей, тогда какъ патриціи платили подати только въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Что было слѣдствіемъ этого? Богатство на одной сторонѣ, бѣдность на другой. И существующіе законы благопріятствовали силѣ и богатству знати. Плебеи все больше и больше падали въ совершенную зависимость отъ богатыхъ патриціевъ, такъ какъ къ нимъ они обращались для займа денегъ,

Но если они не могли заплатить долга вовремя, то заимодавецъ имѣлъ право лишить своего должника свободы и посадить его въ тюрьму. Многіе плебеи томились въ долговыхъ заключеніяхъ.

Войны съ латинами и сабинами были кончены со славою; благодаря плебейской крови и другимъ жертвамъ, принесеннымъ ими, была одержана рѣшительная побѣда при Регильскомъ озерѣ (496 г. до Р. Х.), подъ предводительствомъ диктатора Авлуса Постумія. Но вотъ опять враги приближаются къ городу, это Вольски. Народъ собрался для совѣщанія съ патриціями. Не оставалось другаго выхода, какъ вооружонное сопротивленіе врагу. Но когда плебеи отказались идти на войну, то имъ обѣщали облегченіе ихъ ярма. Они согласились идти на войну и Вольски были побѣждены.

По возвращеніи плебеи требовали исполненія даннаго обѣщанія, но патриціи имѣли худую память. Обѣщанныя облегченія остались для плебеевъ пустыми словами.

Опять городу грозили внѣшніе враги, сабиняне и эквы; опять призывали народъ къ оружію, Но въ то время, когда еще разсуждали о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять въ настоящемъ случаѣ, прибѣжалъ въ среду собранія одинъ старый плебей, бывшій когда-то свободнымъ человѣкомъ, теперь же рабомъ патриція за долгъ. Онъ убѣжалъ отъ мученій своего господина, вырвался изъ тюрьмы, и теперь, одѣтый въ рубище, покрытый рубцами и синяками, живой свидѣтель бѣдности и жестокаго обращенія стоялъ среди своихъ прежнихъ товарищей, свободныхъ мужей. Онъ ломалъ руки, онъ указывалъ на свою голову безъ волосъ, на рубцы; разсказывалъ, какъ онъ сражался въ двадцати осьми битвахъ, какъ во время войны сгорѣлъ его домъ и все имѣніе, какъ голодъ заставилъ его все продать и какъ наконецъ онъ попалъ въ руки ростовщиковъ, которымъ не имѣя возможности заплатить долгъ, долженъ былъ поплатиться послѣднимъ благомъ, своею свободою.

Общій ропотъ недовольства отозвался въ собраніи народа. Живой свидѣтель бѣдствія стоитъ у всѣхъ предъ глазами. Узнали, что онъ былъ центуріонъ, начальствовавшій надъ сотнею и мужественно водившій ее въ битвы. Его старые товарищи, меньше несчастные, чѣмъ онъ, стремятся къ нему, жмутъ ему руку, обѣщаютъ ему защиту и удовлетвореніе. Теперь, какъ ни краснорѣчивы были въ своихъ обѣщаніяхъ патриціи, ничто не помогало; хотѣли видѣть дѣло,— тутъ же почувствовать облегченіе своихъ страданій. Плебеи не идутъ на войну, обращаются къ патриціямъ съ угрозами и съ ропотомъ расходятся.

* * *

Прошло это бурное собраніе народа. Еще разъ удалось по крайней мѣрѣ на время успокоить недовольныхъ плебеевъ. Они стали въ ряды войска и разбили враговъ. Покрытые славою, они возвращаются съ поля битвы и по обычаю располагаются предъ городомъ лагеремъ, откуда потомъ уже должны разойтись по домамъ. Между тѣмъ требованія ихъ представлены были въ сенатъ. Вмѣсто того, чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ, сенатъ отказалъ. Снова заволновалось собраніе плебеевъ. Напрасно предводитель войска, Валеріусъ, дружественно расположенный къ плебеямъ и любимый ими, старался успокоить умы. Страшное движеніе въ рядахъ. Столько разъ обманывали ихъ, и на этотъ разъ тоже не хотятъ принять ихъ требованій. Сициніусъ Беллутъ, одинъ изъ среды плебеевъ, раздуваетъ пламя раздраженія, и вотъ, не смотря на увѣщанія Валерія, осьмнадцать тысячъ плебеевъ отдѣляются отъ патриціевъ и удаляются на гору, лежащую недалеко отъ Рима между Тибромъ и Аніо, гдѣ располагаются лагеремъ; здѣсь намѣреваются они построить новый городъ.

Какъ только вѣсть о случившемся достигла Рима, сенатъ

собрался для обсужденія дѣла. Уступать или нѣтъ, — вотъ вопросъ. Аппіусъ Клавдій, гордый патрицій, говорилъ въ пользу мѣръ строгости; только такими мѣрами можно усмирить бунтъ и привести снова къ повиновенію упрямыхъ плебеевъ. Однако мнѣніе его не было принято, большинство сенаторовъ рѣшило сдѣлать народу предложеніе возвратиться въ городъ. Такъ и сдѣлали, но напрасно; патриціанскіе уполномоченные были съ презрѣніемъ отосланы назадъ.

Нужда возрастала, стѣсненное положеніе увеличивалось. Какъ устроить правленіе, когда плебеи отказываются платить подати и нести военную службу! Опять собрался сенатъ и принялъ рѣшеніе послать десять мужей изъ своей среды, которые должны сдѣлать послѣднюю попытку побѣдить упорство плебеевъ разумными представленіями и заставить ихъ возвратиться въ городъ.

Мененіусъ Агриппа, мужъ любимый народомъ за свое сочувствіе къ нему, вмѣстѣ съ другими девятью сенаторами, отправился по дорогѣ къ мѣсту, гдѣ стояли плебеи.

Неустрашимые десять человѣкъ являются между ожесточенными восемнадцатью тысячъ. Ропотъ, съ которымъ они были приняты, взгляды, полные ненависти и презрѣнія, съ которыми ихъ встрѣтили, не испугали ихъ. Тутъ дѣло шло о томъ, чтобы предотвратить междоусобную войну и сдѣлать послѣднюю попытку примиренія для блага государства. Но плебеи не хотятъ и слушать кого бы то ни было изъ уполномоченныхъ, не хотятъ ничего знать о предложеніяхъ патриціевъ; упорство усиливалось, опаснѣе чѣмъ когда нибудь было теперешнее положеніе плебеевъ. Наконецъ Менению Агриппѣ удалось склонить плебеевъ къ тому, чтобы они выслушали его. Онъ говорилъ: «Послушайте, что я вамъ разскажу. Однажды всѣ члены тѣла возстали противъ желудка и не хотѣли больше терпѣть, чтобы послѣдній оставался въ постоянномъ покоѣ и только наслаждался тѣмъ, что пріобрѣтено ихъ трудами. Они отказались служить ему,

оставили дѣло и предались покою. Руки не хотѣли подносить пищи ко рту, губы не трогались, зубы оставались неподвижными, желудокъ опустѣлъ. Но когда ослабѣлъ желудокъ, и все тѣло вмѣстѣ съ нимъ сдѣлалось блѣднымъ и больнымъ, руки потеряли силу работать, языкъ почти не могъ говорить, ноги отказывались носить тѣло. Тогда-то члены замѣтили, что отъ желудка зависитъ сила и здоровье всего тѣла, и что они безъ желудка сами не могутъ оставаться здоровыми. Поэтому они перестали упорствовать и опять примирились съ желудкомъ».

Когда онъ высказалъ такое сопоставленіе, которое понятно было каждому, плебеи мало по малу дошли до сознанія того, что какъ патриціи не могутъ обойтись безъ нихъ, такъ и они безъ патриціевъ. Они показали готовность выслушать предложенія патриціевъ: всѣ заключенные за долги должны быть освобождены, самые долги бѣдняковъ должны быть уплачены, и пять мужей, избранныхъ изъ среды плебеевъ, пять трибуновъ получаютъ священное право заботиться о томъ, чтобы народу не было притѣсненій. На этихъ условіяхъ сошлись два сословія, и внутренній миръ былъ возстановленъ.

КОРІОЛАНЪ.

Въ войнѣ съ вольсками патрицій Гайусъ Марцій завоеваніемъ сильной крѣпости Коріоли пріобрѣлъ такую громкую славу, что ему дали за такое славное дѣло прозваніе Коріолана. Въ послѣдствіи, во время голода въ Римѣ, Коріо-

лапъ далъ сенату совѣтъ продавать плебеямъ хлѣбъ за дорогую цѣну, и только тогда понизить цѣну, когда народъ откажется отъ своихъ правъ, пріобрѣтенныхъ бунтомъ, главное отъ трибуната. Это произвело въ плебеяхъ большое раздраженіе, и народные трибуны подняли жалобы на Коріолана.

Наступилъ день, въ который слѣдовало публично обсудить эти жалобы. Каждый былъ въ большомъ волненіи, и площадь наполнилась чрезвычайнымъ множествомъ народа, который прибылъ даже изъ сосѣднихъ съ Римомъ мѣстъ. Приближалась рѣшительная минута. Трибуны раздѣлили народъ по классамъ, огородили его перилами и приказывали, чтобы подавали голоса не по центуріямъ, какъ это прежде дѣлалось, но по числу лицъ, чтобы каждый отдѣльно подавалъ голосъ. Съ неудовольствіемъ услышали объ этомъ патриціи, которыхъ было меньше чѣмъ плебеевъ, и которыхъ значеніе поэтому должно было исчезнуть. Поэтому сенатъ хотѣлъ уничтожить такія нововведенія трибуновъ и разсуждалъ такъ, что дѣло Коріолана подлежитъ суду сената.

Когда все приготовлено было, начались разсужденія. Одинъ изъ консуловъ появился на ораторскомъ мѣстѣ. Въ рядахъ стоящей вокругъ его толпы была мертвая тишина. Ораторъ начинаетъ говорить, онъ сильный приверженецъ обвиняемаго. Онъ разсказываетъ объ его заслугахъ отечеству,—неужели народъ не будетъ снисходителенъ къ такому мужу за немногія слова, вырвавшіяся изъ груди въ порывѣ увлеченія? Весь сенатъ проситъ за Коріолана; и если ужъ трибуны хотятъ обвинить его, такъ пусть они остановятся на своемъ первомъ обвиненіи Коріолана въ томъ, что онъ стремился къ верховной власти.

Когда консулъ оставилъ свое мѣсто и появился въ рядахъ народа, глухой ропотъ раздавался вокругъ него. Не легко было потушить непріязнь плебеевъ. Ихъ ораторъ Сициніусъ выступилъ на сцену и направлялъ умы не въ пользу обвиняемаго. Неужели въ угодность сенату должно быть нарушено

право и виновный долженъ остаться не наказаннымъ; наказанія требуютъ благо и спокойствіе государства.

Эта рѣшительная рѣчь была принята съ видимымъ знаками одобренія. Но скоро послышался шумъ, самъ обвиняемый, когда-то прославленный народомъ вождь и спаситель отечества, выступилъ на ораторское мѣсто. Его прекрасное сложеніе, его благородная осанка произвели сильное впечатлѣніе на собравшихся. Это былъ мужъ, котораго не задолго предъ симъ наградили почестями какъ лучшаго изъ гражданъ! Теперь онъ долженъ подобно преступнику отвѣчать на тяжкія обвиненія. Онъ возвысилъ голосъ и краснорѣчиво говорилъ о своихъ военныхъ дѣлахъ. Громкія восклицанія раздались среди толпы; тѣ, которымъ онъ спасъ жизнь, посылали ему свой привѣтъ. Онъ исчислилъ битвы, въ которыхъ участвовалъ, и различныя должности, которыя проходилъ; онъ показывалъ короны и вѣнки, полученные имъ отъ вождей въ награду за его заслуги; онъ обнажилъ предъ всѣми безчисленные рубцы отъ ранъ, которыя онъ получилъ, сражаясь за отечество; онъ вспоминалъ о стѣнахъ и валахъ, на которыя онъ вступилъ первымъ, о гражданахъ, съ которыми онъ стоялъ рядомъ въ битвахъ. Онъ призывалъ по имени настоящихъ и бывшихъ своихъ товарищей по оружію, чтобы они подтвердили истину его словъ.

Произошло большое смятеніе. Сотни тѣснились къ Коріолану, чтобы быть свидѣтелями дѣлъ его.

«Пощадите его, кричали одни, мы хочемъ искупить того, кто готовъ былъ жизнью жертвовать за насъ, нашихъ женъ и дѣтей.»

«Онъ заслуживаетъ тріумфа, кричали другіе; этотъ судъ одинъ срамъ для Рима!» Волненіе въ толпѣ увеличивалось, благосклонные клики слышались все чаще, народъ близокъ былъ къ тому, чтобы рѣшительно высказаться въ пользу Коріолана. Тогда на ораторскую трибуну выступилъ народный трибунъ Деціусъ, мужъ сильный словомъ и заклятый врагъ

патриціевъ. «Что касается той рѣчи, сказалъ онъ, которую Коріоланъ говорилъ въ сенатѣ, мы можемъ предоставить сенату наказать или не наказывать за нее. Но есть другія обвиненія, которыя болѣе важны и въ которыхъ онъ долженъ оправдаться. Мы имѣемъ древній законъ, по которому вся добыча, отнятая у непріятелей, должна принадлежать государству и быть передана въ государственную казну, полководецъ не можетъ ничего изъ нея присвоивать себѣ. Этотъ законъ, который наши предки свято соблюдали, былъ нарушенъ этимъ человѣкомъ, Коріоланомъ. Незадолго предъ симъ, онъ ходилъ въ область Анціевъ, и хотя получилъ тамъ богатую добычу, много рабовъ, скота и жизненныхъ припасовъ, но государство отъ того не сдѣлалось богаче. Побѣдитель раздѣлилъ добычу между своими друзьями и сподвижниками, — между людьми, которыхъ онъ желалъ обогатить вѣроятно съ тою цѣлію, чтобы тѣмъ вѣрнѣе дѣйствовать потомъ на нашу гибель. Всѣ тираны стараются найти себѣ приверженцевъ въ ничтожныхъ людяхъ, которые, ставя ни во что общее благо, думаютъ только о томъ, какъ бы обогатиться. Вотъ на чемъ мы основываемъ наши обвиненія ; пусть онъ оправдывается, если можетъ; пусть представитъ въ доказательство не суетную похвальбу своими рубцами, но факты, которые бы убѣдили насъ въ его невинности.

Такого обвиненія не ожидали ни Коріоланъ, ни его друзья; оно совершенно смутило ихъ. Дѣйствительно, Коріоланъ дѣлалъ вторженіе въ область враговъ, которые безпокоили Римъ, появляясь часто подъ его стѣнами; когда народъ отказывался становиться въ ряды войска, онъ дозволилъ разграбить лагерь враговъ. Онъ не внесъ добычи въ казну потому, что она была слѣдствіемъ частнаго предпріятія, — значитъ вполнѣ законно принадлежала ему. Но въ моментъ, когда взнесли на него это обвиненіе, Коріоланъ былъ въ такомъ смущеніи, что не могъ отвѣчать. Рѣшеніе недолго оставалось сомнительнымъ. Возбужденный народъ

принялъ молчаніе его за признаніе его виновности. Какъ измѣнчива благосклонность толпы! Около человѣка, которому только что кончились овацiи, собирается кружокъ его друзей, которые уже предугадываютъ судьбу Коріолана. Плебеи громко требуютъ собиранія голосовъ. Трибуны обходятъ народъ и собираютъ голоса, потомъ считаютъ ихъ; приговоръ большинства слѣдующій: изгнаніе Коріолана на всю жизнь.

* * *

Недалеко отъ Рима Вольски разбили свой лагерь, поля плебеевъ вытоптаны конями и черны отъ пепла сожженнаго врагомъ зерна. Вольски безпощадно опустошали плодоносныя поля. Тамъ, гдѣ недавно зрѣлые колосья склоняли свои головки подъ нѣжнымъ вѣяніемъ вѣтра, тамъ теперь господствовала страшная суматоха. Непріятельскіе воины ожидали сигнала, чтобы идти на Римъ.

Среди далеко раскинувшагося лагеря стоялъ шатеръ полководца, болѣе красивый, чѣмъ остальные шатры. Этотъ полководецъ былъ римлянинъ, сынъ того города, который теперь онъ окружилъ непріятельскою силою и поклялся разрушить. Когда-то онъ былъ совершенно инымъ человѣкомъ; когда-то въ его груди билось сердце, готовое жертвовать жизнью для блага и славы Рима, и мечъ его былъ обращенъ не противъ отечественнаго города, но противъ города тѣхъ, чьими войсками онъ теперь предводительствовалъ.

Коріоланъ нашолъ гостепріимный пріютъ въ Анціумѣ у князя народа Туллія; онъ предложилъ здѣсь войну противъ Рима и такъ искусно велъ ее, что вольски могли оставить свои города безъ гарнизоновъ и всѣ слѣдовали за его знаменами.

Коріоланъ сидѣлъ въ палаткѣ, поникнувъ головою на руку, страшно озираясь около себя, и придумывалъ какимъ бы способомъ какъ можно больше унизить плебеевъ и отмстить

за себя родному городу. Тогда доложили ему, что прибыло посольство отъ римскаго сената. Онъ приказалъ представить себѣ пословъ. Мужи вошли молча. Коріоланъ окинулъ ихъ презрительнымъ взглядомъ. Онъ выслушалъ ихъ мирныя предложенія,—именно: приговоръ объ его изгнаніи уничтожается, отнятое у него право римскаго гражданина опять возвращается ему. Задумался на нѣкоторое время, Коріоланъ, но потомъ далъ отрицательный отвѣтъ и назначилъ римлянамъ трехдневный срокъ, послѣ котораго они должны или сдать городъ или приготовиться къ штурму.

Еще разъ попытались преклонить его на милость. Процессія жрецовъ и авгуровъ въ праздничныхъ одеждахъ двинулась къ лагерю вольсковъ; впереди ея несли священные сосуды храмовъ. Почтительно разступаются враги предъ величавымъ посольствомъ, которое наконецъ достигаетъ палатки вождя. Тутъ въ другой разъ послѣдовали мирныя предложенія раздраженному римлянину, однако напрасно, онъ былъ неумолимъ и отослалъ жрецовъ домой.

Эта непреклонность Коріолана произвела большое смятеніе въ Римѣ. Между патриціями и плебеями съ давняго времени была ссора и раздраженіе; послѣдніе какъ и прежде отказывались становиться въ ряды войска. Городъ былъ беззащитенъ; первое дружное нападеніе вольсковъ грозило городу паденіемъ. Сенатъ не зналъ средства отвратить угрожающее бѣдствіе, равно какъ и народные трибуны; тѣ, которые работали на погибель Коріолана, теперь страшились его мщенія. Храмы были наполнены старцами, женами и дѣтьми, которые возсылали предъ алтарями боговъ горячія мольбы. Всюду господствовали несогласіе, страхъ и смятеніе, всюду слышались плачъ и вздохи. Въ этой общей нуждѣ многія знатныя римлянки, съ знатною матроною, Валеріею, во главѣ, отправились къ матери Коріолана, Ветуріи. Въ глубокой печали отъ упорства своего сына, въ соболѣзнованіи о судьбѣ Рима, она сидѣла одна въ комнатѣ,

размышляя о грядущемъ, которое было для нея такъ мрачно. Вотъ входятъ женщины и просятъ ее принести одну жертву городу и сдѣлать послѣднюю попытку склонить на милость чорствое сердце сына. Молча слушала Ветурія просьбу. Что дѣлать? А если и ея мольбы будутъ отвергнуты, что тогда? Наконецъ она встала и рѣшилась идти къ сыну.

Наступалъ вечеръ, когда ворота Рима отворились и длинная процессія женщинъ протянулась чрезъ нихъ, для того, чтобы отправиться въ лагерь враговъ. Здѣсь господствовало удивленіе и изумленіе предъ столь необычайнымъ дѣломъ, такъ еще нигдѣ не поступали женщины!—Ветурія входитъ въ шатеръ, въ сопровожденіи жены Коріолана Волумніи и его дѣтей. Кто опишетъ взгляды, которыми здѣсь обмѣнялись мать съ сыномъ! Въ сильныхъ, потрясающихъ словахъ Ветурія представляетъ сыну, какое несчастіе онъ причинитъ своей родинѣ, если будетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи; она говорила объ ужасахъ кровопролитія, которые падутъ на его голову, и наконецъ упала къ ногамъ жестокосердаго, умоляя его, съ раздирающими душу воплями, смягчить свое сердце. Жена и дѣти обняли его колѣна и присоединили свои мольбы къ мольбамъ матери.

Но мрачно, неподвижно смотрѣлъ Коріоланъ на плачущихъ, его глаза сверкали искрами гнѣва, грудь его колебалась. Жажда мщенія такъ глубоко пустила корни въ его сердцѣ, что онъ затворилъ свои уши даже къ этимъ мольбамъ, къ этому жалобному воплю.

Тогда поднялась мать; принявъ важную осанку, она подходитъ къ упорному мужу и говоритъ: «Горе тебѣ! Ужели я буду матерью измѣнника отечеству!»

Этихъ словъ было слишкомъ довольно для сына; онъ бросился въ объятія раздражонной и воскликнулъ: «о мать моя, ты спасла Римъ, но погубила своего сына!»

ЭТРУСКИ И КЕЛЬТЫ.

Въ мѣстахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Пада (По), съ древнѣйшихъ временъ жилъ этрускій народъ, малорослые, но коренастые люди съ большою головою и толстыми руками, во всемъ отличные отъ римлянъ, и во внѣшнемъ тѣлосложеніи и въ духовныхъ способностяхъ. Послѣ того, какъ они спустились чрезъ Аппенины въ области средней Италіи, Тиберъ сдѣлался границею Этруріи со стороны Умбріи и Лаціума; въ поводахъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ между этрусками и римлянами не было недостатка.

Во время изгнанія изъ Рима царей могущество этрусковъ достигло высшей степени. Въ союзѣ съ дружественнымъ имъ народомъ, кароагенянами, они безъ соперниковъ господствовали на тирренскомъ морѣ; островъ Корсика былъ въ ихъ рукахъ, равно какъ гавани Кампаніи, лежащей къ югу отъ Лаціума, и пограничной Лаціуму страны вольсковъ. Тусскіе корабли господствовали также на адріатическомъ морѣ, даже на восточныхъ моряхъ были страшны ихъ каперы. Значитъ для Рима было довольно причинъ зорко слѣдить за этими сильными сосѣдями, при удобномъ случаѣ нападать на нихъ, и, гдѣ возможно, побѣждать. Съ другой стороны и этрускамъ для полнаго зданія своего могущества недоставало одного—Лаціума съ его главнымъ городомъ.

Тарквиній, изгнанный царь римскій, нашолъ пріемъ и дружбу въ Клузіумѣ, при дворѣ этрускаго царя Порсены. Онъ воспользовался безпорядками, происшедшими въ Римѣ вслѣдствіе перемѣны правленія и имѣвшими слѣдствіемъ временное ослабленіе государства, для вторженія въ Лаціумъ.

Тусское войско двинулось къ югу и дошло до Тибра. Здѣсь оно завоевало при первомъ нападеніи римскій бульверкъ на яникульской горѣ; и когда между тѣмъ римское войско переправилось чрезъ Тибръ и ударило на тусковъ, которые стояли между горою и рѣкою, то было отбито. Хотя отступающимъ римлянамъ и удалось разломать за собою мостъ, все таки они не могли спасти города; побѣдоносно устремился Порсена на Римъ, и принудилъ римлянъ оставить свои владѣнія на правомъ берегу, а вмѣстѣ съ тѣмъ отнялъ у нихъ и исключительное господство надъ рѣкою. Побѣжденные должны были дать позорное обѣщаніе впередъ употреблять желѣзо только для плуга. Такъ казалось господство Этруріи въ Италіи обезпеченнымъ надолго.

Но счастіе оружія измѣнчиво; нѣтъ непостояннѣе успѣховъ оружія. У стѣнъ города Ариціи Порсена нашолъ предѣлъ своего побѣдоноснаго поприща. Кимейцы вовремя подоспѣли на помощь и спасли городъ. Лишь на короткое время Лаціумъ достался тусскамъ, скоро они должны были удалиться отсюда и ограничиться своею областью. Римъ мало по малу снова возвратилъ мѣста на правомъ берегу Тибра, страхъ предъ этрускимъ могуществомъ прошелъ, а тутъ подоспѣло еще новое событіе, окончательно уничтожившее тусскую силу.

* * *

Изъ общей отчизны, съ востока, пришли въ Европу кельты, принадлежащіе къ тому же племени, отъ котораго произошли греческій, италійскій и германскій народы. Здѣсь уже въ древнѣйшую эпоху они прошли до западной границы Европы, утвердили въ нынѣшней Франціи главное мѣсто своего жительства, а отсюда переселялись на британскій

островъ. На югѣ они переправились чрезъ Пиренеи, и боролись съ иберійскими народами за владѣніе Испаніею.

Это былъ народъ другаго склада, чѣмъ греки и римляне, высокорослый, съ косматыми волосами и длинными усами. Они носили пестрыя узорчатыя одежды и широкое золотое кольцо на шеѣ, ходили безъ шлема и не имѣли никакого метательнаго оружія; огромный щитъ, длинный, плохой стали мечъ, кинжалъ и копье были ихъ оружіемъ. Сражались они обыкновенно пѣшіе, лишь небольшіе отряды были на лошадяхъ; военныя колесницы были у нихъ въ употребленіи. Особенно они любили единоборство. Для этого они выходили изъ рядовъ предъ началомъ битвы и вызывали кого нибудь на бой. Они забавлялись такимъ боемъ и въ мирное время, при чемъ часто оба выходившіе на бой прощались съ жизнью. Земледѣліемъ они занимались неохотно, гораздо больше любили кочевую, пастушескую жизнь, такъ какъ съ нею лучше соединялась бродячая, хищническая жизнь солдата, которая имъ была по душѣ.

Въ то время, какъ этруски потеряли свое владычество на морѣ и ограничены были предѣлами собственно материковыхъ владѣній, снова пришли въ движеніе кельты, все больше и больше скоплявшіеся на западѣ Европы. Изъ осѣвшихся въ Галліи ордъ образовались двѣ шайки, надъ которыми начальствовалъ царь Амбіатусъ. Одна шайка, подъ предводительствомъ царскаго племянника Сиговеза, потянулась чрезъ Рейнъ и Шварцвальдъ. Другая, подъ предводительствомъ другаго племянника царя, Беловеза, чрезъ грайскія Альпы (малый сенъ-Бернардъ) спустилась въ долину По. Первая основала поселенія по среднему Дунаю, вторая въ Ломбардіи. Третья шайка, скоро послѣдовавшая за двумя первыми, завладѣла землею цеманновъ, съ городами Брешіею и Вероною.

Съ тѣтъ поръ, какъ однажды эти орды пришли въ движеніе, ихъ походы повторялись, и покрытыя снѣгомъ Альпы

не представляли препятствій ихъ переселеніямъ. Смѣло переходили они горы, увлекали за собою племена, чрезъ земли которыхъ проходили, или гнали ихъ предъ собою впередъ. Никакое сопротивленіе не задерживало ихъ, трудно было противостоять ихъ множеству.

Такъ вторгнулись они въ Этрурію, скоро весь лѣвый берегъ По былъ наводненъ ими, богатый этрускій городъ Мельпумъ попалъ въ ихъ руки. Нѣкоторое время они здѣсь свирѣпствовали, но когда къ нимъ присоединились другіе народы ихъ племени, Бойи и Сеннопы, которые вѣроятно перешли чрезъ большой Бернардъ, тогда въ соединеніи съ новыми пришельцами они поднялись снова, перешли По и потѣснили изъ жилищъ этрусковъ и умбровъ, обитавшихъ на правомъ берегу рѣки. Бойи поселились въ нынѣшней Романьи, главнымъ городомъ ихъ былъ прежній городъ этрусковъ Фельсина; сеннопы поселились у берега отъ Римини до Анконы.

* *
*

Около того времени, какъ кельты съ сѣвера напали на Этрурію, униженный Порсеною Римъ снова собрался съ силами и въ первый разъ взялся за оружіе, чтобы покорить чужой народъ. Пограничныя схватки и хищническіе набѣги въ этрускую область, лежащую къ сѣверу отъ Тибра, произвели войну, которая скоро сдѣлалась важнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя Римъ велъ до сихъ поръ. Городъ Фидены былъ завоеванъ и занятъ римскимъ гарнизономъ. Но фиденцы, растерявшіеся и испуганные въ началѣ, потомъ поднялись противъ римлянъ. Они изгнали римскихъ солдатъ, умертвили римскихъ пословъ и объявили себя подданными Толумнія, царя тусской Вейи. Тогда возгорѣлась обширная война: римскій консулъ Корнеліусъ Коссъ повелъ свое войско противъ этрусковъ, произошла битва, въ которой Толумніусъ

палъ, послѣ чего Фидены были взяты. Когда войска той и другой стороны значительно ослабѣли, заключено было перемиріе.

Когда срокъ онаго прошелъ, снова началась война. Римляне съ помощію латиновъ и герниковъ приступили къ осадѣ хорошо укрѣпленной Вейи. Но это было не легкое дѣло пробить хорошо защищенныя стѣны; только послѣ чрезвычайныхъ усилій удалось взять городъ настойчивому и талантливому полководцу Марку Фурію Камиллу. Вейя была опустошена, обречена на вѣчное запустѣніе, а въ память этой побѣды учреждены были праздничныя игры.

Но какъ кратковременна была радость для Рима! На сѣверѣ Этруріи кельты успѣли уже прочно осѣсться, они осаждали Клузіумъ, въ то время, когда Вейя была взята римлянами. Теперь побѣжденные этруски просили у римлянъ помощи противъ чужаго народа. Римляне отправили посольство, въ кельтскій лагерь, посольство высокомѣрно запрещало кельтамъ дальнѣйшія завоеванія. Но кельты не обращали вниманія на это требованіе, они привыкли не принимать повелѣнія, но давать ихъ. Впрочемъ они приняли почетно римскихъ пословъ. Когда же послѣдніе спросили предводителя кельтовъ, Бренна, по какому праву онъ воюетъ чужую землю, онъ отвѣчалъ: «Мы носимъ право на концѣ меча, смѣлому принадлежитъ міръ!» Скоро представился случай оправдать эти слова на дѣлѣ.

Въ одной схваткѣ, случившейся во время пребыванія римскихъ пословъ въ лагерѣ кельтовъ, римлянинъ сбилъ съ лошади благороднаго кельта. Оскорбленный этимъ Бренъ требовалъ удовлетворенія. Римляне отвергли такое требованіе, и кельтскій полководецъ двинулся съ войскомъ къ Тибру; Бренъ (то есть военный царь) съ 170,000 войска явился на границѣ Лаціума.

Будетъ ли Римъ защищаться? Знаютъ ли римляне о силѣ и мужествѣ враговъ? Хищническія орды въ своей дерзкой

Библіотека

запосчивости отваживаются напасть на побѣдителей Этруріи, но это имъ не дешево обойдется,—такъ думаютъ римляне. Римское войско выступило на берега Аліи, но оно исполнено было такого высокаго мнѣнія о своемъ превосходствѣ надъ варварами, что не постаралось разбить лагеря и принять какую нибудь предосторожность на случай отступленія. Камилла не было больше во главѣ войска, недоставало умнаго, сильнаго предводителя; шесть трибуновъ предводительствовали 40000 воиновъ, которые не считали нужнымъ жертвами просить милости боговъ. Такъ приблизилось 16 іюля 389 г. рѣшительный день.

Не долго войска праздно стояли другъ противъ друга. Заиграли въ трубы, заблестѣли оружія, мужи со щитами идутъ другъ на друга. Кровь текла ручьями, скоро рѣшенъ былъ исходъ битвы. Римляне отступали, преслѣдуемые напирающими на нихъ кельтами; отступленіе скоро превратилось въ дикое бѣгство. Бѣгущее войско не успѣло даже чрезъ Тиберъ пробраться домой въ Римъ. Оно поспѣшило въ Вейи и оставило главный городъ въ жертву врагамъ.

БРЕННЪ ВЪ РИМѢ.

Главный городъ Лаціума, еще недавно столь многолюдный, былъ опустошенъ, сломлена сила гордаго, широковластительнаго Рима. Жители зарыли свои клейноды и выбыли изъ Рима; они искали и нашли себѣ убѣжище въ маленькихъ сосѣднихъ городахъ. Домы ихъ стояли запустѣлыми, двери открытыми. Все было потеряно, кромѣ замка, который за-

нять былъ небольшимъ отрядомъ мужественныхъ гражданъ и достаточно снабженъ жизненными продуктами. Если городъ и въ развалинахъ, все таки Капитолій держится!

Смеркается, и заходящее солнце изливаетъ свой блѣднѣющій свѣтъ на опустѣлыя улицы. Такъ меркнетъ блескъ когда-то непобѣдимаго города предъ оружіемъ варваровъ!

Враги толпами приближаются къ воротамъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ воротъ они останавливаются, строятся и сомкнутыми рядами подвигаются дальше, чтобы вѣрнѣе преодолѣть сопротивленіе, которое имъ встрѣтится. Но не видно стрѣлъ летящихъ со стѣнъ города, ни одно копье не выглядываетъ изъ за городскихъ воротъ. Онѣ отворены, и какъ будто призываютъ чужеземцевъ войти въ городъ.

Осторожно пробираются кельты къ опустѣлымъ домамъ. Ихъ удивляетъ эта тишина, эта пустота; они боятся засады. Часто они останавливаются, предпосланные глядатаи возвращаются опять въ свои ряды, труба гремитъ по улицамъ и отдается эхомъ отъ стѣнъ домовъ. И все таки ничто не прерываетъ тишины, никто не показывается.

Такъ они достигли форума, на который уже падали первыя сумерочныя тѣни. Здѣсь стоятъ рядами курульскія кресла, какъ будто бы среди народнаго собранія главы государства и теперь однимъ словомъ рѣшали войну и миръ, рѣшали судьбу тысячъ. И кресла не пусты. Какъ? Не произносятъ ли теперь сенаторы свое послѣднее рѣшеніе.

Восемьдесятъ почтенныхъ старцевъ, которые когда то занимали высшія государственныя должности, одѣтые въ свои парадныя одежды съ многими складками, занимаютъ мѣста въ креслахъ. Безчестно бѣжать они не умѣли. Если и цѣлое войско разбито варварами, все таки враги не могутъ похвалиться, что не видали храбраго римлянина. Неподвижно, подобно статуямъ, сидятъ они тамъ, опершись на свои посохи изъ слоновой кости, знаки ихъ достоинства.

Кажется, словно въ груди ихъ нѣтъ и дыханія, ихъ рѣсницы не моргаютъ, ихъ губы не раскрываются.

Въ удивленіи тихо стоятъ кельты предъ такою рѣдкою картиною. Они не знаютъ, живые это или мертвое, люди ли изъ плоти и костей или каменныя статуи. Сначала никто не рѣшается приблизиться къ нимъ, тѣмъ болѣе коснуться ихъ. Наконецъ одинъ изъ галловъ собирается съ духомъ. Осторожно онъ подкрадывается къ одному креслу и дотрогивается до бѣлой волнистой бороды старца, жреца Паппія. Тотчасъ старикъ поднимаетъ свою слоновой кости палку и ударяетъ ею кельта по головѣ, такъ что палка разсыпается въ куски. Галлъ очнулся и вонзилъ мечъ жрецу въ грудь. Этимъ рѣшена была и судьба остальныхъ. Всѣ старцы беззащитные пали подъ ударами варваровъ.

Теперь были зажжены пожарные факелы и скоро городъ загорѣлся со всѣхъ сторонъ. Пламя такъ сильно бушевало, что остались въ цѣлости только немногіе дома на Палатинѣ. Не имѣя возможности воспрепятствовать истребленію города пожаромъ, римскій гарнизонъ смотрѣлъ съ высотъ Капитолія на пламя, которое уничтожало святилища римлянъ и ихъ жилища. Римъ обратился въ кучу мусора, на развалинахъ его кельты разбили свой лагерь, чтобы начать осаду Капитолія.

* * *

Камиллъ, завоеватель Вейи, жилъ изгнанникомъ въ Ардеѣ. Его заносчивость послѣ одной побѣды имѣла слѣдствіемъ такое наказаніе. Теперь, когда Римъ былъ кучей мусора, а римское войско разсѣялось, вокругъ него собрались остатки войска, когда-то непобѣдимаго подъ его предводительствомъ; на него смотрѣли воины, какъ на единственнаго спасителя. Онъ былъ готовъ снова принять главное начальство, но только тогда, когда сенатъ разрѣшитъ ему это. Но сенатъ

находился въ Капитоліи, выдерживавшемъ осаду уже семь мѣсяцевъ.

Одинъ смѣлый римлянинъ, Публіусъ Коминій, рѣшился на отважное дѣло. Въ темную ночь онъ пробрался никѣмъ неузнанный чрезъ непріятельскіе форпосты, достигъ Тибра, бросился въ него, поплылъ внизъ по теченію и вскарабкался на капитолійскую гору. Тамъ онъ сообщилъ сенаторамъ цѣль своего прибытія, получилъ нужное ему полномочіе, съ которымъ тѣмъ же путемъ и такъ же счастливо возвратился въ Ардею. Теперь дѣятельно шли приготовленія освободить подъ начальствомъ Камилла Капитолій отъ осады.

Снова простерлась темная ночь надъ станомъ враговъ. Но враги не спали, они стояли подъ оружіемъ, готовые къ выступленію; они ожидали только повелѣній отъ своихъ вождей. Послѣдніе составили планъ напасть врасплохъ на крѣпость. Съ всевозможною тишиною отряды двинулись къ крѣпости, впереди ихъ несли осадныя лѣстницы. Когда прибыли къ подошвѣ Капитолія, сдѣлали попытку взобраться на гору. Попытка удалась, но всходъ былъ такъ узокъ, что только по одиночкѣ можно было взбираться наверхъ. Такъ и полезли галлы другъ за другомъ.

Уже передовой галлъ приближался къ верхнему брустверу. Онъ пролезаетъ туда и слушаетъ; не слышно ни одного звука,—ни шаги взадъ и впередъ расхаживающей стражи, ни призывъ къ отбою, ничто не нарушало тишины. Стража спала, она считала себя безопасною на холмѣ; даже собаки, эти вѣрные сторожа, и онѣ спали. Кельты пробираются дальше; передовой всходитъ на стѣну, его панцырь звенитъ, его броня стучитъ: тогда посвященные Юнонѣ гуси поднимаютъ громкій гоготъ. Сенаторъ Манлій пробуждается, тотчасъ узнаетъ опасность и будитъ своихъ товарищей. Съ ними онъ спѣшитъ къ угрожаемому пункту, и появляется еще во-время для того, чтобы сбить передняго

кельта, который въ паденіи сбиваетъ и другихъ внизъ. Чуткость священныхъ гусей спасла Капитолій.

* * *

Скоро явился другой врагъ, голодъ; жизненные припасы истощились, новыхъ взять было неоткуда. А ожидаемая помощь не являлась. Воины глядѣли изъ замка вдаль, ожидая спасителей. Но гдѣжь Камиллъ? Чтобы за причина была его замедленія? День за днемъ проходилъ въ тщетномъ ожиданіи, ни откуда не являлось помощи. А голодъ уже началъ все сильнѣе и сильнѣе мучить беззащитныхъ мужей.

Тогда самъ Бренъ подалъ руку мира. Онъ соглашался снять осаду за выкупъ въ тысячу фунтовъ золота. Въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ римляне согласились на позорное для нихъ предложеніе Бренна. Золота было довольно. На форумѣ, гдѣ собирались только свободные мужи, поставлены были вѣсы, и римляне отвѣшивали непріятелю, овладѣвшему ихъ городомъ, дань, которою они выкупались отъ рабства. Это былъ видъ раздирающій душу. Бренъ презрительно смотрѣлъ на поднимавшіяся и опускавшіяся чаши. Онѣ долго колебались, какъ будто стараясь отдѣлаться отъ позорной дани. Все еще мало золота; чаша, на которой лежатъ гири, опустилась на землю, другая поднялась вверхъ. Еще насыпаютъ римляне груду золота. Теперь чаша съ золотомъ опустилась, но не надолго,—опять она поднялась и висѣла: все еще мало золота! Взоры Бренна останавливаются на нетронутыхъ еще запасахъ. Въ третій разъ римляне прибавляютъ кучу золота. Чаши качаются, то одна, то другая поднимается и опускается; наконецъ обѣ приходятъ въ равновѣсіе. На одной высотѣ остановились чаши, вѣсъ конченъ, здѣсь столько же золота, сколько тамъ желѣза. Постыдный миръ стоитъ тысячу фунтовъ.

Вотъ уже хотятъ снимать золото съ вѣсовъ и ссыпать

его въ мѣшки враговъ, какъ вдругъ Бренно приказываетъ подождать. Еще онъ властитель, у ногъ котораго лежитъ порабощенный Римъ, — мужи повинуются его приказанію. Съ глазами, неподвижно остановившимися на грудахъ еще оставшагося у римлянъ золота, съ презрѣніемъ на лицѣ, кельтскій вождь схватываетъ мечъ, бросаетъ на чашу, въ которой лежатъ желѣзныя гири, и говоритъ: «Горе побѣжденнымъ!» Со стономъ чаша опустилась къ землѣ, другая наполненная золотомъ полетѣла вверхъ. Слово было очень понятно, и ктобы рѣшился явиться непонимающимъ! Медленно римляне нагружаютъ на вѣсы остатокъ золота, горько не разставанье съ золотомъ, горька нужда отдавать его такъ, какъ это случилось. Слезы печали текутъ по опущеннымъ бородою щекамъ; они отворачиваютъ взоры, исполняя невольное, рабское дѣло.

Вдругъ послышались военныя трубы. Ужь не сигналъ ли это кельтамъ подниматься и очищать городъ? Бренно вздрогнулъ. Кто же приказалъ бить выступленіе? Онъ прислушивается. Еще разъ прозвучала труба низкимъ протяжнымъ тономъ, потомъ она задребезжала короткими отрывистыми звуками. Это не галловъ тубы. Это твой боевой сигналъ, о свободный Римъ! Это твой вождь созываетъ граждань на бой, чтобы защитить твою свободу ихъ жизнью!

Камиллъ стоитъ предъ воротами Рима!» Эта радостная вѣсть пролетаетъ по городу. Въ то время, какъ вѣсть достигаетъ форума, здѣсь является и спаситель отечества. Важною поступью онъ проходитъ около кельтскихъ вождей. Довольно одного взгляда, чтобы понять, что здѣсь происходитъ — Бренновъ мечъ на одной чашѣ, римское золото на другой: не выноситъ глазъ такого вида. Онъ опрокидываетъ вѣсы, золото катится по песку, мечъ Бренна разбивается въ куски. Потомъ онъ даетъ знакъ римлянамъ собрать золото, а Бренну говоритъ сильно и смѣло; «Римляне покупаютъ миръ не золотомъ, а желѣзомъ!»

На развалинахъ опустошеннаго города онъ разбиваетъ кельтовъ; многіе изъ нихъ потеряли жизнь, другіе спаслись бѣгствомъ.

ПИРРЪ.

Пирръ былъ сынъ эпирскаго царя Эацида. Онъ возросъ не при роскошномъ дворѣ, но въ лагерѣ, въ военномъ шумѣ и боевыхъ тревогахъ. Между солдатами онъ самъ сдѣлался солдатомъ, смѣлъ былъ его взглядъ, твердо и сильно онъ выступалъ, гордо держалъ голову, эпироты называли его «орломъ». Его прямой, открытый умъ, его незапятнанный нравственно характеръ привлекали къ нему сочувствіе тѣхъ, съ кѣмъ онъ вступалъ въ сношенія. Онъ владѣлъ отличнымъ военнымъ талантомъ, а по личной храбрости этотъ мужественно-прекрасный юноша не уступалъ никому.

Но не пришлось ему мирно управлять наслѣдованнымъ отъ отца царствомъ. Изгнанный изъ Эпира, онъ провелъ свою молодость въ штабѣ Антигона, полководца Александра В. Въ битвѣ при Ипсѣ (301 г. до Р. Х.), въ которой Антигонъ палъ и войско его было разбито, Пирръ попалъ въ плѣнъ къ египтянамъ. Въ качествѣ заложника онъ былъ отправленъ ко двору лагидовъ, гдѣ своимъ мужественнымъ, открытымъ поведеніемъ до того привлекъ къ себѣ царя Птоломея, что онъ отдалъ за Пирра свою дочь Антигону и обѣщалъ дѣятельно помочь ему въ возвращеніи отцовскаго наслѣдства.

Когда онъ возвратился въ Эпиръ, все шло для него удачно,

эпироты приставали къ царственному юношѣ, какъ къ прирожденному государю со всѣмъ одушевленіемъ. Но ему мало было своего небольшаго царства. Онъ началъ распространять его счастливыми войнами, потомъ принялъ предложенную ему македонянами власть надъ Македоніею. Впрочемъ онъ былъ царемъ у нихъ только семь мѣсяцевъ, потомъ возвратился домой, впрочемъ не потому, чтобы думалъ ограничиться однимъ Эпиромъ, но потому что его замыслы далеко ширились, потому что славолюбіе увлекало героя.

Цѣль жаждущаго дѣятельности царя была на западѣ. Онъ думалъ о неудавшихся широкихъ планахъ Филиппа македонскаго, о скоро минувшихъ завоеваніяхъ Александра: востокъ не далъ ни тому, ни другому продолжительнаго господства въ награду за большіе труды. За то казалось на западѣ успѣхъ будетъ вѣрнѣе, тутъ можно сорвать свѣжіе лавры въ борьбѣ съ разцвѣтающимъ Римомъ. Моментъ былъ благопріятный.

Тѣснимые Римомъ луканцы приглашали сѣверно и южноиталійскія населенія къ борьбѣ съ Римомъ. На этотъ призывъ откликнулись на сѣверѣ этруски, умбры и галлы, на югѣ самниты, луканы и бреттіи. Одинъ Тарентъ медлилъ присоединеніемъ къ союзу. Но когда Римъ побѣдоносно вышелъ изъ войны, долго сдерживаемая ненависть къ Риму высказалась. Тарентинцы несправедливо напали на часть римскаго военнаго флота, а римскій гарнизонъ въ городѣ Туріи подвергся оскорбленіямъ. Римскій сенатъ, не объявляя войны, предложилъ мирныя условія. Но послы его были осмѣяны тарентинцами, предложенія сената отвергнуты, и что особенно оскорбило римлянъ,—тарентинцы просили помощи у Пирра, который съ удовольствіемъ рѣшился подать помощь.

* *
*

Какъ все перемѣнилось въ Тарентѣ, когда появился въ немъ Пирръ. Бойкое торговое мѣсто превратилось въ пустой гарнизонный городъ, въ которомъ замолкла всякая промышленность, замерло живое вращеніе массъ. Сначала 3,000 эпиротовъ, подъ предводительствомъ Милона, заняли крѣпость; тарентскіе граждане, занимавшіе до сихъ поръ сторожевые посты, должны были сложить оружіе и приняться за свои мирныя занятія. Когда же явился самъ царь съ остальнымъ вспомогательнымъ войскомъ, вся власть перешла въ его руки.

Погода была бурная, бушевали вѣтры, море высоко поднималось. Много эпирскихъ транспортныхъ судовъ погибло, еще не достигнувъ берега. При всемъ томъ Пирръ высадилъ 25,000 войска и двадцать слоновъ. Это была пестрая толпа, пробудившая въ тарентинцахъ больше чувство страха, чѣмъ радости: три тысячи ѳессалійскихъ всадниковъ, двадцать тысячъ пѣхоты, состоящей изъ молоссовъ, ѳеспротіевъ, хаоновъ, амбракіотовъ и другихъ народцевъ, наконецъ двѣ тысячи стрѣлковъ изъ лука. Они были размѣщены по домамъ, тутъ жилище обращено было въ казарму, тамъ нужно было уступить нѣкоторыя части дома для стражи или караула. И что было всего обременительнѣе, царь призвалъ къ оружію всѣхъ способныхъ къ тому тарентскихъ гражданъ.

Это возбудило большое неудовольствіе. Для того-то граждане и желали имѣть чужеземныхъ солдатъ, чтобы самимъ оставаться свободными отъ службы. Едва сдѣлалось извѣстнымъ это требованіе царя, какъ тамъ и сямъ жители начали собираться по улицамъ въ кружки. Они громко высказывали свое неудовольствіе на распоряженія царя. Недовольно было того, что чужеземныя войска содержались на

тарентское золото, и что граждане уже довольно стѣснили себя въ своихъ жилищахъ, чтобы доставить пріютъ эпиротамъ и ихъ соплеменникамъ,—теперь заставляютъ ихъ самихъ идти въ поле! Это казалось имъ уже не дружескою помощью союзниковъ, а скорѣе посягательствомъ на ихъ свободу. Все многочисленнѣе были ихъ сходки, все открытѣе высказывалось ихъ недовольство, они начали толковать ужь объ удаленіи иноземцевъ.

Тогда труба созвала солдатъ Пирра на площадь. Скоро они собрались. Самъ царь является на оессалійскомъ конѣ и проѣзжаетъ по рядамъ. Потомъ созываетъ онъ вождей вокругъ себя и даетъ имъ приказанія, которыхъ не могли понять стоявшіе кругомъ горожане. Тогда войска дѣлятся на части и тянутся въ разныя стороны. Не долго тарентинцы оставались въ невѣдѣніи относительно мѣръ, предпринятыхъ царемъ. Каждыя ворота города заняты сильною стражею, не велѣно ни впускать, ни выпускать никого, всѣ жители стали царскими плѣнниками въ своемъ собственномъ городѣ. Театры были закрыты, разныя мѣста собраній заняты войсками и каждому гражданину воспрещено являться сюда. По улицамъ отдаются тяжелые шаги снующихъ туда и сюда патрулей, на публичныхъ мѣстахъ и гуляньяхъ солдаты расположились на бивакъ. Жителямъ не оставалось ничего больше, какъ сидѣть въ своихъ домахъ, всякая промышленность прекратилась, всѣ дѣла остановились.

Такъ Пирръ сдѣлался хозяиномъ въ городѣ, такъ онъ заставилъ тарентинцевъ исполнять свои приказанія. Опираясь на власть надъ Тарентомъ, царь началъ свой походъ противъ Рима (280 г. до Р. Х.).

* *
*

Для вождя довольно, если непріятель разбитъ и его военныя силы ослаблены: задача государственнаго мужа вос-

пользоваться одержанными побѣдами для дальнѣйшихъ выгодъ. Царь Пирръ былъ въ полѣ герой, искусный, опытный полководецъ; но онъ не имѣлъ государственнаго ума.

Битвою при Гераклеѣ онъ нанесъ римлянамъ чувствительную потерю; они сами доводили число убитыхъ и раненыхъ до 15,000 человѣкъ. Вмѣсто того, чтобы ожидать дальнѣйшихъ результатовъ, царь рѣшился предложить миръ Риму.

Въ торжественномъ собраніи римскаго сената оессалійцемъ Кинеасомъ были представлены на обсужденіе мирныя условія Пирра. Многіе голоса говорили противъ принятія этихъ условій, другіе думали, что неразумно будетъ отвергать довольно выгодныя условія. Гнѣвъ и негодованіе отразились на лицахъ тѣхъ, которые настаивали на отверженіи предложеній царя; они говорили: «еще Римъ никогда не прибѣгалъ къ великодушію чуждаго властелина.» Склонные къ миру считали неблагоразумнымъ доходить до крайностей при такихъ обстоятельствахъ. Разсуждаютъ тутъ и тамъ, спорятъ за и противъ, и уже большинство склоняется къ тому, чтобы принять предложенія; тогда является старый Аппіусъ Клавдій, когда-то бывшій цензоромъ, въ собраніе.

Его зрѣніе погасло, его ноги разслаблены; какъ дитя его принесли въ собраніе.

Но хотя тѣломъ онъ былъ слабъ, не слабъ былъ душею,—юношески бьется сердце въ его груди, непреклоненъ его мужескій умъ. Собраніе почтительно даетъ ему мѣсто, и одушевленною рѣчью, требующею отказа на мирныя предложенія, онъ заставляетъ молчать робкихъ, склонявшихся къ миру. Его слова рѣшаютъ дѣло. Приглашаютъ посла и сообщаютъ чрезъ него такой отвѣтъ Пирру: «Римъ рѣшится на переговоры только тогда, когда царь Пирръ очиститъ Италію.»

* *
*

Пирръ нетерпѣливо ждетъ въ своемъ тарентскомъ замкѣ возвращенія своего посла. Уже онъ утомленъ походомъ, который не вполнѣ удался ему; ему недостаетъ средствъ для новаго похода. Чѣмъ настойчивѣе его требованія, тѣмъ упорнѣе становятся тарентинцы.

Мысли героя царя не гармонируютъ съ ихъ низкими удовольствіями торгашей. Они желаютъ наконецъ покоя и мира, Пирръ напротивъ стремится къ славѣ и могуществу.

Уже давно нѣтъ никакого извѣстія отъ посланнаго въ Римъ полководца, приняты ли предложенія Пирра, соглашаются ли на миръ, кто знаетъ! Безпокойство царя усиливается, онъ сознаетъ, какъ затруднительно его положеніе. Наконецъ Кинеасъ возвращается; невесело подходитъ онъ къ своему властителю. Но онъ не можетъ, не долженъ скрывать гордаго отвѣта римлянъ, онъ произноситъ этотъ отвѣтъ, и глазъ царя въ раздумьи останавливается на послѣ. Потомъ царь повернулся и положилъ руку на мечъ. Тотчасъ отдаетъ онъ приказанія. Скоро онъ снабжаетъ своихъ эпиротовъ всѣмъ, что нужно для новаго похода; это его главное войско, его храбрая гвардія. Опять онъ призываетъ къ оружію тарентинцевъ, они научились побѣждать подъ его предводительствомъ, теперь они болѣе готовы слѣдовать приказаніямъ царя. Равнымъ образомъ и другіе италійскіе народы, луканы, брутіи и самниты становятся въ ряды; такимъ образомъ составляется войско изъ 70,000 пѣхоты и 8,000 конницы.

Приготовлялся въ то же время и Римъ. Отвѣтъ сообщенный сенатомъ Пирру одушевилъ даже самыхъ малодушныхъ. Всѣ, кто могъ носить оружіе, спѣшили стать въ ряды на мѣсто павшихъ. Не жалѣли никакой жертвы, дѣло шло о томъ, чтобы защищать отечество отъ посягательствъ ино-

земцевъ. Когда Пирръ вывелъ въ поле семьдесятъ восемь тысячъ, Римъ также выставилъ не меньшее войско.

* * *

Во второй разъ произошла битва. Но и кровопролитное сраженіе при Аскулумѣ въ Апуліи (279 г. до Р. Х.) осталось нерѣшительнымъ. Правда, римляне должны были отступить, но нашли защиту въ своемъ лагерѣ. Самъ царь былъ раненъ, и хотя удержалъ поле за собою, все таки не могъ порѣшить дѣла. А средства царя въ чужой землѣ истощались. Вдругъ сиракузцы просятъ у царя помощи. Онъ съ радостію согласился на ихъ просьбу: побѣда надъ карѳагенянами будетъ для него дѣломъ новой славы. Едва онъ ступилъ въ Сицилію, какъ всѣ греческіе города пристали къ нему. Но они не желали надолго оставаться подъ его властью; владычество, основанное на восточныхъ началахъ, не нравилось народу, привыкшему къ свободѣ и самоуправленію. Сицилійскій походъ вполнѣ былъ неудаченъ для Пирра.

Смущенный царь возвратился въ Италію. Между тѣмъ римляне успѣли укрѣпить свою силу въ Италіи, умножить число своихъ союзниковъ. Съ трудомъ удалось царю достигнуть Тарента. Здѣсь уже никто не довѣрялъ его помощи, неохотно исполнялись его приказанія. Ряды ветерановъ его опустѣли, молодому войску не доставало нужной для войны выдержанности и силы, одушевленіе къ царственному вождю ослабѣло. При Беневентѣ на арузинскихъ поляхъ Пирръ былъ совершенно разбитъ (274 г. до Р. Х.), онъ потерялъ весь свой лагерь. Ему ничего не оставалось больше, какъ возвратиться въ Эпиръ. Спустя три года онъ погибъ въ одной схваткѣ въ пелопонезскомъ Аргосѣ.

Быстро и смѣло покорили теперь римляне всю Италію. Около 270 года до Р. Х. городъ достигъ первой ступени къ своему величію.

ПУНИЧЕСКІЯ ВОЙНЫ.

КАРѲАГЕНЪ.

Между всѣми финикійскими колоніями всѣхъ быстрѣе и полнѣе разцвѣли тирскія и сидонскія на южномъ берегу Испаніи и сѣверномъ Африки. Самымъ цвѣтущимъ городомъ между всѣми былъ Карѳада, новый городъ, или, какъ его называли на западѣ, Карѳедонъ или Карѳаго.

Онъ не принадлежалъ къ древнѣйшимъ поселеніямъ финикіянъ въ этой странѣ,—можетъ быть, онъ первоначально былъ подъ покровительствомъ близъ-лежащей Утики; но скоро онъ превзошолъ всѣ сосѣдственные города, благодаря своему превосходному положенію и дѣятельному духу жителей. Недалеко отъ устья Баграда, который орошаетъ богатѣйшую хлѣбомъ область сѣверной Африки, находился Карѳагенъ въ плодородной, и по наше время заставленной деревенскими домами и покрытой оливковыми и оранжевыми лѣсами, наносной мѣстности, которая нѣсколько спускается по направленію къ равнинѣ, а со стороны моря выдается носомъ, омываемымъ моремъ. Здѣсь находится лучшая гавань въ сѣверной Африкѣ, заливъ тунисскій, который имѣетъ превосходную якорную стоянку для большихъ кораблей,

а на берегу у самаго моря бьетъ превосходная ключевая вода и протекаетъ рѣчка.

Дѣятельный финикійскій народъ стремился не къ завоеваніямъ, но къ торговымъ выгодамъ, всячески избѣгая враждебныхъ столкновеній съ другими народами. До времени своей силы Карѳагенъ платилъ поземельную дань туземнымъ жителямъ за мѣсто, занимаемое городомъ. Но чѣмъ болѣе усиливались на морѣ эллинскія племена, чѣмъ дальше на западъ они распространяли свои поселенія, тѣмъ неизбѣжнѣе было столкновеніе ихъ съ финикійскими колоніями. Уже греки вытѣснили финикіянъ изъ южной Италіи, уже они готовились то же сдѣлать въ Сициліи, въ Испаніи и въ Ливіи, какъ нашли соперниковъ въ карѳагенянахъ. Слѣдствіемъ этого были упорныя продолжительныя войны; и такъ какъ въ нихъ Карѳагенъ одержалъ верхъ и распространилъ свое господство надъ югозападною частью Средиземнаго моря, то и достигъ скоро большаго политическаго значенія. Въ сознаніи такой силы карѳагеняне отказались платить ливійцамъ поземельную дань, и стали воздѣлывать прилежащую къ городу землю, какъ свою собственность. Подобно вестъиндскимъ владѣтелямъ плантацій они наполнили страну рабами, которыхъ нѣкоторые граждане имѣли до 20,000. Мало помалу являлась потребность разширять эти владѣнія. Плодородныя поля сосѣднихъ деревушекъ были завоеваны, жители деревень принуждены платить въ дань четвертую часть плодовъ и слѣдовать на войнѣ за карѳагенскими знаменами. Столкновенія съ живущими на границахъ уже сильно раздвинутой городской области кочевыми народами продолжались; укрѣпленные окопами посты служили для того, чтобы защищать пріобрѣтенную область противъ пастушескихъ народовъ. Ихъ отгоняли все дальше и дальше, въ пустыни и горы, или принуждали признать господство карѳагенянъ.

И остальныя финикійскія колоніи въ сѣверной Африкѣ должны были постепенно покориться карѳагенянамъ. Таковы

были поселенія, основанныя частію уже изъ Карѳагена, преимущественно же лежащія по берегу нынѣшней провинціи Константины и бейлыка туниссскаго, какъ Гиппо, Гадрумет-тумъ, малый Лептисъ и др. Хотя онѣ и не были обязаны выставлять для Карѳагена войско, за то ежегодно должны были платить дань, напр. малый Лептисъ платилъ почти три четверти милліона талеровъ. Только Утика оставалась во всѣмъ равною Карѳагену; но молодой городъ перещеголялъ Утику торговлею и промышленностью.

* * *

Такъ изъ тирскаго торговаго мѣстечка Карѳагенъ сдѣлался главнымъ городомъ сильнаго сѣвероафриканскаго государства, которое простиралось отъ триполитанской пустыни до атлантическаго океана. Финикійская цивилизація нашла себѣ въ Ливіи твердую почву: при дворахъ туземныхъ князей номадовъ сѣверной Африки говорили и писали по финикійски, хотя вовсе не въ характерѣ карѳагенянъ было навязывать сѣвероафриканцамъ свое образованіе. Около того же времени падали Тиръ и Сидонъ, и благородныя семейства переселялись оттуда большею частію въ спокойный и цвѣтущій родственный городъ и приносили сюда свое образованіе, свое богатство, свои воспоминанія о блестящемъ прошломъ. Когда финикіяне пришли въ столкновеніе съ Римомъ, Карѳагенъ былъ уже первымъ пунійскимъ городомъ, какъ Римъ былъ первымъ между латинскими.

Одновременно съ этимъ развитіемъ карѳагенскаго могущества на материкѣ, распространялось его господство на морѣ. По ту сторону Средиземнаго моря въ Испаніи находился Гадесъ (Кадиксъ), древнѣйшая изъ тирскихъ колоній. Кромѣ того пунійцы владѣли здѣсь мѣстностью, богатою серебряными рудниками, которые они тщательно рвзработывали. Они не хлопотали о томъ, чтобы отнять у тузем-

цевъ внутреннія земли Испаніи: они довольствовались обладаніемъ горными рудами, складочными мѣстами, рыбными ловлями и раковинными. Хотя эти мѣста и не были покорены карѳагенянами, все таки состояли въ зависимости отъ сильнаго сѣвероафриканскаго главнаго города. За то карѳагеняне владѣли непосредственно балеарскими островами, уже съ давнихъ поръ стали твердою ногою въ Сардиніи и основали тамъ колоніи, завели поселенія на сосѣднихъ съ Сициліею островахъ: Мелитѣ, Коссирѣ и пр. равно и на сѣверозападномъ берегу Сициліи; они старались здѣсь привязать къ себѣ жителей предоставленіемъ имъ большихъ льготъ. Для такихъ обширныхъ владѣній Карѳагенъ нуждался въ большомъ торговомъ флотѣ, который плавалъ по водамъ западной части Средиземнаго моря, которое поэтому сдѣлалось какъ бы замкнутымъ моремъ, находящимся въ безраздѣльномъ владѣніи Карѳагена. Тирренское и галльское моря пунійцы должны были подѣлить съ другими народами; но одни изъ нихъ, этруски, были союзниками карѳагенянъ и скоро пали предъ силою событій,—другіе же, греки, нашли въ карѳагенянахъ равныхъ себѣ по силамъ соперниковъ. Продолжительныя войны между Карѳагеномъ и Сиракузами сопровождались разрушеніемъ цвѣтущихъ городовъ Сициліи: Селинуса, Гимеры, Агригента, Гелы, Мессаны, другіе города должны были покориться побѣдоноснымъ карѳагенянамъ, таковы были: Эгеста и Гераклея. Четыре раза карѳагеняне были владѣтелями всей Сициліи, за исключеніемъ Сиракузъ, крѣпкихъ стѣнъ которой они не могли взять; столь же часто и сиракузцы были близки къ цѣли владѣнія всѣмъ островомъ. Перевѣсъ склонялся все больше и больше на сторону карѳагенянъ. Попытка Пирра возстановить сиракузскій флотъ была послѣднею; когда она не удалась, карѳагенская морская сила господствовала безъ соперниковъ на западныхъ водахъ Средиземнаго моря, а попытки завладѣть Сиракузами, Регіумомъ и Тарентомъ показывали, къ чему стремился Карѳагенъ.

* * *

Такого значенія и такой силы Карѳагенъ достигъ въ то время, когда пришлось ему стать въ близкія отношенія къ Риму. Сколько во многихъ отношеніяхъ были сходны эти два государства, столько же были различны по ихъ учрежденіямъ. И здѣсь и тамъ занимались земледѣліемъ, но въ Карѳагенѣ господствовало большое землевладѣніе и обработка земли чрезъ рабовъ, тогда какъ въ Римѣ воздѣлывала поле масса свободныхъ гражданъ. Оттого большинство римскаго населенія состояло изъ владѣльцевъ, въ Карѳагенѣ большинство было невладѣющихъ землею; въ одномъ государствѣ народъ стремился къ тому, чтобы поддерживать существующее, въ другомъ ниспровергнуть оное и создать новое. Оба государства имѣли аристократическое устройство, въ обоихъ господствовала знать, богатые. Но римскій сенатъ былъ въ полномъ смыслѣ представителемъ народа, онъ могъ довѣриться націи и распоряжался чиновниками, не страшась ихъ; напротивъ карѳагенскій сенатъ не былъ представителемъ народа, а только знатныхъ фамилій, народъ былъ противъ сената, который поэтому не могъ положиться и на своихъ чиновниковъ. Оттого Римъ твердо и неустрашимо шолъ на встрѣчу событіямъ, которыя основали и укрѣпили его силу; въ несчастіи онъ не отступалъ боязливо. Карѳагенъ былъ напротивъ того въ постоянномъ колебаніи, былъ вялымъ въ дѣйствіи, подозрительнымъ ко всему, неспособнымъ на послѣдній, рѣшительный шагъ. Оба государства господствовали надъ своими соплеменниками и многочисленными дружескими общинами. Но Римъ принималъ ихъ одну за другою въ свой союзъ, допускалъ ихъ къ правамъ гражданства, Карѳагенъ же держалъ ихъ постоянно въ одномъ положеніи, въ той же зависимости. Римъ допускалъ и союзниковъ пользоваться плодами своихъ побѣдъ и такимъ об-

разомъ сливалъ ихъ интересы съ своими; Карѳагенъ пользовался своими побѣдами только для себя, и кромѣ того отнималъ у покоренныхъ городовъ право свободной торговли. Римъ повсюду оставлялъ побѣжденнымъ покрайней мѣрѣ нѣкоторую долю самостоятельности, и не требовалъ никакихъ податей, Карѳагенъ посылалъ къ нимъ своихъ правителей и немилостиво возвышалъ подати. Поэтому каждый союзный съ Карѳагеномъ городъ, въ случаѣ паденія Карѳагена, могъ только выиграть, тогда какъ паденіе Рима грозило паденіемъ и союзническимъ городамъ.

Военная сила Карѳагенянъ была весьма отлична отъ римской. Какъ ни старалось карѳагенское правительство пріохотить гражданъ къ военной службѣ, все таки оно не могло дать ни ремесленнику, ни фабричному той тѣлесной силы, которую имѣлъ римскій сельскій житель, ни совершенно уничтожить финикійскаго страха предъ военнымъ ремесломъ. Первоначально войско изъ карѳагенскихъ гражданъ состояло изъ 40,000 тяжело вооруженныхъ, но мало по малу число это спустилось до нуля. Соединенныя съ Римомъ общины выставляли для римлянъ вспомогательныя войска; города, подвластные Карѳагену, напротивъ откупались отъ военной службы деньгами. Ядро карѳагенскаго войска составляли ливійцы, служившіе за деньги; не любовь къ отечеству, одна только воинская доблесть и выгода держали ихъ въ строю. Римъ былъ защищенъ отъ непріятельскихъ нападеній живою стѣною своихъ гражданъ, карѳагеняне употребляли все искуство и все стараніе на укрѣпленіе стѣнъ, которыя много разъ спасали городъ отъ непріятелей. Что же касается флота, то Римъ въ этомъ отношеніи далеко уступалъ Карѳагену. Главная сила Карѳагена состояла въ военномъ флотѣ. Въ строеніи, равно какъ въ управленіи кораблей, карѳагеняне превзошли грековъ; карѳагенскія военныя суда, сначала трехбаночныя, потомъ пятибаночныя были дѣйствительно лучшими ходоками подъ парусомъ, чѣмъ греческія, и имѣли отлично обученыхъ

гребцовъ и опытныхъ, безстрашныхъ капитановъ. Поэтому карѳагеняне могли напасть на римлянъ въ самой Италіи, тогда какъ римляне не могли напасть на Карѳагенъ; исторія научила, что рѣшеніе войны зависѣло отъ такихъ предпріятій. Пунническія войны начались съ того, что карѳагенское войско напало на Италію, онѣ кончились вторженіемъ въ Ливію римскаго войска, которое не страшилось трудной осады.

Такъ стояли другъ противъ друга два государства—Римъ и Карѳагенъ, почти равныя по силамъ и стремившіяся къ господству. Одно должно было побѣдить, другое пасть, если только разъ произошло между ними столкновеніе. Что борьба будетъ продолжительна и упорна—это уже можно предвидѣть; что въ ней развились силы Рима до надлежащей полноты,—это показываютъ событія. Паденіе Карѳагена было шагомъ къ полному разцвѣту Рима.

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

Уже больше столѣтія войны между карѳагенскими и сиракузскими царями опустошали прекрасную Сицилію. Слабѣйшею стороною были сиракузцы, которымъ скоро ничего не оставалось на островѣ, кромѣ юговосточнаго угла и Тавроменіона. Въ другомъ большомъ городѣ на восточномъ берегу, въ Мессинѣ, утвердилась шайка иноземныхъ наемниковъ изъ Кампаніи, они владѣли городомъ независимо, какъ отъ сиракузянъ, такъ и отъ карѳагенянъ. Это была третья сила, которая господствовала на островѣ подъ именемъ мамертинцевъ.

Между тѣмъ сиракузцы собрались съ силами. Молодой сиракузскій офицеръ, обратившій на себя вниманіе согражданъ столько же благородствомъ происхожденія, сколько храбростію въ полѣ, сынъ Гіерокла, Гіеронъ, былъ избранъ войсками въ полководцы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ царп. Въ союзѣ съ римлянами, которые около того же времени послали свои легіоны противъ кампанцевъ въ Регіумѣ, союзниковъ и соплеменниковъ мамертинцамъ, Гіеронъ обратился на Мессану. Послѣ большой побѣды ему удалось обложить городъ. Осада длилась нѣсколько лѣтъ, большинство кампанскаго гарнизона въ Мессанѣ, доведенное до послѣдней крайности, рѣшилось передать крѣпость, господствующую надъ моремъ, не карѳагенянамъ, но римлянамъ.

Отцы въ Римѣ долго колебались принять предложеніе мессанцевъ; дѣло шло уже о томъ, чтобы оставить политику, которой до сихъ поръ держался Римъ и на которой основана была его сила, и перешагнуть за предѣлы Италіи. Кто могъ сказать, куда все это поведетъ!

Отвѣтъ рѣшалъ судьбу Рима по крайней мѣрѣ на столѣтія. Сенатъ перенесъ дѣло къ народу, и послѣдній, въ сознаніи своей силы, рѣшился послать помощь занталійскимъ италикамъ, мамертинцамъ въ Мессанѣ.

Едва рѣшено было это дѣло, какъ въ Римъ прибыла вѣсть, что между Гіерономъ и мамертинцами заключенъ миръ, при посредничествѣ карѳагенянъ; въ гавани стоялъ на якорѣ карѳагенскій флотъ, въ самомъ городѣ находился карѳагенскій гарнизонъ. Тѣмъ не менѣе римляне попытались переправиться въ Сицилію. Попытка удалась военному трибуну Клавдію, который быстро переправился въ Сицилію и овладѣлъ Мессаною. (264 г. до Р. Х.). Съ тѣхъ поръ городъ оставался за нѣкоторыми случайностями въ рукахъ римлянъ, чѣмъ они воспользовались для заключенія союза съ Гіерономъ и завоеванія другой крѣпости Агригента.

Но только теперь почувствовали римляне всю трудность

войны съ Карѳагеномъ. Карѳагенскій флотъ господствовалъ на морѣ; снабжонный всѣмъ необходимымъ, онъ держалъ въ повиновеніи не только сицилійскіе берега, но угрожалъ высадкою и Италіи. Сколько легко было выбить карѳагенянъ съ поля, столько же трудно было побѣдить ихъ. Это было возможно только при помощи флота, и сенатъ римскій рѣшилъ построить сто двадцать пять военныхъ судовъ и выставить ихъ въ море.

Какъ ни велика была эта задача, дѣятельно принялись за ея рѣшеніе. Когда одинъ карѳагенскій военный корабль выброшенъ былъ бурею на берегъ, римскіе корабельные мастера взяли его за модель, а италійскіе союзники призваны были къ службѣ на новомъ римскомъ флотѣ. Въ теченіе одного года эскадра была готова; 30,000 гребцовъ ждали приказанія выступить въ море. Но какъ было неопытному экипажу не страшиться привыкшаго къ морю непріятеля? Въ чемъ римскіе корабли необходимо должны были уступить непріятельскимъ, такъ какъ у первыхъ экипажи и офицеры были неопытны въ маневрированьи, то старались вознаградить это, предоставивъ флотскимъ солдатамъ болѣе значительную роль. У носовой части римскихъ кораблей прикрѣплялся мостъ, который можно было спускать впередъ и въ обѣ стороны; онъ по обѣимъ сторонамъ снабженъ былъ брустверами, а въ срединѣ имѣлъ пространство для прохода двухъ человѣкъ. Когда приближался непріятельскій корабль, чтобы своимъ желѣзнымъ носомъ ударить въ римскій корабль и пустить его ко дну, тогда опускался мостъ на палубу чужаго корабля, сильно прикрѣплялся къ нему при помощи желѣзнаго гвоздя, и римскіе солдаты могли перебраться на непріятельскій корабль, напасть на экипажъ и такимъ образомъ сдѣлать корабль неопаснымъ.

Съ 17-ю готовыми къ отплытію судьми консулъ Корнелій Сципіонъ отплылъ въ море. Онъ искалъ чести быть первымъ побѣдителемъ на морѣ и рѣшился на риско-

ванный шагъ. Но часть карѳагенскаго флота, стоявшаго при Понормѣ, заперла гавань острова, въ которой римскія суда стали на якорь, и безъ боя взяла въ плѣнъ всю эскадру и съ консулярнымъ адмираломъ. Это было несчастнымъ предзнаменованіемъ.

Между тѣмъ и другой главный флотъ также отплылъ подъ предводительствомъ втораго консула Дуилія. На пути своемъ вдоль италійскаго берега онъ встрѣтилъ слабую карѳагенскую эскадру, посланную для рекогносцировки, и нанесъ ей значительную потерю. Скоро за тѣмъ римскій флотъ явился предъ Мессаною, выжидая рѣшительной битвы. У мыса при Миле, къ сѣверозападу отъ Мессаны, напалъ на него карѳагенскій флотъ; это были большею частію пятидечные корабли, которые стройно приближались къ римскому флоту (266 г. до Р. Х.). Приближалась минута, когда римскіе корабли въ первый разъ должны были выдержать битву съ опытнымъ на морѣ врагомъ. Карѳагеняне смотрѣли на римскій флотъ, какъ на нестройную массу и считали его своею легкою добычею. Зачѣмъ же нападать на него по принятымъ правиламъ тактики, или еще больше ожидать его нападенія?

Развернутою линіею бросились они на римлянъ. Передовыя римскія суда отступили предъ бурнымъ натискомъ. Скоро однако они остановились и теперь воспользовались съ полнымъ успѣхомъ изобрѣтенными мостами. Римскіе корабли сцѣплялись и штурмовали карѳагенскіе, по мѣрѣ того какъ послѣдніе по одиночкѣ приближались къ нимъ, они уклонялись отъ сильныхъ ударовъ непріятельскихъ кораблей, потомъ вдругъ опускали мосты на палубу непріятеля и плотно прикрѣплялись къ ней. Экипажъ бросался туда. Здѣсь римляне находили далеко уступавшую имъ толпу. Въ ручной схваткѣ побѣда была рѣшена быстро, карѳагенскіе корабли были взяты прежде, чѣмъ они могли повредить римскимъ, а невооруженные гребцы попались въ плѣнъ. Когда кончилась

битва, оказалось, что половина карѳагенскаго флота — пятьдесятъ кораблей были взяты римлянами, и въ томъ числѣ адмиральскій корабль. Римъ сдѣлался морскимъ государствомъ, равносильнымъ Карѳагену, если не сильнѣйшимъ его.

* * *

Съ славно одержанною побѣдою возросло въ римлянахъ мужество къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Сначала они старались прочно укрѣпиться въ Корсикѣ и Сициліи, но потомъ сенатъ рѣшился напасть на самый Карѳагенъ. Если посчастливится низложить сильный торговый городъ, средоточіе пуническаго военнаго и торговаго могущества, цѣль войны будетъ достигнута однимъ ударомъ.

Число судовъ, втрое больше того, съ какимъ консулъ Дуилій одержалъ надъ непріятелями первую побѣду, поднялось съ якоря. Всего было 330 кораблей, большею частію значительной величины. У устьевъ рѣки Гимеры, на южномъ берегу Сициліи они приняли на бортъ высадное войско, четыре легіона, надъ которымъ начальствовали два консула, Регулъ и Вульсо, испытанные полководцы. Флотъ шолъ подъ парусами и направился прямо къ Африкѣ. Сначала въ открытомъ морѣ они нигдѣ не замѣчали непріятеля. Неужели Карѳагенъ уклоняется отъ битвы? Гребцы сильными ударами разсѣкаютъ морскія волны. На переднихъ частяхъ кораблей стояли глядатаи, чтобы своевременно дать знать о появленіи непріятельскихъ судовъ. Уже римляне приближались къ берегу. Тогда показались на сѣверѣ темныя массы карѳагенскихъ кораблей съ короткими мачтами, но широко въ обѣ стороны распростертыми веслами и обшитыми мѣдью носами. Они стояли готовыми принять сраженіе и защищать главный городъ противъ всякаго нападенія.

Еще никогда человѣческій глазъ не видалъ двухъ столько

численныхъ флотилій, стоящихъ другъ противъ друга, еще никогда не стояли готовыми къ бою столько воиновъ на колеблющихся судахъ. По крайней мѣрѣ сто тысячъ гребцовъ и прочаго корабельнаго экипажа вели 330 римскихъ кораблей, на которыхъ находилось сверхъ того 40,000 опытныхъ воиновъ. Столь же велика была сила 350 карѳагенскихъ кораблей, которые не уступали римскимъ по величинѣ и крѣпости. Они построились длинною развернутою линіею и покойно ожидали приближающагося непріятеля. Послѣдній приближался въ клинообразномъ боевомъ строю; здѣсь корабли образовали трехъугольникъ. Въ вершинѣ трехъугольника, обращенной къ непріятелю, шли оба адмиральскіе корабля, указывая путь остальнымъ судамъ, служа примѣромъ для своихъ воиновъ. За ними косою линіею вправо и влѣво все въ большемъ и большемъ разстояніи другъ отъ друга шли первая и вторая эскадра, правое и лѣвое крыло римлянъ,—ихъ главная сила. Третью сторону трехъугольника образовала третья эскадра, которая въ тоже время вела на буксирѣ необходимыя транспортныя суда. Въ нѣкоторомъ отдаленіи медленно подвигался резервный флотъ.

Когда римскіе адмиральскіе корабли приблизились къ карѳагенской боевой линіи, гребцы напрягаютъ всѣ свои силы. Глубоко погружаются въ воды длинныя, стройныя весла, высоко клубится пѣна, волны шумятъ, качаются корабли, они пѣнятся подобно неудержимымъ конямъ, потомъ съ быстротою стрѣлы летятъ впередъ, глубоко врѣзываютъ желѣзные носы въ остовъ непріятельскихъ кораблей, которые выставляютъ на встрѣчу имъ широкую грудь. Центръ непріятельской линіи колеблется, подается, онъ прорванъ. Разсыпаются въ стороны пуническія суда; оба римскіе пятидечные корабля съ тріумфомъ, высоко взбивая пѣнистую волну, проходятъ въ центрѣ непріятелей. За ними слѣдуютъ правое и лѣвое римское крыло, преслѣдуя бѣгущіе карѳагенскіе корабли, составлявшіе прорванный центръ. Уже казалось, что

сраженіе рѣшено въ пользу римлянъ, какъ одно умное нападеніе карѳагенянъ дало битвѣ новый оборотъ.

Лѣвое карѳагенское крыло, стоявшее у сицилійскаго берега, видя, что происходитъ въ центрѣ, сдѣлало искусное движеніе, прорѣзало преслѣдующую непріятеля римскую эскадру, и съ полною силою бросилось на суда третьей эскадры, ведшія за собою транспортныя суда. Эта эскадра замедлялась въ маневрахъ транспортными судами, и хотя выдержала напоръ непріятеля, но была сильно тѣснима. Въ то же время правое крыло карѳагенянъ обошло римскій резервъ, который стоялъ въ открытомъ морѣ и еще не принималъ участія въ битвѣ. И это крыло хотя мужественно сопротивлялось нападающимъ, но не могло не поколебаться отъ сильнаго натиска. Но первое сраженіе въ центрѣ было рѣшено, карѳагенскіе корабли разбиты, римскіе теперь могли обратиться и помочь стѣсненнымъ союзникамъ. Это было сдѣлано очень во-время. Въ сраженіи римскаго резервнаго флота кошки (мосты) стучали по непріятельскимъ палубамъ, корабль сцѣплялся съ кораблемъ, каждый римскій корабль искалъ соперника между карѳагенскими, а въ ручной схваткѣ, которая тогда завязывалась, римскій солдатъ далеко превосходилъ пуническаго матроса. Стѣсненный резервъ и эскадра, ведущая на буксирѣ транспортныя суда, могли вздохнуть свободнѣе, когда пришедшіе на помощь римскіе корабли напали на тѣснившіе ихъ карѳагенскіе. Оба крыла карѳагенской линіи были теперь стѣснены съ двухъ сторонъ, и только послѣ большихъ усилій удалось имъ съ большою потерею—она состояла въ томъ, что 70 карѳагенскихъ кораблей были потоплены, а 64 взяты въ плѣнъ—возвратить уцѣлѣвшіе корабли въ карѳагенскій заливъ. Сами римляне, утомленные битвою, не рѣшились преслѣдовать отступающаго непріятеля. Ночь покрыла непроницаемымъ покровомъ пространное море, на которомъ происходила кровопролитная битва, вторая, въ которой римляне пріобрѣли славу на морѣ (257 г. до Р. Х.).

* * *

Прошло немного лѣтъ, одержанныя римлянами побѣды ни къ чему не привели. Карѳагенъ, неистощимый въ средствахъ и геройски смѣлый въ крайней нуждѣ, загладилъ всѣ потери, отмстилъ за всѣ пораженія. Бури почти совершенно уничтожили римскій флотъ. Задумались отцы города. Ужь не правы ль были тѣ изъ нихъ, которые совѣтовали еще вначалѣ не впутываться въ войну съ Карѳагеномъ? Гдѣ плоды пролитой крови, безчисленныхъ жертвъ деньгами и товарами, мужества и мудрости!

Выше чѣмъ прежде Карѳагенъ поднималъ гордую главу, смѣло и съ вызывающимъ видомъ онъ стоялъ противъ Рима. Онъ господствовалъ не только надъ сѣвероафриканскимъ берегомъ, но и въ Сициліи, гдѣ война началась при благопріятныхъ обстоятельствахъ для Рима, и здѣсь онъ имѣлъ перевѣсъ.

Римское войско, подъ предводительствомъ консула Цецилія Метелла, занимало крѣпость въ Сициліи, Панормъ. Уже пятнадцать лѣтъ длилась война,—можно было желать окончанія! Римлянинъ боялся не пуническихъ солдатъ, но слоновъ, которые твердою стопою предшествовали карѳагенскому войску и не смущались римскими выстрѣлами. Долго Метеллъ избѣгалъ битвы въ открытомъ полѣ, чтобы не подвергать своего войска неравной борьбѣ съ громадными животными. Это сдѣлало карѳагенскаго полководца Гасдрубала слишкомъ отважнымъ, онъ почти увѣренъ былъ въ своей побѣдѣ. Онъ приблизился къ самому Панорму. Его слоны образовали авангардъ; сомкнутыми рядами они шли впереди, а въ нѣкоторомъ отдаленіи шли за ними пунические солдаты. У Панорма протекаетъ рѣчка, которую нужно было слонамъ перейти. Они перешли. Но когда они ступили на другой берегъ, то попали подъ выстрѣлы и удары изъ

метательныхъ машинъ. Со стѣнъ города посыпался дождь копій и стрѣлъ на приближающихся звѣрей. Сотни свистящихъ дротиковъ пролетаютъ мимо, но другія сотни попадаютъ въ цѣль. Слоны приходятъ въ смущеніе, высоко поднимаютъ хоботъ какъ бы для защиты. Напрасно, они не могутъ выйти изъ подъ летящихъ на нихъ стрѣлъ. Шагъ ихъ замедляется, они поворачиваютъ назадъ. Раздраженные, мучимые жгучими ранами, они бросаются на пуническихъ солдатъ, идущихъ за ними, и производятъ замѣшательство въ рядахъ. Этимъ моментомъ воспользовался Метеллъ. Онъ вывелъ римлянъ изъ города, послѣдовалъ за слонами, съ ними бросился въ ряды карѳагенянъ и одержалъ совершенную побѣду. Сто двадцать слоновъ и двадцать тысячъ плѣнныхъ остались въ рукахъ римлянъ.

* * *

Напрасно Карѳагенъ просилъ мира. Римскій флотъ блокировалъ городъ Лилибеонъ со стороны моря, хотя не могъ совершенно запереть доступъ съ городу. Искусные и знакомые съ моремъ лоцмана съ своими ходкими судами поддерживали сообщеніе между осажденными и карѳагенскимъ флотомъ, который находился въ дрепанской гавани. Римляне такъ мало были въ состояніи держать блокаду, что 50 пуническихъ барокъ успѣли доставить въ осажденный городъ жизненные припасы и 10,000 гарнизона, и потомъ незамѣтно и безпрепятственно пробраться назадъ. Не болѣе счастливо было и сухопутное войско, осаждавшее Лилибеонъ. Оно устроило метательныя орудія безъ помѣхи отъ карѳагенянъ. Онѣ были обращены въ дѣло, уже семь башенъ было разбито, и подѣланы бреши, чрезъ которыя римляне думали штурмовать городъ. Но вдругъ за брешами поднимается другой валъ, защищающій входъ; штурмъ былъ оставленъ. Осада затянулась; въ городѣ чувствовался недо-

статокъ, но и въ лагерѣ предъ городомъ также. Пуническая кавалерія, легкая, ловкая, отважная, рыскала вокругъ римскаго лагеря и умѣла отрѣзать подвозы. Начались болѣзни въ слѣдствіе лишеній, ряды войска пустѣли. Тогда консулъ Публіусъ Клавдій рѣшился однимъ ударомъ положить конецъ все усиливающейся нуждѣ.

Утомленный продолжительною осадою, онъ даетъ флоту повелѣніе снять блокаду. Въ темную ночь римскіе корабли оставляютъ блокадную стоянку и плывутъ по направленію къ дрепанской гавани, въ которой стояла на якорѣ карѳагенская эскадра. Небольшой отрядъ охотниковъ, горящихъ жаждою битвы, плыветъ на бортѣ римскихъ кораблей: расчитываютъ безъ труда побѣдить непріятеля, напавъ на него врасплохъ. И дѣйствительно дѣло казалось нетруднымъ. Только на разсвѣтѣ карѳагеняне замѣтили римлянъ, которыхъ они никакъ не ожидали. Но старые моряки не потеряли духа при такой неожиданности. Карѳагенскій адмиралъ Атарбасъ раздастъ приказанія, какъ только замѣчастъ римлянъ. Его корабли вооружены, его экипажъ бодръ, неустрашимъ, готовъ на всякое дѣло. Какъ только римскіе корабли начали входить вдоль берега въ дрепанскую гавань, имѣющую съ юга серпообразный видъ, и стали здѣсь размѣщаться, Артабасъ вытянулъ изъ гавани свои суда и въ открытомъ морѣ поставилъ ихъ въ боевой порядокъ. Это разстроило планы Публіуса Клавдія, онъ надѣялся запереть пунійцевъ въ морской бухтѣ, теперь они ускользнули отъ него и предлагали ему битву въ открытомъ морѣ, чего онъ едва ли желалъ. Теперь онъ самъ подвергался опасности быть запертымъ. Онъ принужденъ былъ перемѣнить свой планъ, вытащить свои передніе корабли изъ бухты и взять обратное движеніе, что замедлило его дѣйствія.

Между тѣмъ стоящій на готовѣ пуническій флотъ, пользуясь минутою, нападаетъ на противниковъ. Онъ обходитъ широкимъ полукругомъ римскіе корабли, въ быстромъ дви-

женіи тѣснитъ ихъ къ берегу, прорываетъ ихъ ряды и тѣмъ мѣшаетъ имъ подать помощь другъ другу. Такъ побѣда рѣшена была на этотъ разъ не въ пользу Рима, а въ пользу карѳагенянъ. Девяносто три корабля, значитъ больше трехъ четвертыхъ всей блокировавшей эскадры, и большая часть легіоновъ, бывшихъ на бортѣ, достались въ добычу побѣдителямъ. Консулъ Клавдій ушолъ; остатокъ флота вслѣдъ затѣмъ погибъ, благодаря неразумію втораго консула Луціуса Юніуса Пулла. Онъ принужденъ былъ карѳагенянами зайти въ беззащитную гавань, гдѣ буря истребила его корабли.

Такъ снова слава Рима и честь его подверглись крайней опасности. Неимовѣрны были его потери въ людяхъ, реестръ гражданъ въ эти пять лѣтъ уменьшился на шестую часть всего населенія, то есть на 40,000 душъ. Денежныя средства почти истощились, четыре большихъ флота, каждый въ 200—300 кораблей, были уничтожены, изъ нихъ три имѣли на бортѣ легіоны, отъ которыхъ почти не осталось слѣдовъ. Сухопутное войско, дѣйствовавшее въ Сициліи, погибло частію въ сраженіяхъ, еще больше отъ болѣзней. Союзники не меньше чѣмъ римляне чувствовали всю тяжесть войны; не разъ появлялась у нихъ мысль отложиться отъ Рима. Сенатъ находился въ полномъ разногласіи. Если бы карѳагеняне съумѣли воспользоваться плодами своихъ побѣдъ, еслибы въ такой моментъ они ударили на враговъ всею силою: всемірная исторія приняла бы иной ходъ, Римъ не былъ бы сильнымъ государствомъ подлѣ Карѳагена.

Но въ Карѳагенѣ не желали войны, тамъ мало было стремленія къ дѣятельности, больше предпочитали покой. Шесть лѣтъ незначительной войны слѣдовали за сильныхъ напряженіемъ обѣихъ сторонъ; Римъ былъ истощенъ и палалъ духомъ, Карѳагенъ оставался свѣжимъ, неутомленнымъ. Но у карѳагенянъ былъ одинъ человѣкъ, который думалъ иначе, чѣмъ его народъ: это былъ Гамилькаръ Барка, на-

чальствовавшій войсками въ Сициліи. Чѣмъ меньше онъ могъ разсчитывать на помощь и поддержку утомленнаго войною роднаго города, тѣмъ болѣе полагался на собственный проницательный умъ и силу, которую самъ умѣлъ создать. Въ смѣлыхъ герильясскихъ схваткахъ онъ упражнялъ своихъ солдатъ и укрѣплялъ ихъ мужество, пріучая ихъ безстрашно смотрѣть въ глаза римскому легіонеру. Потомъ онъ сталъ лагеремъ на горѣ Эриктэ (Монте Пелегрино у Палермо), которая подобно крѣпости господствуетъ надъ окрестностями и здѣсь совершенно по домашнему устроилъ своихъ солдатъ съ ихъ женами и дѣтьми. Въ съѣстныхъ припасахъ недостатка не было. Набѣги на окрестности доставляли необходимое, а флотилія поддерживала сообщеніе съ городомъ Дрепаномъ, откуда также получались припасы. Римляне не могли ни согнать карѳагенянъ со скалы, ни воспрепятствовать имъ занять городъ на Эриксѣ и оттуда угрожать Панорму. Вершину скалы съ храмомъ Венеры занимали римляне, они поставили на этомъ посту самый негодный сбродъ кельтскихъ перебѣжчиковъ изъ карѳагенскаго войска. Гамилькаръ осаждалъ ихъ изъ своего лагеря, лежавшаго на средней высотѣ горы, не обращая вниманія на римлянъ, которые блокировали его самого у подошвы горы, но не могли воспрепятствовать его сношеніямъ съ Дрепаномъ.

Война, казалось, надолго затянется и кончится изгнаніемъ римлянъ изъ Сициліи. Карѳагенскіе каперы опустошали прибрежные города Италіи. Римскіе союзники роптали. Сенатъ былъ въ недоумѣніи, не зная на что рѣшиться; онъ не былъ въ состояніи ни дать совѣтъ, ни предпринять что нибудь. Тогда народъ рѣшился сдѣлать еще великодушный, рѣшительный шагъ. Честные люди, видѣвшіе свой срамъ въ отчаяніи Рима, создали на собственныя средства флотъ въ двѣсти кораблей съ 60,000 матросовъ. Этотъ флотъ они предоставили въ распоряженіе сената и на спасеніе чести отечества. Консулъ Катуллъ, избранный единодушно, получилъ

главное начальство, и вышелъ съ сильною эскадрою въ море.

Нуженъ былъ одинъ смѣлый ударъ. Корсарскія суда карѳагенянъ, бывшіе столько времени бичами италійскихъ береговъ, быстро исчезли предъ сильными римскими кораблями. Римскій флотъ явился въ гаваняхъ городовъ Лилибеона и Дрепана и совершенно заперъ оныя въ то время, какъ Гамилькаръ нисколько не предвидѣлъ возможности сильнаго флота у римлянъ. Вѣсть о такихъ событіяхъ въ высшей степени изумила Карѳагенъ. Въ теченіе послѣдняго спокойнаго года карѳагеняне предались такой надеждѣ на миръ, что всѣ усилія посвящали на созданіе торговаго флота, а о военномъ совсѣмъ позабыли. Начали собирать еще годныя суда, но годъ прошолъ, а изъ карѳагенской гавани все еще не показывалось достаточнаго числа судовъ. Римскіе корабли между тѣмъ перезимовали на своихъ осадныхъ стоянкахъ и пользовались сицилійскими запасами.

Съ наступленіемъ слѣдующей весны карѳагеняне снарядили посредственный флотъ. Но этотъ флотъ былъ скорѣе транспортнымъ, чѣмъ военнымъ; суда были тяжолыя, назначенныя для товаровъ, и только по крайней необходимости обращены были въ военныя. Этотъ флотъ появился передъ Дрепаномъ съ цѣлію сдѣлать высадку, выгрузить провіантъ и взять на бортъ солдатъ, нужныхъ для морскаго сраженія. Но римскій адмиралъ воспользовался минутою, загородилъ ему дорогу и, прежде чѣмъ карѳагенскій флотъ успѣлъ исполнить свои планы, заставилъ его принять сраженіе при небольшомъ островѣ Эгузъ (Фавиньяно) въ 242 г. до Р. Х. Конецъ сраженія можно было предвидѣть. Тяжолые корабли карѳагенянъ, недостаточно снабженные экипажемъ, и имѣвшіе плохаго предводителя, къ томужь не ждавшіе нападенія, были скоро сдавлены, и частію пошли ко дну, частію взяты были въ плѣнъ. Безъ большихъ потерь римскіе желѣзноносые корабли пробили 50 непріятельскихъ судовъ, а 70 полученныхъ въ плѣнъ привели въ лилибей-

скую гавань. Съ нетерпѣніемъ ожидаемый въ Римѣ вѣстникъ принесъ радостное извѣстіе о побѣдѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ просьбу мира со стороны карѳагенянъ. Сицилія была очищена карѳагенянами, которые сверхъ того должны были заплатить за военныя издержки. Плодомъ двадцатитрехлѣтней, съ перемѣннымъ счастіемъ веденной войны, было безраздѣльное господство римлянъ въ Сициліи.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

Миръ, послѣдовавшій за первою пуническою войною, былъ для Карѳагена только перемиріемъ, поэтому онъ собирался съ силами, чтобы, пользуясь удобнымъ временемъ, снова возвратить себѣ потерянное значеніе сильнаго морскаго государства. Столь же мало и Римъ считалъ финикійскую колонію окончательно побѣжденною. Возобновленіе борьбы было неизбѣжно, и только совершенное паденіе того или другаго города могло положить конецъ войнѣ.

Въ двадцать лѣтъ, слѣдовавшихъ за первою пуническою войною, карѳагенскій полководецъ Гамилькаръ основалъ въ Испаніи сильное государство. Онъ отправился съ своимъ войскомъ на западъ съ порученіемъ потушить возмущеніе. Онъ шолъ вдоль берега, имѣя при себѣ множество слоновъ; и флотъ, которымъ командовалъ зять Гамилькара, Гасдрубалъ, слѣдовалъ въ томъ же направленіи. Вдругъ приходитъ въ Карѳагенъ извѣстіе о томъ, что войско переправилось въ Испанію у столбовъ Геркулеса и задумало тамъ прочно

утвердиться. И это предпріятіе удалось. Оба полководца, дѣйствовавшіе вполнѣ согласно, основали особенное государство, которое не только открывало карѳагенской торговлѣ новые рынки, но содержало войска и посылало часть своихъ доходовъ въ Карѳагенъ. Испанскій Карѳагенъ (Cartagena), заложенный Гасдрубаломъ при одной хорошей гавани, украшенный великолѣпнымъ царскимъ дворцомъ основателя, скоро сдѣлался однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ. Выгоды туземныхъ племенъ были тѣсно связаны съ выгодами новыхъ пришельцевъ. Союзы укрѣпили обоюдную зависимость, а наборомъ молодыхъ людей, которые служили вмѣстѣ съ карѳагенскими солдатами, было образовано войско, которое готово было стоять за интересы Карѳагена. Все это дѣлалось о чемъ въ Римѣ никто не помышлялъ), съ тою цѣлью, чтобы отмстить за пораженія карѳагенянъ и съ иберійскаго полуострова смирить Римъ и покорить Италію.

* * *

Послѣ осьми лѣтъ неутомимой дѣятельности Гамилькаръ палъ въ битвѣ. Наслѣдникъ его званія и его плановъ, Гасдрубалъ, продолжалъ дѣйствовать въ его духѣ. Но не прошло и осьми лѣтъ, какъ и Гасдрубалъ палъ подъ кинжаломъ убійцы. Теперь войско провозгласило своимъ вождемъ старшаго сына Гамилькара, двадцатилѣтняго Аннибала.

Аннибалъ вѣрилъ своему призванію исполнить планы, тщательно подготовленные отцомъ; онъ обладалъ необходимыми для того талантами и имѣлъ въ распоряженіи нужныя средства. Вѣрнымъ взглядомъ окинулъ онъ положеніе дѣлъ. Время было благопріятно для начатія войны, всякое промедленіе грозило опасностью. Недоставало только предлога, но и онъ скоро нашелся. Жители Сагунта, состоявшіе подъ покровительствомъ Рима,—такъ Аннибалъ доносилъ въ Карѳагенъ,—оскорбили туденатовъ, карѳагенскихъ подданныхъ,

за что онъ накажетъ Сагунтъ. Еще не полученъ былъ отвѣтъ изъ Карѳагена, а Аннибалъ уже началъ осаду Сагунта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и войну съ Римомъ. Римляне вмѣсто того чтобы дѣйствовать, начали переговоры, и Сагунтъ послѣ осьмимѣсячной обороны, былъ взятъ штурмомъ (219 г. до Р. Х.).

Таково было начало войны, энергическое продолженіе ея могло послѣдовать только въ Италіи; рѣшенія можно было ожидать только отъ нападенія на Римъ. Но какъ туда добраться? Аннибалъ избралъ болѣе надежный сухой путь, вмѣсто морскаго, подверженнаго непридвидѣннымъ случайностямъ. Онъ созвалъ въ Картагену свое войско, состоящее изъ девяноста тысячъ пѣхоты и двѣнадцати тысячъ конницы; кромѣ того при войскѣ находилось достаточное число слоновъ. Съ этимъ войскомъ онъ выступилъ къ Эбро. Между этою рѣкою и Пиренеями онъ оставилъ сильный гарнизонъ. Самъ же съ пятидесятью тысячъ пѣхоты и десятью тысячъ всадниковъ перешолъ Пиренеи, пошолъ чрезъ страну дружественныхъ кельтовъ—чрезъ Нарбонну и Нимъ, все держась морскаго побережья. Еще Рона отдѣляла его отъ Италіи. Римскій полководецъ Сципіонъ стоялъ въ Массиліи съ двадцатью двумя тысячами пѣхоты и двумя тысячами двумя стами конницы. Находясь отъ Сципіона на разстояніи четырехъ дней пути, Аннибалъ рѣшился переправиться чрезъ Рону (218 г. до Р. Х.).

* * *

Убѣжденный въ своемъ превосходствѣ надъ пунійцами, Сципіонъ составилъ въ Массиліи военный совѣтъ, на которомъ разсуждали о томъ, какъ помѣшать Аннибалу переправиться чрезъ Рону. Всѣ согласны были въ томъ, что невозможно переправить войско черезъ Рону въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ Аннибалъ, потому что рѣка течетъ чрезвычайно

быстро. Непріятель долженъ переходить поближе къ Массиліи. Но пока-то еще онъ спустится внизъ по берегу, время терпитъ; можно дать войскамъ отдыхъ, а между тѣмъ наблюдать за пунійцами.

Тогда вѣстники приказываютъ доложить о себѣ римскому полководцу, спѣшно ихъ порученіе, крайне важна цѣль ихъ посольства. Вотъ представляютъ ихъ полководцу. Это были галльскіе мужи, дружественные римлянамъ, и пришли изъ авиньонской страны, гдѣ Аннибалъ стоялъ лагеремъ. Они еле дышатъ, потъ льетъ съ нихъ ручьями, отъ быстрой ѣзды они съ головы до ногъ покрыты пылью. Они сказали: «Аннибалъ переправляется чрезъ Рону. Не медли, иди ему на встрѣчу. Промедленіе грозитъ опасностью!»

«Благодаренъ за ваше извѣстіе!» отвѣчалъ Сципіонъ. Онъ богато одарилъ ихъ и дружески отпустилъ, но не повѣрилъ ихъ словамъ; улыбаясь, онъ говорилъ своимъ офицерамъ о страхѣ робкихъ галловъ.

* * *

У ногъ пунійскаго войска шумятъ быстрыя воды Роны. На другомъ берегу стоятъ передовые посты гальскаго ополченія. Это ополченіе, опиравшееся сзади на хорошо укрѣпленный лагерь, было готово къ бою, лишь бы только не допустить карѳагенянъ до переправы.

На сильномъ берберскомъ конѣ скакалъ Аннибалъ по берегу рѣки, чтобы узнать, гдѣ легче переправить свое войско. Его глазъ летаетъ отъ одного берега къ другому, внизъ и вверхъ по рѣкѣ. Потомъ онъ склонилъ голову, какъ бы привѣтствуя кого, поворотилъ коня и поѣхалъ назадъ къ своимъ солдатамъ. Они уже уложили весь свой багажъ и стояли, готовые двинуться чрезъ рѣку. Но нѣтъ судовъ, нѣтъ у пунійцевъ ни одной лодки.

Тотчасъ Аннибалъ отправляетъ по берегу гонцевъ и вѣст-

никовъ, чтобы скупать суда у ронскихъ шкиперовъ: еще не зашло солнце, и уже было готово не малое число лодокъ. Въ то же время онъ приказалъ валить лѣса. Раздались удары топоровъ по лѣсу, деревья съ грохотомъ падаютъ на землю; ловкія руки тащатъ стволы къ берегу, связываютъ ихъ въ плоты и пускаютъ на воду. Въ короткое время приготовлено было достаточное число судовъ, и можно было начать переправу.

Уже передніе войска размѣщаются въ стоящихъ у берега лодкахъ, уже нумидійскіе всадники осторожно ведутъ на плоты своихъ коней, весла приправлены и первыя суда отчалили отъ берега: вдругъ на томъ берегу являются галлы. Извѣщенные своею стражею о предпріятіи пунійцевъ, они приближаются къ берегу густыми колоннами, чтобы броситься на тѣхъ, которые рѣшатся переправиться. Но тутъ же въ тылу у нихъ раздается шумъ и тревога. Они озираются, видятъ поднявшіеся столбы дыма, весь лагерь ихъ былъ объятъ пламенемъ.

То былъ сигналъ карѳагенскаго отряда, который незамѣтно, въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста переправы, перешолъ Рону, подъ предводительствомъ Ганнона, сына Бомилькара, чтобъ напасть на галловъ съ тыла. Маневръ удался. Найдено было удобное мѣсто для перехода чрезъ Рону въ двухдневномъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ стоялъ Аннибалъ,—въ верхнемъ теченіи Роны. Быстро карѳагеняне переплыли на другой берегъ. Отсюда отрядъ Ганнона безъ отдыха продолжаетъ свой маршъ. Въ самую пору онъ сталъ предъ галльскимъ лагеремъ. Когда лагерь былъ объятъ пламенемъ, изумленные галлы обращаются въ бѣгство, а Аннибалъ безпрепятственно переправилъ войско чрезъ Рону. Сципіонъ, вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу Аннибалу и отрѣзать ему путь въ Италію, послалъ большую часть своей арміи въ Испанію, а самъ, съ немногими оставшимися у него воинами, возвратился въ Пизу.

* * *

Въ шестнадцать дней Аннибалъ путемъ вверхъ по Ронѣ достигъ долины верхней Изары и отсюда чрезъ подобную острову страну аллоброговъ—подошвы Альповъ.

Одна часть аллоброговъ подняла противъ него оружіе, другая гостепріимно снабдила его жизненными припасами и одеждою. Такъ онъ достигъ перваго идущаго вверхъ горнаго прохода. А только и была одна дорога, которою можно было подняться на гору. Едва авангардъ началъ взбираться, какъ сверху полетѣли стрѣлы; непріязненные аллоброги заняли проходъ. Аннибалъ ожидалъ наступленія ночи. Тогда враги удалились въ свои деревни: въ самомъ дѣлѣ, какъ было рѣшиться вести войско ночью по горной тропинкѣ!

Когда взошло солнце, переднее войско уже стояло вверху на горномъ plateau, остальное войско, уже нетревожимое изумленными аллоброгами, поднималось на гору. Вотъ вверху собрались войска, теперь нужно было спускаться на противоположную сторону.

Здѣсь дорога крута, такъ крута, что одинокіе пѣшеходы рискуютъ оскользнуться; еще никогда вьючное животное или лошадь не переходили горы. Теперь цѣлое войско должно было спускаться по крутому склону; а внизу опять собрались враждебные аллоброги, чтобы напасть на пунійцевъ. Аннибалъ отправилъ впередъ легкую пѣхоту. Ловко она спустилась съ горы и стремительнымъ нападеніемъ оттѣснила аллоброговъ, которые въ смятеніи и разсѣянные бѣжали въ свои деревни.

За легкими отрядами слѣдовало остальное войско. Но много лошадей и вьючныхъ животныхъ оскользалось и обрывалось; повозки неудержимо катились внизъ и при этомъ или разбивались въ дребезги, или сильно увязали. Особенно труденъ былъ этотъ маршъ тяжеловооруженнымъ. Потери

Аннибала были велики; войско сдѣлалось унылымъ и духовно разстроеннымъ отъ большихъ трудовъ. Только тогда солдаты нѣсколько ободрились, когда достигли ближайшаго города въ долинѣ и вознаградили себя за всѣ лишенія грабежомъ.

Въ пріятной долинѣ Шамбери войско имѣло дневку, потомъ продолжало свой маршъ далѣе по Изерѣ. Спустя три дня войско вступило въ область центроновъ. Они стояли на границѣ съ вѣтвями и вѣнками, чтобы принять пунійцевъ какъ друзей. Добровольно они дали проводниковъ, заложниковъ и скота на убой, — войско двинулось въ путь, никѣмъ небезпокоимое.

Дорога все съуживалась, подходили къ подошвѣ Альповъ. Нужно было оставить тропинку вдоль Изеры и пробираться по узкому, болѣе трудному проходу, который вьется по берегу рѣчки Реклюза вверхъ къ малому Бернару. Солдаты шли рѣдкими рядами, но Аннибалъ изъ предосторожности пустилъ обозъ впередъ, а самъ съ пѣхотою оставался въ арріегардѣ. Вьючныя животныя медленно тащили повозки, медленно поднимались всадники; часто нужно было останавливаться, чтобы дать животнымъ перевести духъ, часто воины должны были браться за колеса, чтобы двинуть впередъ тяжело нагруженныя повозки. Съ каждымъ шагомъ вверхъ путь дѣлался труднѣе. Нужно было сносить съ дороги огромные камни, валить деревья, мѣшающія походу, выравнивать ухабистыя мѣста. Каждый солдатъ долженъ былъ работать, ни одна рука не оставалась праздною, и общихъ усилій едва было достаточно для того, чтобы устранить препятствія. Вдругъ позади войска раздался крикъ: центроны, лицемѣрно увѣрявшіе въ своей дружбѣ, напали на арріегардъ. Но они напрасно пытались пробиться до идущаго впереди багажа; они были отбиты. Многіе отряды ихъ между тѣмъ взобрались на гору въ другихъ мѣстахъ и спускали съ высотъ обваливающіеся камни на пунійцевъ, которые много терпѣли отъ этихъ обваловъ.

Наконецъ пѣхота достигла горной плоскости, надъ которою возвышалась одиноко стоящая мѣловая скала. И теперь это мѣсто носитъ названіе «бѣлаго камня.» Здѣсь пѣхота расположилась лагеремъ и прикрывала отсюда всходъ остальной части войска, который безостановочно продолжался всю ночь. На слѣдующій день все войско стояло на самой высокой точкѣ прохода, на равнинѣ, которая идетъ вокругъ одного маленькаго озера, откуда вытекаетъ рѣчка Дорія. Здѣсь назначена была солдатамъ стоянка, чтобы отдохнуть отъ перенесенныхъ трудовъ.

* * *

Съ какими чувствами теперь полководецъ обозрѣвалъ свое войско! То были старые солдаты, закаленные въ ливійскихъ пустыняхъ и подъ солнцемъ иберійскаго полуострова, люди желѣзнаго здоровья, большой силы, полные смѣлости, мужества и терпѣнія. Они составляли основу войска; къ нимъ присоединено было не малое число молодыхъ рекрутъ, которые въ мужествѣ первыхъ получали лучшій примѣръ, какъ самимъ явиться мужами. Каждое нападеніе непріятелей, даже на крутыхъ горныхъ тропинкахъ, подъ катящимися сверху камнями и надъ бездонною пропастью, было отбито; но сколько воиновъ погибло или отъ изнеможенія, или отъ обрывовъ и паденія съ горъ! сколько было раненыхъ нуждавшихся въ помощи или даже принужденныхъ возвратиться назадъ! Густые ряды порѣдѣли, бодрость войска уменьшилась, одежда изодрана, оружіе разбито: — уже въ войскѣ началъ проявляться ропотъ, оно осуждало планъ вождя, оно съ недовольствомъ смотрѣло на страшныя жертвы, которыхъ стоилъ походъ, оно поговаривало хотя еще тихо и тайкомъ о возвращеніи....

«Дальше, впередъ!» таково повелѣніе Аннибала. Лагерь разобранъ, обозъ двинулся. Приближается зима; не только

высочайшіе шпитцы Альповъ покрыты снѣгомъ, но и на горныхъ спускахъ, лежащихъ ниже, все покрылось снѣгомъ, дороги сдѣлались гладки и скользки. Тамъ далеко, далеко внизу разстилаются смѣющіеся луга и нивы Италіи, онѣ ослѣпительно озаряются солнцемъ, онѣ красуются въ лѣтнемъ уборѣ: плѣнительный, очаровательный видъ! Тамъ журчатъ чистые ручьи, падая со скалы, и извиваются по цвѣтистымъ лугамъ; зеленѣетъ маслина, цвѣтетъ лавръ, зрѣетъ апельсинъ—сладкій золотой плодъ; тамъ гордо подымается пирамида кипариса. Но тутъ вверху на горѣ сильно пронизываетъ вѣтеръ, воздухъ холоденъ, погода суровая: о если бы можно были спрыгнуть туда внизъ!

* * *

Войско продолжало свой маршъ. Грохочутъ колеса тяжелонагруженныхъ повозокъ по льдистому грунту, стукъ съ звономъ несется отъ коней, бьющихъ копытомъ замерзлую почву. Вожаки и погоньщики побуждаютъ животныхъ къ спѣшному ходу, но осторожность требуетъ медленнаго движенія. Путь съуживается, все ближе и ближе сходятся скалы, съ одной стороны онѣ высоко висятъ надъ тропинкою, съ другой зіяетъ пропасть, въ глубинѣ которой журчитъ горный потокъ. Тропинка узка, покрыта только что выпавшимъ снѣгомъ, надъ нимъ тонкій ледяной покровъ. Осторожно ступаютъ пѣхотные воины, уже привыкшіе къ переходамъ чрезъ горы, ихъ слѣды почти незамѣтны на легко замороженномъ снѣжномъ слою. Вьючныя животныя, лошади, слоны слѣдуютъ за ними. Но едва они достигли области снѣговъ, ноги глубоко завязаютъ въ нихъ. Они останавливаются и не могутъ идти дальше. Не помогаютъ удары вожаковъ, грунтъ разступается подъ ихъ ногами и не выноситъ такой тяжести.

Аннибалъ находился въ срединѣ шествія. Ему доклады-

ваютъ о томъ, что нельзя идти дальше. Онъ спѣшитъ впередъ и находитъ, что сказанное дѣйствительно такъ. Быстро онъ отдаетъ приказанія свернуть съ дороги на одну возвышенность; тамъ есть просторное, удобное для лагеря горное plateau. Туда вверхъ потащился тяжелый поѣздъ, тамъ онъ отдыхаетъ, пока непроходимый путь сдѣлается проходимымъ.

Аннибалъ предпринимаетъ постройку дороги на границѣ области снѣговъ на Альпахъ. И на равнинѣ постройка дороги составляетъ трудное дѣло для полководца, каково было провести ее на горахъ альпійскихъ! Пѣшій и всадникъ должны были прокладывать дорогу, сносить съ нея рыхлый снѣгъ и потомъ утрамбовывать почву. Послѣ двухдневной безустанной работы многихъ тысячъ рукъ, дорога сдѣлана довольно прочно для лошадей и вьючныхъ животныхъ; но нужно было еще три дня непрерывной работы для того, чтобы сдѣлать ее годною для слоновъ. Тогда снова двинулось войско, спустя еще три дня оно достигло прелестной плодородной долины дорійской, которая населена была дружественными салассами. Въ половинѣ сентября (218 г. до Р. Х.) войско стояло въ долинѣ Тавриновъ (Піемонтъ,) гдѣ нашло дружественный пріемъ и необходимый покой.

* * *

Пятнадцать дней длился маршъ чрезъ дотолѣ непроходимыя горы. Когда войско достигло италійской равнины, изъ 38,000 пѣхоты и 8,000 конницы, бывшихъ на лицо при переправѣ чрезъ Рону, осталось только 20,000 человѣкъ пѣхоты и 6,000 всадниковъ. Всѣ прочіе пали жертвами страшныхъ походныхъ трудовъ и постоянныхъ нападеній враговъ, гнѣздившихся по горнымъ ущельямъ. Это была военная сила, состоявшая изъ разнородныхъ племенъ. Ядро войска состояло изъ ливійцевъ и тяжело вооруженной пѣхоты съ копьемъ и мечемъ, большимъ щитомъ, шлемомъ и пол-

нымъ панцыремъ, какъ носили его греки и римляне; это были темнокожіе мужи, сухощавые, но крѣпко сложенные, надежные въ битвѣ. Ихъ осталось 12,000, и предводительствовали ими карѳагенскіе начальники. Кромѣ нихъ къ смѣлому пунійскому полководцу пристали сузеры пиренейскаго полуострова, превосходный, хорошо вооруженный народъ, непобѣдимый въ горной войнѣ, быстрый въ преслѣдованіи врага, но не всегда стойкіе въ регулярномъ сраженіи. Они носили черную тунику изъ грубой матеріи, шерстяныя штиблеты, большіе круглые щиты, мѣдный шлемъ съ краснымъ развѣвающимся пучкомъ перьевъ и длинные отлично закаленные мечи, которыми особенно удобно было колоть. Другіе племена отличались полотняною одеждою яркихъ цвѣтовъ, напр. пурпуроваго, или смѣшаннаго съ бѣлыми и пурпурнокрасными полосами. Между ними лузитаны считались храбрѣйшими, они носили щиты, плетеные изъ звѣриныхъ жилъ, и дротики съ крючьками. Они сидѣли по двое на одной лошади; въ битвѣ одинъ соскакивалъ и сражался пѣшій. И народъ Балеарскихъ острововъ участвовалъ въ походѣ. Онъ выставилъ опытныхъ пращниковъ, одѣтыхъ въ балахонъ и овечью шкуру; вокругъ головы они носили многія пращи, плетеныя изъ тростника, въ рукѣ дротикъ съ желѣзнымъ наконечникомъ. Конница состояла только частію изъ воиновъ, одѣтыхъ въ панцырь, равно какъ и ихъ коней, съ кожанными чешуйчатыми попонами, которыя висѣли на головѣ, груди и съ боковъ. Большая же часть конницы состояла изъ нумидійцевъ, истыхъ дѣтей пустыни; полунагіе они сидѣли на худо взнузданныхъ или даже совсѣмъ не взнузданныхъ коняхъ, которыми они правили языкомъ: это была несравненная конница, особенно для тревоги и преслѣдованія непріятеля.

Съ такимъ-то незначительнымъ войскомъ рѣшился Ганнибалъ напасть на римскую республику на собственномъ ея полуостровѣ. Между тѣмъ посланный въ Галлію консулъ

возвратился опять назадъ, изъ Пизы двинулся къ Тицино, которую Аннибалъ уже перешолъ. Обоюдная рекогносцировка повела къ конной схваткѣ; нумидійды напали на римлянъ съ фланговъ и съ тыла и смяли ихъ. Второе сраженіе того же года при Требіи кончилось равно какъ и первое пораженіемъ римлянъ. Верхняя Италія перешла во власть пунійскаго полководца. Только зима остановила его шествіе, всѣ слоны погибли отъ холода, самъ Аннибалъ потерялъ глазъ въ слѣдствіе болѣзни. Но какъ только наступила весна, онъ поднялся снова въ походъ на югъ, вступилъ въ среднюю Италію и разбилъ римлянъ при Тразименскомъ озерѣ. Тогда Квинтусъ Фабіусъ Максимъ получилъ начальство надъ римскими легіонами; онъ умѣлъ въ теченіе года сильно утомить противника своею медлительностію и искусною уклончивостью. Но тутъ послѣдовало новое избраніе консуловъ, выборъ палъ на Луція Эмилія Павла и Кайя Теренція Варрона, которые, не желая долѣе медлить, рѣшились еще разъ вступить въ битву.

* * *

Аннибаль овладѣлъ крѣпостью (замкомъ) города Канны, гдѣ римляне имѣли большой складъ съѣстныхъ запасовъ для своихъ войскъ, стоящихъ въ Апулія. Городъ недалеко отъ впаденія Ауфида (Офанто) въ адріатическое море, былъ за годъ предъ симъ разрушенъ, но крѣпость, господствовавшая надъ окрестностью, попала въ руки пунійцевъ. Напрасно римляне осаждали ее, они хотѣли уже отступить, какъ новые консулы привели подкрѣпленіе.

Походъ вспомогательнаго войска совершенъ былъ весьма спѣшно, и потому стоилъ войску чрезвычайныхъ усилій. При тяжеломъ снарядѣ римскаго солдата быстрый походъ для него былъ очень утомителенъ. Онъ несъ не только свои собственныя вещи, но также часть вещей, нужныхъ для ла-

геря. На древкѣ копья висѣлъ привязанный къ нему кожаный мѣшокъ съ провіантомъ на 15 дней, коробъ съ разными пожитками, сосудъ для воды и кухонный приборъ; кромѣ того орудія для постройки шанцевъ и палисадныя колья. Только вблизи непріятеля и во время битвы копье освобождалось отъ этихъ привязокъ, и все, что воинъ несъ, относили на повозки и на вьючныхъ животныхъ.

Въ шести миляхъ отъ кароагенскаго лагеря римскій полководецъ Эмилій разбилъ свой. Всѣ воины поперемѣнно должны были трудиться надъ устройствомъ лагеря; по мѣрѣ того, какъ вырывали землю, тотчасъ явились четырехъугольный валъ и ровъ, защищавшій валъ съ внѣшней стороны. Четверо воротъ вели чрезъ эту ограду въ лагерь. Здѣсь находилась сначала площадка, на которой разбилъ свои палатки отборный отрядъ союзниковъ. Въ срединѣ стоялъ шатеръ главнокомандующаго, направо и налѣво отъ него шатры квесторовъ и легатовъ. Позади стояли шатры остальныхъ начальниковъ войска. Главная дорога, шедшая поперегъ лагеря, служила и сборнымъ мѣстомъ солдатъ. Задняя половина лагеря занята была сначала палатками легіоновъ, въ срединѣ стояли всадники и тріаріи, наконецъ у вала велиты, обязанные защищать валъ. Многіе посты образовали правильный, управляемый съ большою осмотрительностію, караулъ лагеря.

Въ этомъ крѣпкомъ лагерѣ Эмилій хотѣлъ выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ для дѣйствій противъ Аннибала. Пространная, открытая равнина, отдѣлявшая кароагенянъ отъ римлянъ, была особенно выгодна для дѣйствій превосходной нумидійской конницы; только тамъ, гдѣ Ауфидусъ прорѣзываетъ равнину, римская пѣхота можетъ быть успѣла бы смѣлымъ натискомъ опрокинуть непріятеля. Опытный въ войнѣ Эмилій рѣшился поэтому выжидать и не бросаться въ бой. Но его товарищъ Терренціусъ Варронъ былъ другаго мнѣнія; заносчивый и неосторожный, онъ считалъ по-

раженіе невозможнымъ, и когда на военномъ совѣтѣ къ нему присоединились сенаторы и всадники, въ выпавшій на его долю день, поднялся онъ изъ лагеря и пошолъ прямо на непріятеля.

Аннибалъ получилъ извѣстіе о наступательномъ движеніи римлянъ. Тотчасъ онъ велѣлъ своей нумидійской конницѣ садиться на коней. Мигомъ они налетаютъ съ фланговъ на строй римлянъ, но твердо стоящіе тяжеловооруженные сдерживаютъ натискъ. На этотъ день римское войско было спасено.

Пока начальствовалъ Эмилій, онъ продолжалъ уклоняться отъ битвы. Товарищъ его, хотя съ неудовольствіемъ, но долженъ былъ повиноваться приказанію не оставлять лагеря, не выходить изъ окоповъ. Но едва загорѣлась утренняя заря слѣдующаго дня, Варронъ приказываетъ своимъ 12-ти ликторамъ поднять сѣкиры съ пуками прутьевъ въ знакъ того, что наступилъ день, въ который онъ будетъ распоряжаться войскомъ.

Было второе августа 216 года до Р. Х. Военный сигналъ къ выступленію гремѣлъ по всему лагерю, отъ трубы несутся низкіе звуки, трубятъ въ рога, воины становятся въ ряды. Отворяются лѣвыя главныя ворота лагеря, напротивъ нихъ течетъ Ауфидусъ. Войско подходитъ къ берегу, потомъ переправляется чрезъ рѣку; оно не только пылаетъ жаждою битвы, но уже заранѣе увѣрено въ своей побѣдѣ. По ту сторону рѣки Варронъ строитъ войска. На двухъ холмахъ онъ ставитъ свою конницу, въ срединѣ тяжелую пѣхоту; велиты съ стрѣлками изъ лука и пращниками союзниковъ толпятся предъ боевымъ строемъ, готовые начать битву.

Навстрѣчу римлянамъ выступаетъ пунійское войско въ боевомъ строю. Балеарскіе пращники прикрываютъ фронтъ, у нихъ съ правой стороны двѣ тысячи нумидійскихъ всадниковъ—эскадронъ построенный густыми рядами подъ пред-

водительствомъ умнаго, отважнаго Магарбала, — съ лѣвой испанскіе и галльскіе всадники подъ командою Гасдрубала. Отъ обоихъ фланговъ къ срединѣ стоятъ раздѣленныя на двѣ колонны главныя силы Аннибала, африканская пѣхота, имѣвшая панцыри, доставшіеся отъ римлянъ послѣ сраженій при Требіи и Тразименѣ.

Центръ наполняютъ галлы, которыхъ издали легко было распознать по ихъ высокому росту, — они наги до пояса, съ короткимъ оружіемъ; тутъ же стояли испанцы въ бѣлыхъ и полосатыхъ пурпуровыхъ одеждахъ. И этотъ центръ ясно выдавался впередъ въ формѣ полукруга.

Нѣкоторое время обѣ стороны посматривали другъ на друга испытующими взглядами. Потомъ понеслись другъ на друга легковооружонные, копьеметатели и пращники; ихъ стрѣлы со свистомъ перекрещиваются въ воздухѣ. Одною пращею ранило консула Эмилія Павла, но онъ, пренебрегая раною, не оставляетъ поля сраженія. Потомъ бросились другъ на друга эскадроны конницы, пыль клубится, копье и мечь душатъ людей и коней. Спустя нѣкоторое время римская конница была разбита, нумидійцы преслѣдуютъ бѣгущихъ.

Между тѣмъ и пѣхота подвинулась впередъ. Римскій клинообразный строй непреодолимо стремится въ полукруглый центръ враговъ; этотъ центръ начинаетъ отступать съ обѣихъ сторонъ. Римляне уже считаютъ себя побѣдителями, но тутъ съ фланговъ нападаетъ на нихъ африканская пѣхота. Начинается страшная рѣзня. И численное превосходство не помогаетъ стѣсненнымъ съ двухъ сторонъ легіонамъ; находящіеся внутри воины не могутъ обратить въ дѣло своего оружія, они остаются праздными зрителями того, какъ одни ряды римлянъ за другими погибаютъ отъ рукъ африканцевъ. Чтобы довершить пораженіе, возвратившаяся изъ преслѣдованія пунійская конница ударяетъ на римлянъ съ тыла.

Падъ Эмилій Павелъ, напрасно военный трибунъ Лентулъ

предлагалъ ему свою лошадь, онъ предпочелъ смерть на полѣ битвы. Не такова была судьба товарища его Варрона; уже послѣ того, какъ разбито было правое крыло войска, онъ убѣжалъ въ Венузію. Восемдесятъ сенаторовъ, двадцать одинъ военный трибунъ, и болѣе сорока тысячъ воиновъ покрыли своими трупами поле битвы. Никогда римское войско не терпѣло такого пораженія, какъ на равнинѣ при Каннахъ.

РАЗРУШЕНІЕ КАРѲАГЕНА И КОРИНѲА.

На западѣ Карѳагенъ, на востокѣ Коринѳъ все еще были помѣхою разширенію римскихъ владѣній. Коринѳъ былъ крѣпостью ахейскаго союза, онъ пытался ослабить значеніе Рима на востокѣ; Карѳагенъ продолжалъ съ своими кораблями властвовать на средиземномъ морѣ. Только тогда Римъ могъ надѣяться безъ соперниковъ господствать на западѣ и востокѣ, когда будетъ разрушенъ Карѳагенъ и уничтоженъ Коринѳъ.

Сосѣдъ Карѳагена, нумидійскій царь Масинисса постоянно безпокоилъ Карѳагенъ, который, будучи стѣсненъ въ Испаніи и побѣжденъ при Замѣ (202 г. до Р. Х), долженъ былъ согласиться на позорный миръ. По этому миру Карѳагенъ обязался не браться за оружіе безъ позволенія римлянъ. Тутъ-то и возникли затрудненія. Карѳагеняне жаловались римлянамъ на Массиниссу, который отнималъ у карѳагенянъ города; римляне рѣшали споры Карѳагена съ ну-

мидійскимъ царемъ въ пользу послѣдняго. Когда Массинисса въ третій разъ сдѣлалъ хищническій набѣгъ на карѳагенскую область, глубоко-огорченный городъ взялся за оружіе.

Тогда въ римскомъ сенатѣ состоялось рѣшеніе, во чтобы то ни стало-уничтожить Карѳагенъ; тутъ неправда одержала верхъ надъ справедливостью. Римъ задумалъ хитростью достигнуть того, что могло ему не удаться въ открытомъ бою. Собрано было римское войско въ Италіи и Римѣ. Карѳагеняне предчувствовали, что это войско назначается противъ нихъ; они въ Римѣ оправдывали попытку защищаться собственными силами противъ Массиниссы. Своего полководца Гасдрубала, который предводительствовалъ карѳагенскими солдатами въ войнѣ съ нумидійскимъ царемъ, они осудили на изгнаніе. Римляне казалось были удовлетворены покорностью карѳагенянъ, но въ тоже время римскій сенатъ объявилъ, что карѳагеняне должны сдѣлать римлянамъ удовлетвореніе за нарушеніе договора. Послѣ совѣщанія, главы Карѳагена объявили, что они ради поддержанія мира готовы на совершенную покорность Риму. Римляне принимаютъ это объявленіе, обѣщаютъ угнетенному городу оставить неприкосновенными его свободу и государственное устройство, но въ тоже время требуютъ трехъсотъ заложниковъ въ обезпеченіе вѣрнаго исполненія обѣщанной Карѳагеномъ покорности Риму.

Извѣстіе объ этомъ привело карѳагенянъ въ глубокое смущеніе. Неужели можно еще долѣе выносить такой гнетъ? Нужно ли подчиняться такому жестокому требованію? И кто поручится за то, что этимъ будетъ положенъ конецъ римскимъ требованіямъ? Опять собираются отцы города. Жестокое требованіе многихъ возмущаетъ, потому что ихъ сыновьямъ придется идти въ Римъ заложниками. И въ то же время миръ все таки является для нихъ высшимъ благомъ. Они рѣшаются, 300 карѳагенскихъ юношей отняты изъ рукъ ихъ родителей и родныхъ и отправляются въ Римъ залож-

никами, —ручательство достаточное за вѣрное исполненіе со стороны Карѳагена принятыхъ на себя обязательствъ. Теперь можно надѣяться, что требованія Рима удовлетворены, что теперь наступилъ конецъ дальнѣйшей враждѣ.

* * *

Между тѣмъ римское войско въ Сициліи доходитъ до 80,000 пѣхоты и 4,000 конницы. Оно въ глубокой тайнѣ получаетъ приказаніе быть готовымъ къ отплытію; уже прибыли суда, необходимыя для переправы войска къ африканскому берегу. Когда карѳагенскіе заложники прибыли въ Римъ, сенатъ приказалъ войскамъ садиться на корабли. Флотъ явился въ гавани Утики и сталъ на якорь. Потомъ высажены были солдаты на берегъ, откуда направились къ Карѳагену и далеко отъ него разбили свой лагерь.

Карѳагеняне, въ высшей степени изумленные приближеніемъ римскаго войска къ стѣнамъ главнаго города, едва вѣрятъ своимъ глазамъ. Къ чему эти войска, если римляне получили удовлетвореніе всѣмъ своимъ требованіямъ? Ужъ не желаютъ ли римляне смирить нумидійскаго царя и воспретить ему нападенія на карѳагенскую область! Рѣшили отправить посольство къ римскимъ полководцамъ, освѣдомиться о цѣли ихъ прибытія.

Полководецъ, консулъ Цензоринъ занималъ мѣсто на высокомъ сѣдалищѣ въ срединѣ войска, поставленнаго въ боевой порядокъ; ему представлены были карѳагенскіе послы. Онъ принималъ посольство отъ покорнаго народа подобно императору. Онъ не удостоиваетъ своимъ отвѣтомъ вопросы, предлагаемые ему угнетеннымъ народомъ; онъ явился не для того, чтобы толковать, вступать въ соглашенія, онъ повелѣваетъ. Онъ требуетъ только того, чтобы карѳагеняне выдали все оружіе и уничтожили свою морскую силу, свой

флотъ. Подъ покровительствомъ сильнаго Рима Карѳагенъ не будетъ нуждаться въ средствахъ самозащищенія.

Съ этою вѣстью послы возвращаются въ городъ. Со стыдомъ отъ испытаннаго ими униженія они вступаютъ въ залъ собранія. Взоры всѣхъ на нихъ обращены. Каждый читаетъ въ чертахъ ихъ лица худыя вѣсти. Покрылись краскою щеки старѣйшинъ и судей, когда они услышали о тяжко обидномъ требованіи. «Никогда этого не будетъ!» взываютъ одни и грозно сжимаютъ руку въ кулакъ. «Попытаемся кончить дѣло переговорами!» совѣтуютъ другіе. «Если мы откажемъ римлянамъ, говорятъ послѣдніе, дѣти наши поплатятся жизнью!» «Такъ и быть» рѣшаютъ болѣе осторожные, «мы уступимъ тяжкому требованію,—кажется это будетъ концомъ нашей уступчивости!»

Мало по малу это мнѣніе получаетъ перевѣсъ; за тѣмъ слѣдуетъ общее согласіе. О болѣе тяжкихъ требованіяхъ никто не могъ и помыслить; кажется, властолюбію римлянъ не остается ничего болѣе желать. Двѣсти тысячъ полныхъ вооруженій, множество метательнаго оружія всякаго рода отвезено было въ римскій лагерь и тамъ сложено; карѳагенскіе корабли были сожжены.

* * *

Прошло нѣкоторое время въ тягостномъ ожиданіи. Каждый надѣялся, что теперь римляне снимутъ свой лагерь и возвратятся въ Римъ. Напрасныя надежды! Они остаются на мѣстѣ. Опять римскій полководецъ принималъ пословъ жестоко угнетеннаго города, которые просили его объ удаленіи отъ Карѳагена. Но консулъ объявилъ имъ, что Карѳагенъ долженъ быть очищенъ, что жители могутъ построить себѣ новый городъ въ осмидесяти стадіяхъ отъ моря, а старый городъ должно сравнять съ землею. Послы поражены будто молніею; они просятъ консула, чтобы ходатай-

ствовалъ предъ римскимъ сенатомъ о смягченіи такой кары, но консулъ отвергъ ихъ мольбы и присовокупилъ: «требованіе, на которое онъ имѣетъ полномочіе отъ сената, послужитъ ко благу Карѳагена,» потому что, когда городъ будетъ разрушенъ, карѳагенянамъ и въ голову не придетъ нарушать договоры.

Не только сенатъ, но и весь карѳагенскій народъ ждалъ съ нетерпѣніемъ возвращенія пословъ. Наконецъ они прибыли. Спѣшатъ имъ навстрѣчу, кричатъ, тѣснятся, чтобы узнать, какія вѣсти они принесли! Послы не даютъ отвѣта, они молча идутъ въ собраніе сенаторовъ. Здѣсь дрожащими губами, но съ мужески бьющимся сердцемъ, они возвѣщаютъ о новой несправедливости, о послѣднемъ страшномъ требованіи.

Вопли отчаянія оглушили залъ. Столпившійся внѣ сената народъ бурно требуетъ знать, какія вѣсти принесли послы. Онъ узнаетъ вѣсти и разрывается въ громкомъ плачѣ и горестныхъ воплях. За тѣмъ ярость отчаянія овладѣваетъ толпою. Гдѣ люди, давшіе совѣтъ отправить въ Римъ 300 заложниковъ? Гдѣ они, порѣшившіе выдать оружіе, и уничтожить военный флотъ? Они, они причиною всѣхъ несчастій, они первые должны поплатиться за все зло. Раздраженный до крайней степени народъ хочетъ надъ ними утолить жажду своего мщенія.

Наконецъ удалось укротить волненіе, и сколько возможно спокойно подумать о томъ, какъ отвратить намѣренія римлянъ, направленныя прямо на уничтоженіе Карѳагена. Не оставалось никакого выбора; теперь нужно было браться за оружіе. Ужъ если суждено Карѳагену пасть, такъ онъ падетъ только тогда, когда истощены будутъ всѣ средства къ защитѣ. Въ тотъ же день въ сенатѣ состоялось рѣшеніе употребить всѣ усилія, чтобы спасти городъ; это рѣшеніе было одобрительно принято всѣмъ народонаселеніемъ.

За общимъ унынiемъ послѣдовало общее одушевленіе къ спа-

сенію отечества. Приняты всѣ мѣры для того, чтобы доставить городу средства къ защитѣ. Было довольно способныхъ къ оружію мужей и юношей, недоставало только оружія, такъ какъ оно было отправлено къ римлянамъ. Но настоятельная нужда вызвала общее напряженіе, придуманы необыкновенныя средства чтобы найти оружіе. Теперь не нужно было плуга, нужны мечи, не нужны заступъ и серпъ, нужны щиты. На всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, даже въ храмахъ боговъ устроены были кузницы, мужи и женщины, свободные и рабы взялись за молотъ и пилу, изъ волосъ невольницъ приготовляются тетива для лука и канатъ для судовъ. Все, что только какимъ бы то ни было образомъ могло служить противъ непріятеля, все приносилось по доброй волѣ; даже бѣднѣйшіе соревновали другъ другу въ жертвахъ на спасеніе города.

Приговоръ объ изгнаніи Гасдрубала былъ отмѣненъ; самъ онъ, стоявшій лагеремъ предъ городомъ съ 20,000 войскомъ и ожидавшій случая сдѣлать нападеніе на городъ, былъ приглашенъ въ городъ. Онъ былъ настолько великодушенъ, что принялъ приглашеніе и забылъ о нанесенной ему обидѣ.

* *
*

Въ римскомъ лагерѣ никто не сомнѣвался въ побѣдѣ надъ безоружнымъ Карѳагеномъ, и особенно полководецъ Цензоринъ. Но онъ откладывалъ нападеніе, хотѣлъ дать отдыхъ войскамъ и хорошенько приготовиться для рѣшительнаго приступа къ городу. Только чрезъ два мѣсяца онъ сдѣлалъ нападеніе на Карѳагенъ и былъ отбитъ.

Войско Гасдрубала стояло за городскими стѣнами; хотя оно было меньше римскаго, все таки римляне не могли одолѣть его. Чѣмъ долѣе затягивалась осада Карѳагена, тѣмъ болѣе было для римлянъ времени на хищническіе поиски

въ окрестностяхъ города, и чѣмъ богаче была добыча, тѣмъ болѣе предавались солдаты роскошной, безпорядочной жизни. Два года они осаждали городъ, который въ это время усиливалъ средства обороны.

Большое неудовольствіе господствовало какъ въ римскомъ сенатѣ такъ и въ народѣ на такія неудачи римскаго оружія. Только и довѣряли мужеству и опытности одного мужа, который былъ въ состояніи побѣдоносно окончить осаду: это былъ Сципіонъ Эмиліанусъ. Хотя ему не доставало 10 лѣтъ, требуемыхъ закономъ для консульскаго званія, все таки онъ былъ назначенъ консуломъ и получилъ начальство надъ войскомъ.

Въ немъ не обманулись, онъ дорось до рѣшенія данной ему задачи. Сначала онъ принудилъ Гасдрубала отступить съ войсками въ городъ, расположился лагеремъ подъ стѣнами города и пресѣкъ всякій подвозъ припасовъ изъ окрестныхъ мѣстъ. Потомъ плотиною, выдававшеюся въ море, онъ заперъ гавань, и хотя карѳагеняне при помощи канала проложили себѣ новый путь въ море, однако Сципіону удалось плотно обложить городъ и со стороны моря.

Такъ приближалась послѣдняя развязка. Жизненные припасы осажденныхъ пришли къ концу, началъ свирѣпствовать голодъ. Мужественная до сихъ поръ защита города истощила его силы и римляне вторгнулись въ городъ чрезъ слабо защищенное мѣсто. Но здѣсь они встрѣтили упорное сопротивленіе, сопротивленіе отчаянія. Изъ каждаго дома полетѣли на враговъ стрѣлы и дротики, но они только увеличили ожесточеніе римлянъ, которые стремились все далѣе, все впередъ.

Три дороги вели къ замку Бирсѣ, который расположенъ былъ на возвышеніи внутри города. Шесть дней продолжался бой на этихъ улицахъ, и только на седьмой день римляне стояли между разрушенными домами и грудами труповъ предъ замкомъ. Однако въ немъ нашли убѣжище 50,000

человѣкъ, которые просили непріятеля пощадить ихъ жизнь. Военачальникъ далъ согласіе на ихъ просьбу.

На высочайшемъ пунктѣ холма находился храмъ Эскулапа, въ которомъ засѣлъ Гасдрубалъ съ 900 карѳагенянъ. Здѣсь еще были отбиты всѣ приступы римлянъ, и казалось, что только голодъ можетъ принудить къ сдачѣ храбрыхъ мужей. Но вдругъ неожиданно Гасдрубалъ является къ Сципіону и умоляетъ его о милости. Сципіонъ обошолся съ нимъ кротко и въ примѣръ другимъ осажденнымъ посадилъ его у своихъ ногъ.

Тогда вверху на стѣнѣ храма является женщина съ распущенными волосами, съ видомъ отчаянія. Это была жена Гасдрубала. На рукахъ у ней два небольшихъ сына; позади ея взвивается пламя, зажженное сидѣвшими въ храмѣ. Она посылаетъ проклятія своему мужу, который сдался изъ робости, вмѣсто того, чтобы пролить за городъ послѣднюю каплю крови. Гасдрубалъ пораженный этимъ видомъ вскакиваетъ, онъ хочетъ спѣшить на помощь отчанной, которой одежда занимается пламенемъ, но римскіе солдаты останавливаютъ его. Онъ долженъ повиноваться и оставаться на мѣстѣ. А та, которую онъ тайно оставилъ, для спасенія которой онъ рѣшился броситься къ ногамъ побѣдителя, она беретъ мечъ, убиваетъ своихъ сыновей, потомъ бросается въ огонь, который трещалъ вокругъ нея.

Когда городъ былъ взятъ, побѣдители зажгли городскія зданія. Семнадцать дней переносилось пламя изъ конца города въ конецъ; монументы пережившіе столѣтія исчезли въ нѣсколько дней. Огромная, дымящаяся куча развалинъ лежала предъ глазами Сципіона, когда онъ съ развалинъ замка смотрѣлъ на мѣсто, гдѣ стоялъ Карѳагенъ. Со слезами на глазахъ онъ произнесъ стихъ Гомера, которымъ Гекторъ пророчитъ разрушеніе Трои:

Будетъ нѣкогда день и погибнетъ священная Троя,
Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.

Онъ думалъ о грядущихъ судьбахъ Рима; сознавая несправедливость, оказанную Карѳагену, онъ страшился за подобную же судьбу своего отечества. Онъ писалъ сенату: «Карѳагенъ разрушенъ, что мнѣ дѣлать?» Римляне ликовали, получивъ такую вѣсть. Въ отвѣтъ были отправлены въ Африку послы съ повелѣніемъ срыть городъ и произнести проклятіе на мѣсто, гдѣ онъ стоялъ. Такъ и было сдѣлано.

* * *

И надъ Грецiею появилось вечернее солнце, когда города Пелопонеса присоединились къ Ахейскому союзу, что бы создать новую свободную Грецію. Но хотя этотъ союзъ усилвался все болѣе и болѣе, и во время своего высшаго процвѣтанія подъ предводительствомъ Филопемена съ успѣхомъ стоялъ противъ македонскихъ притязаній на господство, все таки онъ не могъ устоять противъ римлянъ, которые пользовались ахейцами, какъ союзниками для того, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ сдѣлать Грецію римскою провинціею.

Во время осады Карѳагена, Спарта — членъ ахейскаго союза вступила въ споръ съ союзомъ и обратилась съ жалобами къ римскому сенату. Ничто не было такъ пріятно для Рима, какъ приглашеніе его въ посредники по дѣламъ Греціи; это приглашеніе уже показывало, какое значеніе греки давали Риму. Сенатъ чрезъ посла своего предложилъ городамъ, бывшимъ нѣкогда подъ властью Македонiи, Спартѣ, Коринфу, Аргосу, отложиться отъ ахейскаго союза. Это предложеніе, явно клонившееся къ ослабленію союза, вызвало большое озлобленіе въ гражданахъ и повело къ оскорбленію римскаго посла. Когда римляне потребовали за это удовлетворенія, то получили обидный отвѣтъ. Тогда сенатъ рѣшился прибѣгнуть къ силѣ. Не смотря на то, что на западѣ еще стоялъ непобѣжденнымъ Карѳагенъ, на востокѣ въ Македоніи на-

чиналось возмущеніе, консулъ Мумміусъ былъ отправленъ въ Грецію съ войскомъ для покоренія ахейскаго союза.

Греки могли это предвидѣть, и потому заблаговременно приготовиться къ войнѣ. Еще прежде, чѣмъ прибылъ Мумміусъ, поднялся Метеллъ изъ Македоніи въ Пелопонесъ. Милостиво и съ готовностію къ миру онъ убѣждалъ запосчивыхъ грековъ удовлетворить требованіямъ римлянъ. Но они не обращали вниманія на его совѣты. Тогда онъ двинулся къ Термопиламъ, въ страхѣ отступило греческое войско. Метеллъ преслѣдовалъ оное. Въ Локридѣ при Скарфеѣ остановились греки и рѣшились на битву, которая кончилась совершеннымъ пораженіемъ ихъ. Еще разъ Метеллъ попробовалъ умѣренностію и кротостію вразумить грековъ. Но и тутъ не успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ. Греки вооружили 12,000 рабовъ, заставили богатыхъ платить издержки военныя, призывали все юношество на спасеніе отечества. Въ это время прибылъ Мумміусъ. У коринѳскаго Истма онъ напалъ на греческое, неопытное, наскоро составленное войско. Онъ выставилъ противъ него 24,000 закаленныхъ въ битвахъ солдатъ. Приведенная въ ужасъ грознымъ напоромъ римлянъ толпа грековъ разсыпалась въ разныя стороны.

Тогда онъ пошолъ на Коринѳъ. На Истмѣ полегли уже защитники города. Римскій полководецъ вступаетъ въ ворота города и отдаетъ его своимъ солдатамъ на грабежъ. Пожаръ и хищничество свирѣпствовали много дней надъ сокровищами богатой крѣпости ахейскаго союза; все мужеское населеніе пало отъ меча, всѣ женщины и дѣти обречены на рабство. Множество произведеній искусства было предано неистовому истребленію, только нѣкоторая часть отправлена въ Римъ, чтобы возвеличить тріумфъ Муммія. Добыча была неисчислима. Когда римляне удалились, Коринѳъ представлялъ груду пепла,—и Греція сдѣлалась римскою провинціею (146 г. до Р. Х.).

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ.

БЕЗПОКОЙСТВА ПРИ ГРАККАХЪ.

После разрушенія Карѳагена и Коринѳа были сокрушены силы, противодѣйствовавшія римскому преобладанію на востокѣ и западѣ. Италія, Сицилія и сосѣдственные острова были покорены; Испанія и Африка, гдѣ властвовали карѳагеняне, порабощены; Греція и Македонія сдѣлались римскими провинціями. Римская республика стояла на верху своего могущества.

Кромѣ того военачальники привезли изъ покоренныхъ странъ въ Римъ несмѣтныя богатства. Македонская война, которую Павлусъ Эмилій велъ и счастливо окончилъ, доставила государству болѣе осьми милліоновъ талеровъ, кромѣ награбленныхъ сокровищъ, между которыми насчитывали четыреста большихъ золотыхъ коронъ. Ежегодные доходы, шедшіе въ государственное казначейство, далеко превышали потребности казначейства. За вычетомъ всѣхъ расходовъ, государство имѣло больше семисотъ двадцати шести фунтовъ серебра и девяноста двухъ тысячъ фунтовъ золота, кромѣ экстренныхъ доходовъ, простиравшихся до 70,705 фунтовъ серебра. Что за огромные капиталы для построекъ

и другихъ учрежденій и украшеній города; сколько сокровищъ для покрытія расходовъ на блестящія празднества!

Римляне не смогли противустоять искушеніямъ, которыя возросли изъ такихъ богатствъ, изъ такого неограниченнаго могущества. Знатные предались мимолетнымъ наслажденіямъ, роскоши и излишествомъ всякаго рода. Народъ подражалъ знати, легкомысленная восточная жизнь скоро проникла въ городъ, особенно въ кругъ солдатъ.

Сципіонъ Африканскій предъ покореніемъ Испаніи долженъ былъ сначала возстановить совершенно упавшую дисциплину въ римскомъ войскѣ.

Вообще же, въ слѣдствіе непрерывныхъ войнъ римлянъ нравы и образъ жизни, наслѣдованные отъ предковъ, много измѣнились. Прежде военное дѣло было тѣсно связано съ земледѣліемъ. Римскій гражданинъ, сегодня ходившій за плугомъ, на другой день съ копьемъ и мечомъ въ рукѣ становился въ ряды тѣхъ, которые должны были защищать отечество отъ враговъ. Теперь земледѣліе было забыто, удовольствія тихой домашней жизни дѣлались чуждыми гражданину. Солдатское сословіе выдѣлилось изъ гражданства, лагерь сдѣлался отечествомъ римлянина, полководецъ его правительственною властью (магистратомъ). Необузданная полная тревогъ жизнь въ лагерѣ пришлась по душѣ ему, онъ грабилъ завоеванную землю и старался возвратиться съ войны съ богатою добычею.

Веденіе государственныхъ дѣлъ перешло въ руки немногихъ лицъ и фамилій. Римъ сдѣлался республикою, которая томилась подъ игомъ немногихъ знатныхъ и вліятельныхъ лицъ. На дѣлѣ едва ли была какая нибудь свобода для отдѣльнаго лица. Даже сенатъ стоялъ подъ гнетомъ нѣсколькихъ лицъ, а иногда и одного полководца. Чтобы удержать за собою положеніе, онъ готовъ былъ на всѣ средства, не обращая вниманія на то, хороши ли они или нѣтъ, законны или нѣтъ. Поземельная собственность уже давно ускольз-

нула изъ рукъ тѣхъ, которые всю свою жизнь посвятили военной службѣ; только небольшое число богачей имѣли поземельную собственность, большинство народа осталось безъ земли. Ему не оставалось другаго дѣла, кромѣ солдатскаго ремесла, потому что земли обработывалась рабами, на которыхъ смотрѣли, съ которыми обращались такъ же, какъ и съ домашними животными.

Такое положеніе вещей не было прочно, какая нибудь перемѣна должна была послѣдовать. Волненіе и броженіе должно было открыться, какъ только прекратятся войны, какъ только не останется враговъ, которыхъ нужно покорить, какъ только солдатъ возвратится въ свое званіе гражданина и земледѣльца. Только нѣкоторое время праздный воинъ могъ пробавляться праздниками и зрѣлищами. Какъ скоро онъ созналъ свою безземельность, свою безпомощность, онъ началъ настойчиво домогаться прежняго положенія своего въ государствѣ. Удастся или нѣтъ попытка произвести переворотъ, но она должна была послѣдовать.

* * *

Народный трибунъ Тиберіусъ Семпроніусъ Гракхъ, котораго мать была благородная Корнелія, дочь Сципіона африканскаго, хотѣлъ вполнѣ чистосердечно и безобидно возстановить древніе законы о раздѣлѣ поземельной собственности. За семнадцать дней до народнаго собранія, какъ требовалось закономъ, онъ публично заявилъ предложеніе о необходимости возстановить законъ Лицинія. Народъ былъ на его сторонѣ и въ полномъ разладѣ съ богатыми землевладѣльцами.

Когда наступилъ день народнаго собранія, явилась такая масса народа, какой давно уже не было видно. Тиберіусъ Гракхъ представилъ свое предложеніе: Никто не долженъ владѣть землею болѣе 500 югеровъ. Кто имѣетъ болѣе, тотъ

можетъ оставить себѣ на взрослыхъ сыновей по 250 югеровъ, остальное долженъ возвратить государству, которое вознаградитъ владѣльца за расходы, которыхъ требовала разработка земли. Эту лишнюю землю слѣдовало раздѣлить между безземельными гражданами. «Дикіе звѣри Италіи, говорилъ Гракхъ, имѣютъ норы и логовища, гдѣ они отдыхаютъ. А люди, жертвовавшіе жизнію для распространія римскихъ владѣній, пользуются только свѣтомъ дня и воздухомъ, которыхъ нельзя отнять у нихъ. Безъ пріюта, безъ крова они бродятъ по землѣ съ женами и дѣтьми. Не будетъ ли злою насмѣшкою требовать ихъ на войну —сражаться за домашнихъ пенатовъ и гробы ихъ отцовъ? Едва ли кто нибудь изъ нихъ имѣетъ свой домашній алтарь, свое мѣсто погребенія родныхъ. Они носятъ мечь и подвергаютъ опасности свою жизнь въ битвахъ развѣ только для того, чтобы доставить другимъ сокровища, почести и распутныя удовольствія. Они побѣдили міръ, называются владыками міра, и не имѣютъ ни одной своей пяди земли!»

Впечатлѣніе, произведенное такою рѣчью, было очень сильно. Никто не могъ оспаривать одушевленныхъ, вполнѣ основательныхъ словъ благороднаго народнаго трибуна. Только другой трибунъ и другъ Гракха, Октавіусъ Цецина запретилъ всякое дальнѣйшее обсужденіе Гракхова предложенія, на что имѣлъ по закону полное право. Напрасно умолялъ его Гракхъ не противодѣйствовать доброму дѣлу. Октавіусъ упорно стоялъ на своемъ. На второмъ собраніи онъ повторилъ свое veto. Теперь оставалось ожидать помощи отъ сената, но сенатъ дѣйствовалъ нерѣшительно. Тогда Гракхъ предложилъ отрѣшить отъ должности трибуна Октавія. Октавіусъ былъ низложенъ, и только съ трудомъ спасся отъ ярости народа. Предложенія Гракха были приняты и назначены лица, которымъ поручено было привести ихъ въ исполненіе.

Между тѣмъ, дальнѣйшими предложеніями Гракхъ воору-

жилъ противъ себя сословіе всадниковъ, которые поэтому при предстоящихъ выборахъ новаго трибуна употребили всѣ усилія на то, чтобы Гракхъ не былъ вновь избранъ.

Рано утромъ въ назначенный для выборовъ день множество народа толпилось въ Капитоліи. Всѣ готовы были подать голосъ въ пользу Гракха. Въ собраніи сената, имѣвшемъ свое засѣданіе въ близъ лежащемъ храмѣ Вѣрности, вошли его противники о томъ, какъ бы воспрепятствовать выбору. Тогда Фульвіусъ Флаккъ, другъ народа, выбѣгаетъ изъ собранія и сообщаетъ Гракху, что приготовляются дѣйствовать противъ него силою. Произошла тревога, потому что стоящіе вдали друзья Гракха хотѣли знать, что случилось. Гракхъ хочетъ сказать во всеуслышаніе, что готовятъ ему въ сенатѣ, но шумъ не позволяетъ разслышать его голоса. Тогда онъ поднимаетъ руку къ головѣ, чтобы показать, что жизни его угрожаетъ опасность. Враги видятъ это. Они спѣшатъ въ сенатъ съ крикомъ: Гракхъ требуетъ короны. Сенаторы пристаютъ къ консулу Муцію Сцеволѣ съ требованіемъ позаботиться о безопасности государства. Но онъ отказывается принять чрезвычайныя мѣры.

Тогда поднимается верховный жрецъ Сципіонъ Назика.

Консулы измѣняютъ государству, говоритъ онъ, кто хочетъ спасти его, слѣдуй за мною. Онъ спѣшитъ къ мѣсту народнаго собранія. Многіе пристаютъ къ нему; они отбираютъ оружіе у изумленныхъ друзей Гракха и разгоняютъ толпу. Самъ Гракхъ ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, и спѣшитъ сбѣжать внизъ съ капитолійскаго холма. Но въ бѣгствѣ оскользается и падаетъ; враги нагнали его и умертвили. Съ нимъ погибло 300 человѣкъ гражданъ, которыхъ трупы таскали по городу и потомъ бросили въ Тибръ. Въ послѣдствіи рѣшеніемъ сената приговорены къ изгнанію и многіе другіе приверженцы Гракха.

* * *

Со смертью Гракха дѣло его не умерло. То, что было подавлено силою, скоро получило новую силу, когда братъ убитаго Кайусъ Гракхъ, пламенный характеръ, явился во главѣ народной партіи.

Облеченный трибунатомъ, онъ предложилъ выдавать народу хлѣбъ изъ общественныхъ магазиновъ по низкой цѣнѣ, солдатамъ одежду на казенный счетъ; равнымъ образомъ онъ желалъ измѣнить подачу голосовъ въ пользу плебеевъ, и возобновилъ предложеніе аграрныхъ законовъ, которые принуждали богатыхъ отказаться отъ своихъ земель. Онъ довелъ дѣло до того, что рѣшено было ежегодно дѣлить между бѣдными опредѣленную часть государственной земли.

Когда онъ по прошествіи года долженъ былъ по закону сложить съ себя званіе трибуна, народъ снова выбралъ его, что не дозволялось закономъ. И тутъ-то онъ рѣшился провести такіе законы, которые уничтожали всякое различіе сословій и глубоко оскорбляли знать. Онъ разошолся даже съ народомъ потому, что предложилъ дать латинскимъ союзникамъ полное право римскаго гражданства.

Противники Гракха выставили другаго трибуна, Ливія Друза, чтобы новыми предложеніями, еще болѣе льстившими народу, отклонить толпу отъ Гракха. И когда минулъ еще годъ и Гракхъ рѣшился искать трибуната въ третій разъ, то увидѣлъ, что вліяніе его на народъ ослабѣло, такъ что едва можно было расчитывать на исполненіе желанія.

Наступилъ день собранія народнаго. Отъявленный врагъ Гракха, Опимусъ, суровый и жестокій человѣкъ, былъ консуломъ; онъ уже успѣлъ отмѣнить много Гракховыхъ законовъ. По его приказанію вооруженные люди заняли самые важные пункты Капитолія. Потомъ принесена была обычная жертва. Одинъ изъ ликторовъ понесъ внутренности убитыхъ

животныхъ чрезъ мѣсто народнаго собранія. Когда онъ приблизился къ густымъ рядамъ Гракховыхъ друзей, закричалъ имъ: Вы, худые граждане! Дайте мѣсто честнымъ людямъ. Раздраженный такимъ ругательствомъ народъ сбилъ ликтора съ ногъ и умертвилъ его. Тотчасъ сенатъ назначилъ консула диктаторомъ.

На слѣдующій день Гракха потребовали къ суду, чтобы отвѣчать за своихъ приверженцевъ, убившихъ ликтора. Гракхъ не принялъ приглашенія, и удалился съ Фульвіемъ Флакномъ и всѣми вооруженными приверженцами на авентинскую гору. Отсюда онъ послалъ въ сенатъ уполномоченнаго для переговоровъ. Но Опимій отослалъ посла назадъ, не выслушавъ его предложеній. Гракхъ послалъ другаго, Опимій велѣлъ арестовать его и посадить въ въ тюрьму. Потомъ съ вооруженною толпою онъ двинулся къ авентинской горѣ и потребовалъ, чтобы приверженцы Гракха сложили оружіе и выдали своего вождя. Въ томъ и другомъ было отказано консулу, дѣло дошло до битвы, авентинскій холмъ былъ взятъ и Опимій побѣдилъ.

Кайусъ Гракхъ бѣжалъ, двое друзей прикрывала его бѣгство чрезъ мостъ на Тибрѣ. Онъ достигъ рощи Фурій и тутъ нашолъ смерть. Говорятъ, что одинъ изъ сопровождавшихъ его рабовъ умертвилъ его по его же просьбѣ; другіе утверждали, что враги настигли его и убили (121 г. до Р. Х.). Со смертью Гракховъ замолкла на время надежда на возстановленіе правъ народа въ ущербъ знати.

КИМВРЫ И ТЕВТОНЫ.

Во время грахховъ, когда сдѣланы были послѣднія попытки снова твердо поставить колеблющіяся основы республики, Римъ владѣлъ тремя полуостровами, выдающимися изъ европейскаго материка въ средиземное море. Правда оставались еще по мѣстамъ непокоренныя племена, напр. на сѣверѣ и западѣ Испаніи, въ лигурійскихъ долинахъ Альповъ, въ горахъ Македоніи и Оракіи, но онѣ мало или совсѣмъ не опасны были для римскаго господства. Но за то по ту сторону Пиренеевъ, Альповъ и Балканъ въ огромныхъ рѣчныхъ областяхъ Дуная, Рейна и Роны двигались туда и сюда массы народовъ, которыя до сихъ поръ не обращали на себя вниманія, теперь же начали значительно постукивать въ ворота сѣверно-италійскихъ горъ; они давали знать Риму, что за горами живутъ еще люди, которые не покорены Римомъ.

Съ этими-то народами, которые различались другъ отъ друга и численностью и мужествомъ, пришлось Риму нерѣдко сталкиваться, и невсегда побѣда вѣнчала римское оружіе. Однако мало по малу удалось Риму обезопасить сѣверныя границы отъ ихъ вторженій, и войти со многими изъ этихъ народцевъ въ дружественныя отношенія; только съ однимъ изъ нихъ дошло дѣло до важныхъ столкновеній. Народъ этотъ до сихъ поръ не былъ извѣстенъ Риму.

Этотъ народъ были кимвры или цимбры (то есть боевые люди, или разбойники, какъ называли ихъ римляне), которые уже съ давнихъ поръ, безустанно, при неимѣніи постояннаго мѣста жительства, бродили по сѣверной окраинѣ

дунайскаго ландшафта, который уже занятъ былъ кельтами (галлами). Они пришли съ дальняго сѣвера, о которомъ извѣстія едва доходили до Рима, и сначала напали на Бойевъ, которыхъ частію вытѣснили. Они были отличны отъ кельтовъ по происхожденію, нравамъ и образу жизни, но были родственными тевтонамъ, которые въ послѣдствіи присоединились къ нимъ. Еще никогда римляне не видали такого множества кочующаго народа. Эти тысячи непреоборимо тѣснились впередъ съ женами и дѣтьми, съ своими пожитками; они вели безпокойную жизнь, подобную жизни номадовъ, но не имѣли стадъ. Располагались на стоянку или отдыхъ не подъ шатрами или въ наскоро сдѣланныхъ изъ хвороста шалашахъ, — повозка была ихъ домомъ; подъ ея кровлею, покрытою кожею, находили мѣсто не только домашній скарбъ, но женщины и дѣти, даже собака, вѣрный спутникъ ихъ кочевой жизни, тутъ помѣщался. Съ удивленіемъ смотрѣли жители Италіи на этихъ сыновъ сѣвера, высокихъ, стройныхъ и крѣпко сложенныхъ мужей, съ бѣлокурыми волосами и свѣтлокоричневыми глазами, приближающихся къ ихъ границамъ. Столь же крѣпкія женщины, почти равныя мужчинамъ по росту и силѣ, дѣти съ старческими волосами, — сколько удивительнаго для италійца, который еще не видалъ ничего подобнаго.

И чего хотятъ эти пришельцы? Они пришли вооруженные; мѣдный, часто богато отдѣланый шлемъ защищалъ голову, узкій щитъ — тѣло, на которомъ у нѣкоторыхъ были панцыри; большой мечъ служилъ и наступательнымъ и оборонительнымъ оружіемъ. Между ними было мало всадниковъ, въ этомъ римляне далеко превосходили ихъ; къ тому же они не имѣли никакого понятія о военномъ искусствѣ. Боевой строй ихъ былъ очень простъ, это была фаланга, раздѣленная на равное число частей въ ширину и глубину. Когда дѣло доходило до нападенія, мужи поднимали страшный боевой ревъ, а женщины и дѣти ударяли въ кожанные кузова

повозокъ, чтобы увеличить шумъ. Ихъ жрицы — жрецовъ они не имѣли—старыя старухи, одѣтыя въ бѣлыя льняныя одежды, босыя, предсказывали будущее по внутренностямъ принесенныхъ въ жертву военноплѣнныхъ.

Подобно морской волнѣ катился этотъ народъ къ сѣвернымъ границамъ римскаго государства, то быстро стремясь впередъ, то останавливаясь и рыская въ сторону. Но напоръ дѣлался все сильнѣе, и римлянамъ неизбѣжно приходилось столкнуться съ врагами. Если бы Римъ вступилъ въ открытую борьбу съ этими мужами, можетъ быть ему удалось бы сдѣлать ихъ союзниками и дружественными сосѣдями. Но сенатъ послалъ консула Папирія Карбона, который хитростью заманилъ ихъ въ западню, потомъ напалъ на нихъ, но потерпѣлъ совершенное пораженіе; враги окончательно уничтожили бы войско римское, если бы не помѣшало ненастье, сдѣлавшее невозможнымъ продолженіе битвы. Съ тѣхъ поръ не было мѣста для дружескихъ отношеній кимвровъ къ римлянамъ,—только отъ силы меча можно было ждать рѣшенія, кто долженъ уступить, кимвры римлянамъ, или послѣдніе первымъ.

* * *

Въ теченіе пяти лѣтъ римляне терпѣли пораженія въ борьбѣ съ дотолѣ невѣдомымъ врагомъ. Правда, тогда еще никто не думалъ, чтобы чуждое племя могло сильно потрясти римское государство. Но когда къ неудачамъ Карбона, Силана и Лонгина присоединились еще неудачи проконсула Цепіона и консула Маллія Максима, которые были на голову разбиты при Араузіо на лѣвомъ берегу Роны, тогда дрогнулъ Римъ, какъ нѣкогда при нашествіи кельтовъ; самымъ непобѣдимымъ мужамъ казалось, что зашатались основы непобѣдимаго государства. Гдѣ искать спасенія?

Внутреннее положеніе государства и главнаго города, въ

которомъ составлялись планы защиты отъ враговъ и избирались люди, которые должны распоряжаться этою защитою, было также печально. Старая вражда между патриціями и плебеями возгорѣлась снова. Ярость плебеевъ обращена была въ особенности на Цепіона, потому что онъ, изъ зависти къ Максиму, одинъ бросился на враговъ при Араузіо и чрезъ то потерпѣлъ пораженіе. Вопреки всякому праву и закону, онъ былъ отрѣшонъ отъ званія проконсула въ бурномъ народномъ собраніи, которое обвиняло его въ государственной измѣнѣ. Тѣ, которые желали воспрепятствовать такому незаконному дѣйствію, подверглись преслѣдованію, въ нихъ бросали камнями. Съ трудомъ удалось одному изъ друзей спасти жизнь Цепіону.

Раздираемый партіями народъ не могъ составить никакого обдуманнаго плана, не могъ принять никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Но опасность была близка; чтобы отвратить ее нуженъ былъ энергическій человѣкъ и опытный полководецъ. Такихъ людей было довольно, но они не были угодны народу, который еще разъ созналъ свою силу и далъ почувствовать ее патриціямъ. Кайусъ Марій, сынъ крестьянина, былъ вопреки закону пять разъ подрядъ избранъ консуломъ и получалъ главное начальство надъ войскомъ. Патриціи соглашались, не имѣя возможности воспрепятствовать этому избранію,—слѣдствія показали, что на этотъ разъ народъ не ошибся въ выборѣ.

Скоро римское войско, предводимое дѣльными офицерами, стояло по ту сторону Альповъ, но уже не нашло здѣсь страшнаго врага. Кимвры послѣ сраженія при Араузіо опустошили страну къ западу отъ Роны, перебрались чрезъ Пиренеи, чтобы познакомиться съ плодородными областями Испаніи. Марій воспользовался временемъ для того, чтобы укрѣпить колебавшуюся вѣрность покоренныхъ галльскихъ племенъ, и упражнять войска маршами и постройкою шанцевъ.

* *
*

Толпы кимвровъ потянулись назадъ чрезъ Пиренеи, дошли до Сены, гдѣ встрѣтили мужественное сопротивленіе отъ бельговъ. За то здѣсь съ кимврами соединился родственный имъ народъ—тевтоны, подъ предводительствомъ Тевтобода; оба народа рѣшились теперь вторгнуться въ Италію.

На пути къ югу обѣ толпы отдѣлились другъ отъ друга, кимвры искали проходовъ чрезъ восточные Альпы, тевтоны пробирались чрезъ римскую Галлію къ западнымъ Альпамъ. Здѣсь они въ первый разъ наткнулись на римлянъ, которые стояли въ хорошо укрѣпленномъ лагерѣ при впаденіи Изеры въ Рону. Три дня тевтоны съ неистовствомъ бросались на лагерь. Но окопы были крѣпки и полководцы на этотъ разъ болѣе разумны: тевтоны должны были отступить.

Такимъ образомъ римляне не позволяли имъ идти далѣе. Но тевтоны нашли себѣ дорогу. Будучи не въ состояніи овладѣть сильно укрѣпленнымъ лагеремъ, они пошли мимо лагеря, и римское войско не препятствовало имъ идти. Шесть дней продолжалось движеніе ихъ около лагеря, потому что при войскѣ былъ большой багажъ. Тевтоны съ насмѣшкою кричали римлянамъ, стоящимъ на лагерномъ валу, не имѣютъ ли они какихъ либо порученій въ Римъ своимъ женамъ. Марій не трогался съ мѣста, чтобы задержать непріятеля. Когда же тевтоны прошли, двинулся и Марій вслѣдъ за ними. Тевтоны шли внизъ по Ронѣ къ приморской дорогѣ и добрались до города Аквасекстіа. Здѣсь римляне напали прежде всего на непріятельскій арріергардъ у того мѣста, гдѣ непріятель бралъ воду. Скоро сраженіе сдѣлалось общимъ, хотя тевтоны и не были приготовлены къ нему. Все новые и новые отряды легіоновъ, жаждущихъ битвы послѣ продолжительнаго отдыха, стремились на тевтоновъ, которые должны были отступить въ свой обозъ.

Чрезъ три дня опять произошла битва, Марій поставилъ свое войско на холмѣ и ожидалъ нападенія. Смѣло тевтоны ударили на римское войско и храбро бились до самаго полудня. Когда же жаръ провансальскаго солнца истомилъ ихъ силы, строй ихъ поколебался. Отрядъ римскихъ смѣльчаковъ, ударившій имъ въ тылъ изъ лѣсистой засады, привелъ въ ужасъ истомленное войско, оно обратилось въ бѣгство. Кто не погибъ отъ меча побѣдителей, тотъ попался въ плѣнъ. Между военнопленными находился и царь Тевтободъ, между убитыми было много женщинъ. Съ этой стороны границы римскаго государства была въ безопасности. Старое счастье римскаго оружія ожило снова (102 г. до Р. Х.).

Но Марій еще не могъ думать о томъ, чтобы возвратиться домой. Кимвры въ соединеніи съ гельветами уже стояли въ италійской равнинѣ. Консулу Квинту Лутацію Катуллу, мало знакомому съ мѣстностью, не удалось остановить враговъ. Когда наступила зима, тевтоны начали хлопотать о жилищахъ, они думали, здѣсь погостить на богатыхъ запасахъ продовольствія. Между тѣмъ Марій повелъ свои легіоны на По. Здѣсь, около Верцеллъ, неподалеку отъ впаденія Сезіи въ По, произошла рѣшительная битва. Сначала вожди двухъ войскъ, стоящихъ другъ противъ друга, имѣли переговоры; битва назначена на другой день, какъ того желали кимвры, и раудійское поле сдѣлалось театромъ сраженія (101 г. до Р. Х.).

При густомъ утреннемъ туманѣ римская конница напала на конницу непріятелей и отбросила ее въ ряды непріятельскаго войска. Конница привела въ безпорядокъ пѣхоту, и римляне одержали полную побѣду гораздо легче, чѣмъ это могло казаться. Счастливы были тѣ изъ кимвровъ, которые нашли смерть на полѣ битвы, между ними былъ храбрый царь Бойориксъ, счастливы въ сравненіи съ тѣми, которымъ пришлось въ отчаяніи наложить руку самимъ на

себя, или которымъ выпало на долю стоять на римскомъ рынкѣ, гдѣ продавали рабовъ.

Народная лавина, въ теченіе тринадцати лѣтъ бывшая ужасомъ народовъ, живущихъ отъ Дуная до Эбро, отъ Сены до По, теперь замолкла частію въ сырой землѣ, частію въ рабствѣ. Не было больше кимвровъ—народа безъ отчизны, не было ихъ союзниковъ. Римъ собралъ новые лавры, чтобы просоединить ихъ къ старымъ, но вражда партій пересиливала радость побѣды. Знатный Катуллъ не хотѣлъ уступить плебейскому Марію славу побѣды. Но напрасно! Въ этотъ моментъ народная партія была господствующею, и она-то дала предпочтеніе побѣдителю при Аква Секстіа и Верцеллахъ.

КАЙУСЪ МАРІЙ, КОНСУЛЪ.

На границахъ государства водворился миръ, подавленные народы и не пробовали низвергнуть наложенное на нихъ иго, но надъ самымъ Римомъ грозно носились мрачныя тучи раздора. Приближались дни гражданскихъ войнъ, несчастные дни, приготовившіе государству паденіе.

Кайусъ Марій былъ теперь лицомъ, отъ котораго Римъ ожидалъ спасенія. Сынъ бѣднаго поденщика изъ арпинской деревни, которая и нынче еще носитъ названіе Маріевой родины—Каземаре, онъ выросъ за плугомъ въ столь бѣдственномъ положеніи, что даже въ Арпинумѣ доступъ къ общиннымъ должностямъ былъ для него закрытъ. Но онъ

въ молодости научился тому, чѣмъ отличался въ послѣдствіи, научился выносить холодъ и голодъ и спать на голой землѣ. Едва онъ подросъ, какъ вступилъ въ военную службу, и въ трудной испанской войнѣ получилъ офицерское званіе. Онъ обратилъ на себя вниманіе своего военачальника отличной исправностью въ службѣ, онъ любилъ своего коня и заботился о немъ, оружіе его всегда было чисто и исправно, въ сраженіи онъ былъ однимъ изъ храбрѣйшихъ, въ лагерѣ самымъ умѣреннымъ и честнымъ воиномъ. И все таки онъ не былъ въ состояніи достигнуть высшихъ офицерскихъ мѣстъ, въ этомъ помѣхою ему были низкое происхожденіе и незнаніе тонкаго обращенія; равнымъ образомъ у него не было состоянія и связей. Скоро однакожь онъ достигъ и того и другаго, перваго счастливыми торговыми спекуляціями, втораго женитьбою на дочери изъ патриціанскаго рода Юліевъ. Такъ онъ достигъ преторства и получилъ въ управленіе Испанію, потомъ сдѣлался консуломъ; въ званіи проконсула онъ велъ африканскую войну, и плѣнилъ царя Югурту. Побѣды надъ тевтонами и кимврами сдѣлали его самымъ славнымъ лицомъ въ Римѣ. При всемъ томъ онъ не вошолъ въ кругъ патриціевъ. Голосъ его былъ грубъ и слишкомъ громокъ, взглядъ дикъ, какъ будто онъ постоянно видѣлъ предъ собою ливійцевъ и кимвровъ, а не воспитанныхъ, тонко образованныхъ римлянъ: Сенатъ онъ оскорблялъ несоблюденіемъ этикета: въ костюмѣ тріумфатора онъ вломился въ собраніе сенаторовъ. Неподкупный человѣкъ, врагъ всякой ненужной роскоши, онъ слишкомъ тяжолъ былъ для знатныхъ. Онъ дремалъ въ греческомъ театрѣ, потому что понималъ только по римски; столъ его былъ простъ, потому что онъ держалъ посредственнаго повара. Онъ въ обращеніи оставался простолюдиномъ, былъ солдатомъ по призванію, ни больше, ни меньше.

При тогдашнемъ положеніи дѣлъ ему предстояло стоять во главѣ народной партіи и защищать ея права. Онъ не

годился на это дѣло, потому что презиралъ тайныя, безчестныя средства, которыми только и можно было достигнуть цѣли; онъ былъ слишкомъ честенъ для того, чтобы доставить побѣду одной партіи на счетъ другой. Опорою его значенія было войско, а оно состояло большею частію изъ народа, который на него возлагалъ всѣ свои надежды. Люди, соединившіеся съ нимъ для борьбы съ знатью, не могли склонить его на рѣшительныя, хоть и не совсѣмъ честныя мѣры; и герой, никогда не дрожавшій предъ врагами, не могъ побѣдить душевнаго волненія, не могъ скрыть непріятнаго чувства, когда толпа ему рукоплескала.

Такъ нѣкоторое время партія, выдвинувшая Марія, старалась воспользоваться его значеніемъ и злоупотребляла его нерѣшительностію; наконецъ пришолъ часъ, когда должно было прямо высказаться, доросъ ли Марій до того положенія, въ какое поставилъ его народъ. Вождь патриціевъ, Кайусъ Меммій былъ убитъ палками,—шайка всякаго сброда напала на него во время консульскихъ выборовъ. Патриціи, бывшіе тогда въ силѣ, только и ожидали подобнаго случая. Сенатъ требовалъ, чтобы консулъ Марій объявилъ себя противъ этого дѣла, и Марію не оставалось другаго выбора, какъ употребить противъ народа мечъ, данный ему отъ народа. Поспѣшно собрано было юношество, вооружено изъ общественныхъ оружейныхъ складовъ и устроено по военному. Вооруженные сенаторы явились на площадь и во главѣ ихъ Маріусъ Скавръ. Народная партія, хотя и страшная по уличнымъ крикамъ, все таки не была приготовлена къ формальному нападенію. Ей оставалось только обороняться какъ попало, а для самозащищенія всякое средство казалось пригоднымъ. Она выломала ворота темницъ и призвала къ оружію преступниковъ и рабовъ. На площади произошла битва, въ стѣнахъ города первая съ тѣхъ поръ, какъ стоялъ Римъ; къ несчастію она не была и послѣднею. Исходъ битвы не могъ быть ни на минуту сомнительнымъ. Плебеи

были разбиты и оттѣснены въ Капитолій, гдѣ имъ отрѣзали воду и тѣмъ принудили сдаться. Знатное юношество взобралось на кровлю куріи на площади, разобрало черепицы на кровлѣ того дома, въ который согнаны были сдавшіеся изъ народа, и побило ихъ черепицами. Марій, имѣвшій возможность легко спасти жизнь своимъ сторонникамъ, не былъ болѣе главою событій. Онъ разошолся съ обѣими партіями и оставилъ Римъ, въ которомъ никто не жалѣлъ объ немъ. А когда онъ снова возвратился въ Римъ, взіяніе его на дѣла уже было потеряно.

СУЛЛА И ЦАРЬ МИТРИДАТЪ.

Въ то время, какъ уже начались страшныя гражданскія войны, стоившія римлянамъ тысячъ людей, при чемъ побѣдившая партія все таки не могла надолго обезпечить за собою власть, съ востока грозило римскому государству страшное потрясеніе.

На небольшой прибрежной полосѣ Чернаго моря, въ Понтѣ, жилъ грубый, но храбрый народъ, которымъ управлялъ царь Митридатъ въ то время, когда на улицахъ Рима бились Сулла и Марій за первенство. Послѣ ранней смерти своего отца, который палъ въ Синопѣ отъ руки убійцы, одиннадцатилѣтній принцъ долженъ былъ скрываться отъ преслѣдованій своей матери и опекуновъ. Въ теченіе семи лѣтъ онъ велъ непостоянную, бродячую жизнь охотника, онъ принужденъ былъ каждую ночь перемѣнять свой ночлегъ, чтобы

избѣжать преслѣдователей. Такъ онъ сдѣлался сильнымъ человѣкомъ, готовымъ на всякіе труды и лишенія; всему этому много способствовали чрезвычайная тѣлесная крѣпость и здоровье.

Когда онъ выросъ, то добился власти надъ отцовскимъ наслѣдствомъ. Уже одного взгляда его было довольно для того, чтобы устрашить своихъ враговъ, онъ захватилъ ихъ въ свои руки и велѣлъ умертвить. Въ этомъ отношеніи всякая милость была чужда его сердцу, и теперь, и впослѣдствіи онъ поступалъ съ врагами своими съ чисто восточною жестокостью, съ чисто султанскою холодною кровью. Его мать, братъ, сестры, три сына и столько же дочерей, вмѣстѣ со многими другими ближайшими родственниками, были жертвами его свирѣпаго нрава, — онѣ были умерщвлены по повелѣнію царя.

По росту и дородству онъ сильно выдавался между своими современниками. Оружіе, которое онъ носилъ, возбуждало удивленіе въ тѣхъ, кому приходилось видѣть оное, — нигдѣ не видно было подобныхъ мощныхъ доспѣховъ. Во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ онъ далеко превосходилъ другихъ, былъ постоянно побѣдителемъ въ битвахъ на аренѣ, при чемъ конечно было опасно оспоривать у него лавры. На охотѣ онъ отличался необыкновенною быстротою и ловкостью, на бѣгу онъ опережалъ быстрѣйшую дичь; мчась во весь галопъ на ретивомъ конѣ, онъ никогда не пускалъ стрѣлы, которая бы не попала въ цѣль. Шло-ли дѣло о скорости, съ которою нужно было перенестись съ одного мѣста на другое, и тутъ не было соперниковъ у царя, который часто на перемѣнныхъ лошадяхъ скакалъ по двадцати пяти нѣмецкихъ миль въ сутки. На ристалищѣ онъ являлся съ запряжкою въ 16 лошадей, которыми онъ умѣлъ править и на которыхъ въ короткое время онъ пробѣгалъ большое пространство.

Равно никому онъ не уступалъ и за обѣдомъ, онъ лю-

былъ застольныхъ друзей, былъ здоровеннымъ ѣдокомъ, побѣдоноснымъ питухомъ, и все это сходило ему легко. При этомъ онъ не отказывался и отъ серьезныхъ умственныхъ занятій, хотя конечно не имѣлъ для нихъ особенно блестящихъ дарованій. Онъ много сидѣлъ надъ сопоставленіями и охотно углублялся въ греческія мистеріи. Не менѣе онъ любилъ греческое искусство и музыку, почему часто можно было видѣть при его дворѣ греческихъ ученыхъ и поэтовъ, которые иногда оставались на постоянное жительство у понтійскаго царя. Кромѣ того ему свойственна была безпримѣрная живость и бодрость, которыя объясняются его очень живымъ темпераментомъ, равно какъ его любознательностью, которую онъ обнаруживалъ вездѣ и ко всему. Однажды ни съ кѣмъ не простившись, онъ изчезъ изъ своего дворца,—всѣ думали, что онъ погибъ гдѣ нибудь, и вдругъ послѣ мѣсячнаго отсутствія онъ возвращается.

Онъ разъѣзжалъ по своему государству частнымъ человѣкомъ, чтобы узнать желанія и потребности своихъ подданныхъ, чтобы все видѣть своими глазами. И никто не былъ на то способнѣе царя, который, властвуя надъ двадцатью двумя народами, различно говорящими, могъ объясняться съ каждымъ изъ нихъ на его языкѣ: онъ давалъ всѣмъ имъ судъ на ихъ родномъ языкѣ и никогда не прибѣгалъ къ помощи толмача.

Такой-то человѣкъ владѣлъ прекраснѣйшею страною на землѣ; тутъ хлѣбныя поля смѣнялись лѣсами и плодовыми деревьями. По берегамъ понтійской области находились значительные торговые города: Трапезунтъ, Амизосъ, Синопе; меньше было городовъ внутри страны, но за то больше было замковъ и сильныхъ крѣпостей, которыхъ въ одной Малой Арменіи насчитывали до 75. Вся область распадалось на многія части. На восточномъ берегу Чернаго моря лежала Колхида съ важнымъ торговымъ городомъ Діоскуріасъ, который обращенъ былъ въ Понтійскую сатранію. Холмистые

ландшафты и безлѣсныя степи, тянущіяся къ сѣверу отъ Чернаго моря, покорены были оружіемъ Митридата. Различныя племена, которыя здѣсь вели кочевую пастушескую жизнь, большею частію конники, съ кожанымъ панцыремъ и кожанымъ шлемомъ, предки нынѣшнихъ козаковъ, были его данниками. Къ скиоамъ, живущимъ недалеко отъ Чернаго моря, примыкали сарматы, яниги и другія племена; съ ними сталкивались въ своихъ странствованіяхъ оракійскія племена, даже кельтовъ здѣсь было не мало; всѣ эти народы признавали власть царя. Онъ принудилъ и греческихъ поселенцевъ въ Крыму признать его власть: впрочемъ они готовы были добровольно подчиниться ему, такъ какъ видѣли въ немъ защитника отъ посягательствъ Рима.

Митридатъ распространялъ свою область къ востоку и западу. Онъ захватилъ Малую Арменію, вступилъ въ союзъ съ царемъ великой Арменіи и овладѣлъ въ Малой Азіи Пафлагоніею и Каппадокіею. Онъ составилъ сильное государство, въ которомъ проявилось такое могущество, какого давно уже не имѣли властители Азіи. Почти непостижимы были его средства на морѣ и сушѣ. Онъ набиралъ рекрутъ въ земляхъ отъ устьевъ Дуная до Кавказа и Каспійскаго моря. Оракійцы, скиоы, сарматы, бастарны, колхидцы, иберы тѣснились подъ его знаменами. Для флота Колхида доставляла ему ленъ, пеньку, смолу и воскъ, превосходный строевой лѣсъ, сплавляемый съ Кавказа; кормчихъ и офицеровъ нанимали въ Финикіи и Сиріи. Каппадокія доставляла царю десять тысячъ лошадей для шестисотъ военныхъ колесницъ съ серпами и восемдесятъ тысячъ пѣхоты; и все таки это далеко были не всѣ средства, которыя были въ распоряженіи царя. Его флотъ, опираясь на превосходную гавань Синопе, господствовалъ безъ соперниковъ на понтѣ Эвксинскомъ (Черное море.)

Между тѣмъ Римъ, раздираемый партіями внутри, все еще не рѣшался остановить царя въ его смѣлыхъ предпріятіяхъ,—

наконецъ вынужденъ былъ взяться за оружіе. Но не легкая была задача — выставить армію, равную арміи Митридата. Послѣдній собралъ, не считая армянскихъ запасныхъ войскъ, до 250,000 пѣхоты и 40,000 конницы, больше 300 понтійскихъ палубныхъ кораблей и 100 открытыхъ судовъ. Противъ такого войска нѣкоторое время стояло небольшое войско въ Азіи подъ начальствомъ Луція Кассія, въ истощенномъ казначействѣ не было денегъ.

При такихъ обстоятельствахъ царь началъ войну. При Аміаѣ, притокѣ Галиса, произошла первая битва, за которою послѣдовали другія. Скоро вся Малая Азія покорена была паремъ. Изъ Эфеса Митридатъ послалъ во всѣ зависящіе отъ него города и ко всѣмъ правителямъ повелѣніе умертвить въ назначенный день всѣхъ италійцевъ, находящихся въ ихъ областяхъ, свободныхъ и рабовъ, безъ различія пола и возраста; восемдесятъ тысячъ, по другимъ извѣстіямъ, сто пятьдесятъ тысячъ пало жертвою этого указа. Потомъ царь обратился на Европу, занялъ Делосъ и Эвбею, и послѣ переговоровъ вступилъ побѣдителемъ въ Аѳины. Тотчасъ пристали къ нему маленькія республики до самой Оессаліи.

* * *

Въ это время на улицахъ Рима текла кровь его гражданъ. Сулла вторгнулся съ своими легіонами въ городъ, чтобы низложить непріязненную ему партію Марія. Это ему удалось, но великодушно предпочитая личному благу благо отечества, онъ отплылъ съ пятью легіонами (30,000 человѣкъ) въ Азію, чтобы вести противъ Митридата войну, порученную ему сенатомъ. Это было во всякомъ случаѣ смѣлымъ шагомъ, если принять во вниманіе, что онъ не получилъ денегъ на войну и долженъ былъ самъ создать въ непріятельской странѣ средства для содержанія арміи. Но Сулла не испугался такой задачи.

Высадившись въ Эпирѣ, Сулла двинулся въ Беотію. Тутъ онъ разбилъ враговъ и почти безъ сопротивленія овладѣлъ греческимъ материкомъ. Только Аѳины и Пирей оставались въ рукахъ враговъ. Оставивъ гарнизонъ въ Ѳессаліи, онъ сталъ лагеремъ при Элевзисѣ въ Мегарѣ. Слѣдующею весною взяты были Пирей и Аѳины. Тогда достигла Азіи вѣсть о низложеніи въ Римѣ партіи Суллы; сенатъ назначилъ консула Марка Валерія Флакка на мѣсто Суллы, и этотъ уже отправился въ походъ, чтобы принять на себя веденіе войны.

Между тѣмъ Митридатъ самъ выступилъ противъ Суллы. На равнинѣ Кефисса, недалеко отъ Херонеи, встрѣтились войска. Азіатская армія численностью втрое превосходила римскую и имѣла особенно сильную конницу. Римляне по обыкновенію стояли въ крѣпкомъ лагерѣ. Когда боевыя колесницы азіатцевъ загремѣли и открыли сраженіе, передніе ряды римлянъ отступили за палисады. Колесницы ударялись о столбы и отскакивали отъ нихъ; лошади, испуганныя римскими пращниками и стрѣлками, бросились на собственный строй и произвели безпорядокъ. Чтобы дать пѣхотѣ время опять построиться, конница выскочила впередъ, съ жаромъ напала на римскій строй и прорвала оный. Но римскіе ряды сходятся снова и сомкнутыми массами выдерживаютъ напоръ всадниковъ. Тогда самъ Сулла на правомъ крылѣ повелъ свою конницу во флангъ непріятелю, принудилъ къ отступленію пѣхоту, за которою скоро послѣдовали и азіатскіе всадники. Общій напоръ римской пѣхоты, которая успѣла вздохнуть во время отступленія непріятельской конницы, рѣшилъ битву. Такъ какъ ворота непріятельскаго лагеря были заперты, рѣзня предъ ними была страшная; когда же отворены были ворота, римляне вломились туда вмѣстѣ съ азіатцами. Едва двѣнадцатая часть войска вынесла отсюда всю жизнь.

За этимъ пораженіемъ скоро послѣдовало второе, также въ кефисской равнинѣ при Орхоменѣ, и въ концѣ третьяго

года войны европейскій материкъ былъ очищенъ отъ враговъ и Сулла могъ занять зимнія квартиры въ Θессаліи. Назначенный отъ сената ему въ преемники консулъ Флаккъ палъ жертвою возмущенія своихъ легіоновъ; Флавіусъ Фимбрія, получившій послѣ него начальство, былъ разбитъ при Тіатейрѣ, бѣжалъ въ Пергамъ и бросился на свой мечъ въ храмѣ Асклепія.

Съ Митридатомъ былъ заключенъ миръ, оставившій за нимъ его коренныя владѣнія; онъ долженъ былъ выдать плѣнниковъ и заплатить военныя издержки (85 г. до Р. Х.)

МАРІЙ И СУЛЛА, ДИКТАТОРЪ.

Въ то время, какъ Сулла отправился на войну въ Азію, изгнанный Маріи поднялъ оружіе противъ Рима. Ворота города растворились предъ его легіонами, но онъ вступилъ въ городъ не раньше, чѣмъ отмѣненъ былъ приговоръ объ его изгнаніи. Потомъ онъ вступилъ не съ милостью, но съ безпощадною местью своимъ врагамъ. Знатнѣйшіе мужи изъ партіи оптиматовъ были умерщвлены, имущества ихъ конфискованы.

Что за зрѣлище представлялъ городъ? Въ теченіе пяти дней ворота оставались запертыми, никого не выпускали, чтобы никто изъ обреченныхъ на смерть не избѣжалъ ея. По улицамъ проходилъ человѣкъ, окруженный палачами съ бѣлыми сѣкирами, свирѣпъ его взглядъ. Когда-то онъ носилъ одежду тріумфатора и народъ рукоплескалъ побѣдителю при

Аква-Секстіа и Верцеллахъ. Семь разъ народъ возлагалъ на него консульское достоинство, почитая въ немъ спасителя отечества. А теперь, когда народъ отвернулся отъ него—такъ измѣнчиво расположеніе народа—теперь онъ вступаетъ въ городъ съ сѣкирою палача въ рукѣ. Онъ хочетъ не раньше положить ее, какъ утоливъ въ крови своихъ согражданъ свою мстительную, черствую душу.

Когда-то одного взгляда Марія довольно было, чтобы осчастливить того, кто хотѣлъ согрѣться блескомъ его славы; теперь этого взгляда довольно для каждаго, чтобы сложить свою голову къ его ногамъ. Какъ довольны были когда то тѣ, которымъ удавалось мимоходомъ встрѣтить его и послать ему привѣтствіе, хотя бы оно было принято съ холоднымъ молчаніемъ! Теперь всякій, кто только можетъ, избѣгаетъ встрѣчи съ нимъ, потому что тотъ, кому онъ не отвѣчаетъ на привѣтствіе, переходитъ въ руки палача, который на мѣстѣ исполняетъ безмолвный намекъ своего господина.

Луціусъ Мерула, жрецъ Юпитера, сложилъ свою жреческую головную повязку у алтаря Юпитера, какъ того требовала обязанность умирающаго фламина; потомъ открылъ себѣ жилы, чтобы избавить палача отъ кроваваго труда. Обвиняемый въ тяжкихъ преступленіяхъ, онъ предвидѣлъ, что ему не избѣжать смертнаго приговора. Равнымъ образомъ и прежній товарищъ Марія по оружію, консулъ Квинтусъ Катулъ соучастникъ его побѣдъ и тріумфовъ надъ кимврами, былъ приговоренъ къ смерти. Чтобы сохранить жизнь этого достойнаго человѣка, родственники его обратились къ Марію съ просьбами. Неумолимый тиранъ совершенно равнодушно произнесъ: онъ долженъ умереть.

Жажда крови была въ Маріѣ ненасытима; его мстительность не удовлетворялась смертью жертвы. Трупы мертвыхъ лежали на улицахъ города, оставленные въ пищу собакамъ и птицамъ,—Марій запретилъ хоронить несчастныхъ. Ужасъ овладѣвалъ тѣми, кому приходилось быть на площади. На

ораторской трибунѣ торчали головы убитыхъ сенаторовъ,— такъ приказано было Маріемъ. Какъ только глазъ отвращался отъ этого непріятнаго зрѣлища, встрѣчалъ другое еще болѣе страшное: обагренные кровью помощники палача таскали по форуму трупы,—такъ угодно было Марію.

Неистовство тирана было до того велико, что онъ самъ не пренебрегалъ должностью палача. Ораторъ Антоній былъ приговоренъ къ смерти, но его не могли сыскать. — Маріи свирѣпствовалъ. Наконецъ открыли убѣжище Антонія; тогда въ изступленіи Маріи вскочилъ, чтобы собственноручно отрубить ему голову; съ трудомъ удержали его приближенные. Успокоившись, онъ сѣлъ обѣдать. И какъ только полицейскій, совершившій кровавый приговоръ, принесъ къ нему голову Антонія, Маріи обнялъ раба, а голову велѣлъ поставить предъ собою на столѣ, чтобы насладиться этимъ ужаснымъ видомъ.

Нѣкогда высокоцѣнимый за свою привѣтливость, прямодушіе и честность, гордость согражданъ въ первое свое консульство, посмѣшище въ шестое, въ седьмое консульство Маріи заслужилъ проклятіе всѣхъ партій, ненависть цѣлаго народа. Онъ сталъ безумнымъ главою шайки грабителей. Кажется онъ самъ это чувствовалъ. Бурно текутъ его дни, и ночью онъ не находитъ покоя; фуріи его совѣсти бичуютъ убійцу, его ужасаютъ кровавые образы его жертвъ, они носятся какъ привидѣнія около его одра. Онъ беретъ чашу, чтобы виномъ затопить свою совѣсть. Слѣдствіемъ была жестокая горячка. Семь дней онъ бредилъ дикими фантазіями; ему видѣлось, что онъ на поляхъ Азіи въ битвахъ съ Митридатомъ, а лавры побѣдъ достаются Суллѣ. Наконецъ совершенно истощенный онъ падаетъ бездушнымъ трупомъ на свое ложе. При вѣсти о смерти семидесятилѣтняго старца вздохнулъ Римъ, вся Италія радовалась (86 г. до Р. Х.)

* *
*

Луціусъ Корнеліусъ Цинна, сторонникъ Марія, хотя не соучастникъ его убійствъ, еще болѣе усилилъ власть свою, которая, послѣ недавняго правленія Марія, уже почти не отличалась отъ единодержавія. Четыре года подрядъ носилъ онъ консульство. Тогда Сулла возвѣстилъ заключеніе мира съ Митридатомъ; въ то же время онъ писалъ, что скоро явится въ Римъ, чтобы наказать виновниковъ кровопролитія. Цинна тотчасъ рѣшился оставить Римъ и переправить въ Иллирію преданныя ему войска. Сенатъ пытался отклонить его отъ такого намѣренія. Но онъ не слушалъ, отправился къ войску и велѣлъ садиться на суда. Уже была глубокая осень, вѣтры бушевали, волновалось море. Войска отказались повиноваться, и когда Цинна хотѣлъ усмирить ихъ, то самъ былъ убитъ. Товарищъ его Карбо принужденъ былъ возвратить уже переправленныя войска и занять зимнія квартиры въ Ариминумѣ.

Ближайшій выборъ консуловъ палъ на Луція Сципіона и Кайя Норбана, о Суллѣ не было и помину; избранные были его противники, хотя далеко не равные ему по талантамъ. При всемъ томъ у нихъ было больше ста тысячъ воиновъ, тогда какъ Сулла имѣлъ подъ рукою только пять легіоновъ, то есть не болѣе сорока тысячъ человѣкъ. Опять судьба Рима висѣла на концѣ меча.

Весною 83 г. до Р. Х. высадился Сулла на италійскій берегъ. Гдѣ только появлялись его легіоны, вездѣ ихъ принимали наилучшимъ образомъ. Со всѣхъ сторонъ шли къ нему подкрѣпленія. Квинтусъ Метеллъ прибылъ изъ горныхъ ущелій Лигуріи, куда онъ бѣжалъ изъ Африки, и получилъ опять начальство надъ войскомъ при Суллѣ. Кромѣ него многіе знаменитые люди собрались подъ знаменами Суллы. Кнеусъ Помпей, имѣвшій богатыя помѣстья въ Пи-

ценумѣ, пришолъ къ нему почти со всѣмъ населеніемъ страны, изъ котораго составилось три легіона.

Въ Кампаніи стояло главное непріятельское войско, подъ предводительствомъ Норбана, недалеко отъ Капуи, войско консула Сципіона находилось при Теанумѣ. Послѣ тщетныхъ переговоровъ, быстро разсѣяна была первая армія, самъ Норбанъ съ остаткомъ войска бѣжалъ въ Капую, и Сулла двинулся по аппіевой дорогѣ на Теанумъ. Впередъ посланы были гонцы съ предложеніемъ Сципіону мира. Сципіонъ принялъ предложеніе; для дальнѣйшихъ соглашеній назначено было свиданіе двухъ полководцевъ.

Въ сопровожденіи немногихъ спутниковъ они имѣли свиданіе, Сципіонъ очень готовъ былъ на уступки, Сулла также хлопоталъ о томъ, какъ бы порѣшить дѣло, не прибѣгая къ мечу. Такъ удалось имъ сойтись въ нѣкоторыхъ пунктахъ и обмѣняться взаимными обязательствами. Мирное рѣшеніе было уже близко.

Въ то время, какъ полководцы толковали о примиреніи, и солдаты обоихъ армій начали сходиться другъ съ другомъ. Рекруты Сципіона слушали съ удовольствіемъ разсказы опытныхъ въ войнѣ сулланцевъ, которые имѣли много денегъ, полученныхъ въ походѣ. Они садятся другъ около друга. Кубки ходятъ кругомъ, солдаты толкуютъ о кампаніи въ Азіи, объ опасности отечества. Они довѣрчиво болтаютъ другъ съ другомъ, между ними уже заключенъ товарищескій союзъ,—онъ обезпечиваетъ и союзъ вождей, если не дѣлаетъ его даже излишнимъ. Тогда изъ шатровъ вождей получено извѣстіе, что договоръ не состоялся; тотчасъ къ войску явился Сулла и объявилъ, что онъ готовъ на миръ, но Сципіонъ отказывается отъ него. Это извѣстіе быстро распространилось и въ лагерѣ Сципіона и принято съ неудовольствіемъ. Солдаты поднимаются и массами переходятъ въ лагерь Суллы. Общія объятія заключаютъ сцену и Сципіонъ остался одинокимъ. Онъ сложилъ свое досто-

ниство по требованію Суллы и былъ отправленъ подъ конвоемъ съ своими офицерами изъ лагеря. Тогда Сулла занялъ въ Кампаніи зимнія квартиры.

Послѣ столь блестящихъ успѣховъ при началѣ похода, можно было ожидать и благопріятнаго конца. Но и сенатъ теперь проснулся изъ своей сонливой дѣятельности. Карбо получилъ консульство въ третій разъ, а съ нимъ и Маріи—сынъ. Повсюду въ союзныхъ общинахъ набирались войска, и такъ какъ недоставало денегъ, начали обращать въ монету золотые и серебряные сосуды храмовъ,—такъ составилась сумма весьма значительная. Нигдѣ такъ ревностно не готовились къ войнѣ, какъ въ Самніумѣ и нѣкоторыхъ округахъ Луканіи, гдѣ не безъ основанія ожидали совершеннаго уничтоженія еще остававшагося у нихъ самоуправленія, какъ скоро власть перейдетъ въ руки Суллы.

Съ наступленіемъ весны война возобновилась. Сначала уничтожено было войско Марія—сына при Пренесте. Римъ долженъ былъ теперь перейти въ руки Суллы, — поэтому разбитый консулъ далъ повелѣніе начальствовавшему въ Римѣ претору Дамазиппу очистить городъ, но прежде того умертвить еще уцѣлѣвшихъ отъ Марія оптиматовъ. Дамазиппуссъ собралъ сенатъ, и частію во время засѣданія, частію во время бѣгства изъ сената погибло множество знати. Толпа въ нѣмомъ ужасѣ смотрѣла, какъ таскали трупы по улицамъ къ Тибру.

Войско Карбона было болѣе опасно для Суллы, но и оно не устояло; страшно свирѣпствовалъ мечъ побѣдителей въ рядахъ побѣжденныхъ. Послѣ десятилѣтнихъ потрясеній государства, Сулла возстановилъ спокойствіе и сильною рукою держалъ разшатавшуюся власть; онъ принялъ прозваніе Felix, счастливый.

* * *

Сто тысячъ человѣкъ пало жертвою этой гражданской

войны;—тѣмъ болѣе для каждаго теперь желательно было окончаніе кровопролитія. На Суллѣ сосредоточены были надежды на спокойствіе внутри государства и безопасность внѣшнюю. Скоро послѣ вступленія въ Римъ, которое привѣтствовали какъ начало мирной эры, Сулла собралъ сенатъ въ храмѣ Беллоны, чтобы дать ему отчетъ о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Недалеко отъ этого храма находилось 6,000 военноплѣнныхъ отъ битвы при Пренесте, которыхъ судьба еще не была рѣшена. Вдругъ, въ то время, какъ Сулла держалъ рѣчь, послышались звонъ оружія, крики и стоны умирающихъ. Сенаторы прислушиваются, нѣкоторые изъ нихъ вскакиваютъ съ мѣстъ своихъ, бросаются къ дверямъ, чтобы узнать, что значитъ этотъ шумъ. Но Сулла хладнокровно успокоиваетъ ихъ; онъ говоритъ, что далъ приказаніе наказать нѣкоторыхъ бездѣльниковъ. Потомъ онъ продолжалъ рѣчь, а его полиція рубила головы безоружнаго народа.

Римъ нуждался въ новомъ правленіи, только отъ новыхъ учрежденій можно было ожидать лучшаго быта. Сулла взялъ на себя ввести въ Римѣ новые порядки. Но для этого было необходимо уничтожить всѣхъ противниковъ, а такими были всѣ тѣ, которые не хотѣли положить оружіе, послѣ того какъ заключенъ былъ договоръ съ Сципіономъ. Они были объявлены лишенными покровительства законовъ, и за голову каждаго назначена была награда въ 3,000 талеровъ. Такимъ образомъ повторились ужасные дни Марія, потому что солдаты и палачи Суллы могли по произволу убивать тѣхъ, которые казались имъ подлежащими смертному приговору. Сорокъ сенаторовъ и тысяча шестьсотъ всадниковъ были умерщвлены въ нѣсколько дней частію въ собственныхъ жилищахъ, частію на улицахъ и въ храмахъ. Кромѣ того множество народа пало жертвою частной мстительности или просто страсти къ убійству. Убійства до того усилились, что молодой Кайусъ Метеллъ осмѣлился въ сенатѣ

просить Суллу, чтобы онъ по крайней мѣрѣ сказалъ имена тѣхъ, которые обречены на смерть. Такъ произошли проскрипціонные листы опальныхъ, которые по произволу Суллы появлялись отъ времени до времени, не сегодня такъ завтра. Несмѣтное множество богатѣйшихъ обитателей Италіи было жертвою этихъ списковъ, государственное казначейство получило 350 милліоновъ сестерцій или 24 милліона талеровъ конфискованныхъ имуществъ.

За тѣмъ Сулла началъ созидать зданіе новаго государственнаго устройства. По закону объ опальныхъ, дѣти и внуки ихъ объявлены лишенными чести и правъ, поземельный законъ отнялъ поземельную собственность у всѣхъ городскихъ и сельскихъ общинъ, враждебныхъ Суллѣ. Сорокъ семь легіоновъ наличнаго войска, расквартированнаго по всей Италіи, были организованы въ военныя колоніи съ полнымъ правомъ гражданства. Десять тысячъ мощныхъ и отчаянныхъ рабовъ получили свободу, образовали лейбъгвардію Суллы и получили прозваніе корнеліанцевъ. Народное право голоса было ограничено, уничтожены воззванія къ нему какъ къ послѣдней инстанціи административной и судебной. Трибуны потеряли право предлагать законы, это предоставлено было одному сенату. Сенатъ же получилъ отнятое у него со времени Гракховъ право суда и все управленіе провинцій, куда онъ посылалъ намѣстниковъ. Состоя до сего времени изъ 200 человѣкъ, онъ былъ увеличенъ до пятисотъ, триста всадниковъ получили мѣсто въ сенатѣ.

Устроивъ Римъ такимъ образомъ, Сулла,—консулъ и въ то же время диктаторъ, человѣкъ съ рѣдкими талантами, но двуличный по характеру, управлялъ государствомъ. Побѣдитель во всѣхъ сраженіяхъ, онъ могъ похвалиться успѣхомъ во всѣхъ дѣлахъ, за которыя брался. Стремясь вездѣ быть первымъ, онъ стремился ко власти не столько изъ честолюбія, сколько изъ желанія сдѣлать свое отечество великимъ и славнымъ. Съ страшною силою онъ положилъ

конецъ неурядицѣ; порядокъ же, введенный имъ, обнаруживалъ все обнимавшую волю единовластителя. Никогда онъ не дѣлалъ поворота назадъ; только когда закончилъ свое дѣло, въ прочности котораго можетъ быть самъ сомнѣвался, Сулла добровольно сложилъ свои достоинства и удалился въ уединеніе своей куманской виллы. Велико было изумленіе всѣхъ, многіе глубоко поражены были неожиданностію, когда человѣкъ, произвольно располагавшій жизнью и собственностію милліоновъ, по одному мановенію котораго пало столько головъ, одинъ безъ союзниковъ, безъ партіи, на которую бы могъ положиться, совершившій трудное дѣло преобразованія государства,—теперь добровольно явился предъ многочисленнымъ собраніемъ народа, для того чтобы отказаться отъ власти; онъ распускалъ своихъ тѣлохранителей, простился съ своими помощниками по управленію и суду и просилъ тѣснящихся къ нему гражданъ сказать, не пожелаетъ ли кто нибудь отъ него отчета въ его дѣятельности. Всѣ молчали. Тогда Сулла сошолъ съ ораторской трибуны, и пѣшкомъ, въ сопровожденіи немногихъ, возвратился сквозь массы народа въ свой домъ.

Занятія сдѣлались для него бременемъ, которое онъ несъ потому, что считалъ себя къ тому обязаннымъ; никогда потомъ онъ не высказывалъ сожалѣнія о томъ, что отказался отъ власти. Охота и рыбная ловля, равно и веденіе мемуаровъ изъ своихъ воспоминаній, наполняли дни его отдохновенія; между прочимъ, по просьбѣ несогласныхъ гражданъ одной маленькой колоніи, онъ устроилъ внутреннія порядки мѣстечка, и все это съ такою же ревностью и быстротою, съ какими прежде устроивалъ государственныя дѣла. Но лишь одинъ годъ удалось ему воспользоваться покоемъ на закатѣ своей жизни, Онъ застигнутъ былъ смертью на шестьдесятомъ году жизни, когда еще былъ довольно бодръ тѣломъ и духомъ. Послѣ кратковременной болѣзни—

за два дня до кончины онъ еще писалъ автобіографію — сильное кровотеченіе свело его въ гробъ (78 г. до Р. Х.)

Когда вѣсть объ его смерти достигла Рима, многіе молчавшіе во время его жизни, подняли было голосъ противъ торжественнаго погребенія, которымъ думали почтить его память. Но память о немъ еще была слишкомъ свѣжа и страхъ предъ старыми солдатами довольно живъ, чтобы принудить враговъ его къ молчанію. Рѣшено было похоронить его съ торжествомъ и для этого принести въ Римъ его тѣло. Повсюду, гдѣ проходила царственно-величавая процессія, собирались жители и присоединялись къ ней, особенно же его старые солдаты; казалось, что цѣлое войско собирается около смертнаго одра человѣка, который при жизни такъ часто водилъ оное и всегда къ побѣдамъ. Такъ безконечная погребальная процессія достигла Рима, гдѣ ее ожидали двѣ тысячи золотыхъ коронъ; это были послѣднія почетныя приношенія отъ вѣрныхъ легіоновъ, городовъ и ближайшихъ друзей. Въ сопровожденіи всѣхъ властей и всего сената, жрецовъ и жрицъ въ парадныхъ одеждахъ, рыцарски снаряженнаго отряда благородныхъ отроковъ, принесли гробъ на большую площадь. На этомъ мѣстѣ, гдѣ свѣжи еще были воспоминанія о его дѣлахъ, гдѣ еще слышались звуки его страшныхъ словъ, сказана была погребальная рѣчь. Потомъ сенаторы подняли одръ на носилкахъ и понесли его на плечахъ къ Марсову полю, гдѣ устроенъ былъ костеръ. Въ то время, какъ пламя охватило гробъ, всадники и солдаты устроили почетныя игры и ристанія вокругъ смертныхъ останковъ; пепелъ положенъ былъ около гробовъ древнихъ царей.

ПАДЕНІЕ РЕСПУБЛИКИ.

ПОБѢДЫ ПОМПЕЯ.

У южнаго берега Испаніи на утлыхъ ладьяхъ бороздила море шайка вооружонныхъ людей, неимѣвшихъ пристанища. Продводителемъ шайки былъ римлянинъ, когда-то приверженецъ Марія, котораго заставили бѣжать изъ Рима проскрипціи Суллы. Онъ принадлежалъ къ числу немногихъ, спасшихъ свою жизнь въ кровавые дни. Но Сулла преслѣдовалъ его и въ Испаніи; легіоны Суллы сильно стѣснили Квинта Серторія, который собралъ здѣсь вокругъ себя значительное число преданныхъ ему людей. Только корабль представлялъ ему убѣжище, и онъ довѣрился лучше непостоянной волнѣ, чѣмъ сушѣ, гдѣ стояли непобѣдимые легіоны Суллы.

Флотилія отплыла къ мавританцамъ, которымъ Серторій съ своими спутниками помогъ взять въ плѣнъ ихъ царя вмѣстѣ съ легатомъ Суллы. Слухъ о такомъ подвигѣ достигъ лузитанцевъ, которые пригласили смѣлаго побѣдителя вести ихъ противъ римлянъ. Онъ послѣдовалъ призыву, быстро организовалъ по римскому образцу войско, съ которымъ умѣлъ остановить успѣхи римскаго оружія въ Испаніи. Когда его войско усилилось новыми пятью легіонами, кото-

рые Перпенна вынужденъ былъ высадить изъ Сардиніи въ Испанію, Серторій составилъ сенатъ изъ 300 членовъ, назвалъ его римскимъ, такъ какъ римскій сенатъ состоялъ изъ рабовъ Суллы.

Была попытка основать къ Испаніи второй Римъ. Нужно было принять сильныя мѣры, чтобы подавить это опасное возмущеніе. Самъ Сулла, утомленный войною, не хотѣлъ оставлять Рима, онъ послалъ молодаго Кнея Помпея. Въ первый разъ Помпей велъ войско чрезъ Галлію, Пиренеи на Иберійскій полуостровъ. Смѣлымъ натискомъ онъ завладѣлъ страною до Эбро, тутъ только нашолъ отпоръ, который былъ столько силенъ, что Помпей долженъ былъ отступить обратно въ Галлію. Потомъ онъ снова двинулся, соединился съ старымъ Метелломъ Піемъ, который начальствовалъ надъ легіонами, еще раньше отправленными въ Испанію, и одержалъ вмѣстѣ съ нимъ побѣду при Сагунтѣ. Однако Серторій стоялъ непоколебимо, и только тогда, когда въ собственномъ его войскѣ поколебалась вѣрность и онъ палъ жертвою заговора въ Оскѣ, Помпей могъ похвалиться тѣмъ, что окончилъ десятилѣтнюю серторіанскую войну (72 г. до Р. Х.). Тріумфъ ожидалъ въ Римѣ возвращающагося побѣдителя, которому на этотъ разъ достались лавры довольно легко.

* * *

Одновременно съ этимъ событіемъ въ Италіи происходила *война съ рабами*. Спартакъ, бѣжавшій изъ гладіаторской школы, гдѣ купленные рабы упражнялись въ фехтованіи, утвердился на Везувіѣ съ 78 товарищей. Сенатъ смѣялся надъ горстью рабовъ и не обращалъ на нихъ особеннаго вниманія. Но скоро небольшая толпа разрослась въ страшную силу. Семдесятъ тысячъ рабовъ, жадныхъ до грабежа и добычи, разноплеменныхъ по происхожденію, (тутъ были

галлы, оракійцы и германцы,) двинулись на Римъ и разбили трехъ преторовъ. Потомъ они раздѣлились. Тридцать тысячъ подъ начальствомъ Крикса двинулись по Апуліи, гдѣ наконецъ консулъ Геллiусъ уничтожилъ ихъ. Остальныхъ Спартакъ повелъ въ верхнюю Италію, гдѣ усиленный новыми бѣглецами, разбилъ сначала консула Лентула, потомъ его же и его товарища, и потомъ еще одного претора. Но понимая свою несостоятельность обуздывать толпу и держать въ военной дисциплинѣ сто тысячъ рабовъ, Спартакъ хотѣлъ оставить Италію. Рабы же, сдѣлавшіеся слишкомъ заносчивыми въ слѣдствіе первыхъ успѣховъ, потребовали, чтобы онъ велъ ихъ противъ Рима. Тогда начальство надъ римскими легіонами получилъ Маркусъ Лициніусъ Крассъ. Онъ оттѣснилъ Спартака въ нижнюю Италію и заперъ его тамъ на бруттійскомъ мысу у Регіума, окруживъ рабовъ рвомъ и валомъ. За тѣмъ принудилъ Спартака къ битвѣ, которая произошла у Сихара, шестьдесятъ тысячъ рабовъ было убито, шесть тысячъ попало въ плѣнъ, а пять тысячъ бѣжало (71 г. во Р. Х.)

Помпей на возвратномъ пути изъ Испаніи встрѣтилъ этихъ бѣглецовъ, онъ разбилъ ихъ и писалъ къ римскому сенату: Крассъ побѣдилъ рабовъ въ открытомъ бою, онъ же, Помпей, вырвалъ самые корни этой войны. Такъ онъ вошолъ въ Римъ съ притязаніями на двойной тріумфъ и вмѣстѣ съ Крассомъ получилъ консульство.

* * *

Два консула не были друзьями, каждый старался о томъ, чтобы пріобрѣсти расположеніе толпы. Огромныя богатства, доставшіяся Крассу безъ особенныхъ хлопотъ во время проскрипцій Суллы, доставляли ему средства щедро угощать народъ, давать обѣды на десять тысячъ столовъ. Помпей старался новыми побѣдами снискать себѣ приверженцевъ.

Крассъ пользовался своимъ значеніемъ и достоинствомъ для собственнаго спокойствія; Помпей думалъ достигнуть сколько возможно высокаго положенія.

Однажды во время его консульства происходилъ обычный смотръ всадникамъ, на которомъ получали свободу отъ военной службы тѣ, которые выслужили узаконенный срокъ; и Помпей явился на смотръ. Ведя на поводѣ лошадь, онъ подошолъ къ цензорамъ и просилъ увольненія. Толпа съ удивленіемъ смотрѣла на такую скромность знаменитаго мужа, цензоръ спросилъ его, выслужилъ ли онъ законное число лѣтъ: «Да, отвѣчалъ Помпей, я выслужилъ полный срокъ и постоянно въ качествѣ главнокомандующаго!» Этотъ отвѣтъ встрѣченъ былъ громкими восклицаніями, народъ съ торжествомъ проводилъ славнаго мужа до его жилища.

* * *

Со времени разрушенія Карѳагена Римъ не обращалъ вниманія на морскія свои силы. Оттого Средиземное море мало по малу сдѣлалось поприщемъ морскихъ разбоевъ; во время Суллы разбойники морскіе имѣли до тысячи кораблей, безъ помѣхи плававшихъ по Средиземному морю, — они имѣли до сорока приморскихъ городовъ и грабили италійскіе берега. Въ особенности они хлопотали о томъ, какъ бы захватить какое нибудь значительное лицо, чтобы потомъ отпустить его опять на волю за деньги. Римъ, господствовавшій тогда надъ міромъ, дрожалъ предъ этими смѣлыми пиратами, которые наконецъ побѣдили при Остіи римскій флотъ и пустили ко дну завоеванныя суда.

Въ многочисленномъ народномъ собраніи разсуждали, что дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ. Народный трибунъ Аулусъ Габиній предложилъ избрать диктатора на три года. Взоры всѣхъ устремлены были на Помпея. Но онъ отказался отъ такой чести, говорилъ, что уже вынесъ довольно

тягостей войны. Сенатъ согласился уволить его отъ диктатуры, потому что уже побаивался силы Помпея. Но народъ бурно настаивалъ на выборѣ Помпея въ диктаторы, такъ, что пришлось уступить народному требованію.

Помпей сдѣлался диктаторомъ; пятьсотъ кораблей, сто двадцать тысячъ солдатъ, пять тысячъ всадниковъ, двадцать четыре легата и шесть тысячъ талантовъ предоставлены были въ его распоряженіе. И хотя онъ прежде притворно отказывался отъ новаго достоинства, за то теперь сдѣлалъ самое обширное примѣненіе къ дѣлу назначенныхъ на войну средствъ. Тотчасъ онъ приказалъ кораблямъ отправиться въ море, солдатамъ въ походъ.

Въ сорокъ девять дней со времени отплытія Помпея изъ Брундузіума пираты были истреблены. Десять тысячъ морскихъ разбойниковъ было убито, сожжено триста кораблей, а семдесятъ взято въ плѣнъ, сто двадцать укрѣпленныхъ мѣстечекъ и городовъ, въ которыхъ укрывались разбойники, были взяты или разрушены (67 г. до Р. Х.). Еще никогда не сдѣлано было столько великаго въ такой краткій срокъ. Опять Помпей былъ спасителемъ отечества.

* * *

Снова предстояло Помпею рѣшить, если и не совсѣмъ трудную задачу, тѣмъ не менѣе прославившую его. Царь Понта, принужденный заключить миръ съ Суллою, снова возсталъ. Луціусъ Лициніусъ Лукуллъ былъ отправленъ въ Азію противъ Митридата. Быстро двинулся Лукуллъ. Царь сначала отступилъ, но скоро собравшись съ силами встрѣтилъ римскаго полководца при Кабирѣ, но тутъ же по недоразумѣнію обратился въ бѣгство со всѣмъ своимъ войскомъ, оставилъ царство на произволъ судьбы и искалъ убѣжища у своего тестя Тиграна, царя Арменіи. Тигранъ отвѣчалъ отказомъ на требованіе Лукулла выдать бѣглеца;

началась война съ Арменіею. Въ двадцать разъ сильнѣйшее войско Тиграна было разбито; побѣда всюду слѣдовала за знаменами Лукулла. Но войско отказалось повиноваться ему, когда онъ хотѣлъ вести солдатъ противъ парянъ. Азія успокоена была Лукулломъ, возстановленъ былъ порядокъ въ возмутившихся провинціяхъ.

Совершенно неожиданно Лукуллъ лишенъ былъ начальства надъ войскомъ и на мѣсто его назначенъ Помпей. Лукуллъ возвратился въ Римъ; недовольный своею отставкою, онъ потомъ оставался частнымъ человѣкомъ, не принимая участія въ государственныхъ дѣлахъ. Помпей пожалъ плоды того, что сдѣлалъ Лукуллъ, который уничтожилъ войско и флотъ непріятелей, лишилъ ихъ силы и желанія продолжать войну. Помпей заключилъ съ Парѳіею миръ, потомъ обратился на Митридата, который отказывалъ Помпею въ совершенной покорности.

Не зная расположенія римскихъ войскъ, Митридатъ велъ свою армію туда, гдѣ по его мнѣнію можно было дать сраженіе наступающимъ римлянамъ. Онъ выбралъ ночь для похода, чтобы не быть замѣченнымъ. Осторожно двигался онъ съ войскомъ чрезъ одно безмолвное ущелье, разсчитывая, что врагъ еще далеко. Уже отряды войска зашли далеко въ ущелье между горъ, какъ вдругъ кругомъ совсѣхъ сторонъ загремѣли римскія тубы. Солдатамъ Митридата хорошо былъ извѣстенъ звукъ этихъ роговъ. Въ изумленіи они останавливаются, — что такое?! Тогда начинается еще болѣе сильный звонъ щитовъ и оружія, отдаются въ горахъ воинскіе вопли, и опять, и опять съ небольшими промежутками гремятъ страшно звучащія тубы. Но кругомъ такъ темно, что ничего не замѣтишь. Чѣмъ менѣе напрягается глазъ, тѣмъ болѣе чутко ухо: тѣмъ ужаснѣе вопли римлянъ.

Тогда тысячи стрѣлъ и дротиковъ полетѣли на понтійскихъ солдатъ, градомъ сыпались выстрѣлы изъ пращи. Защищаться не было возможности. Страшное смятеніе произошло

въ рядахъ царскаго войска. Одни ломятся впередъ, другіе бросаются назадъ, чтобы только уйти изъ подъ выстрѣловъ. Но оба выхода изъ ущелья заняты римлянами, люди, лошади и колесницы давятъ другъ друга. Когда большая часть войска столпилась у выходовъ изъ долины, и въ срединѣ ряды опустѣли; сюда было устремились войска. Но сюда непрерывно летятъ стрѣлы съ мрачныхъ высотъ, пущенныя невидимою рукою. Никакой щитъ не въ силахъ помочь. Въ страшной суматохѣ много народа раздавлено, потоптано. Никто не видитъ римлянъ, но мечъ ихъ каждому чутокъ, всѣмъ слышны ихъ воинскіе вопли.

Вдругъ сквозь облако выглянула луна, какъ бы желая пролить свой мирный свѣтъ, къ миру зовущій, на страшную ночную боевую картину. Но ужасы не уменьшаются, напротивъ они увеличиваются. Длинныя тѣни римскихъ солдатъ съ возвышеній идутъ въ долину. Понтійскія войска сражаются, но ихъ удары разсѣкаютъ лишь воздухъ, они поражаютъ тѣни враговъ, которые безустанно шумятъ на нихъ смертоносными выстрѣлами. Немногіе успѣли спастись; въ числѣ ихъ былъ царь съ мужественною своею супругою Гипсикратеею, которая сопуствовала ему въ одеждѣ персидскаго всадника. Митридатъ бѣжалъ къ Тиграну, который однако не принялъ его, тогда царь удалился въ Колхиду.

Послѣ такъ легко купленной, тѣмъ не менѣе полной побѣды, Помпей пошолъ въ Арменію. Здѣсь Тигранъ положилъ свою корону къ ногамъ Помпея, а сынъ его, жившій во враждѣ съ своимъ отцомъ, молилъ побѣдителя о пощадѣ. Помпей былъ снисходителенъ къ нимъ. Тигранъ удержалъ за собою Арменію, но долженъ былъ уступить римлянамъ Финикію, часть Киликіи, Галатію и Каппадокію.

* * *

И святая земля перешла въ руки римлянъ. Ссоры сыновей царя Александра Янпея, который возстановилъ царство въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ оно нѣкогда принадлежало Давиду, дали поводъ ко вмѣшательству Помпея въ дѣла Іудеи. Гирканъ, старшій братъ, по достиженіи совершеннолѣтія получилъ отъ своей матери отцовскій престолъ. Но противъ него возсталъ младшій братъ Аристовулъ. Онъ разбилъ Гиркана при Іерихонѣ, но за тѣмъ самъ былъ побѣжденъ и принужденъ искать спасенія въ іерусалимскомъ храмѣ. Отсюда онъ просилъ Помпея о помощи; Помпей повелѣлъ Гиркану снять осаду. Въ Дамаскѣ явились оба брата предъ судилище римскаго полководца, который впрочемъ не могъ примирить ихъ,—почему и двинулся на Іерусалимъ. Гирканъ отворилъ ему городскія ворота, а Аристовулъ заперся въ храмовомъ замкѣ.

Три мѣсяца римляне осаждали нагорную крѣпость. Израильтяне храбро защищались, а въ субботу, послушные закону, сложили оружіе. Наконецъ римляне проникли въ крѣпость, сынъ Суллы первый взошолъ на стѣну. Двѣнадцать тысячъ евреевъ, въ числѣ ихъ жрецы, которые приносили жертву и, не обращая вниманія на тѣснящихся враговъ, совершали священнодѣйствіе, были изрублены, другіе бросались съ крѣпостныхъ стѣнъ или погибали въ горѣвшихъ зданіяхъ.

Послѣ побѣды самъ Помпей вступилъ въ храмовую крѣпость. Что жъ ему нужно? Можетъ быть онъ хочетъ позаботиться о раненыхъ, о погребеніи убитыхъ? Съ тягостнымъ предчувствіемъ іудеи слѣдуютъ за нимъ. Онъ приказываетъ вести себя во храмъ; онъ, язычникъ, рѣшается ступить въ святилище Израиля. Никто не посмѣлъ его остановить, хотя у многихъ сердце замирало отъ страха и гнѣва. Не обращая вниманія на іудейскій законъ, онъ проходитъ святилище: въ первый разъ еще нога язычника осквернила священное жилище Бога. Удивленнымъ взоромъ онъ смотритъ

на странное для него зданіе, которое не было украшено такъ, какъ украшались языческіе храмы: предъ нимъ завѣса, опущенная до земли, и отдѣляющая святилище отъ святая святыхъ. Поднять эту завѣсу могъ только первосвященникъ, и только разъ въ году, въ праздникъ примиренія,—тутъ онъ подходилъ къ ковчегу и искупялъ грѣхи кропленіемъ. Помпей въ раздумьи смотритъ на волнующуюся завѣсу. Что бы тамъ скрывалось за нею? Онъ догадывается, что тутъ находится изображеніе единаго Бога іудеевъ. И оно никому недоступно!... никто не можетъ безнаказанно приблизиться къ нему, кромѣ верховнаго первосвященника! Еще никогда побѣдоносный римлянинъ не дрожалъ предъ статуями боговъ. Помпей поднимаетъ завѣсу и входитъ во святая святыхъ. Въ страхѣ смотрятъ въ слѣдъ ему іудеи. Но нѣтъ никакой статуи, никакого престола для Бога не видно. «Безбожный народъ,» подумалъ Помпей и вышелъ изъ святилища невидимаго Бога. Храмовые сосуды и священные свитки онъ не тронулъ. Но народъ долженъ былъ заплатить издержки войны; іудейская земля обращена была въ римскую провинцію.

* * *

Между тѣмъ Митридатъ самъ себя лишилъ жизни. Помпей отправился изъ Іудеи къ Понту, чтобы тамъ завершить свои завоеванія. Онъ велѣлъ похоронить въ Синопѣ царственный трупъ своего противника, выдать всѣ царскія сокровища, и соединилъ Понтъ, Пафлагонію и Виѳинію въ Босфорскую провинцію. Такъ онъ завершилъ дѣло, порученное ему, успокоилъ Азію и поставилъ земли Азіи въ совершенную зависимость отъ Рима. Теперь глазъ побѣдителя обращается къ Риму, гдѣ ждетъ его новый, болѣе блестящій тріумфъ. Еще никогда не возвращался изъ Азіи римскій

полководецъ, который бы такъ далеко раздвинулъ границы государства; эти границы были на Евфратѣ, у восточнаго берега Чернаго моря и на Кавказѣ.

ПЕРВЫЙ ТРІУМВИРАТЪ.

Раздираемый партіями Римъ плавалъ въ крови въ то время, когда Помпей одерживалъ побѣды въ Азіи. Только сильная воля Катона и благоразумная дѣятельность Цицерона не дали вспыхнуть возмущенію Катилины, который имѣлъ въ виду низпровергнуть весь общественный строй. Но пламя взаимнаго озлобленія партій таилось подъ пепломъ, и когда разнеслась вѣсть о томъ, что Помпей переправилъ легіоны изъ Азіи въ Италію, многіе боялись, какъ бы не повторились страшные дни Марія и Суллы.

Обремененные добычею, частію долженствующею поступить въ римскую казну, частію своею собственною, легіоны высадились въ Брундузіумѣ. Полководецъ поблагодарилъ ихъ за отличную службу и потомъ отпустилъ на родину. Самъ же въ простой, дорожной одеждѣ отправился въ Римъ. Во всѣхъ мѣстечкахъ, чрезъ которыя лежалъ его путь, радостно встрѣчалъ его народъ, въ самомъ Римѣ онъ удостоился почетнаго пріема отъ сената и всего народонаселенія. Помпей принималъ почести, какъ вполнѣ заслуженную награду, и еще до истеченія года (61 г.) удостоился двухдневнаго тріумфа, который великолѣпіемъ и множествомъ добычи, превосходилъ все, что когда либо при подобныхъ

обстоятельствахъ Римъ видѣлъ. Съ этого дня звѣзда Помпея пошла на закатъ.

Другой человѣкъ выступаетъ на сцену и начинаетъ стремиться къ высшимъ почестямъ; по талантамъ, рѣшимости и характеру онъ стоялъ далеко выше Помпея. Юлій Цезарь, отлично воспитанный римскій юноша съ благородными чертами лица, живыми черными глазами, съ быстрымъ умомъ, тонкимъ чувствомъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ, сталъ около Помпея, чтобы потомъ обогнать его и оставить далеко за собою. Еще Сулла замѣтилъ эту выдающуюся личность, и Цезарю съ большимъ трудомъудалось спастись отъ палачей Суллы бѣгствомъ въ Азію. Когда же по просьбѣ многихъ друзей Цезаря, Сулла склонился къ нему на милость, то произнесъ при этомъ знаменательныя слова: «Такъ возьмите его, но знайте, что въ этомъ Цезарѣ скрывается не одинъ Марій.»

Изъ Азіи Цезарь возвратился въ Римъ, за тѣмъ отправился на Родосъ, чтобы тамъ поучиться краснорѣчію у ритора Моло. На пути онъ попалъ въ руки разбойниковъ. Большая опасность грозила тому, кто попадалъ въ ихъ руки; только за большія деньги эти люди освобождали плѣнныхъ. Но Цезарь съумѣлъ прибрать ихъ къ рукамъ. Онъ сидѣлъ съ ними, бесѣдовалъ и получилъ такое вліяніе на нихъ, что казался больше повелителемъ ихъ, чѣмъ плѣнникомъ. По временамъ онъ читалъ имъ свои стихотворенія, требовалъ, чтобъ они слушали да похваливали. Часто, когда они рѣшались находить въ стихахъ его недостатки, Цезарь грозилъ распять ихъ на крестахъ, какъ только получитъ свободу. Они требовали выкупной суммы въ двадцать талантовъ, Цезарь обѣщалъ имъ пятьдесятъ. Чрезъ сорокъ дней онъ получилъ свободу и заплатилъ деньги. Но вслѣдъ за тѣмъ собралъ нѣсколько кораблей, напалъ на разбойниковъ при островѣ Фармакузѣ, взялъ ихъ въ плѣнъ и исполнилъ свое обѣщаніе. Въ Пергамѣ они были распяты на крестахъ.

Онъ не жалѣлъ издержекъ, чтобы заслужить благосклонность народа. Блестящія гладіаторскія игры, на которыхъ выступали на сцену триста двадцать бойцовъ въ серебряныхъ доспѣхахъ, много содѣйствовали ему въ достиженіи цѣли. Но при этомъ онъ впалъ въ большіе долги. Когда его сдѣлали намѣстникомъ Лузитаніи, онъ не могъ выѣхать изъ Рима, прежде чѣмъ богатый Крассъ не заплатилъ за него шести милліоновъ талеровъ долга. Управленіе провинціею доставило ему возможность не только заплатить этотъ заемъ, но даже отлично вознаградить свои войска и внести въ казначейство большую сумму. Въ Лузитаніи онъ получилъ первые лавры въ качествѣ военачальника. Но, возвратившись въ Римъ, онъ отказался отъ тріумфа, чтобы не оскорбить сильныхъ тогда Помпея и Красса. Онъ даже заключилъ съ ними союзъ, который неизвѣстенъ былъ сенату, но который тѣмъ не менѣе носитъ названіе перваго тріумвирата (60 г. до Р. Х.).

Въ борьбѣ за консульство онъ побѣдилъ своего соперника Бибула, котораго противупоставила ему знать. Аграрный законъ, по которому двадцать тысячъ бѣднѣйшихъ гражданъ получили безмездно земли въ Кампаніи, упрочилъ за нимъ благосклонность народа. Помпея онъ привязалъ къ себѣ еще болѣе, отдавъ за него свою дочь Юлію. Потомъ онъ заставилъ сенатъ утвердить всѣ распоряженія Помпея въ Азіи, а себя назначить на 5 лѣтъ намѣстникомъ цизальпинской Галліи и Иллиріи. Сенатъ, начинавшій страшиться его значенія и силы, далъ ему въ добавокъ еще и Галлію трансальпинскую, чтобы только держать его вдали отъ Рима. Этимъ рѣшено было его будущее.

* * *

На своемъ походѣ въ заальпійскую Галлію, Цезарь повелъ свое сорокатысячное войско къ Женевѣ, въ область гель-

ветовъ. Тутъ онъ узналъ, что гельветы намѣреваются подъ предводительствомъ Оргеторикса вторгнуться въ Галлію. Быстро пошолъ онъ имъ на встрѣчу, разбилъ ихъ при Бибрактѣ и покорилъ ихъ. Слава его подвиговъ предшествовала ему въ Галліи.

Эта страна состояла тогда изъ трехъ отдѣльныхъ областей: Аквитаніи—южной области между Пиренеями и Гаронною, собственно Галліи, идущей отъ Гаронны до Сены, и Бельгіи между Сеною и нижнимъ Рейномъ. Уже въ то время Рейнъ составлялъ естественную границу Галліи и Германіи, уже въ то время германцы стояли во враждѣ съ галлами, равно какъ и различныя племена Галліи враждовали другъ съ другомъ. Цезарь явился, чтобы вездѣ установить миръ, а потомъ подчинить успокоенныя племена власти Рима.

Онъ не могъ выбрать болѣе удобнаго времени для подчиненія Риму галльскихъ народовъ. Между эдуями на Саонѣ и секванами на Сенѣ старая вражда возгорѣлась снова, и послѣдніе призвали на помощь германскаго князя Аріовиста. Онъ явился, побѣдилъ эдуевъ, а затѣмъ принудилъ и секвановъ уступить ему третью часть земли, и расположился между обоими народами не столько въ качествѣ ихъ союзника, сколько повелителя. Въ это время явился Цезарь. Эдуи и секваны тотчасъ предложили ему освободить ихъ отъ ига германцевъ. Онъ обѣщалъ и началъ переговоры съ Аріовистомъ. Но такъ какъ они не привели ни къ чему, то Цезарь взялся за оружіе, и ободривъ сначала свои легіоны, пугавшіеся германцевъ, прогналъ послѣднихъ за Рейнъ (58 г; до Р. Х.).

Такъ онъ вступилъ въ средину Галліи, и скоро освобожденныя имъ племена поняли, что они только перешли изъ одной власти въ другую,—вмѣсто германцевъ римляне сдѣлались ихъ властителями. Всюду, гдѣ ни появлялись легіоны Цезаря, побѣда слѣдовала за ними, хотя конечно не безъ потерь и для римскаго полководца. Скоро покорена была вся Галлія.

Но по ту сторону Рейна жили еще непокоренные германцы. Надѣясь на свое счастье, Цезарь задумалъ покорить и ихъ. Германскіе Узипіи и Тенхтеры, гонимые свевами въ Галлію, искали помощи Цезаря. Онъ обѣщался помочь имъ, но не сдержалъ слова. Вѣроломно напалъ онъ на нихъ, и четыреста тридцать тысячъ человѣкъ было истреблено. Остатки ихъ бѣжали къ сигамбрамъ, которые отказали Цезарю въ выдачѣ бѣглецовъ. Цезарь по искусно устроенному мосту перешолъ Рейнъ въ области Андернаха. Но онъ не нашолъ на томъ берегу людей, одни были непроходимые лѣса. Ничего не сдѣлавъ, онъ вернулся назадъ въ Галлію послѣ 18 дневнаго пребыванія за Рейномъ.

Его влекло къ сѣверу. Два раза онъ переправлялся чрезъ каналъ въ Британію; это былъ первый римлянинъ, явившійся здѣсь съ оружіемъ и принесшій вѣсти объ этой землѣ. Однако возстаніе бельговъ подъ предводительствомъ Амбіорикса вызвало его назадъ. Германцы уже шли на помощь бельгамъ. Еще разъ Цезарь перешолъ Рейнъ въ странѣ Нейвида, и опять не могъ ничего сдѣлать. Тогда онъ обратился на западъ и уничтожилъ возмущеніе бельговъ. Приближалась зима, а Цезарь выжигалъ жилыя мѣста, чѣмъ подалъ поводъ къ новому возмущенію.

Сколь ни непріязненны были до сихъ поръ галльскія племена, но теперь всѣ почувствовали общій всѣмъ имъ гнетъ римскаго полководца. Не нужно было переговоровъ, нуженъ былъ предводитель. Верцингеториксъ, родомъ арвернецъ, сталъ во главѣ. Всѣ устремились подъ его знамена, и римскіе легіоны стояли среди возмутившейся Галліи, далеко отъ отечества; имъ грозила общая гибель. Кто бы тутъ не смутился духомъ? Не таковъ былъ Цезарь. Опираясь на свое войско, на свои военные таланты, онъ началъ войну и скоро привелъ ее къ концу. Въ битвѣ при Алезіи, недалеко отъ Дижона, онъ разбилъ двѣсти сорокъ восемь тысячъ галловъ, которые съ этихъ поръ уже не рѣшались

поднимать противъ него оружіе. Цезарь могъ похвалиться, что онъ въ восемь лѣтъ выдержалъ столько битвъ, сколько не выдержалъ ихъ ни одинъ римскій полководецъ, что онъ покорилъ восемьсотъ городовъ и триста народцевъ, истребилъ милліонъ воиновъ, а два милліона взялъ въ плѣнъ. Закаленное въ бою, слѣпо преданное ему войско, огромная добыча и блестящая военная слава: вотъ каковы были плоды его подвиговъ. Римъ сдѣлался провинціею богаче, и эта провинція была одна изъ самыхъ большихъ.

* * *

Въ союзѣ трехъ мужей, дѣлившихъ власть между собою, Крассъ во всякомъ случаѣ былъ третьимъ. Только суетность и корыстолюбіе манили его занять такое положеніе въ государствѣ, которое самъ онъ не могъ ни создать, ни поддерживать. Въ то время, какъ Цезарь велъ войну въ Галліи, а Помпей господствовалъ въ Римѣ, Крассъ удалился въ свою провинцію Сирію, чтобы награбить тамъ побольше сокровищъ. Ему мало было того, что онъ нашолъ въ іерусалимскомъ храмѣ, равно какъ въ храмахъ Гіераполя. Онъ надѣялся найти побольше у парѳянъ, съ которыми рѣшился начать войну.

Онъ двинулся въ походъ, но походъ былъ и далекъ и затруднителенъ. Парѳянскій царь Ородъ послалъ гонцовъ спросить о причинѣ войны. Крассъ велѣлъ сказать, что отвѣтъ будетъ въ Селевкіи, и продолжалъ путь. Дошли до Евфрата. Гонцы, посланные впередъ, чтобы развѣдать о силахъ непріятеля, по возвращеніи разсказывали чудныя вещи о привычныхъ къ войнѣ, быстрыхъ какъ вѣтеръ парѳянахъ. Но ихъ не было видно, и Крассъ не видѣлъ нужды отказаться отъ своего плана. Съ семью легіонами и четырьмя тысячами всадниковъ онъ переправился чрезъ Евфратъ. Теперь куда идти? Предстояло два пути. Одинъ прямой чрезъ

безводную пустыню, на которой не было никакой растительности, другой вниз по правому берегу рѣки. Квесторъ Кассій совѣтовалъ избрать послѣдній путь, намѣстникъ Арменіи, тайный союзникъ парѳянъ, стоялъ за походъ чрезъ пустыню. Съ нимъ согласился Крассъ, не обращая вниманія на то, что и армянское посольство предостерегало его отъ пути по пустынѣ.

Медленно подвигалось войско впередъ; скоро оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ пустынѣ ничего нельзя было найти. Лошади и люди томились жаждою, въ сыпучихъ пескахъ не видно было ключа. Вмѣсто того, чтобы возвратиться, Крассъ шолъ дальше. Тогда вдали поднялись облака пыли, послышался глухой шумъ, стукъ отъ конскихъ копытъ. Сильный порывъ вѣтра промчался по степи и раздѣлилъ облако пыли: показался отрядъ парѳянской конницы въ хорошихъ доспѣхахъ. Крассъ ставитъ свои легіоны въ карре и подсмѣивается надъ врагомъ. Но со всѣхъ сторонъ показываются малые и большіе конные отряды, которые вмѣсто того, чтобы приближаться къ римлянамъ, держащимъ предъ собою щиты и взмахивавшимъ копьемъ, бросаютъ издали свои легкіе дротики. Потомъ они снимаютъ съ плеча лукъ и пускаютъ легкокрылыя стрѣлы въ густые ряды римлянъ, которые не могутъ сами напасть на враговъ. Римляне не въ состояніи остановить враговъ; мѣтки ихъ дротики и стрѣлы, которые все въ большемъ и большемъ числѣ летятъ на римлянъ; сотни римскихъ солдатъ, смертельно раненыхъ, падаютъ на землю. А когда еще нераненые товарищи ихъ устремляются быстрыми шагами на парѳянъ, послѣдніе летятъ на своихъ быстрыхъ коняхъ и скрываются. Но они скрываются ненадолго, скоро снова появляются изъ туманной дали, снова засвистѣли ихъ смертоносныя стрѣлы, рѣдѣютъ римскіе легіоны.

Крассъ все еще могъ возвратиться, но онъ совершенно ослѣпленъ, онъ идетъ впередъ съ своими уже ослабѣвшими

легіонами. Онъ даетъ своему сыну Публію повелѣніе съ тысячью галльскихъ всадниковъ ѣхать впереди войска, чтобы прокладать дорогу пѣхотѣ. Мужественный юноша скачетъ впереди, за нимъ отрядъ конницы; скоро они скрылись въ пыли, поднявшейся въ степи. Пѣхотные солдаты молча идутъ дальше. Непріятельскіе выстрѣлы перестали свистать въ воздухѣ. Ужь не прогналъ ли Публій парѳянъ? Войско въ радостномъ ожиданіи; упадавшіе духомъ солдаты снова собираются съ силами, бодрѣе идутъ все впередъ, все далѣе, они ударяютъ въ щиты, они надѣятся встрѣтить непріятеля въ строевомъ порядкѣ.

Тогда гулъ раздался вдали, земля задрожала. Опять несется конница. Но еще неизвѣстно, что за всадники приближаются, парѳяне или возвращающіеся римляне. Это что тамъ? предводитель отряда несетъ на высоко поднятомъ копьѣ окровавленную голову. Ужь это не трофей ли римлянъ? Какъ знать; можетъ быть, это голова парѳянскаго предводителя конницы. Пыль улеглась на землю, прояснился день. Къ несчастію на этотъ разъ всадниками были враги. Толпа парѳянскихъ всадниковъ скачетъ предъ римскимъ фронтомъ. Держащій на копьѣ голову мчится во весь опоръ, и приближается къ римской линіи. Потомъ онъ прокричалъ громкимъ голосомъ: «Не это ли голова сына трусливаго Красса?» И не дождавшись отвѣта, онъ бросаетъ голову, которая покатилась по песку къ ногамъ римлянъ. Затѣмъ онъ поворачиваетъ коня и мчится назадъ.

Раздраженные такою насмѣшкою римляне хотятъ преслѣдовать свирѣпаго врага, какъ вдругъ въ тылу у нихъ поднялся шумъ. Раздается громкій военный вопль, глухіе звуки роговъ, топотъ лошадей и верблюдовъ. Такъ вотъ и вспомогательное войско армянскаго царя, который обѣщалъ прислать помощь. Странно только, что оно явилось такъ неожиданно, что оно прибыло, не предупредивъ объ этомъ римскаго полководца чрезъ вѣстниковъ! Но недолго римляне

оставались въ недоумѣніи, скоро объяснилась ихъ ошибка. Градъ дротиковъ и стрѣлъ, пращныхъ камней и тяжолыхъ метательныхъ снарядовъ осыпаетъ ихъ. Это не союзныя войска приближаются къ арріергарду, это измѣнникъ Арамнесъ, присовѣтовавшій Крассу идти чрезъ пустыню. Теперь онъ снялъ маску и напалъ на римлянъ съ тыла. Въ то же время приближаются сомкнутыми рядами парѳяне и нападаютъ съ фронта на легіоны. Послѣдніе защищаются упорно съ мужествомъ отчаянія. Но все напрасно. Изъ сорокатысячнаго войска убито тридцать тысячъ; Крассъ спасается съ десятью тысячами подъ покровомъ наступающей темноты. Онъ ввѣряется одному греку, проситъ его провести остатки войска. Грекъ, подкупленный парѳянами, свернулъ съ прямаго пути и завелъ десять тысячъ въ пустынныя топи и болота. Скоро и здѣсь появились парѳяне. Они предлагаютъ римлянамъ свободное отступленіе, если только Крассъ явится на переговоры съ парѳянскимъ полководцемъ. Окружонный со всѣхъ сторонъ, столько разъ обманутый, Крассъ вѣритъ заманчивымъ рѣчамъ. Съ немногими спутниками онъ отправляется къ назначенному для переговоровъ мѣсту. Здѣсь дѣлаютъ видъ, какъ будто хотятъ принять Красса съ честью. Его поднимаютъ на коня,—и когда спутники Красса, предчувствуя измѣну, хотѣли воспрепятствовать такому пріему, то были окружены и изрублены вмѣстѣ съ Крассомъ (51 г. до Р. Х.).

Квесторъ Кассій принесъ въ Сирію извѣстіе о такомъ пораженіи, а отсюда далъ знать въ Римъ. И съ тѣхъ поръ смѣлѣе чѣмъ прежде безпокоили парѳяне границы Сиріи, гдѣ сокрушена была сила Рима.

ЦЕЗАРЬ И ПОМПЕЙ.

Цезарь все еще стоялъ въ Галліи, а въ Римѣ уже подготовлялись тѣ событія, которыя побуждали его возвратиться въ главный городъ. Помпей стремился къ тому, чтобы одному властвовать безраздѣльно, и сначала нашолъ себѣ союзника въ трибунѣ Клодіѣ. Но скоро дѣла перемѣнились. Насилія трибуна, презирающаго всякіе законы, приводившаго свои планы въ исполненіе силою вооруженной толпы, скоро отвратили отъ него Помпея. Помпей впрочемъ не смогъ господствовать надъ обстоятельствами.

Однажды чрезъ капенскія ворота проходила траурная процессія дико выглядывающихъ людей. Это были сообщники предводителя шайки Клодія, а трупъ, за которымъ они слѣдовали, былъ трупъ ихъ вождя. За нѣсколько часовъ предъ этимъ, онъ отправился съ толпою по аппіевой дорогѣ въ одну засаду, гдѣ хотѣлъ подстеречь своего смертельнаго врага, Милона. Пришлось ждать недолго; повозка Милона, въ которой онъ сидѣлъ съ своимъ семействомъ, ѣхала мимо засады. Милонъ отправлялся въ помѣстье. То были несчастныя времена, когда безъ вооруженнаго конвоя трудно было рѣшаться на путешествіе. Милонъ имѣлъ при себѣ достаточное число вооружонныхъ спутниковъ. Вдругъ выскакиваетъ Клодій изъ своего убѣжища и нападаетъ на проѣзжихъ; онъ поклялся отмстить Милону смертью. Произошла схватка, и Клодій, льстивый другъ народа, палъ въ бою.

Трупъ его выставили на форумъ. Скоро собрались на площади огромныя толпы народа. Громкій ропотъ ходилъ по собранію, повсюду слышались угрозы. Тогда пожелалъ дер—

жать рѣчь одинъ трибунъ. Народъ слушаетъ, рѣчь трибуна приводитъ толпу въ неистовство,—похвальная рѣчь покойнику и бранная для его врага. Раздражонный народъ поднимаетъ носилки и отправляется въ близълежащую курію. Тутъ устроивается костеръ и все зданіе съ трупомъ убитаго предается пламени.

Помпей воспользовался минутою всеобщаго замѣшательства. Сенатъ назначилъ временнаго царя, который долженъ былъ руководить предстоявшимъ избраніемъ консула. Но въ назначенный для выбора день вооружонные друзья Милона начали споръ съ трибунами, желая предоставить консульство своему патрону; дѣло дошло до кровопролитія на самомъ мѣстѣ избранія. Кровавыя сцены повторялись нѣсколько дней сряду, такъ что сенатъ былъ вынужденъ поручить верховную власть человѣку, отъ котораго одного ожидали возстановленія тишины. Помпей назначенъ былъ чрезъ временнаго царя единственнымъ консуломъ и имѣлъ право по истеченіи двухъ мѣсяцевъ назначить другаго консула по личному усмотрѣнію.

Съ этихъ поръ все, что ни предпринималъ Помпей, было обращено противъ Цезаря. Стоя на вершинѣ своего могущества, онъ однако слишкомъ преувеличивалъ свою силу, когда задумалъ низложить далеко неравнаго ему соперника. Нѣкоторое время дѣйствительно казалось, что сила Помпея, до того велика, что совершенно невозможно кому бы то ни было вступать съ нимъ въ борьбу. А убѣжденъ былъ въ этомъ болѣе всѣхъ самъ Помпей. Такъ по его желанію сенатъ потребовалъ отъ Цезаря, чтобы онъ въ назначенный срокъ распустилъ свое войско, и когда Цезарь не исполнилъ требованія, сенатъ объявилъ государство находящимся въ опасности, и поручилъ Помпею спасти оное.

Узнавъ объ этомъ, Цезарь рѣшился быстро дѣйствовать. Онъ стоялъ съ войскомъ въ Равеннѣ, когда узналъ о послѣднемъ рѣшеніи сената. Тотчасъ онъ поднялся къ Ари-

мину, близъ котораго течетъ Рубиконъ, отдѣляющій его провинцію отъ собственно Италіи. Здѣсь еще разъ видѣли его задумчивымъ и соображающимъ, что должно принести ему темное будущее: шагъ назадъ, — и онъ долженъ былъ погибнуть, шагъ впередъ,—и онъ начиналъ междоусобную войну. Наконецъ онъ произнесъ достопамятныя слова: «Идемъ, того хотятъ боги, къ тому вынуждаютъ насъ враги, жребій брошенъ!»—и далъ поколѣніе переправляться чрезъ Рубиконъ (49 г. до Р. Х.).

* * *

Спустя шестьдесятъ дней Цезарь былъ властелиномъ Италіи. Онъ завладѣлъ ею не мечомъ и кровопролитіемъ, гораздо болѣе милостію привлекалъ сердца людей, уже и прежде сочувствовавшихъ побѣдителю Галліи. Потомъ въ короткое время возстановилъ спокойствіе въ Испаніи, покорилъ Массилію, все еще державшую сторону Помпея, и принялъ отъ народа диктаторское достоинство, которое впрочемъ чрезъ нѣсколько дней замѣнилъ званіемъ консульскимъ, чтобы не явиться въ глазахъ народа насильственнымъ властелиномъ.

Но гдѣжь Помпей? Онъ пожалъ плоды своего коварнаго поведенія въ отношеніи къ Цезарю. Онъ бѣглецомъ удалился въ Азію, гдѣ собралъ войско въ семдесятъ тысячъ человѣкъ, и флотъ, состоящій изъ 800 кораблей. Это были послѣднія опоры пошатнувшагося его могущества. Въ Ѳессаліи, при рѣкѣ Энипеѣ, онъ поставилъ крѣпкій лагерь, въ которомъ рѣшился спокойно выжидать благопріятнаго хода событій. Сюда привелъ и Цезарь вполовину слабѣйшее свое войско, которое кромѣ того должно было терпѣть недостатокъ въ припасахъ.

Въ лагерѣ Помпея толпилось молодое римское дворянство, знатные юноши горѣли желаніемъ заслужить славу въ битвѣ

съ любимцемъ народа, Юліемъ Цезаремъ. Увѣренные въ своей побѣдѣ, они дѣлили между собою должности и достоинства, равно какъ и имущества противниковъ а Помпея убѣждали дать сраженіе. Противъ воли Помпей согласился на ихъ совѣтъ. Но тутъ же и рѣшена была его судьба. Противъ него стоялъ отличный полководецъ, и испытанное въ бою войско. При Фарсалѣ потеряно было все: войско, лагерь и честь. Помпей бѣжалъ на Кипръ. Но здѣсь онъ не чувствовалъ себя безопаснымъ, и потому рѣшился искать помощи и убѣжища въ Египтѣ.

Небольшой корабль плыветъ по морю Средиземному къ берегамъ Египта. На немъ находится Помпей съ своею супругою Корнеліею и своимъ сыномъ. Когда-то онъ оказалъ услугу отцу Птоломея Діонисія, царствовавшаго теперь въ Египтѣ,—онъ поддержалъ колебавшееся положеніе его на тронѣ; теперь Помпей надѣялся на радушный пріемъ сына. Онъ велѣлъ доложить о своемъ прибытіи и просилъ пріюта. Молодой царь не зналъ что дѣлать, онъ собралъ своихъ совѣтниковъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе въ данномъ случаѣ. Только одинъ изъ нихъ, грекъ Ѳеодотъ, осмѣлился предложить умерщвленіе Помпея. Къ нему присоединились потомъ царскій полководецъ Ахиллъ и любимецъ царя Фотинъ, и первый взялъ на себя исполненіе коварнаго плана.

Когда корабль, везшій Помпея, приблизился къ берегу, Ахиллъ съ двумя знатными римлянами, Луціемъ Септиміемъ и Сальвіемъ, сѣлъ въ маленькую барку и поплылъ навстрѣчу Помпея. Они заставляли Помпея пересѣсть къ нимъ въ барку подъ тѣмъ предлогомъ, что море слишкомъ мелко у берега и глубоко идущій корабль не можетъ причалить къ берегу. Помпей простился съ женою и сыномъ, и въ сопровожденіи двухъ центуріоновъ и своего вѣрнаго слуги Филиппа перемѣстился въ барку. На баркѣ господствовала мертвая тишина, никто не произнесъ слова. Скоро барка пристала къ берегу, Помпей поднялся, чтобы выдти. Въ

эту минуту Септимій сзади ударилъ его мечемъ, Помпей упалъ на смерть пораженный.

На кораблѣ, привезшемъ его съ Кипра, замѣтили какъ сверкнула сталь меча, и Корнелія, провожавшая барку боязливымъ взоромъ, разразилась громкими воплями; она предчувствовала злодѣяніе. Убійцы отрубили голову отъ трупа и бросили его на берегу, гдѣ вѣрный Филиппъ сжегъ тѣло своего господина.

ЦЕЗАРЬ ИМПЕРАТОРЪ.

Скоро послѣ смерти Помпея и Цезарь прибылъ въ Египетъ. Онъ высадился въ Александріи, потушивъ возмущеніе въ Малой Азіи. Его приняли съ честью, но онъ потребовалъ уплаты стараго долга и безпрекословнаго повиновенія. Этимъ онъ вызвалъ противодѣйствіе и принужденъ былъ засѣсть въ александрійской цитадели и выдержать осаду. Онъ велѣлъ зажечь находящійся въ гавани египетскій флотъ; уже близка была для Цезаря опасность здѣсь закончить свое побѣдоносное поприще, какъ пришла къ нему помощь отъ Митридата, царя пергамскаго. Александрія сдалась, и Клеопатра, низвергнутая съ престола, получила оный снова отъ Цезаря.

Новыя безпокойства отозвали его въ Малую Азію. Онъ двинулся туда чрезъ Сирію, гдѣ принималъ почести отъ сирійскихъ царей, зависѣвшихъ отъ Рима; здѣсь же онъ повелѣлъ, чтобы снова построены были разрушенныя стѣны

Іерусалима. Потомъ онъ поспѣшилъ въ понтійскую область, и въ пятидневный срокъ совершенно побѣдилъ царя Фарнака въ кровавой битвѣ при Зелѣ (47 г. до Р. Х.) Объ этомъ удивительномъ подвигѣ Цезарь писалъ своимъ друзьямъ въ Римъ: «пришолъ, увидѣлъ, побѣдилъ!»

Правившіе Римомъ отъ имени Цезаря, начальникъ всадниковъ Антоній и трибунъ Долабелла возбудили въ гражданахъ общее недовольство своею строгостію и жестокостью. Появленіе Цезаря послѣ двухгодичнаго отсутствія успокоило возбужденные умы. Но еще не всѣ противники его были побѣждены. Въ Африкѣ собрались приверженцы Помпея и вооружались противъ Цезаря. Нужно было уничтожить ихъ. Съ своими старыми легіонами, которые впрочемъ сначала отказывались идти въ Африку, но потомъ послѣдовали за Цезаремъ, когда онъ предложилъ имъ отставку и рѣшался отправиться на побѣду съ новыми легіонами, онъ переправился въ Африку, не смотря на позднюю зимнюю пору. Недалеко отъ Адрумета онъ присталъ къ берегу. Тутъ онъ споткнулся и упалъ,—но тотчасъ успокоилъ солдатъ, которые видѣли въ этой случайности неблагопріятное предзнаменованіе,—онъ произнесъ: «Африка, ты моя!» Послѣ небольшихъ схватокъ, удалось ему принудить къ битвѣ своего соперника Метелла Сципіона. Не смотря на превосходство непріятельскихъ силъ, Цезарь разбилъ враговъ при Тапсакѣ—и, украшенный новыми лаврами, возвратился съ Римъ (46 г. до Р. Х.).

Четыре раза проходила по Риму тріумфальная процессія съ Цезаремъ во главѣ, побѣдителемъ въ Галліи, Египтѣ, Понтѣ и Африкѣ. При этомъ онъ внесъ въ государственное казнохранилище двѣ тысячи восемьсотъ двадцать восемь золотыхъ коронъ и семдесятъ два милліона талеровъ благороднаго металла. Эти шествія совершались со всею торжественностью и пышностью, тутъ несли драгоцѣнные предметы, полученные въ добычу въ разныхъ странахъ, тутъ

шли знатные плѣнники, какъ-то Арсиноя, сестра Клеопатры, галльскій вождь Верцингеториксъ и другіе предъ колесницею тріумфатора. Но что особенно сильно дѣйствовало на народъ, такъ это праздничные обѣды, устроенные Цезаремъ. На двадцати двухъ тысячахъ столахъ, у каждаго изъ которыхъ стояли три скамьи, Цезарь угощалъ народъ, и не одними обыкновенными яствами, но даже лакомствами; здѣсь были между прочимъ дорогія мурены (рыба, не было недостатка въ знаменитомъ Фалернскомъ, равно какъ хіосскомъ винѣ. Онъ одарилъ пятьдесятъ тысячъ бѣднѣйшихъ гражданъ хлѣбомъ и масломъ, и кромѣ того каждому далъ по двадцати талеровъ. Еще болѣе щедро онъ надѣлилъ своихъ солдатъ, онъ далъ каждому изъ нихъ по тысячѣ талеровъ, офицерамъ вдвое противъ простыхъ воиновъ, высшимъ начальникамъ вчетверо. Онъ простилъ всѣхъ, которые сражались и возставали противъ него; не строгостію и жестокостью хотѣлъ онъ властвовать, но кротостью и милостью привлекалъ умы всѣхъ.

Еще разъ онъ отозванъ былъ изъ Рима на войну. Сильная еще партія Помпея старалась утвердиться въ Испаніи. Она имѣла въ распоряженіи больше тринадцати легіоновъ и занимала важнѣйшія мѣста на полуостровѣ. Цезарь повелъ въ Африку восемь легіоновъ; сопротивленіе, которое Цезарь нашолъ въ сраженіи при Мундѣ, недалеко отъ нынѣшней Малаги, было такъ упорно, что старые солдаты Цезаря поколебались. Но когда онъ спрыгнулъ съ коня, съ обнаженною головою явился среди воиновъ и сказалъ: «Ужели вы хотите выдать меня мальчику!» — легіоны снова загорѣлись мужествомъ и доставили вождю своему побѣду (45 г. до Р. Х.).

* * *

Никогда еще столь обширная власть не передавалась въ однѣ руки и притомъ съ полнымъ довѣріемъ со стороны

народа, какъ это было по возвращеніи Цезаря въ Римъ. Онъ получилъ консульство на десять лѣтъ, диктатуру пожизненно ; его называли теперь Императоръ и уполномочили передать этотъ титулъ по наслѣдству своимъ потомкамъ. Ко всему этому присоединено почетное названіе «отца отечества», а въ Капитоліи была поставлена его статуя; ему построили даже храмъ и назначили жрецовъ отправлять богослуженіе въ немъ.

У кого не закружилась бы голова отъ такихъ почестей? Цезарь принималъ эти почести, сознавая высокую цѣль, къ которой стремился, — эта цѣль была благо отечества; но онъ также поддался искушеніямъ своего высокаго положенія. Такъ онъ сидя принималъ сенатъ, который однажды являлся къ нему въ торжественной процессіи съ предложеніемъ новыхъ почестей. Тщеславіе проявлялось и въ томъ, что онъ принялъ предложенное ему золотое курульное кресло рядомъ съ креслами другихъ консуловъ. Въ кружкѣ довѣренныхъ друзей онъ часто высказывалъ, что республика теперь не что иное какъ пустое слово, что воля его законъ для всѣхъ. Но какъ же иначе и быть могло, когда ему дано было семдесятъ два ликтора въ знакъ его исключительнаго положенія, когда назначенные имъ молодые сенаторы, равно какъ и сыновья знатнѣйшихъ всадниковъ предложили ему свои услуги и поступили въ число его тѣлохранителей!

Недоставало ему одной діадемы. Онъ принималъ съ благосклонностью, когда въ кружкѣ приближенныхъ лицъ льстиво привѣтствовали его какъ царя, хотя официально и отказывался отъ такого титула. Когда однажды среди громкихъ кликовъ, которыми народъ привѣтствовалъ Цезаря, послышалось имя царя, принятое народомъ съ явнымъ неудовольствіемъ, онъ воскликнулъ: «онъ Цезарь, а не царь!» Въ сенатѣ онъ высказалъ неудовольствіе на то, что неразуміе трибуновъ навлекло ему столько непріятностей. Они были удалены отъ своихъ мѣстъ, но тѣ, которые побуждали трибуновъ рискнуть на такое дѣло, не были наказаны.

Въ другой разъ, когда Цезарь сидѣлъ во время праздника на своемъ золотомъ креслѣ и смотрѣлъ на столпившійся вокругъ него народъ, консулъ Антоній пробрался къ нему сквозь толпу, прославлялъ въ одушевленной рѣчи его дѣла, и потомъ подошолъ къ нему съ діадемою, которую хотѣлъ возложить на голову Цезаря. Консулъ при этомъ произнесъ: «римскій народъ чрезъ меня посылаетъ тебѣ корону!» Но тутъ же въ народѣ раздались громкія жалобы, такъ ненавидѣлъ онъ царское имя и царское достоинство. — И когда Цезарь съ видимымъ гнѣвомъ отвергнулъ такое украшеніе, народъ снова восторженно привѣтствовалъ его. «Пусть Юпитеръ будетъ царемъ!» произнесъ онъ, и отослалъ повязку въ Капитолій.

* * *

Между тѣмъ противъ Императора зрѣлъ заговоръ, имѣвшій цѣлью возвратить государству подавленную свободу. Чѣмъ открытѣе выступалъ Цезарь съ своими высокими планами, которые клонились не столько къ удовлетворенію его честолюбія, сколько къ общему благу, тѣмъ скрытнѣе дѣйствовали немногіе жалкіе заговорщики, которые не имѣли довольно ни мужества, ни ума, чтобы открыто стать противъ него. Кайусъ Кассіусъ Лонгинъ, старый приверженецъ Помпея, котораго Цезарь простилъ и далъ ему должность, и Маркусъ Брутъ, осыпанный болѣе чѣмъ первый, милостями Цезаря, придумали мрачный планъ; Кассій изъ личной ненависти къ Цезарю, Брутъ изъ убѣжденія, что Цезарь хочетъ во чтобы то ни было погубить республику.

Цезарь дѣлалъ обширныя приготовленія къ войнѣ. Еще разъ онъ хотѣлъ вести легіоны въ поле для того, чтобы покорить безпокойныя племена на Дунаѣ, потомъ отдаленныхъ парѳянъ и германцевъ. Онъ спрашивалъ жрецовъ объ исходѣ этого похода, и тѣ по сивиллинымъ книгамъ ска-

зали ему: только царь можетъ побѣдить парѳянъ. Поэтому онъ назначилъ на 15 Марта 44 г. до Р. Х. засѣданіе сената, въ которомъ хотѣлъ потребовать себѣ царскаго титула надъ частями государства, лежащими внѣ Италіи.

Утромъ этого дня Цезарь чувствовалъ себя невполнѣ здоровымъ. Супруга его Кальпурнія, въ смущеніи отъ безпокойнаго сна, просила его не покидать дома. Вѣщій жрецъ Спуринна еще прежде предостерегалъ его отъ мартовскихъ идъ, такъ какъ по примѣтамъ надъ жертвенными животными угрожала опасность Цезарю. Много другихъ предзнаменованій внушали осторожность,—такъ думали по крайней мѣрѣ въ то время. Цезарь уполномочилъ своего товарища по консульству, Антонія, распустить сенатъ на сегодняшній день.

Но заговорщики уже все приготовили. Каждая отсрочка угрожаетъ опасностію, они едва довѣряютъ другъ другу; уже показались признаки того, что нѣкоторымъ лицамъ, непринадлежащимъ къ ихъ кружку, былъ извѣстенъ ихъ замыселъ, что возмутительный планъ ихъ немедленно будетъ открытъ. Все приготовлено, все понуждаетъ ихъ сегодня же исполнить свое намѣреніе, и уже время Цезарю явиться. Съ нетерпѣніемъ они ждутъ прибытія Цезаря, какъ вдругъ приходитъ вѣстникъ и говоритъ, что Цезарь сегодня не будетъ. Тотчасъ заговорщики поручаютъ Децию Бруту, который имѣлъ вліяніе на Цезаря и доступъ къ нему во всякое время, спѣшить къ нему и отклонить его отъ принятаго рѣшенія не выходить изъ дома. Онъ входитъ къ Цезарю и находитъ его разстроеннымъ и не желающимъ снова отмѣнять свое повелѣніе. Брутъ старается его успокоить, и Цезарь разсказываетъ ему сонъ жены. «Что за глупость, возразилъ Брутъ, откладывать принятіе царскаго титула, пока жена не увидитъ лучшихъ сновъ!»

Но Цезарь все еще колеблется, ему что-то невесело. Брутъ исчерпываетъ все искусство убѣжденія. И все напрасно. Тогда онъ хватаетъ императора за руку и тащитъ

насильно за собою; Цезарь слѣдуетъ за искренно любимымъ человѣкомъ. Онъ всходитъ на свои носилки, и, нисколько не озаботясь о своей безопасности, велитъ нести себя въ курію.

Былъ полдень и сенатъ собрался. На дорогѣ встрѣчаетъ Цезаря жрецъ Спуринна. «Вотъ наступили и иды,» сказалъ ему Цезарь! —«Но еще не прошли!» отвѣчалъ жрецъ.

У входа въ курію ему подавали прошенія. Онъ взялъ ихъ и вошолъ въ собраніе. Здѣсь онъ сѣлъ въ свое золотое кресло, и въ то время, какъ вернѣйшій другъ Цезаря Антоній умышленно задержанъ былъ Требоніемъ предъ дверями куріи, внутри куріи заговорщики окружили безоружнаго императора.

Луціусъ Тулліусъ Цимберъ, котораго Цезарь назначилъ намѣстникомъ Виѳиніи, близко подошолъ къ нему, и началъ цѣловать его въ лобъ и въ грудь, какъ бы въ знакъ своего глубокаго почтенія къ Цезарю, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы узнать, нѣтъ ли на немъ панцыря; онъ просилъ возвратить брата своего изъ изгнанія. Цезарь возразилъ, что теперь не время говорить объ этомъ дѣлѣ, и когда остальные заговорщики плотно сжались около него, Цезарь всталъ, чтобы отвязаться отъ ихъ назойливости. Въ эту минуту Цимберъ началъ тащить съ плеча его тогу. То былъ условленный сигналъ. «Это насиліе!» вскричалъ Цезарь и сдѣлалъ шагъ назадъ. Но тутъ Каска ударилъ его кинжаломъ въ спину. «Что ты дѣлаешь, злодѣй!» сказалъ Цезарь, оборотившись къ нему, и ударилъ его по рукѣ своимъ серебрянымъ стилемъ.

Тогда всѣ заговорщики бросились на него и такъ свирѣпо работали кинжалами, что переранили другъ друга. Напрасно Цезарь усиливается бѣжать. Кровь льется изъ двадцати двухъ ранъ; закутавъ голову и ноги въ свою тогу, онъ упалъ мертвымъ на землю предъ статуею Помпея.

Сенаторы въ ужасѣ разбѣжались. Напрасно Маркусъ Брутъ

старался остановить ихъ и оправдать предъ ними черное дѣло: они его не слушаютъ. Когда же узналъ народъ о смерти Цезаря, смущеніе общее овладѣваетъ всѣми. Нѣкоторое время трупъ оставался на мѣстѣ убійства. Потомъ вѣрные рабы подняли его, положили на носилки, и съ свѣсившеюся рукою трупъ отнесли въ жилище Цезаря.

Величайшій, можетъ быть, благороднѣйшій римлянинъ, конечно человѣкъ не безъ большихъ человѣческихъ слабостей,—палъ подъ рукою убійцъ. Никто не могъ отвратить неумолимаго, быстро уносящаго людей рока.

ВТОРОЙ ТРІУМВИРАТЪ.

Прошли торжественныя похороны Цезаря; раздраженіе народа, проявившееся въ сильной степени, уступило потомъ мѣсто совершенному равнодушію, съ которымъ онъ относился къ приближающимся событіямъ. Антоній захватилъ въ свои руки высшую власть, прибралъ также къ своимъ рукамъ частное имущество Цезаря и государственную казну; потомъ настоялъ на томъ, чтобы ему дали тѣлохранителей, число которыхъ онъ увеличилъ до шести тысячъ человѣкъ. Теперь, не обращая вниманія ни на законы, ни на обычаи, онъ дѣйствовалъ, какъ человѣкъ, надъ всѣмъ властвующій и не обязанный никому давать отчетъ.

Между тѣмъ прибылъ въ Римъ внукъ Цезаря по сестрѣ, Октавіанъ, осьмнадцатилѣтній юноша, чтобы вступить во владѣніе наслѣдствомъ. Цезарь назначилъ его своимъ на-

слѣдникомъ и онъ принялъ названіе Кайя Юлія Цезаря Октавіана. По прибытіи въ Римъ онъ потребовалъ отъ Антонія имущество Цезаря. Получивши высокомѣрный отказъ, Октавіанъ рѣшился искать и дѣйствительно снискалъ благосклонность народа; благодаря денежнымъ раздачамъ и народнымъ увеселіямъ, онъ нашолъ приверженцевъ даже между заговорщиками на жизнь Цезаря, тогда какъ никто не терпѣлъ властолюбиваго Антонія. Однакожъ послѣдній не обращалъ вниманія на мальчика, который составлялъ уже планы будущей дѣятельности.

Въ то время, какъ Антоній отправился въ походъ, чтобы побѣдить мужей, защищавшихъ республику, Цицеронъ гремѣлъ противъ него въ своихъ полныхъ одушевленія рѣчахъ, въ которыхъ изъявлялась настоятельная нужда поднять мечъ на властолюбиваго человѣка. Сначала сенатъ не рѣшался послѣдовать увѣщаніямъ Цицерона, но чрезмѣрныя требованія, которыя представлялъ Антоній на случай отреченія своего отъ власти, раздражили отцовъ, которые рѣшили войну. Антоній потерялъ сраженіе при Мутинѣ, но значеніе его отъ одного пораженія еще не ослабѣло. Напротивъ, онъ даже сдѣлался еще страшнѣе для сената, когда соединился съ Лепидомъ, который начальствовалъ надъ войсками въ Галліи. Опорою сената оставался одинъ Октавіанъ, которому и передано было окончаніе войны. Октавіанъ согласился идти на войну, но требовалъ сначала консульства, въ которомъ сенатъ ему отказалъ. Тогда онъ созвалъ преданное ему войско и жаловался на то, что не можетъ дать солдатамъ обѣщанной награды, такъ какъ сенатъ отказываетъ ему въ консульствѣ.

Тотчасъ отправлено было въ Римъ солдатское посольство, которое состояло изъ людей, служившихъ у Октавіана. Сенатъ долженъ былъ допустить къ себѣ посольство и выслушать отъ него требованіе, на которое Октавіанъ получилъ отказъ. Послы говорили: «Пусть нашъ полководецъ,

Октавіанъ, будетъ консуломъ!» Значитъ дошло уже до того, что избраніе было одною формою, и солдаты осмѣливались угрожать сенату. Впрочемъ на этотъ разъ отцы показали стойкость, они отказали Октавіану въ консульствѣ. «Такъ знайте жъ» возразилъ одинъ изъ уполномоченныхъ, ударивъ по мечу, «вотъ онъ доставитъ ему консульство»!

Такая угроза не была голословна. Спустя нѣсколько времени Октавіанъ—какъ нѣкогда Цезарь—перешолъ Рубиконъ и повелъ на Римъ восемь легіоновъ. И сенатъ поспѣшно собралъ легіоны. Но когда восемь легіоновъ Октавіана явились предъ воротами, сенатскіе легіоны перешли къ Октавіану. Октавіанъ вошолъ въ Римъ, какъ глава государства, вся сила была въ его рукахъ. Двадцатилѣтній юноша сдѣлался консуломъ; его родственникъ и соучастникъ въ цезаревомъ наслѣдствѣ, конечно человѣкъ зависѣвшій отъ Октавіана, Квинтусъ Педій сдѣланъ вторымъ консуломъ.

Теперь Октавіанъ, какъ человѣкъ, усыновленный Цезаремъ, по торжественному рѣшенію курій, вступилъ во всѣ права наслѣдника Цезаря. Въ числѣ этихъ правъ было и право преслѣдованія и наказанія убійцъ Цезаря. Чтобы достигнуть этой цѣли, Октавіанъ соединился съ Антоніемъ и Лепидомъ, которые охотно примирились съ нимъ. Совѣщанія ихъ были запечатлѣны союзомъ, который носитъ названіе втораго тріумвирата.

Три человѣка раздѣлили между собою управленіе государствомъ. Антоній получилъ провинцію обѣихъ Галлій, Октавіанъ Африку, Сицилію и Сардинію и прочіе сосѣдственные острова, Лепидъ Иберійскій полуостровъ и Нарборнискую провинцію.—Лепидъ взялся держать въ покоѣ Италію, въ то время какъ Октавіанъ и Антоній рѣшились съ сорока легіонами успокоить востокъ. Договоръ этотъ былъ сообщенъ солдатамъ, которые радостно изъявили свое согласіе на ихъ планы. Но прежде всего тріумвиры рѣшились назначить новыя проскрипціи, чтобы собрать денегъ

на содержаніе войска и на веденіе войны. Каждый изъ трехъ лицъ долженъ былъ по своему усмотрѣнію назначить жертвы; тутъ дано было широкое поле всякаго рода мстительности, союзъ мира заключалъ въ себѣ сѣмена новаго господства ужаса.

* * *

Тріумвиры прибыли въ Римъ. Сенатъ и народъ одобрили заключенный ими союзъ, не подозрѣвая того, что этимъ союзомъ они не только приготовили паденіе республики, но также и смертный приговоръ всѣмъ тѣмъ, которые чѣмъ бы то ни было служили помѣхою тріумвирамъ. Первымъ актомъ новыхъ властителей было обнародованіе проскрипціонныхъ эдиктовъ. Большія награды положены были за головы тѣхъ, которые внесены были въ роковые листы. Триста сенаторовъ, двѣ тысячи изъ сословія всадниковъ были избранными жертвами; кромѣ нихъ много народа погибло жертвою частной мести въ такіе дни, когда каждому не только дозволено было умерщвлять ближнихъ, но еще вмѣнено въ особенную заслугу.

Это была рѣзня, подобную которой трудно указать въ исторіи; отецъ не довѣрялъ сыну, мужъ боялся жены, господинъ своего раба. Искавшіе спасенія въ бѣгствѣ были умерщвляемы по дорогамъ или въ домахъ, куда зазывали ихъ подъ предлогомъ гостепріимства. Тѣ, которые сами являлись, погибали тутъ же; немногіе получили прощеніе. На площади торчали головы убитыхъ, народъ привыкъ къ этому зрѣлищу, Антоній наслаждался видомъ обезглавленныхъ своихъ жертвъ. Куда дѣвались мирные, славные дни Цезаря? Гдѣ была его кротость, его удовольствіе прощать врагамъ? Правда, легіоны и народъ поклялись исполнять законы Цезаря, но тѣ, которые должны были наблюдать за исполненіемъ ихъ, обагрили ихъ и себя кровью беззащитныхъ жертвъ своей мести.

* *
*

Друзья республики, убійцы Цезаря, мало по малу прочно утвердились въ восточныхъ провинціяхъ государства, Брутъ въ Македоніи, Кассій въ Сиріи. Здѣсь собрали они войско въ сто тысячъ человѣкъ и значительный флотъ, которымъ начальствовалъ Секстусъ Помпей.

На часовомъ разстояніи отъ Филиппъ, оба полководца соединили свое войско въ двухъ лагеряхъ, устроенныхъ на холмахъ; оба лагеря соединены были шанцами. Отсюда они господствовали надъ дорогою въ Азію и казалось безопасны были отъ всякаго нападенія, такъ какъ непріятель долженъ былъ разбить свой лагерь на равнинѣ у ихъ ногъ. Противъ Брута сталъ лагеремъ Октавіанъ, противъ Кассія Антоній: оба полководца имѣли больше ста тысячъ пѣхоты и тринадцать тысячъ конницы.

Судьба Рима была рѣшена въ двухъ сраженіяхъ на македонской равнинѣ. Въ первой битвѣ Антоній побѣдилъ Кассія, но войско Октавіана отступило предъ Брутомъ. По недоразумѣнію Кассій счелъ, что и войско Брута также разбито,—въ отчаяніи онъ самъ себя лишилъ жизни.

Чрезъ двадцать дней произошла вторая битва, въ которой разбитъ былъ Брутъ, онъ кончилъ жизнь такъ-же, какъ и его союзникъ Кассій. Разбитые легіоны соединились съ легіонами побѣдителей (42 г. до Р. Х.). Съ тѣхъ поръ въ Римѣ уже не было больше мужей, которые бы осмѣлились противодѣйствовать тріумвирамъ, стремящимся къ единодержавію.

* *
*

Мрачное зрѣлище представлялъ тогда міръ, такъ какъ римское государство было всемірнымъ государствомъ. Во

главѣ стояли три человѣка, изъ которыхъ двое Октавіанъ и Антоній думали только о низложеніи другъ друга; третій же Лепидъ былъ такъ незначителенъ, что едва ли былъ въ состояніи повредить или принести пользу кому нибудь изъ остальныхъ тріумвировъ. Самый Римъ, главный городъ вселенной, обратился въ кровавое поле, на которомъ никто не смѣлъ слова сказать противъ трехъ лицъ, тѣмъ менѣе рѣшался дѣйствовать противъ нихъ. Послѣ сильнаго возбужденія умовъ въ эти кровавые дни, римлянами овладѣло полное равнодушіе къ судьбамъ отечества. Владыки міра дрожали предъ взглядомъ своихъ тріумвировъ.

Тріумвиры понимали, что побѣдою при Филиппахъ они сломили послѣдніе остатки всякаго противодѣйствія своей волѣ, угрожавшаго имъ со стороны друзей республики. Теперь нужно было поддерживать тишину и повиновеніе какъ во всемъ огромномъ государствѣ, такъ и въ отдѣльныхъ его частяхъ. Сластолюбивый Антоній желалъ получить въ управленіе востокъ. Въ безмѣрномъ распутствѣ онъ тратилъ здѣсь и свои сокровища и свою славу. Лепидъ былъ легко отодвинутъ въ сторону и не имѣлъ вліянія на дѣла; Октавіанъ же взялся успокоить западъ государства, и именно Италію. При этомъ надѣлала ему много безпокойствъ Фульвія, жена Антонія; Октавіанъ вынужденъ былъ обратиться на шурина ея Луція, брата Антонія, и принудить его къ сдачѣ древняго тирренскаго города Перузіи, куда убѣжалъ Луцій (41 г. до Р. Х.).

При извѣстіи о семъ, Антоній самъ прибылъ въ Италію, чтобы сколько возможно силою остановить Октавіана и заставить его держаться въ границахъ. Но когда легіоны обоихъ полководцевъ не пожелали биться другъ противъ друга, и сами вожди должны были примириться и возобновить тріумвиратъ. Антоній по смерти своей жены Фульвіи женился на благороднѣйшей римлянкѣ того времени, Октавіи, сестрѣ

Октавіана. Новый союзъ, казалось, обѣщалъ покойную будущность, однако надежды на него не оправдались.

Еще не побѣжденъ былъ одинъ человѣкъ, предводитель сильнаго флота, Секстусъ Помпей, властвовавшій на Средиземномъ морѣ и препятствовавшій всякому подвозу хлѣба изъ Сициліи въ Италію. Побѣдить его было невозможно, потому что у тріумвировъ не было никакого флота. Съ нимъ рѣшено вступить въ переговоры (36 г. Примиреніе происходило на глазахъ народа и казалось такъ искреннимъ, что никому въ мысль не приходило усумниться въ мирныхъ слѣдствіяхъ онаго.

ЦЕЗАРЬ ОКТАВІЙ АВГУСТЪ.

Чрезъ пять лѣтъ послѣ сказаннаго мирнаго и дружескаго договора, положившаго повидимому конецъ всякой враждѣ, снова Октавіанъ и Антоній стояли другъ противъ друга, готовые вступить въ борьбу. Лепидъ былъ устраненъ отъ участія въ тріумвиратѣ и жилъ въ Цирцеѣ въ качествѣ верховнаго жреца; Секстусъ Помпей, послѣ неудачной битвы съ Октавіаномъ и Антоніемъ, въ которой потерялъ и войско и флотъ, былъ умерщвленъ въ Милетѣ по желанію Антонія. Теперь Октавіанъ и Антоній, начавшіе домогаться единодержавія уже со смерти Цезаря, еще хотѣли помѣриться силами и привести къ концу слишкомъ долго затянувшуюся борьбу. Они сильно вооружались, приготовляли сухопутныя войска и флоты; больше двухъсотъ тысячъ сол-

датъ и флотъ въ семьсотъ пятьдесятъ кораблей должны были рѣшить судьбу Рима, будущее востока и запада.

Уже не малое время всемірное государство дѣлилось на востокъ и западъ, теперь мечъ долженъ былъ рѣшить, должно ли это дѣленіе имѣть силу на долго, или же только на короткое время. До сихъ поръ Римъ былъ главнымъ городомъ государства, а съ этого времени Антоній началъ устроивать изъ Александріи второй Римъ, восточный, что ему отчасти и удалось. Отъ исхода борьбы зависѣло, будетъ ли прочно основаніе новаго главнаго города на востокѣ. Октавіанъ дѣйствовалъ въ силу сенатскаго и народнаго рѣшенія, которыми Антоній объявленъ былъ безумцемъ, неспособнымъ нести какую-либо римскую должность, значитъ, на сторонѣ Октавіана было право, противникъ его по этому рѣшенію былъ бунтовщикомъ. Исходъ борьбы долженъ былъ показать, кто долженъ управлять Римомъ и государствомъ, беззаконный ли властелинъ, или народомъ и сенатомъ избранный.

При такой обширной міровой задачѣ, битва при Акціумѣ сама по себѣ является очень незначительною (31 г. до Р. Х.). Сухопутныя войска, не принимая никакого участія въ дѣлѣ, смотрѣли на ходъ морской битвы, въ которой рѣшались тогдашнія міровыя событія. Антоній имѣлъ флотъ, состоящій изъ пятисотъ тяжолыхъ пятидечныхъ судовъ, которому не доставало опытныхъ гребцовъ и хорошихъ флотскихъ солдатъ. Онъ поставилъ его полукругомъ и ожидалъ нападенія. Антоній почти не сомнѣвался въ томъ, что легкія либурнскія суда Октавіана будутъ не въ силахъ нанести какой либо вредъ этой пловучей стѣнѣ. Но этими небольшими судами командовалъ Агриппа, превосходный адмиралъ того времени, человѣкъ преданный Октавіану до послѣдней капли крови. И хотя у него было только двѣсти пятьдесятъ кораблей, за то онъ могъ расчитывать на стойкость экипажа, на ловкость и храбрость солдатъ. Впрочемъ долго остава-

лись тщетными всѣ усилія прорвать сильную боевую линію гордыхъ пятидечныхъ судовъ. Наконецъ оба крыла либурнскихъ кораблей попытались обойти оба крыла своихъ противниковъ, и тѣмъ заставили послѣднихъ растянуть въ ширину боевую линію. Такъ морскіе колоссы раздвинулись и отошли другъ отъ друга. Этого только и ожидалъ Агриппа. Какъ только онъ замѣтилъ промежутки, устремился туда съ своими подвижными судами и привелъ въ разстройство непріятельскую линію. Потомъ онъ велѣлъ бросать огонь на непріятельскіе корабли, которые такимъ образомъ гибли отъ пламени.

Побѣда была полная, потому что Антоній бѣжалъ; онъ отплылъ за Клеопатрою, которая сначала хотѣла быть свидѣтельницею его побѣды. Спустя семь дней и сухопутное войско его положило оружіе. Западу досталась опять власть надъ востокомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и господство надъ всѣмъ міромъ, и Октавіанъ одинъ безраздѣльно получилъ кормило правленія міромъ.

* * *

Антоній бѣжалъ въ Египетъ. Солдаты его повсюду переходили къ Октавіану. Его шествіе по Греціи и Малой Азіи было побѣдоносно, оно было слѣдствіемъ его побѣды въ амбракійской бухтѣ. Нетерпѣніе его ветерановъ, отпущенныхъ въ Италію, гдѣ они требовали жалованья и давно ожидаемой отставки, вызвало его на короткое время въ Брундузіумъ. Скоро онъ возвратился назадъ, чрезъ Коринѳъ и Родосъ переправился въ Сирію, а оттуда въ Египетъ.

Антоній оставался въ Александріи въ бездѣйствіи; опутанный и обманутый Клеопатрою, онъ все еще надѣялся, когда уже исчезла всякая надежда. Клеопатра тайно перешла на сторону Октавіана, но на этотъ разъ уже не обманула Антонія, какъ это удавалось ей прежде.

Когда же она увидѣла, что Октавіанъ не податливъ на ея заманки, то прекратила жизнь самоубійствомъ, Антоній еще прежде ея бросился на свой мечъ. Египетъ сдѣлался римскою провинціею (30 г. до Р. Х.).

По возвращеніи въ Римъ Октавіанъ измѣнилъ государственное устройство по своему усмотрѣнію. Какъ наслѣдникъ Юлія Цезаря, онъ принялъ титулъ императора; сенатъ далъ ему имя Августа—священнаго; какъ священная особа, Октавіанъ былъ главою сената. Изъ среды сената, который былъ увеличенъ до шестисотъ человѣкъ, онъ избралъ пятьдесятъ въ свои ближайшіе совѣтники, которые образовали такимъ образомъ его государственный совѣтъ. Себѣ онъ предоставилъ чрезъ каждые полгода дѣлать новый выборъ сенаторовъ, которые вполнѣ были его орудіями, какъ люди облагодѣтельствованные императоромъ. Всѣ законы исходили отъ него; иногда онъ предлагалъ утвержденіе законовъ народному собранію, но это старое право народа теперь сдѣлалось пустою формою. Указы, которые онъ обнародовалъ безъ сената и народа, имѣли такую же силу, какъ и принятые съ сенатскаго и народнаго согласія. Войско, разставленное легіонами въ пограничныхъ провинціяхъ, образовало съ этихъ поръ совершенно отдѣльное отъ гражданъ сословіе. Оно состояло не только подъ главнымъ начальствомъ императора, но также и на его жалованьѣ. Онъ лично назначалъ намѣстниковъ въ пограничныя провинціи, въ остальныя же провинціи съобща съ сенатомъ и народомъ. Всѣ доходы съ провинцій, которыхъ сумма была точно опредѣлена, поступали въ государственное казначейство, изъ котораго всѣ государственные чиновники получали жалованье. Государственное устройство и управленіе основаны были на подробныхъ инструкціяхъ, спокойствіе и безопасность гражданъ были обезпечены. Всюду видна была воля и сила императора, въ рукахъ котораго соединились всѣ вѣтви правленія.

* * *

Въ то время, какъ воля одного человѣка признавалась и исполнялась въ земляхъ отъ Евфрата до Атлантическаго океана, отъ сѣверныхъ береговъ Галліи и Британіи до водопадовъ Нила, совершилось событіе, раздѣляющее древнее и новое время,—рожденіе Спасителя міра. Когда въ средоточіи всемірной монархіи человѣческое величіе обнаружилось съ полною силою, Сынъ Божій родился въ глубочайшемъ „униженіи, въ Виѳлеемѣ, въ ясляхъ. Событіе это возвѣщено было равно и язычникамъ и іудеямъ, и тѣ и другіе послали своихъ первенцевъ поклониться Спасителю, первые въ лицѣ пастуховъ, вторые въ лицѣ мудрецовъ. Съ этого момента какъ бы прерывается прежній ходъ событій,—быстрѣе чѣмъ прежде идетъ къ своему концу все старое, а новое получаетъ начало. Теперь началъ свѣтить во тьмѣ свѣтъ истинный, и величіе Господа просіяло надъ міромъ.

КАРТИНЫ РИМСКОЙ ЖИЗНИ.

ДОМЪ.

Еще тѣни ночи лежали надъ городомъ на семи холмахъ, только на дальнемъ востокѣ занялась заря; полоса свѣта, съ каждою минутою дѣлавшаяся все шире и шире, распространялась надъ горизонтомъ востока. Небо становилось все свѣтлѣе, но еще мало свѣта проникало въ дома чрезъ окна и покрытыя мѣста жилищъ. Въ спальной комнатѣ, такъ расположенной, что туда не проникалъ никакой шумъ, спалъ глубокимъ сномъ господинъ дома, именемъ Кайюсъ, молодой, неженатый человѣкъ, патриціанскаго происхожденія. Но въ другихъ частяхъ дома началась уже дѣятельная жизнь. Изъ маленькихъ кельеобразныхъ комнатъ и съ лѣстницы, которая вела въ верхній этажъ, спускалась внизъ толпа рабовъ, которые спѣшно выходили на свою работу; они хлопотали о томъ, чтобы въ домѣ были порядокъ и чистота.

Цѣлый рядъ домашнихъ рабовъ, которые несли метлы и губки, началъ подъ надзоромъ атріензиса, или домашняго гофмейстера, чистить и выметать всѣ открытыя пространства входовъ въ домъ. Одни изъ нихъ осматривали вестибулумъ

(сѣни, пріемная комната), не свилъ ли паукъ незамѣтно своей паутины между капителями колоннъ или статуями, которыя стояли въ галлереѣ. Они чистили золотыя и черепаховыя украшенія у флигелей и косяковъ дверныхъ, равно какъ стирали пыль съ мраморныхъ досокъ, изъ которыхъ состояли полы. Другіе занимались въ атріумѣ (пріемный залъ) и его боковыхъ ходахъ, половую мозаику и стѣнныя картины вытирали осторожно мягкою губкою, чтобы пыль не прилипла къ восковому лаку, которымъ наполирована была картина. Они смотрѣли, не закоптилась ли гдѣ нибудь стѣна ламповымъ дымомъ, они развѣшивали свѣжіе вѣнки на бюсты и рамки портретовъ на стѣнахъ.

Во внутреннемъ пространствѣ двора и въ большомъ перистилѣ (открытомъ мѣстѣ, окруженномъ колоннадными ходами) другіе рабы вытирали грубымъ холстомъ политуру столбовъ, которые сдѣланы были тамъ изъ тенарскаго, тутъ изъ нумидійскаго мрамора и составляли прекрасный контрастъ съ стоящими между ними статуями и свѣжей зеленью площадки, которая находилась посрединѣ.

Триклиніархъ (смотритель столовъ) привелъ въ большія залы толпу рабовъ, для того чтобы хорошенько вычистить всю наставленную здѣсь мебель. Тутъ стояли три дорогихъ стола изъ кедроваго дерева съ ножками изъ слоновой кости; богато разукрашенные столы представляли видъ кожи пантеры, или хвостъ павлина, или роскошно вьющееся растеніе. Рабы сняли пурпуровыя покрывала и стерли пыль, которой нѣсколько набралось подъ скатерть. Потомъ они обратились къ парадным столамъ, которые стояли у стѣнъ, и на которыхъ тщательно установлены были золотые и серебряные сосуды и другія драгоцѣнности. Къ послѣднимъ принадлежали мраморныя дощечки, которыя стояли на серебряныхъ или вызолоченныхъ бараньихъ ножкахъ, или на кончикахъ крыльевъ двухъ грифовъ, лежащихъ задомъ другъ къ другу. Драгоцѣнности, стоящія на этихъ столахъ, выбраны

были соотвѣтственно архитектурѣ каждаго зала. Въ самой простой комнатѣ стояли гладкіе серебряные сосуды, которыхъ ободки были большею частію изъ золота. Между ними видны были маленькіе сосуды изъ янтаря; два изъ нихъ были рѣдкой работы, и въ одномъ нашла свой прозрачный гробъ пчелка, въ другомъ муравей. На другой сторонѣ этого зала глазъ зрителя падалъ на нѣсколько кубковъ, сдѣланныхъ въ подражаніе старинѣ и на которыхъ вырѣзаны были имена ихъ прежнихъ владѣльцевъ. На одномъ было имя Лаомедона, котораго преемникомъ былъ Пріамъ, другой вышелъ изъ дома стараго Нестора; голуби, служившіе ручкою, были слишкомъ истерты въ слѣдствіе частаго употребленія кубковъ прежними владѣльцами. Одинъ кубокъ былъ подаркомъ Дидоны Энею, такъ покрайней мѣрѣ гласило сказаніе. И хотя самъ Кай, владѣтель этихъ рѣдкостей, не вполнѣ вѣрилъ въ древность этихъ кубковъ, все таки мода въ роскошный вѣкъ Августа требовала пріобрѣтенія такихъ рѣдкостей, которымъ удивлялись гости и друзья.

Въ коринѳскомъ залѣ стояли сосуды изъ благородной коринѳской бронзы, которыхъ сильно истертыя ручки и особенный запахъ достаточно свидѣтельствовали объ ихъ неподдѣльности. Два золотыхъ бокала имѣли надписи изъ безсмертныхъ произведеній Гомера, Иліады и Одиссеи. Меньшія чаши и кубки изъ благороднаго камня, частію сдѣланныя изъ цѣльнаго куска и украшенныя превосходными фигурами, частію составленныя изъ многихъ камней, соединенныхъ золотою оправою, украшали комнаты и столы.

Особенно великолѣпенъ былъ египетскій залъ. Здѣсь не было ни одного золотаго или серебрянаго сосуда, который бы не отличался изящнѣйшею работою. Тутъ стояли кубки работы Фидія, украшенные рыбами, которымъ только воды не доставало, чтобы плавать; на одномъ кубкѣ ящерица работы Ментора,—вѣрное подражаніе натурѣ, заставляло содрогаться руку того, кто прикасался къ ней. Ручку одной драгоцѣн-

ной чаши образовалъ дикарь, несущій на плечахъ золотое руно, а въ рукахъ прекраснаго амура. Имя художника подлинно не было извѣстно, но всѣ согласны были въ томъ, что Мисъ и Миронъ, Ментеръ и Поликлетъ, самые знаменитые изъ всѣхъ, имѣли равное право назвать своею эту работу. Подобное же удивленіе возбуждали превосходныя александрійскія работы изъ стекла: ковши и чаши дорогой плавки подъ цвѣтъ аметиста, сапфира и рубина. Между этими вещами одна превосходила изяществомъ всѣ прочія. Это была чаша цвѣта опала, обведенная сѣткою небесно-лазореваго цвѣта, которая до послѣдней соединительной палочки совершенно отдѣлялась отъ самаго сосуда и свободно заключала въ себѣ сосудъ. Подъ чашею находилась надпись, приглашавшая къ питью, написанная зелеными, какъ и сѣтка выдающимися буквами. Какъ много попытокъ могли измѣнить художнику, прежде чѣмъ удалось ему окончить подобную работу!

Въ кизикскомъ залѣ (такъ названномъ по городу Кизику въ Мизіи) не видно было такихъ драгоцѣнностей. Тѣмъ больше работы здѣсь было стиравшимъ пыль,—окна и двери въ видѣ оконъ здѣсь доходили до самой земли, а нужно, чтобы видъ въ зеленый садъ не помрачался какими нибудь темными пятнами на стеклѣ.

Между тѣмъ солнце высоко поднялось на небѣ. Диспенсаторъ (счетчикъ) вычислялъ приходъ и расходъ прошлаго мѣсяца, чтобы представить его своему господину; целларій (кухмистеръ) пересматривалъ свои припасы и обдумывалъ, чего и сколько нужно приготовить на сегодня: всѣ остальные слуги и рабы хлопотали за своимъ дѣломъ. Тогда вестибулъ дома наполнился посѣтителями, которые не желали опоздать съ утреннимъ поздравленіемъ своему патрону. Это были люди различнаго званія и состоянія и собрались для привѣтствія по различнымъ побужденіямъ: граждане низшаго класса пришли потому, что получали отъ Кайя вспоможенія;

юноши знатнаго происхожденія потому, что желали составить себѣ положеніе въ свѣтѣ при помощи высокаго покровительства знаменитаго домовладѣльца; бѣдные поэты и праздные люди считали за честь быть приглашенными къ столу богатаго римлянина; потомъ нѣкоторые друзья господина, которые желали прямодушно выразить ему свое почтеніе и благодарность; наконецъ большая толпа такихъ людей, которые по суетности рѣшились рано утромъ идти только для того, чтобы при удобномъ случаѣ похвастать тѣмъ, что они будтобы приняты въ этомъ домѣ. Большая часть этихъ людей нетерпѣливо ходила впередъ и назадъ, ожидая, скоро ли появится Кай, потому что имъ нужно было еще и у другихъ побывать, нѣкоторые изъ нихъ въ это утро посѣщаютъ уже второй или третій домъ. Каждый изъ нихъ спѣшилъ къ атріуму, какъ только остіарій (швейцаръ), произносилъ его имя или исчезалъ въ ходахъ между колоннами, разсматривая съ любопытствомъ стѣнныя картины и статуи, или же старался сократить время разговоромъ съ кѣмъ либо изъ присутствующихъ.

Наконецъ Кай всталъ, но не считалъ себя обязаннымъ принимать такое множество людей, изъ коихъ многихъ онъ мало зналъ. Номенклаторъ, тщательно запомнившій имена всѣхъ ожидающихъ, долженъ былъ донести о нихъ своему господину; онъ донесъ и потомъ сообщилъ гостямъ, что господинъ сегодня не слишкомъ здоровъ и не выйдетъ къ нимъ. Но такъ какъ нѣкоторые изъ близкихъ друзей остались, господинъ приказалъ пригласить ихъ въ спальную комнату.

* * *

Вечеромъ домъ знатнаго римлянина представлялъ другой видъ. Уже было поздно, но господинъ еще не возвращался домой, онъ былъ въ веселомъ обществѣ у одного изъ сво-

ихъ вѣрныхъ друзей. Глубокая тишина на улицахъ города была лишь изрѣдка прерываема шагами ночныхъ тріумвировъ, которые обходили посты пожарной стражи. Послѣдняя полоса ущербляющейся луны освѣщала матовымъ свѣтомъ капитолійскій храмъ и его квадриги и бросала слабый свѣтъ на площадки между храмами и палатами, которыхъ кровли, уставленныя зеленѣющими деревьями и цвѣтами, распространяли ароматическій запахъ и наполняли теплый ночной воздухъ своимъ благовоніемъ.

Среди общей тишины заскрипѣли ворота дома, внутри уже извѣстнаго намъ, который былъ и съ внѣшней стороны украшенъ мастерскою работою архитектуры. Звеня цѣпью, которая обезпечивала владѣльцу ночную стражу дома, остіарій отодвинулъ запоръ отъ дверей и отперъ ворота, при чемъ открылся видъ на входъ въ самый домъ, по дорогѣ къ которому еще горѣло на двухъ высокихъ мраморныхъ канделябрахъ большое число лампъ, которыми освѣщался вестибулъ въ темные вечера.

По двору прошолъ вольноотпущенникъ, котораго свободныя тѣлодвиженія и взгляды, пренебреженіе къ ворчливому привратнику, и еще болѣе сопровождавшій его слуга, доказывали, что онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ своего господина. Онъ прошолъ чрезъ вестибулъ на улицу, и посматривая на обѣ стороны сквозь блѣдный свѣтъ и тѣни высокихъ портиковъ предъ домами, обратился къ своему спутнику съ словами:

«Что это значитъ, Леонидъ, что онъ такъ долго не возвращается, вѣдь это не въ его обычаѣ,—что бы могло его задержать? И пирушкамъ съ друзьями онъ не посвящаетъ такихъ позднихъ часовъ.»

«Онъ отправился изъ дому въ дурномъ расположеніи, спросилъ подошвы и цвѣтное праздничное платье. Потомъ скоро пошолъ по via sacra (священная дорога).»

Вольноотпущенникъ стоялъ нѣкоторое время задумавшись,

потомъ вымолвилъ: «не нравится мнѣ въ этомъ великолѣпномъ домѣ. Гораздо лучше я жилъ въ маленькой наемной квартирѣ у Тибра, тамъ въ мирѣ и тишинѣ проходили дни мои. Здѣсь въ этой толпѣ рабовъ и назойливыхъ посѣтителей, ежедневно толкущихся въ вестибулѣ, я потерялъ весь мой покой».

Погружонные въ такіе разговоры, оба они не замѣтили, какъ шолъ отъ храма Флоры человѣкъ къ дому, въ портикѣ котораго они стояли. На немъ было яркокрасное праздничное платье, какое обыкновенно надѣвали знатные римляне въ случаѣ праздничныхъ обѣдовъ. Подошвы привязаны были къ ногамъ ремнями подобнаго же цвѣта. Вѣнокъ изъ молодыхъ миртовыхъ вѣтвей и милезійскихъ розъ небрежно спущенъ былъ на лѣвую сторону, и казалось хотѣлъ соскользнуть съ умащенныхъ волосъ. Это былъ Кай, возвращавшійся изъ общества своихъ друзей.

Лишь тогда, когда онъ уже вошолъ въ вестибулъ, узналъ его вольноотпущенникъ.

«Привѣтъ тебѣ, господинъ, сказалъ онъ, идя ему на встрѣчу. Забота о тебѣ вызвала насъ за ворота, потому что мы непривыкли видѣть тебя возвращающимся въ такой поздній часъ».

«Я былъ у вѣрныхъ друзей,» сказалъ господинъ, «и въ задушевныхъ бесѣдахъ незамѣтно уходили часы».

Потомъ онъ подошелъ къ дверямъ, которыя отворилъ вольноотпущенникъ, и вошолъ съ нимъ и съ рабомъ. Въ то время, какъ остіарій опять заложилъ дверь, вольноотпущенникъ зажегъ отъ одной лампы восковую свѣтильню и повелъ своего господина чрезъ залы и колонадные ходы въ спальную комнату, очень уютно расположенную. Тутъ въ передней дожидавшійся господина рабъ, смотрѣвшій за гардеробомъ, снялъ съ него праздничное платье и обувь, кубикуларій (камердинеръ) отворилъ дверь покоя, открылъ пестрый александрійскій коверъ, которымъ завѣшенъ былъ

входъ, поправилъ пурпуровыя одѣяла, которыя не совсѣмъ скрывали кровать изъ слоновой кости и потомъ удалился, когда господинъ положилъ голову на пестрое покрывало подушки, набитой мягкими перьями.

КОМНАТА УЧЕБНЫХЪ ЗАНЯТІЙ.

Юноша, котораго мы назвали его первымъ именемъ Кая, принадлежалъ если не къ слишкомъ богатой, то къ благородной фамиліи. Его дѣдъ прибылъ въ Римъ иноземцемъ незадолго до ужасовъ проскрипцій. Тутъ получилъ онъ право гражданства, а когда наступили ужасные дни, удалился въ Галлію, гдѣ жилъ, не принимая никакого участія въ дѣлахъ Рима. Тутъ родился и нашъ Кай и обученъ былъ по тогдашнему обычаю тонкообразованнымъ греческимъ воспитателемъ первымъ началамъ науки. Когда онъ выросъ, отецъ его отправился съ многообѣщавшимъ сыномъ въ Римъ; заставилъ его учиться сначала у одного извѣстнаго грамматика, потомъ у отличнаго ритора. У послѣдняго юноша самъ составлялъ рѣчи, чтобы не упустить развитія талантливости и въ этомъ отношеніи. Кай продолжалъ эти занятія и тогда, когда уже вышелъ изъ отроческаго возраста и надѣлъ мужскую тогу, знакъ зрѣлаго возроста. Изъ Рима отецъ отправилъ двадцатилѣтняго юношу въ Аѳины, городъ, считавшійся въ то время хранителемъ высшаго и изящнаго образованія, чтобы онъ тамъ докончилъ свое воспитаніе и соединилъ аттическое изящество съ римскою основательностію и прозорливостію.

Въ Аѳинахъ вдругъ получаетъ Кай извѣстіе о смерти своего отца, который возвратился въ Галлію и тамъ умеръ. Онъ принесъ горькой утратѣ подобающую дань въ слезахъ благодарности, и отправился въ галльскій городокъ, чтобы вступить въ наслѣдство отцовскимъ имѣніемъ въ качествѣ единственнаго сына. Послѣ того, какъ имущественныя дѣла отца были приведены въ порядокъ, оказалось, что наслѣдства едва было достаточно для того, чтобы доставить сыну все необходимое для жизни въ провинціальномъ городкѣ, но никакъ оно не могло обезпечить его существованія въ Римѣ. Впрочемъ желаніе его было все таки во чтобы то ни стало составить себѣ видную карьеру въ большомъ городѣ, и послѣ нѣкотораго раздумья онъ рѣшился на смѣлый шагъ. Онъ отправился въ Римъ, средоточіе міра, искать тамъ счастія, которое, какъ ему казалось, убѣгало отъ его отца, но которое тѣмъ болѣе манило его къ себѣ. Такъ явился въ главный городъ на Тибрѣ, годъ спустя по смерти отца, полный силъ высокообразованный человѣкъ.

Дни ужасные втораго тріумвирата, Антонія, Октавія и Лепида, уже миновали, и республика распавшаяся въ самой себѣ шла къ совершенному разрушенію. Кай понялъ, какая форма правленія при такихъ обстоятельствахъ должна была возникнуть и рѣшился посвятить ей свои силы. Онъ признавалъ ту истину, ту спасительную необходимость, что честолюбіе своекорыстной аристократіи должно уступить полновластію одного лица. Онъ ласкалъ себя надеждою скорѣе получить признательность служа одному лицу, чѣмъ служа гордымъ патриціямъ, которые смотрѣли на всякую выдающуюся дѣятельность новичка незнатнаго происхожденія съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ.

Поэтому онъ принялъ участіе въ походѣ противъ Секста Помпея, пріобрѣлъ благосклонность побѣдоноснаго Октавіана и сдѣлался однимъ изъ его довѣренныхъ друзей. Порученное ему управленіе провинціею Египтомъ сдѣлало его богатымъ

человѣкомъ; отозванный отъ управленія префектурою, онъ возвратился въ Римъ, чтобы тамъ жить въ роскоши и почетѣ, какъ подобало знатному лицу.

Но у него осталась навсегда склонность къ занятіямъ науками. Поэтому онъ и въ своей частной жизни продолжалъ безпрерывно такія занятія. Утромъ, когда друзья оставляли его домъ, онъ удалялся въ свою комнату, въ которой привыкъ проводить предобѣденные часы въ оживляющемъ и освѣжающемъ душу и сердце чтеніи великихъ умовъ греческой древности, или же самъ предавался музѣ. Поэтому и комната эта находилась вдали отъ уличнаго шума: въ нее не проникалъ ни шумъ отъ скрипящихъ телѣгъ, ни оглушительные крики погонщиковъ, ни трубы и жалостныя пѣсни торжественныхъ похоронъ, ни брань и болтовня рабовъ, бѣгающихъ по улицамъ.

Высокое окно, освѣщенное утреннимъ лучемъ солнца, пускало свѣтъ сверху внизъ въ неслишкомъ большую комнату, которой стѣны украшены были красивыми арабесками яркихъ красокъ, а между арабесками по темному полю парили одухотворенные образы греческихъ боговъ и богинь. Красивая софа, обложенная черепахою и обвѣшенная пестрыми, вышитыми вавилонскими коврами, около нея шкафъ, въ которомъ лежали еще неизвѣстныя публикѣ элегіи хозяина, наконецъ маленькій столъ кедроваго дерева, стоявшій на бронзовыхъ козьихъ ножкахъ, составляли мебель этого покоя, назначеннаго для серьезныхъ умственныхъ занятій.

Около этой комнаты находилась библіотека, полная богатыхъ и дорогихъ рукописей, которыя Кай пріобрѣлъ въ Александріи. Кругомъ по стѣнамъ въ шкафахъ изъ кедра находились свертки книгъ частію изъ пергамента, частію изъ египетскаго папируса. На каждой былъ ярлычекъ, на которомъ была яркокраснаго цвѣта надпись, заключавшая въ себѣ имя сочинителя и заглавіе сочиненія.

Сверху на шкапахъ стояли бронзовые и мраморные бюсты

знаменитѣйшихъ писателей, украшеніе, перешедшее въ Римъ, какъ кажется, изъ библіотекъ Пергама и Александріи. Между свертками находились нѣкоторыя рѣдкія сочиненія, украшенныя изображеніями знаменитѣйшихъ мужей, которыхъ жизнеописанія помѣщались тутъ же въ сторонѣ отъ портрета.

Около библіотеки находилась большая комната, въ которой занимались ученые рабы тѣмъ, что искусно переписывали произведенія знаменитыхъ греческихъ прозаиковъ и стихотворцевъ, частію для того, чтобы пополнить библіотеку новыми томами, частію для того, чтобы приготовить господину подарки для его друзей. Другіе старались приготовленнымъ писцами свиткамъ дать изящную обвертку. Они склеивали отдѣльные листы папируса, проводили красною краскою линіи, которыми отдѣлялись параграфы, и писали тою же краскою оглавленія, выравнивали пемзою обрѣзъ свитковъ и окрашивали его черною краскою; къ палочкамъ, около которыхъ завертывались листы, прикрѣпляли наконечники изъ слоновой кости, и красили въ яркокрасный или желтый цвѣтъ пергаментъ, который служилъ оберткою.

Кай пришелъ съ однимъ вольноотпущенникомъ въ комнату ученыхъ занятій. Этотъ вольноотпущенникъ былъ здѣсь его постояннымъ товарищемъ, потому что Кай нуждался въ немъ, чтобы дѣлать замѣтки на то, что читалъ, или даже записывать тѣ мысли, которыя Каю подсказаны были музою. Осмотрѣвъ нѣкоторые свитки книгъ, которыя лежали на маленькомъ столѣ, — они были недавно куплены и еще не были просмотрѣны владѣтелемъ, — онъ опустился на диванъ, опершись на лѣвую руку и приподнявъ нѣсколько правое колѣно, чтобы положить на него аспидную доску или свитокъ.

Казалось однако, онъ сегодня не имѣлъ охоты заниматься

произведеніями чужими. Потому что посидѣвъ и подумавъ нѣкоторое время, онъ сказалъ вольноотпущеннику:

«Дай мнѣ свитокъ моихъ стиховъ, я хочу ихъ сегодня поправить и отправить къ книгопродавцу!»

«Правда, мнѣ не хотѣлось бы, промолвилъ онъ тихо въ то время, какъ спрошенный исполнялъ его приказаніе, видѣть свои стихи въ тавернахъ (шинкахъ) продаваемыми за пять денаровъ, и мое имя вывѣшеннымъ не всегда въ хорошемъ обществѣ, напр. на дверп купца; но мои друзья желаютъ, чтобы я публиковалъ то, чѣмъ меня подарила муза, и вотъ я удовлетворяю ихъ желанію».

«Продавецъ книгъ понимаетъ свою выгоду», льстиво отвѣчалъ на это вольноотпущенникъ. «Я готовъ биться о закладъ, что его писцы цѣлый мѣсяцъ только и будутъ заняты переписною твоихъ элегій и эпиграммъ, и не только Римъ и Италія, даже свѣтъ отдастъ справедливость твоимъ стихотвореніямъ».

«Ты такъ думаешь? возразилъ Кай. Я боюсь, что одному мои эпиграммы покажутся слишкомъ длинными, другому элегіи мои слишкомъ холодными. А вотъ еще грамматики! Какъ-то они посмотрятъ на ошибки; что если они поставятъ мнѣ въ вину то, что не такъ написано по оплошности переписчиковъ»!

Съ этими словами развернулъ онъ свитокъ, бывшій у него въ рукахъ, и смотрѣлъ съ самодовольствомъ на знакомыя строки.

«Еще осталось немного мѣста для маленькаго стихотворенія, тогда свитокъ будетъ весь исписанъ. Сегодня утромъ ходя взадъ и впередъ по перистилю я набросалъ его въ головѣ». Возми свитокъ и пиши.

Вольноотпущенникъ хотѣлъ взять свитокъ, чтобы внести въ него стихи.

«Нѣтъ, сказалъ Кай. Времени мало, я долженъ скоро отправиться. Возьми грифель и доску и пиши сокращенно.

Потомъ когда я буду диктовать нѣкоторыя необходимыя письма, ты можешь переписать уже какъ слѣдуетъ».

Работа скоро была окончена; Кай тихимъ голосомъ произносилъ стихи, которые вольноотпущенный скоро записывалъ сокращенно. Когда послѣдній усѣлся переписывать ихъ на бѣло въ свитокъ, Кай позвалъ изъ сосѣдней комнаты писца, который обыкновенно служилъ ему для переписки писемъ. Это былъ греческій рабъ, который зналъ хорошо и латинскій языкъ, и, что особенно важно, отличался отъ своихъ прочихъ товарищей рабовъ особенною молчаливостью.

Письма были скоро продиктованы и скоро написаны. Когда они были кончены, Кай ихъ перечиталъ и отдалъ рабу для отсылки. Этотъ обвилъ дощечки крестообразно ниткою, и на томъ мѣстѣ, гдѣ концы были связаны, положилъ кусочекъ воску. Кай снялъ съ пальца прекрасный берилл, на которомъ вырѣзанъ былъ левъ, которымъ управляли четыре маленькихъ божка, дохнулъ на него, чтобы воскъ не присталъ къ печати, и потомъ приложилъ крѣпко къ мягкому воску.

Между тѣмъ писецъ призвалъ табелларіевъ, которые должны были разносить письма. Каждый изъ нихъ взялъ по одному письму, съ которыми и отправились они по назначенію.

Тогда вошолъ въ комнату рабъ, которого обязанность была наблюдать за временемъ, и доложилъ, что тѣнь солнечныхъ часовъ падаетъ уже на знакъ четвертаго часа, что начинается пятый. Это былъ часъ, назначенный Каемъ для посѣщенія друзей. Поэтому онъ оставилъ комнату, чтобы переодѣться и навѣстить друзей своихъ

ПОѢЗДКА ВЪ ПОМѢСТЬЕ.

И у римлянъ во время Августа вошло въ моду знатныхъ лицъ оставлять лѣтомъ городъ и жить въ помѣстьѣ. Въ особенно хорошо расположенныхъ мѣствостяхъ, напр. въ знаменитой своимъ плодородіемъ фалернской странѣ въ Campania felix, находились помѣстья богачей. Здѣсь получалось благородное вино, которое вмѣстѣ съ цекубскимъ считалось лучшимъ изъ италіанскихъ винъ; сверхъ того поля производили въ изобиліи прекрасный хлѣбъ, сады — вкусные плоды.

Въ вестибулумѣ одного богатаго дома, расположеннаго въ центральной части города, стояли носилки, въ которыхъ богатый помѣщикъ, Корнеліусъ, отправлялся въ путь въ свою виллу. Шесть здоровыхъ рабовъ, по происхожденію сирійцевъ, которыхъ особенно употребляли для этой цѣли, стояли при нихъ въ пунцовыхъ платьяхъ. Они должны были вынести господина за городъ до рощи Каменъ, гдѣ находились дорожные экипажи; Корнеліусъ думалъ въ этотъ же день до наступленія ночи сдѣлать сорокъ двѣ мили до Forum Appii. По улицамъ же ѣздить въ вагонахъ не принято было въ Римѣ; императоръ Клавдій совсѣмъ запретилъ такую ѣзду.

Между тѣмъ Корнелій надѣлъ вмѣсто тоги удобное дорожное платье, равно и дорожную обувь. Его гофмейстеръ, вольноотпущенникъ, озаботился о всемъ прочемъ, что только нужно было въ дорогѣ и на случай удаленія изъ Рима на долгое время. На этого человѣка можно было положиться; ничего не было забыто, ничто не было упущено изъ виду.

Уже нѣсколько рабовъ было послано впередъ съ чемоданами и тюками, другіе заняты были запаковкою разныхъ вещей, чтобы отправиться за первыми. Сотни рукъ принялись за дѣло, какъ только рѣшено было отправиться въ дорогу, почему въ нѣсколько часовъ удалось покончить всѣ приготовленія. Еще пятый часъ не достигъ и половины своего пути, господинъ явился въ вестибулѣ и расположился на удобной постели уже готовыхъ носилокъ. Быстро сирійцы вложили шесты въ кольца, находившіяся по обѣимъ сторонамъ носилокъ, подняли ношу на свои широкія плеча и скоро пошли по дорогѣ. Остальная свита примкнула къ этому ходу; часть оной шла предъ носильными креслами, расчищая по дорогѣ мѣсто носильщикамъ, которые безъ такой помощи были бы не въ состояніи пробиться сквозь толпу. Остальные рабы, изъ которыхъ каждый несъ особый тюкъ, шли позади носильщиковъ и сдерживали напоръ идущихъ сзади.

Эти спутники были тѣмъ необходимѣе, что путь до Капенскихъ воротъ шолъ чрезъ самую людную часть города, а путешественникъ отправлялся въ такое время, когда на улицахъ происходило большое движеніе. Потому что какъ только приближался шестой часъ дня, долженъ былъ произойти общій отдыхъ отъ дневныхъ работъ; римляне въ это время подкрѣпляли себя завтракомъ. Нѣкоторая часть гражданъ въ это время совсѣмъ заканчивала работы и искала только отдохновенія.

Едва носильщики вышли на улицу, какъ очутились уже въ шумной толкотнѣ людей, обозовъ и т. п. Тутъ на телѣгахъ, запряженныхъ мулами, везли матеріалъ для постройки; повозки были съ большимъ количествомъ клади, и въ медленномъ движеніи впередъ качались изъ одной стороны въ другую. Тамъ возводили большое зданіе и рабочіе заняты были поднятіемъ огромныхъ балокъ и большихъ камней, которые нужны были для верхнихъ этажей. Шествіе

останавливалось; необходимые для поднятія тяжестей канаты тянулись поперегъ дороги, по обѣимъ сторонамъ ихъ собрались толпы нетерпѣливыхъ людей, которые остановлены были въ этой давкѣ. Казалось, что ихъ громкій ропотъ заставилъ на этотъ разъ рабочихъ поспѣшить дѣломъ, что не всегда впрочемъ случалось; часто рабочіе не обращали вниманія на ворчаніе прохожихъ. Скоро очистилась дорога, но давка идущихъ впередъ и назадъ сдѣлалась еще больше, чѣмъ прежде. Не безъ сильныхъ толчковъ локтями удалось рабамъ проложить дорогу своимъ носильщикамъ.

Тамъ и сямъ деревенскій житель погонялъ съ громкими криками своихъ муловъ; у нихъ на обѣихъ сторонахъ висѣли мѣшки, въ которыхъ владѣлецъ привезъ въ городъ на продажу произведенія своихъ полей. Бѣдныхъ животныхъ останавливалъ то тотъ, то другой, шедшій имъ навстрѣчу, мулы толкались вправо и влѣво съ своими мѣшками, и чѣмъ медленнѣе они шли впередъ, тѣмъ неистовѣе земледѣлецъ понуждалъ ихъ. Только успѣетъ онъ накричать на мула, какъ вдругъ новое препятствіе на улицѣ заставляло его остановиться. Торжественное похоронное шествіе столкнулось съ обозомъ тяжолой клади, и довольно прошло времени, прежде чѣмъ суматоха не разрѣшилась и все не вошло въ свои рамки.

Сильное движеніе происходило на Субурѣ. Здѣсь множество расхаживающихъ торгашей вело мелкую торговлю, эти торгаши приставали къ проходившимъ около нихъ, предлагая то тому то другому свои товары. Тутъ были люди весьма бѣдно одѣтые, живущіе по ту сторону Тибра, въ небольшой городской части. Они продавали сѣрные фитили, и большею частію были довольны, когда имъ въ обмѣнъ вмѣсто денегъ давали какую нибудь стеклянную посудину, которую они опять должны были продать или промѣнять. Другіе разносили жареный горохъ, и бѣдные люди,

которымъ не льзя было издерживаться на завтракъ, покупали за ассъ цѣлое блюдо.

Напротивъ, кто былъ подостаточнѣе, или хотѣлъ хотя разъ полакомиться, тотъ не пропускалъ разнощика изъ харчевни безъ того, чтобы не купить у него копченой колбасы, которой достоинства разнощикъ расхваливалъ громкимъ голосомъ.

Гдѣ толпа какъ будто разступилась, тамъ можно было видѣть египетскаго паяца, который показывалъ свои фокусы любопытнымъ зѣвакамъ. Вокругъ него стояла густая толпа. Изъ ящика, который поставилъ на землю, вынулъ онъ нѣсколько змѣй, которыя обвились вокругъ его шеи и рукъ пестрыми изгибами и изъ открытой пасти высовывали свое жало. Онъ говорилъ, что это ядовитыя змѣи, и онъ только своими таинственными чарами дѣлаетъ ихъ безвредными.

Едва успѣли миновать эту толпу, которая разступилась и дала мѣсто проходящимъ, какъ путешествіе снова было остановлено. Сирійскіе рабы, несшіе носилки, достигли угла одного общественнаго зданія, гдѣ перекрещивалось нѣсколько улицъ. Здѣсь къ стѣнѣ было прибито объявленіе о предстоявшемъ на другой день боѣ гладіаторовъ, написанное большими буквами, и толпа усердныхъ читакъ видимо не хотѣла двинуться съ мѣста. Нужно было много крику и расталкиванія, чтобы пробраться сквозь толпу; предшествовавшіе носилкамъ рабы преодолѣли трудности. Впрочемъ тутъ носилки нужно было на время поставить на землю, и рабы воспользовались этимъ выдавшимся случаемъ, чтобы немножко вздохнуть. Тогда опять подняли они на плеча носилки и бодро пошли дальше.

Но давка сдѣлалась еще больше, когда они повернули въ одну тѣсную улицу. Здѣсь по обѣимъ сторонамъ улицы было много гостинницъ, въ которыя тѣснились старый и малый, чтобы захватить стулъ, и, отдыхая послѣ утренней

работы, запить завтракъ ковшомъ меда. Здѣсь были торгаши и купцы всякаго рода, парихмахеры и продавцы благовоній, мясники и содержатели харчевенъ, въ особенности распивочныя лавочки рѣзко выдвигались на дорогѣ. Даже на столбахъ и колоннахъ галлерей поставлены были столы, гдѣ стояли кружки, которыя на всякій случай прикрѣплены были къ столамъ цѣпью, чтобы кто нибудь на лету не схватилъ кружки. Здѣсь невозможно было скоро двигаться впередъ, и не смотря на большія усилія впереди идущихъ рабовъ, носильщики медленно тянулись въ этой суматохѣ.

Такъ къ преимуществамъ знатныхъ людей принадлежало, что они обыкновенно не пѣшкомъ проходили среди толпы, но ввѣряли себя надежнымъ, сильнымъ носильщикамъ, и спокойно лежа на перинѣ, посматривали въ стороны на шумящую толпу. Кромѣ того они имѣли ту выгоду, что проходящіе мимо нихъ кліенты не хватали безпрестанно ихъ за руку, чтобы поцѣловать ее, что знакомые, встрѣчавшіеся на дорогѣ, не останавливали для разговоровъ. Иному даже стоило труда отвѣчать на громкія привѣтствія проходящихъ, особенно когда эти привѣтствія слышались отъ людей, которыхъ часто не умѣлъ и не зналъ, какъ назвать самъ номенклаторъ, сопровождающій своего господина; тутъ ему приходилось выдумать, какъ зовутъ проходящаго.

Когда такимъ образомъ преодолены были тысячи препятствій, шествіе достигло Капенскихъ воротъ, и прошло подъ древнею аркою, на влажномъ камнѣ которой постоянно висѣли капли воды, проведенной надъ нею. Не въ далекомъ разстояніи отсюда, у рощи Каменъ, стояли экипажи, назначенные для дороги,—легкая крытая реда (дорожная повозка о четырехъ колесахъ), запряженная галльскими иноходцами, и двѣ другихъ повозки также съ отличными лошадьми; — медленное путешествіе на мулахъ не входило въ планъ от-

правляющагося, которому въ слѣдующую ночь нужно было миновать понтинскія болота.

Знатный римлянинъ оставилъ тутъ покойные носилки и перемѣстился въ красиво сдѣланную реду. Конечно, это не былъ парадный экипажъ съ вызолоченными колесами и богатыми серебряными украшеніями. Впрочемъ ящикъ повозки былъ украшенъ рѣзьбою разныхъ травъ по бронзѣ и въ колесахъ виднѣлись бронзовыя головы медузы. Кожанный фордекъ защищалъ днемъ отъ солнечныхъ лучей, а откинутыя въ сторону пурпуровыя занавѣски доставляли внутрь экипажа струи прохладнаго воздуха. Налѣво отъ господина занялъ мѣсто вольноотпущенникъ; остальныя мѣста, занимаемыя обыкновенно нотаріями, которые обязаны были вносить на аспидную доску ту или другую мысль или замѣчаніе господина, на этотъ разъ оставались пустыми. Прислуга помѣстилась въ двухъ другихъ повозкахъ, которыя устроены были не такъ изящно и удобно. Два нумидійскихъ всадника вскочили на лошадей и пустились впередъ, тогда какъ легко одѣтые скороходы, бѣгущіе предъ экипажемъ, соперничали въ быстротѣ съ борзыми иноходцами.

Такъ повозки въ быстрой ѣздѣ пролетѣли у храма Марса и между многими надгробными памятниками по царицѣ дорогъ, по Via Appia, широкіе камни которой, чрезвычайно искусно сплоченные, посыпанные мелкимъ пескомъ, не дѣлали никакого препятствія ровному движенію колесъ. Корнелій былъ въ веселомъ расположеніи духа. Радуясь тому, что освободился на нѣкоторое время отъ безпокойной дѣятельности и вѣчнаго однообразія жизни въ главномъ городѣ всего свѣта, думалъ онъ о предстоящихъ удовольствіяхъ жизни въ помѣстьѣ, въ отлично устроенной виллѣ. Тамъ будутъ навѣщать его образованные друзья, тамъ потекутъ его дни въ веселыхъ бесѣдахъ.

Не такъ весело было расположеніе духа вольноотпущенника. Отъ вѣрнаго слуги не ускользнуло, какъ при проѣздѣ

мимо памятниковъ надгробныхъ, гдѣ одинъ поставленъ былъ господиномъ для себя, воронъ, спугнутый впереди скакавшимъ всадникомъ, спустился именно на этотъ памятникъ и сипло прокаркалъ. Это пало камнемъ на сердце старика, да и другое предзнаменованіе внушало ему недовѣріе къ дорогѣ. Когда онъ еще не доходя до экипажей, обратился съ молитвою къ алтарю Лара путеводителя, кокровителя дорогъ, прося помощи и счастья на это путешествіе, черный ужъ внезапно съ быстротою стрѣлы шмыгнулъ извиваясь по дорогѣ. Вотъ отчего онъ мало былъ расположенъ сочувствовать радости своего господина, который говорилъ о предполагаемой покупкѣ одного помѣстья, находящагося въ сосѣдствѣ съ его помѣстьемъ, съ удовольствіемъ думалъ объ обильныхъ жатвахъ, которыя дадутъ превосходныя виноградники обоихъ владѣній, и мало обращалъ вниманія на какъ бы невольно высказанное слугою пророческое замѣчаніе, что между губами и краями кубка виситъ что то роковое.

Скоро достигли камня десятой мили и тутъ же прибыли въ деревню Бовилле, которая считалась первою станціею проѣзжающихъ. Но для нашихъ путешественниковъ казалось еще рано останавливаться для постоя, да и по бѣдности мѣстечко было незаманчиво. Хотя часъ завтрака давно уже миновалъ, путешественники отправились дальше до порядочнаго городка Ариціи. Впрочемъ, прежде чѣмъ они достигли этого города, произошла небольшая остановка, очень обыкновенная въ маленькихъ городахъ того времени.

Лишь только экипажи начали подниматься на небольшое возвышеніе, находившееся предъ Ариціею, толпа грязныхъ, одѣтыхъ въ лохмотья нищихъ, расположившихся на спускѣ горы, бросилась къ повозкамъ. Дѣло шло о томъ, чтобы по возможности назойливымъ образомъ вызвать проѣзжихъ на щедрую милостыню, выпросить денегъ на горохъ и кислую воду, единственныя средства питанія этихъ бродягъ. На-

шимъ путешественникамъ эта встрѣча не была неожиданностью, уже не первый разъ они проѣзжали по этой дорогѣ, и каждый разъ, зимою или лѣтомъ, эта чернь встрѣчала проѣзжихъ. И теперь не было никакой возможности избѣгнуть этой непріятной встрѣчи. Экипажи подвигались медленно, и старый вѣрный слуга, сидѣвшій влѣво отъ своего господина, долженъ былъ бросать горстями монету, которою нарочито запасся на этотъ случай. Получивъ милостыню, нищіе потащились медленно въ свой таборъ у подошвы горы, большею частію не произнеся слова благодарности, не выразивъ оной тѣлодвиженіемъ; только немногіе знаками посылали благодарственный поцѣлуй быстро ѣхавшей къ городу редѣ.

Корнелій могъ бы легко переночевать въ сосѣднемъ съ городомъ помѣстьѣ одного знатнаго своего друга, или въ качествѣ гостя у кого нибудь изъ знакомыхъ. Но онъ хотѣлъ поскорѣе выѣхать изъ города и продолжать безостановочно путешествіе. Поэтому экипажи остановились предъ гостинницею, которая извнѣ была не слишкомъ заманчива, а внутри тѣмъ менѣе могла претендовать на изящную обстановку. Впрочемъ дѣло шло о томъ, чтобы дать лошадямъ отдыхъ и хорошенько накормить ихъ, такъ какъ оставался еще большой конецъ дороги; вотъ почему Корнелій уже не слишкомъ заботился о собственныхъ удобствахъ. При всемъ томъ онъ нашолъ все, что ему предлагали въ гостинницѣ, выше ожиданія, и именно гораздо лучше, чѣмъ онъ могъ расчитывать въ грязной матросской гостинницѣ въ Forum Appii, до куда онъ хотѣлъ добраться. Свѣжіе кипячіе гладыши, приготовленные здѣсь въ нижней тавернѣ, покрытые искрошенными яицами и рутою, возбуждали аппетитъ; жирная курица, ветчина, спаржа и порей были также довольно вкусны, и тѣмъ, кого не манило особенно къ устрицамъ Люкринскаго озера и подобнымъ сему лакомствамъ, принесенный завтракъ, долженствовавшій служить и обѣдомъ, былъ

удовлетворителенъ. Только вино меньше всего удовлетворяло тонкому вкусу. Оно не могло скрыть своего ватиканскаго происхожденія хотя хозяинъ и подмѣшалъ къ нему фалернскаго, чтобы имѣть хоть нѣкоторое право увѣрять другихъ въ томъ, что предлагаемое вино есть чистое фалернское. Посуда, въ которой подавались кушанья, была работы кумейскаго горшечника, но въ этой гостинницѣ лучшей посуды и невозможно было требовать.

Такимъ образомъ гости имѣли здѣсь все, хотя не вполнѣ по желанію, но весьма сносно, гораздо лучше чѣмъ они сначала предполагали. Непріятно имъ было одно: это общество, съ которымъ пришлось дѣлить комнату въ тѣсномъ домѣ. Это были люди низкаго происхожденія, плохаго воспитанія; тутъ наслышались они грубыхъ шутокъ, несдерживаемаго ничѣмъ смѣха, когда кто нибудь изъ веселыхъ товарищей отпускалъ плоскую остроту на счетъ сосѣда. Были сцены и другаго рода, еще болѣе непріятныя. Когда эти веселые товарищи начали платить трактирный счетъ, оказалось, что между требованіемъ хозяина и ихъ карманными деньгами была значительная разница; не имѣя денегъ, они начали ругаться и грозить побоями, такъ что казалось нужно будетъ ожидать настоящей гладіаторской схватки. Только вмѣшательство вольноотпущенника Корнеліева, который по приказанію своего господина возстановилъ равновѣсіе между кассою этихъ молодцовъ и счетомъ хозяина, прекратило споръ.

При такихъ обстоятельствахъ, ясно было, что дальнѣйшее пребываніе нашихъ путешественниковъ въ гостинницѣ не имѣло смысла. Какъ только лошади отдохнули надъ полными яслями, они отправились дальше съ желаніемъ, сдѣлать большой конецъ до Forum Appii, не останавливаясь.

Опять покатилась реда съ другими повозками мимо Трехъ тавернъ къ низменностямъ, въ которыхъ уже чуялась близость извѣстныхъ понтинскихъ болотъ. Солнце уже захо-

дило, и звѣздочки, появлявшіяся на небѣ одна за другою, возвѣщали, что ночь готовится облечь въ свою черную мантію небо и землю, — путешественники приближались къ Forum Appii. Дорога здѣсь была не такъ пріятна, потому что нѣсколько миль экипажи должны были идти у понтинскихъ болотъ, гдѣ воздухъ, особенно въ лѣтніе жаркіе дни, наполнялся вредными испареніями. Поэтому обыкновенно предпочитали продолжать путь въ прохладную ночь по каналу, вырытому у дороги и идущему до храма Ферониі, который находился за болотами. И наши путешественники рѣшились на то же: лошади должны были идти скорѣе, хотя считалось 42 мили отъ Рима до Forum Appii. Впрочемъ слишкомъ спѣшить было не для чего, потому что еще оставалось два часа на то, чтобы проѣхать восемь съ половиною миль.

Въ то время, какъ вѣрный слуга отправился нанимать барку, Корнелій вошолъ въ бѣдную копону (шинокъ), чтобы тамъ подождать его возвращенія. Здѣсь въ матросской лачугѣ конечно было менѣе удобствъ, чѣмъ въ плохенькой гостинницѣ въ Ариціи. Внѣшній видъ неповоротливой, безобразно толстой, похожей на винную бочку хозяйки и противный вкусъ грязной воды, которую подали ему, произвели на знатнаго римлянина непріятное впечатлѣніе и заставили его удовольствоваться на этотъ день завтракомъ въ Ариціи: онъ не обѣдалъ и не ужиналъ, — здѣсь онъ съѣлъ немного хлѣба съ дурнымъ виномъ. Къ счастію слуга скоро нашолъ барку, которой хозяинъ согласился принять путешественниковъ. Но нельзя было избѣгнуть того, чтобы не было съ ними попутчиковъ. На этой бойкой дорогѣ путешественниковъ всегда было много и путешествовать въ большомъ обществѣ было тѣмъ необходимѣе и неизбѣжнѣе, что дорога чрезъ понтинскія болота небезопасна была отъ разбойниковъ, которымъ особенно пріятны были одинокіе путешественники съ деньгами или кладью.

Они не медлили познакомиться съ странникомъ и облегчить ему тяжесть чемодана, а себя вознаградить за трудъ.

Прежде чѣмъ Корнелій отправился на барку, рабы его понесли тюки на бортъ; дѣло это не такъ скоро шло, какъ повидимому можно было ожидать. Такъ какъ знатный римлянинъ заплатилъ изрядную сумму за провозъ, то его рабы требовали отъ барочника, чтобы онъ не пускалъ слишкомъ много путешественниковъ, — легкое судно конечно пойдетъ скорѣе. Здѣсь они обмѣнялись не слишкомъ дружескими словами, и прошолъ добрый часъ, пока они не покончили своихъ споровъ, не сошлись въ желаніяхъ. Когда дѣло было покончено, пассажиры заплатили деньги и взошли на барку; барочникъ впрягъ вола, который долженъ былъ, идя по плотинѣ, тащить барку. Эти снаряженія, какъ ни спѣшно они производились, все таки не оставляли сомнѣнія въ томъ, что дорога теперь пойдетъ не такъ скоро, какъ поѣздъ изъ Рима въ легкихъ повозкахъ на хорошихъ лошадяхъ.

Наконецъ двинулись съ мѣста. По мѣстамъ, гдѣ стоялъ ивовый кустарникъ, и отдѣльными деревьями росла ольха, медленно тянулась тяжело нагружонная барка. На корняхъ отчасти обнаженныхъ прибоемъ воды, разросся высокій папоротникъ, котораго листья качались отъ ночнаго вѣтра. Нѣсколько выше на берегу качался свѣтлякъ на вьющемся плющѣ. Звѣзды все свѣтлѣе смотрѣли съ неба по мѣрѣ того, какъ ночь дѣлалась темнѣе, и наши путешественники, помѣстившіеся на лодкѣ съ возможнымъ удобствомъ, охотно уснули бы, еслибъ комары не мѣшали и кваканье безпокойныхъ лягушекъ, которое далеко отдавалось въ воздухѣ, не тревожило тихаго бога. Равнымъ образомъ и остальное общество, какъ казалось, мало думало о снѣ. Тутъ были люди низкаго происхожденія и слишкомъ разгоряченные кислымъ виномъ Аппіевой гостинницы, которое имъ приходилось по вкусу, потому что другаго они не знали или не

привыкли къ нему; они пѣли веселыя пѣсни, а барочникъ, который хватилъ вдоволь того же напитка, подтягивалъ имъ.

Впрочемъ спустя нѣсколько времени натура взяла свое; мулъ напрягалъ всѣ силы, таща судно, веселые пѣвцы одинъ за другимъ замолкли и скоро все общество предалось глубокому сну. Когда барочникъ замѣтилъ это, то привязалъ своего вола къ одному пню и оставилъ его пастись въ высокой болотной травѣ; а самъ также легъ спать. Можетъ быть и солнце взошло бы прежде чѣмъ барка двинулась дальше, но одинъ изъ спящихъ скоро проснулся и замѣтилъ, что лодка стоитъ на мѣстѣ. Едва только онъ убѣдился въ томъ, какъ тотчасъ вскочилъ, и неслишкомъ ласково началъ взмахивать новымъ хлыстомъ надъ головою и спиною лодочника и его вола. Это прогнало сонъ, и барка опять пошла вдоль по каналу.

Такъ путешественники достигли въ половинѣ двѣнадцатаго часа храма Феронiи, лежащаго при концѣ болотъ, и обмыли здѣсь голову и руки въ священныхъ водахъ богини. Такъ какъ здѣсь не было почти никакихъ средствъ для продолженія путешествія на лошадяхъ или водою, то и нужно было идти пѣшкомъ три мили до Террачины, которая выглядывала съ высокой скалы на болотистую низменность. По прибытіи сюда наняли воловъ, которыхъ скоро привели и запрягли.

Оставалось еще два дня пути до виллы. Не безъ приключеній проѣхали чрезъ Фунди и Формiи, гдѣ переночевали у одного друга Корнеліева; потомъ чрезъ Минтурны и Синуессу до кампанскаго моста, который шолъ чрезъ маленькую рѣчку Саво; рѣка служила границею кампанской области съ Лаціумомъ. Въ сторонѣ въ аурунцiйскихъ горахъ находилась вилла, въ которую путешественники пріѣхали на другой день, послѣ того какъ оставили Террачину, пріѣхали еще до наступленія ночи.

ВИЛЛА.

Въ прекрасной мѣстности благословенной природою фалернской области Корнелій купилъ нѣсколько лѣтъ тому обширное помѣстье, которое доставляло владѣльцу хорошій доходъ и сверхъ того во всякое время года всѣ удовольствія сельской жизни. Дорога въ это помѣстье шла за кампанскимъ мостомъ влѣво отъ Аппіевой дороги вдоль рѣчки Саво, чрезъ превосходные лѣса и кустарники, которые, склоняясь надъ узкою дорожкою, осѣняли проходящаго густолиственными вѣтвями тополей и вяза; или отступая отъ дорожки, составляли темный вѣнокъ надъ лежащимъ посрединѣ роскошнымъ лугомъ, потомъ опять, перемежаясь на нѣкоторое пространство, открывали влѣво видъ на аурунційскія горы, тогда какъ направо видѣлись не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга города по Аппіевой дорогѣ.

Обширныя поля, принадлежавшія къ помѣстью и прорѣзанныя рѣчкою Саво, достигали съ одной стороны почти до аппіевой дороги, съ другой — до богатыхъ виноградниками горъ, чрезъ которыя шла дорога изъ Суэссы въ Теанумъ. Помѣстье было очень велико и состояло изъ соединенія двухъ имѣній, которыя и теперь можно было счесть за отдѣльныя владѣнія, потому что хозяйственныя постройки и подобно небольшому городу устроенная вилла лежали далеко другъ отъ друга, почти на противоположныхъ концахъ. Нигдѣ не было мѣста, которое было бы устроено собственно для удовольствій или изъ тщеславныхъ цѣлей, нигдѣ не было замѣтно слѣдовъ безполезныхъ издержекъ. Не видно было безплоднаго лѣса платановъ и ла-

вровъ, ни искусно подстриженныхъ кустовъ букса, не было здѣсь и великолѣпныхъ домиковъ съ безконечными галлереями. Простое жилище вилликуса (управляющаго), со стороны входа на дворъ, не имѣло ничего бросающагося въ глаза, за то тѣмъ пріятнѣе былъ видъ внутри онаго; здѣсь расположены были небольшіе домики, въ которыхъ были склады запасовъ вина и масла, а сохраняемые въ верхнихъ частяхъ этихъ зданій дары Цереры указывали на плодородіе земли.

Внутри двора находился обширный водоемъ, вода въ который проведена была изъ ближайшаго ключа. Пріятно было видѣть приходящія къ нему и возвращающіяся стада, гогочущихъ гусей и весело плещущихся утокъ, собиравшихся въ томъ мѣстѣ, гдѣ на нихъ плескала струя водомета. Кругомъ по двору пищали разныя птицы. Широко развернувшійся павлинъ и съ густыми перьями фламинго, нумидійскія и родосскія куры съ своими цыплятами или какъ руководители молодыхъ фазановъ, яица которыхъ подложены были подъ куръ хитрымъ управляющимъ, толпились на дворѣ съ кудахтаньемъ и крикомъ вокругъ жены управляющаго, которая изъ полы своего платья давала имъ кормъ. Между тѣмъ изъ дверецъ надстроеннаго надъ домикомъ зданія въ родѣ башенки спустилась куча голубей и размѣстилась въ добромъ согласіи между другими птицами, чтобы дѣлить съ ними разсыпанный кормъ. Кромѣ того можно было видѣть съ трудомъ добытыхъ египетскихъ голубей и горлицъ и множество сизыхъ дроздовъ; ихъ держали въ заперти въ особенныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ ихъ отлично и кормили, и разводили.

Кругомъ виллы находились заботливо воздѣланные овощные и плодовые сады, которыхъ произведенія шли къ столу владѣльца. И они представляли утѣшительное зрѣлище. Длинныя гряды со спаржею, которой нѣжно красные стебли пробиваясь изъ земли, перемежались густыми растеніями

латука (салатъ). Салатъ обыкновенно подавали въ началѣ обѣда; онъ былъ или темнокраснаго цвѣта и назывался цециліанскимъ, или желтозеленаго съ большою головкою и принадлежалъ Каппадокіи. Тутъ зеленѣли большія участки кумаиской и помпеянской капусты, которой листья доставляли пищу для стола простолюдина, равно какъ удовлетворяли изысканному вкусу сластолюбца. Тамъ много грядъ заняты были пореемъ и лукомъ; далѣе шли пряныя растенія, темнозеленая рута и душистая мята. И едва перечтешь гряды мальвы, эндивія (садовый цикорій), бобовъ, люпиновъ и другихъ растеній, которыя здѣсь росли въ изобиліи и весьма роскошно.

Къ овощному саду прилегалъ другой, въ которомъ насажены были благороднѣйшіе сорты деревьевъ. Здѣсь находились крустуминскія и сирійскія груши съ огромными плодами, которые особенно были цѣнны вмѣстѣ съ фалернскими и другими породами. Много было здѣсь яблонь, изъ которыхъ особенно замѣчательна яблонь медовая, быстротою роста и величиною яблокъ вводившая зрителей въ обманъ на счотъ ихъ спѣлости. Различные сорты раннихъ и позднихъ сливъ, душистая айва, вишни, которыхъ вѣтви гнулись отъ алѣющихъ плодовъ, персики и абрикосы, смоквы, доставлявшія плоды и въ зимнее время, и орѣховое дерево съ большими, крѣпкими вѣтвями — все это перемѣшалось въ саду, или стояло въ красивыхъ группахъ.

Но какъ ни привлекателенъ былъ видъ этихъ благоустроенныхъ садовъ, еще болѣе пріятно было видѣть многочисленныхъ сельскихъ жителей помѣстья. По довольному, доброму виду этихъ людей можно было судить, что они трудились въ помѣстьѣ не по принужденію, какъ свойственно рабамъ. Они были здоровы, имѣли хорошую пищу, и по той охотѣ, съ которою работали, можно бы подумать, что они обработывали землю въ свою собственную пользу. Добрый характеръ господина, который не терпѣлъ слишкомъ стро-

гихъ управителей, отражался преимущественно въ ласковомъ обращеніи неутомимо бдительнаго вилликуса (управляющаго), и самъ Корнелій желалъ лучше просто удалять лѣнивыхъ и безтолковыхъ рабовъ изъ числа своихъ подвластныхъ, чѣмъ налагать на нихъ цѣпи, или видѣть ихъ въ своихъ владѣніяхъ носящихъ колодки. Поэтому каждый охотно и безъ принужденія отправлялъ свою обязанность, а вечеромъ спѣшилъ въ большую кухню, служащую общею столовою, чтобы тамъ отдохнуть отъ дневныхъ работъ за ужиномъ, поговорить и пошутить.

Когда Корнелій прибылъ въ свое помѣстье, о чемъ уже извѣстилъ жителей помѣстья посланный впередъ вѣстникъ, онъ былъ принятъ всѣмъ населеніемъ съ большою радостью. Но какъ ни пріятна была для него эта трогательная встрѣча, и какъ ни охотно онъ уже въ этотъ день окинулъ взглядомъ прекрасно устроенное имѣніе, все таки онъ чувствовалъ большую нужду въ отдохновеніи послѣ труднаго путешествія, и не хотѣлъ здѣсь больше медлить. Въ домѣ управляющаго ожидала его ванна, потомъ обѣдъ. Тотчасъ же послѣ обѣда Корнелій снова отправился. Широкая аллея платановъ, постепенно возвышаясь, вела если не къ великолѣпному, то къ изящному и толково выстроенному дому.

Фасадъ онаго находился между полднемъ и утромъ и состоялъ изъ обширной галлереи, стоящей на коринѳскихъ столбахъ. Передъ фасадомъ находилась большая терраса, раздѣлявшаяся на многія малыя бесѣдки, отдѣленныя другъ отъ друга буксомъ и представляющія разнообразные виды; она вся была въ цвѣтахъ. Легкая покатость террасы къ равнинѣ представляла искусно сдѣланныя фигуры изъ буксовыхъ деревьевъ и терялась въ густомъ кустарникѣ акацій, который обильно наполнялъ равнину.

За портикомъ фасада по городскому обычаю находился простой, но все таки не безъ нѣкоторыхъ украшеній atrium, котораго красивый помостъ изъ зеленыхъ, черныхъ и бѣ-

лыхъ камней, лежащихъ въ видѣ косыхъ кубовъ, представлялъ пріятную противоположность съ краснымъ мраморомъ, которымъ выложены были стѣны. Изъ атріума переходили въ небольшой овальный перистиль, превосходное убѣжище во время непогоды, потому что пустыя пространства между колоннами заложены были большими кусками чистѣйшей слюды, сквозь которую открывался видъ на прелестную зелень двора, которая орошалась мелкимъ дождемъ фонтана и была вся въ цвѣтахъ. Вслѣдъ за перистилемъ находился собственно домовый дворъ, очень изящный, на открытомъ пространствѣ котораго вокругъ большаго мраморнаго водоема зеленѣли разные кусточки и небольшія деревья. Къ нему прилежала большая, во всю линію дома идущая столовая, окна которой доходили до земли и похожи были на двери. Изъ нихъ въ разныя стороны были виды на лежащія за домомъ аурунційскія горы, по сторонамъ на прелестные сады, сзади шолъ видъ чрезъ перистиль, атріумъ и входную галлерею на открытую равнину.

Къ этому столовому залу прилежали направо различныя комнаты, которыя по положенію своему къ полночи, доставляли хорошій пріютъ въ жаркое лѣто. Дальше на сѣверъ находились собственно жилыя и спальныя комнаты. Жилая комната была выстроена полукругомъ, съ одной стороны для того, чтобы дать большій доступъ утреннимъ лучамъ солнца, съ другой—устранить полуденные. Просто, но уютно, было украшеніе этой части дома и соотвѣтствовало зеленѣющимъ окрестностямъ; по мраморному цоколю были искусно разрисованы поднимающіяся вѣтви, на которыхъ птицы не то чтобы сидѣли,—порхали. Только съ одной стороны этотъ искусственный садъ прерывался стѣннымъ шкафомъ, въ которомъ находилась библіотека дорогихъ книгъ. Спальня отдѣлена была отъ нея одною узенькою комнатою, которая зимою могла быть отоплена гипокаустумомъ (печью), который при помощи трубъ проводилъ теплоту въ сосѣднія

комнаты. Остальная часть этой стороны служила жилищемъ рабовъ, хотя многія комнаты были настолько чисты, что и здѣсь можно было принимать друзей.

На другой сторонѣ столоваго зала, гдѣ вечеромъ солнце смотрѣло въ окна, были купальныя комнаты и сферистеріумъ (комната для игры въ мячъ), которая была довольно обширна, чтобы служить мѣстомъ не только игры въ мячъ, но и всякаго рода гимнастическихъ упражненій, и могла вмѣстить большое число играющихъ. Здѣсь Корнелій, вообще не любившій упражненій гимнастическихъ, требующихъ большаго напряженія, занимался предъ купаньемъ игрою въ тригонъ (мячъ) или перегибаніями и разными тѣлесными движеніями, для чего и зимою можно было нагрѣвать комнату при помощи трубъ, которыя шли отъ печи подъ поломъ и по стѣнамъ. Наконецъ по обѣимъ концамъ этой галлереи, со стороны фасада, возвышалось два башнеобразныхъ зданія, въ которыхъ въ разныхъ этажахъ находились небольшія комнаты или триклиніи (столовыя), откуда открывался широкій видъ на смѣющуюся зелень полей.

Устроенный такимъ образомъ домъ разумѣется окружонъ былъ прекраснымъ садомъ, который по своему положенію раздѣлился на двѣ различныя одна отъ другой части. Одна часть, соотвѣтственно понятіямъ украшенной дѣйствительности, которая господствовала тогда, была не такъ изящна, какъ того можно бы ожидать, и только потому что мода требовала, Корнелій оставилъ безъ измѣненія вычурности въ расположеніи грядокъ и аллей и въ обдѣлкѣ деревьевъ. Ни одно дерево, ни одинъ кустъ, столь прекрасные въ своихъ естественныхъ формахъ, не могли развиваться здѣсь свободно, или расти высоко вверхъ. Съ безпощадной строгостью работали надъ ними ножъ и ножны топіарія, который сдавливалъ ихъ ростъ и стѣснялъ оригинальныя формы. Здѣсь разрастались однообразно въ ширь зеленѣющія стѣны подстриженнаго кустарника, прерываемыя по мѣстамъ газо-

нами цвѣтовъ, чтобы опять перейти въ полосы букса, расположенныя по геометрическимъ правиламъ, и какъ будто выведенныя циркулемъ. Тутъ ножны безжалостно сокращаютъ вѣтви, а ножъ рѣжетъ толстые сучья, чтобы вмѣсто роскошно развивающихся вѣтвей и листьевъ вызвать вычурныя, холодныя обрисы изображеній животныхъ, какъ-то медвѣдей, львовъ и пр. Искусная рука садовника умѣла такъ хорошо изрѣзать кипарисъ и тисъ, что казалось, будто вьется змѣя по высокому стволу дерева. Можно было на зелени видѣть и письмена, и читать нарисованныя колоссальными буквами имена владѣтеля, художника, благодаря безобразному изобрѣтенію котораго садъ получилъ уродливый видъ. Только искусственные фонтаны, которые весело поднимались между обрѣзанными фигурами деревьевъ, окруженные произведеніями ваянія, оттѣненные круглыми вѣнцами высокихъ апельсинныхъ деревьевъ съ ихъ золотистыми плодами, доставляли успокоеніе глазу, утомленному видомъ угловатыхъ обрисовъ и искаженныхъ группъ.

Гораздо лучше проводилъ время владѣлецъ во второй, большей половинѣ сада, гдѣ естественному ходу растительности не поставляла преградъ никакая искусственность, гдѣ дѣятельная рука садовника только предохраняла природу отъ одичанія. Тѣнистыя платановыя рощицы перемѣжались здѣсь съ зелеными лугами, которые окружены были лавровымъ и миртовымъ кустарникомъ. Вмѣсто искусственнаго фонтана извивался по парку искусно проведенный чистый ручей, который тамъ и сямъ пѣнился въ маленькихъ каскадахъ съ небольшихъ уступовъ, потомъ расширялся въ прудъ, въ которомъ разводились разныя породы рыбъ. Эти обитатели чистаго пруда были приручены до такой степени, что по зову садовника собирались на поверхности воды и жадно брали бросаемые имъ кусочки. Когда пройдешь эту часть парка и у конца озера сдѣлаешь поворотъ, характеръ мѣстности внезапно измѣняется. Тутъ вступаешь изъ со-

вершенно безъискусственной природы въ тщательно воздѣланную плантацію садовыхъ деревьевъ и огородныхъ растеній, которая представляетъ видъ небольшой, нероскошной, за то устроенной для полезныхъ цѣлей усадьбы среди обширнаго парка, разсчитаннаго на отдохновеніе хозяина. Къ ней касается прямолинейная аллея платановъ (чинаръ), которыхъ стволы до самыхъ вершинъ одѣваетъ темнозеленый плющъ, переходя съ одного дерева на другое натуральными извилинами. Эта аллея была гипподромомъ, который простирался болѣе чѣмъ на тысячу шаговъ прямолинейно, потомъ полукругомъ поворачивалъ назадъ и шолъ другою аллеей, параллельно первой линіи. Съ аллеей граничилъ другой тѣнистый ходъ, который не такъ широкъ былъ какъ первый, и представлялъ овальную форму; цѣль его была та же что и гипподрома; кромѣ того онъ служилъ для того, чтобы здѣсь гулять въ лектикѣ (носилкахъ). Не вдали отсюда было прекраснѣйшее мѣсто сада. Высокіе тѣнистые вязы, обвитые роскошными виноградными лозами, окаймляли полукругомъ прелестное мѣсто, котораго зеленый лугъ украшенъ былъ тысячами душистыхъ фіалокъ. По ту сторону шло возвышеніе, гдѣ насажены были разнообразныя розы, которыхъ душистый запахъ мѣшался съ благовоніемъ лилій, растущихъ на спускѣ. Дальше въ углубленіи поднимались темныя вершины ближнихъ горъ, а въ сторонѣ отъ холма журчалъ и всплескивалъ свѣтлый ручей, который выходилъ изъ колоссальной урны нимфы, поставленной у мягкихъ моховъ; ключъ пролагалъ себѣ дорогу сначала чрезъ загроможденный вокругъ него камень и съ тихимъ журчаньемъ скрывался за зеленымъ амфитеатромъ. Здѣсь было любимое мѣсто хозяина; тутъ, подъ вліяніемъ боговъ, которыхъ статуи и группы украшали мѣста между высокими вязами, возникли многія изъ его новѣйшихъ элегій; здѣсь онъ пережилъ лучшіе часы съ Виргиліемъ и Проперціемъ, или съ вѣрными друзьями, — и теперь надѣялся, что часы эти были еще не послѣдними.

Такъ это прекрасное мѣсто соединяло всѣ прелести искусства и природы, и Корнелій съ особенною щедростію затрачивалъ значительныя суммы на то, чтобы къ старымъ украшеніямъ прибавить новыя. Видѣли, какъ онъ самъ дѣлалъ распоряженія и сообщалъ садовнику новые планы, расхаживая по крытымъ аллеямъ; не терпѣлъ онъ, чтобы здѣсь деревья падали или стѣснены были въ своемъ произрастаніи.

ОБѢДЪ.

Щедрый хозяинъ—назовемъ его Лентулусомъ—пригласилъ къ себѣ сегодня пятерыхъ друзей. Онъ любилъ въ тѣсномъ кружкѣ хорошихъ друзей пообѣдать и отдохнуть за веселою и остроумною бесѣдою. Въ изящно отдѣланномъ и убранномъ домѣ уже все было готово къ пріему гостей, для которыхъ сегодня устроивался такой роскошный пиръ, какой только могъ предложить богатый хозяинъ. Вступающій въ домъ на каждомъ шагу видѣлъ богатство владѣльца.

Въ кухнѣ, освѣщенной огнемъ очага, поваръ съ прислуживающими рабами уже довольно времени былъ занятъ вареніемъ, жареньемъ и копченьемъ. Какъ только какое нибудь изъ кушаньевъ довольно постояло надъ пылающимъ огнемъ, онъ снималъ оное съ огня и выливалъ въ блюдо, которое ставилъ подлѣ другихъ блюдъ. Когда снималъ онъ кружку съ того или другаго блюда, распространялся ароматный запахъ, который возбуждалъ аппетитъ лучше, чѣмъ дымъ самаго тучнаго жертвоприношенія, и поднимался подъ

своды комнаты. Помощники повара—одни приготовляли десертъ, и назначенныя для него лакомства складывали въ сосудахъ въ изящныя формы, другіе несли начальныя блюда, которыми открывался обѣдъ, на столъ, стоявшій у дверей, чтобы не медля подавать оныя, какъ только дадутъ знакъ къ обѣду, и стоящіе у дверей рабы спросятъ первыя кушанья.

Столовая, находившаяся на ночной сторонѣ дома, дышала прохладою и покоемъ и слабо освѣщена была падающими въ нее лучами свѣта, и этотъ полусвѣтъ производилъ на глаза чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Около прекраснаго, выложеннаго дорогимъ кедромъ стола, поставлены были красивые, обдѣланные лучшею черепахою диваны, набитые мягкою шерстью и покрытые дорогимъ пурпуромъ. На нихъ лежали мягкія подушки въ шолковыхъ покровахъ, обозначая тѣмъ отдѣльныя мѣста, а нижняя часть дивана завѣшена была бѣлымъ, шитымъ золотомъ занавѣсомъ. Триклиніархъ, на которомъ лежала обязанность убрать столовую, еще приводилъ кое что въ порядокъ въ буфетѣ (поставцѣ съ напитками), гдѣ стояло множество дорогихъ сосудовъ, и осматривалъ покрывала и завѣсы триклиніума, чтобы господинъ не имѣлъ причины сердиться.

Въ опредѣленный часъ явились ожидаемые гости, даже нѣкоторые изъ нежданныхъ; потому что Помпоніусъ, одинъ изъ званыхъ, привелъ съ собою еще двухъ друзей, которыхъ онъ рекомендовалъ какъ своихъ гостей и друзей изъ Перузіи. Съ ними, говорилъ онъ, полное число музъ можетъ сѣсть за столъ.

Лентулусъ принялъ гостей у входа въ залъ. «Смотри-ка, сказалъ Галлусъ, вошедши въ комнату, мнѣ кажется, словно мы ужь давно не были вмѣстѣ въ этомъ залѣ; какъ прекрасно ты его отдѣлалъ! Право, ты не могъ прибрать для этой комнаты лучшей живописи, какъ этихъ сатировъ, держащихъ прекрасные плоды. Тутъ и убитый вепрь—сцена

изъ Луканіи, и плоды надъ дверями между красивыми вѣтвями, на которыхъ сидятъ дрозды: все расчитано на то, чтобы пробудить аппетитъ предъ обѣдомъ.

«Да, прервалъ Помпоніусъ, Лентулусъ умѣетъ лучше, чѣмъ Кальпурніусъ, убрать столовую; Кальпурніусъ въ своемъ залѣ велѣлъ нарисовать здѣсь умерщвленіе Гиппарха, тамъ судъ Брута. Вмѣсто пріятныхъ лиственныхъ украшеній повсюду видишь грозныя сѣкиры ликторовъ».

«Онъ въ своемъ родѣ тоже правъ, сказалъ Галлусъ. Но гдѣ же онъ?—спросилъ Галлусъ у Лентулуса,—вѣдь ты его приглашалъ?»

«Онъ отказался, отвѣчалъ спрошенный; онъ долженъ, даже противъ желанія, идти къ одному заносчивому консуляру на обѣдъ, и мы къ сожалѣнію должны остаться безъ его пріятнаго общества».

«Такъ не заставляй повара ждать», примолвилъ Помпоніусъ. Ужь почти десять часовъ, и мнѣ кажется, порядочный человѣкъ могъ бы потерять терпѣніе. Не такъ ли, Лентулусъ?»

Хозяинъ утвердительно кивнулъ головой и повелъ Галла къ крайнему мѣсту средняго дивана, какъ къ почетнѣйшему за столомъ мѣсту. Около него слѣва расположился Помпоніусъ, за нимъ Фаннiусъ. На диванѣ съ лѣвой стороны помѣстились Бассусъ, Фаустинусъ и Цециліанусъ; направо отъ Галла заняли мѣста Лентулусъ и за нимъ два перузинца, которыхъ привелъ съ собою Помпоніусъ.

Какъ только гости заняли мѣста, вошли рабы, чтобы отвязать имъ ремни обуви; восоко опоясанные отроки подавали воду въ серебряныхъ чашахъ для умовенія. Потомъ по знаку Лентулуса явились два раба, поставили приборъ, въ которомъ находились кушанья, составляющія первую часть обѣда. Съ удовольствіемъ остановился глазъ хозяина на искусно приготовленномъ кушаньѣ, потомъ обошелъ кругъ гостей, для того чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе про-

изведетъ оно на нихъ. Это было блюдо, которое заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія. Въ срединѣ блюда, обложеннаго черепахою, стоялъ бронзовый оселъ, по обѣимъ сторонамъ котораго висѣли серебряныя корзинки, наполненныя бѣлыми и черными оливами, которыя искусство повара умѣло сберечь и на зиму. На спинѣ животнаго сидѣлъ Силенъ, у котораго изъ мѣха вытекалъ драгоцѣнный гарумъ (соусъ) на лежащій внизу кусокъ мяса. Около осла лежали на двухъ серебряныхъ ростерахъ тонко приготовленныя колбасы, а при нихъ сирійскія сливы, которыя, засыпанныя звѣздочками гранатныхъ яблокъ, представляли видъ мерцающихъ угольковъ. Вокругъ такого прибора поставлены были серебряныя блюда, съ зеленью къ лакомымъ мяснымъ кушаньямъ: спаржа редиска и другія произведенія овощнаго сада, тутъ же лаверты (гладыши) приправленныя яйцами и рутою, или же византійскимъ отваромъ. Кромѣ того было одно блюдо съ тепло приготовленными устрицами, тогда какъ свѣжія подавались гостямъ прямо изъ скорлупы, смотря по желанію гостей. Общество въ тонкихъ выраженіяхъ изъявляло хозяину свое удовольствіе и брало по желанію то, что считало особенно вкуснымъ или способнымъ возбудить аппетитъ. Стоящіе у стола слуги подавали для питья медъ (мульсумъ), который приготовленъ былъ изъ меда гиметскихъ пчелъ и морса фалернскаго винограда.

Нѣкоторое время господствовало за столомъ молчаніе, каждый былъ занятъ тѣмъ, что ѣлъ что нибудь. Лишь только Галлусъ хотѣлъ начать разговоръ, какъ подали второе меньшее блюдо, которое по рѣдкости не уступало первому. Въ изящной корзинкѣ сидѣла курица съ распростертыми крыльями; это была рѣзьба изъ дерева. Казалось, какъ будто она высиживаетъ цыплятъ. Съ удивленіемъ гости смотрѣли на прекрасно сдѣланную птицу, которая казалась живою. Пришли два раба и начали щупать въ мякинѣ, которая лежала въ коробѣ, они доставали павлиньи яйца и раздавали ихъ гостямъ.

«Друзья, воскликнулъ улыбаясь Лентулусъ, это павлиньи яйца, которыя подложены были курицѣ; я очень боюсь, не долго ли она сидѣла на нихъ. Посмотримъ однако.

Рабъ поставилъ предъ каждымъ маленькій серебряный приборъ для того, чтобы въ него вылить яйцо. Надобно было разбить ихъ. Многіе изъ присутствующихъ знали, что значитъ шутка Лентулуса, только перузинцы не понимали.

«Вотъ тебѣ! воскликнулъ одинъ изъ нихъ и уже хотѣлъ бросить яйцо, «мое уже обратилось въ пѣтуха.»

«Подожди, быстро возразилъ ему Помпоніусъ, посмотри хорошенько.» Остальные друзья громко смѣялись надъ перузинцемъ.

«Я также совѣтую подождать, прибавилъ Лентулусъ, потому что мой поваръ умѣетъ превосходно приготовлять уже высиженныя яйца.

Тутъ только перузинецъ замѣтилъ, что онъ попалъ въ просакъ. Онъ всмотрѣлся въ яйцо и увидѣлъ, что оно было не натуральное, что скорлупа была сдѣлана изъ тѣста, а въ срединѣ яичнаго желтка, начиненнаго перцемъ, находилась жирная птица, винограднякъ. Такое открытіе ободрило перузинца, и онъ не конфузясь выслушивалъ безобидныя остроты на счетъ его малаго знакомства съ тайнами кухни. Рабы обнесли обѣдающихъ медомъ, потомъ унесли это блюдо. Въ то же время заигралъ поставленный на другомъ концѣ зала хоръ музыки, чтобы занять гостей на время, пока подадутъ новыя кушанья.

Столъ, предъ ними стоявшій былъ вытертъ пурпурнымъ мохнатымъ полотенцемъ, а два эѳіопа опять подали воду умыть руки. Тогда вошли два отрока, украшенные зелеными вѣнками; они несли два обложенныхъ гипсомъ амфораса, (кружки вина); кора гипса, растрескавшаяся отъ старости, очень хорошо соотвѣтствовала надписи, которая вырѣзана была на дощечкѣ, висящей у шейки одной кружки и гласила такъ: L. Opimius Cos.

«Это старое фалернское, друзья, сказалъ Лентулусъ, и хорошаго сорта: опиміанское. Но знаете, оно бываетъ обыкновенно нѣсколько мутно.»

«Сначала оно было свѣтло и чисто», сказалъ Помпоніусъ. Насъ не должно страшить то, что оно теперь имѣетъ видъ старика; въ немъ много огня юности!»

«Такова ужь судьба! прибавилъ Галлусъ. Что сначала было свѣтло и чисто, передѣлывается временемъ въ мутное.»

«Правда, сказалъ Помпоніусъ, разсматривая прилежно надпись, еще пять лѣтъ—и это вино пережило бы цѣлое столѣтіе; никогда съ того времени не давили лучшаго растенія.»

«Эй, Максимусъ, воскликнулъ Фаустинусъ, въ этомъ году твой прадѣдъ былъ консуломъ вмѣстѣ съ Опиміемъ. Вотъ ужь идетъ четвертое поколѣніе отъ твоего прадѣда, къ четвертому поколѣнію ты принадлежишь, а три спустились въ Гадесъ. Но вино все еще живетъ.»

«Совершенно вѣрно, отвѣчалъ Максимусъ: мой предокъ былъ консуломъ съ Опиміемъ, а я какъ ни охотно пью это вино, все таки жалѣю, отчего на амфорѣ стоитъ не мое имя.»

«Вѣдь въ этомъ еще не много славы! возразилъ Галлусъ. впрочемъ, какъ бы то ни было, я выставлю твое имя, Фаустинусъ, на кружкѣ, въ которой будетъ нынѣшнее вино моего виноградника.»

Громкій смѣхъ друзей сопровождалъ эту шутку, а Фаустинусъ отвѣчалъ: «пусть такъ, Галлусъ; только не я буду причиною того, что твое имя не перейдетъ въ потомство.»

«Браво! воскликнулъ Лентулусъ. Но я думаю, что намъ слѣдуетъ удостовѣриться теперь въ достоинствахъ амфоры, вмѣсто того, чтобы толковать о надписанныхъ именахъ. Отроки, откройте!»

Тотчасъ кружки были тщательно очищены отъ гипса, и скрытая подъ нимъ пробка вынута. Мальчикъ осторожно вылилъ вино въ тутъ же стоящее серебряное сито, въ кото-

рое нѣсколько разъ накладывали снѣга. Потомъ по приказанію господина онъ мѣшалъ вино въ богато украшенномъ кратерѣ, и черпая золотымъ кіатомъ (ковшомъ), наливалъ оное въ аметистоваго цвѣта стаканы, которые отроки подавали гостямъ.

Едва окончилось это, какъ новыя блюда подали на столъ. Но кушанья эти никакъ не соотвѣтствовали ожиданіямъ общества. Вокругъ небольшаго куска обыкновеннаго дерна, на которомъ лежалъ кружокъ меду, стояли маленькія блюда съ кушаньями, которыя можно бы увидѣть на столѣ плебея, но никакъ не за званымъ обѣдомъ богатаго патриція.

«Берите и ѣшьте, друзья, сказалъ Лентулусъ, замѣтивъ непріятныя мины своихъ гостей, которые казалось не хотѣли брать этого кушанья.

Одинъ изъ перузинцевъ явился первымъ изъ исполняющихъ просьбу хозяина. Но какъ только онъ протянулъ руку къ блюдамъ, по знаку Лентулуса два раба сняли верхнюю часть прибора съ плебейскими кушаньями; подъ крышкою же находились любимѣйшія лакомства. Тутъ были сизые голуби и сѣдоголовые дрозды, каплуны и утки, въ срединѣ которыхъ красовался откормленный заяцъ, котораго изобрѣтательность приготовлявшаго кушанье раба обратила въ пегаса при помощи искуснаго украшенія перьями.

Пріятно удивленные гости рукоплескали хозяину, который съ самодовольною улыбкою отвѣчалъ тѣмъ же. Тотчасъ подошолъ сцизоръ и началъ съ достоинствомъ разрѣзывать птицъ и зайца. Между тѣмъ отрокъ, подававшій вино, исполнялъ прилежно свою обязанность, и оживляемое фалернскимъ общество съ каждою минутою становилось веселѣе; ктомужь и Лентулусъ былъ находчивъ на новыя выходки.

Вторыя блюда были приняты, и хоръ музыки думалъ начать новую мелодію, какъ раздались громкіе трубные звуки. Торжественная процессія вступила въ залъ. Четыре раба несли огромнаго вепря, по сторонамъ котораго лежали во-

семь поросятъ, которыхъ искусная рука пекаря сдѣлала изъ сладкаго тѣста чрезвычайно естественно. На могучихъ клыкахъ вепря, который вышелъ будто не изъ пекарни, но въ молодыхъ годахъ жилъ въ умбрійскихъ лѣсахъ, висѣли корзины, сплетенныя изъ пальмовыхъ вѣтвей, въ которыхъ находились въ одной сирійскіе финики, въ другой ѳиванскіе. Едва подъ тяжестью большой ноши запыхавшіеся рабы поставили на столъ великолѣпное жаркое, какъ сцизоръ, одѣтый въ сгерское платье, подошелъ къ столу, и началъ разрѣзывать вепря блестящимъ садовымъ ножомъ. Въ то же время отроки раскладывали финики и подавали каждому изъ гостей искусственнаго поросенка.

«Умбрійскій!» сказалъ Лентулусъ, послѣ того какъ сцизоръ кончилъ свою работу и первые куски переданы были гостямъ.

«Умбрійскій?» повторилъ Цецилianусъ. «Такъ это вашъ соотчичъ, обратился онъ къ гостямъ изъ Перузіи, или по крайней мѣрѣ вашъ ближайшій сосѣдъ. И вы рѣшаетесь его съѣсть?»

«Отчегожъ нѣтъ?» отвѣчалъ одинъ изъ спрошенныхъ.

«А! замѣтилъ Фаустинусъ, нашъ другъ вѣроятно думаетъ о томъ, что по какому либо превращенію вашъ знакомый или родной лежитъ здѣсь въ видѣ этого вепря.

Цецилianусъ кивнулъ утвердительно головою, но съ ядовитою улыбкой.

Но перузинецъ заговорилъ съ достоинствомъ: «я думаю, что ужъ прошло время метаморфозъ. Теперь нѣтъ больше Цирцеи, которая бы могла своимъ волшебствомъ превращать людей въ животныхъ, да и остальные боги не слишкомъ заботятся о племенахъ земныхъ.»

«Не говори этого, перебилъ Помпоніусъ, нашъ Бассусъ сейчасъ докажетъ тебѣ, что и нынче происходитъ много чудеснаго, и что мы не можемъ быть увѣрены въ томъ, что никто изъ насъ тутъ же не преобразится въ животное.

«Что ты шутишь, Помпоніусъ, я давно знаю, отвѣчалъ Бассусъ,—но я остаюсь при томъ мнѣніи, которое по моему довольно доказано. Еще недавно разсказывалъ мнѣ одинъ человѣкъ, бывшій рабъ незначительнаго владѣльца въ Капуѣ, а теперь богатый вольноотпущенникъ, такія вещи, отъ которыхъ волосъ подымается дыбомъ. Если бы я зналъ, что вамъ понравится, я бы разсказалъ этотъ случай.»

«Кто не будетъ охотно слушать тебя», сказалъ Лентулусъ. Искусствомъ разскащика ты обладаешь въ такой мѣрѣ, какъ едва ли кто другой.»

«Ну такъ слушайте, что онъ мнѣ говорилъ, сказалъ Бассусъ.

«Когда я еще былъ рабомъ, такъ онъ мнѣ разсказывалъ, былъ у меня одинъ другъ, владѣвшій небольшою виллою на пятой милѣ; въ этой виллѣ онъ устроилъ гостинницу. Однажды прислалъ онъ ко мнѣ вѣстника и просилъ посѣтить его, потому что онъ тяжело заболѣлъ и очень хотѣлъ бы поговорить со мною! На этотъ случай господина моего не было въ Капуѣ, а у насъ жилъ одинъ заѣзжій гость, храбрый воинъ. Я сообщилъ ему о желаніи моего друга, и просилъ его отправиться со мною ночью въ виллу, потому что днемъ дѣла не позволяли мнѣ отлучаться; ночью же одинъ я боялся рѣшиться на путешествіе. Онъ согласился; мы дождались пѣтуховъ и отправились въ дорогу. Луна ярко свѣтила, небо было безоблачно, было такъ свѣтло, словно въ полдень. Вдругъ на срединѣ дороги мы видимъ рядъ надгробныхъ памятниковъ. Когда мы проходили мимо ихъ, мой спутникъ просилъ меня идти впередъ, а самъ остался позади, обѣщаясь тотчасъ же послѣдовать за мною. У меня и въ умѣ не было ничего худаго; я шолъ и что-то напѣвалъ, посматривалъ на луну и матово свѣтящіяся звѣзды. Прошло довольно времени; я оглянулся, чтобы посмотрѣть, гдѣ мой спутникъ. Онъ стоитъ на дорогѣ, снимаетъ платье и кладетъ оное на землю подлѣ себя. Потомъ обходитъ во-

кругъ своей одежды, плюетъ три раза и вдругъ становится волкомъ.»

«Волкомъ, Бассусъ!» прервалъ съ громкимъ смѣхомъ разскащика. Помпоніусъ «Теперь естественно, что онъ съѣлъ сухощаваго раба, не правда ли?» прибавилъ онъ шутливо.

«Не думай, чтобы я лгалъ, возразилъ на это Бассусъ серьезнымъ тономъ. Этотъ человѣкъ увѣрялъ меня, что это сущая правда! — Волкъ, продолжалъ онъ, началъ страшно выть и побѣжалъ въ лѣсъ. Я вернулся посмотрѣть, что сталось съ платьемъ; оно превратилось въ камень. Въ ужасѣ я извлекъ свой мечъ и махалъ имъ въ воздухѣ, и въ тоже время быстро бѣжалъ, чтобы поскорѣе достигнуть виллы моего друга. Полуживой прибѣжалъ я въ домъ, потъ струился съ моего лица; прошло нѣсколько времени, пока я успѣлъ придти въ себя. Жена моего друга удивилась, что я пришолъ ночью, извинялась, что я лишилъ себя сна для того, чтобы исполнить желаніе моего друга. Но, прибавила она, какъ бы пріятно было, если бы ты пришелъ нѣсколько раньше къ намъ, потому что къ намъ забрался недавно волкъ и задушилъ нѣсколько овецъ. Впрочемъ этотъ волкъ получилъ должное наказаніе; одинъ изъ рабовъ прострѣлилъ ему шею стрѣлою; однако волкъ убѣжалъ. Я дрожалъ, слушая такой разсказъ, но молчалъ о томъ, что видѣлъ, и велѣлъ вести себя къ моему другу, котораго нашолъ при смерти. Онъ передалъ мнѣ, что у него лежало на сердцѣ, и какъ только наступилъ день, я отправился домой. Когда я подошолъ къ мѣсту, гдѣ лежала одежда, тамъ уже ничего не было, кромѣ порядочнаго количества крови. Дома я нашолъ гостя—воина, который сопровождалъ меня, въ постелѣ, и лекарь перевязывалъ ему шею. Тутъ то я понялъ, что онъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ называютъ ферзипеллами, то есть мѣняющими свою кожу, и уже не могъ съ нимъ ѣсть куска хлѣба.»

Бассусъ замолчалъ. Эта чудесная исторія произвела на

слушателей различное впечатлѣніе. Одни казалось сильно потрясены были разсказомъ, другіе дали безпрепятственное теченіе своему смѣху. Только одинъ перузинецъ принялъ замысловатый, важный видъ и сказалъ:

«Бассусъ не совсѣмъ не правъ, и этотъ человѣкъ изъ Капуи, мнѣ кажется, пережилъ не необыкновенное. По крайней мѣрѣ мнѣ разсказывалъ одинъ изъ моихъ рабовъ, который прежде жилъ въ Милетѣ, подобную же исторію. — Въ домѣ, гдѣ я служилъ, разсказывалъ онъ, умеръ одинъ очень красивый мальчикъ. Мать была безутѣшна, и всѣ домашніе стояли со слезами у кровати, на которой лежалъ трупъ. Тогда мы вдругъ услышали вѣдьмъ (стригъ), которыя свистали у дома. У насъ въ семействѣ жилъ одинъ каппадокіецъ, большой, смѣлый человѣкъ, который одинъ могъ управиться съ разъяреннымъ быкомъ. Онъ схватилъ мечъ, сталъ предъ дверями, завернувъ предусмотрительно лѣвую руку въ платье, и перерубилъ одну колдунью пополамъ. Мы слышали крикъ ея, хотя ничего не видали; каппадокіецъ повалился на кровать и изнемогъ всѣмъ тѣломъ, потому что рука колдуньи коснулась его. Мы заперли опять домъ, и когда мать возвратилась къ мертвому сыну, то съ ужасомъ увидѣла, что стриги подмѣнили его, положивъ вмѣсто него соломенную куклу.»

И этотъ разсказъ сопровождался шуткою и смѣхомъ, только Бассусъ ничего не говорилъ, но незамѣтно наклонился къ столу и молча молился, чтобы его не встрѣтили колдуньи, когда онъ будетъ возвращаться домой.

Между тѣмъ Лентулусъ далъ знакъ стоящимъ рабамъ подавать новыя кушанья. Они принесли феркулумъ, состоявшій къ немалому удивленію гостей изъ чрезвычайно большой свиньи, которая подобно умбрійскому вепрю приготовлена была цѣликомъ.

«Какъ, воскликнулъ Лентулусъ, и поднялся съ мѣста,

мнѣ едва вѣрится, чтобы поваръ могъ забыть выпотрошить животное. Пошлите его сюда!»

Призываемый явился съ жалкою миною и сказалъ, что онъ дѣйствительно въ попыхахъ забылъ вычистить животное.

«Дѣйствительно, промолвилъ Цецилiанусъ, это ничтожнѣйшій рабъ, какого только я когда либо видѣлъ. Слыханное ли дѣло, чтобы кто нибудь забылъ выпотрошить свинью. Если бы онъ былъ моимъ рабомъ, я бы его повѣсилъ!»

Но Лентулусъ казалось былъ настроенъ болѣе милостиво. «Ты заслужилъ строгое наказанiе, сказалъ онъ повару, но по моему сегодня веселому расположенiю я прощаю тебѣ. А въ видѣ штрафа ты долженъ сейчасъ же предъ нашими глазами поправить то, что упущено!»

Поваръ смѣялся въ знакъ благодарности, взялъ ножъ и разрѣзалъ осторожно брюхо животнаго, потомъ послѣдовалъ другой быстрый разрѣзъ, и къ пріятному изумленiю гостей выпало множество разныхъ сосисекъ на обѣ стороны.

«Это дѣйствительно новая шутка! вскричалъ Помпоніусъ. Но скажи наконецъ, Лентулусъ, какъ ты напалъ на мысль послѣ вепря выложить свинью?»

«Если остальные друзья моего мнѣнiя, сказалъ спрошенный, мы можемъ дать ей свободу. Я хотѣлъ только доставить вамъ случай подивиться.»

По знаку слуги унесли свинью и принесли другой приборъ, уставленный павлинами, фазанами, гусиной печенкой и рѣдкими рыбами.

Наконецъ и это кушанье окончено, рабы вытирали столы, сметали вѣниками и пальмовыми вѣтвями кусочки хлѣба, валявшiеся на полу, и посыпали полъ древесными опилками, которые окрашены были душистымъ шафраномъ. Небрежно развалившись на своихъ мѣстахъ и отдыхая отъ напряженной работы желудкомъ, смотрѣли гости на суетню слугъ, какъ вдругъ шумъ заставилъ ихъ поднять глаза вверхъ. Потолокъ комнаты открылся и на столъ опускалось большое

серебряное кольцо, на которомъ висѣли серебряныя и алебастровые флакончики съ духами, также серебряные вѣники съ изящно вычеканенными листьями, плодами и другими мелочами; это были подарки друзьямъ гостепріимнаго хозяина.

Между тѣмъ подали десертъ, надъ которымъ новый пекарь, пріобрѣтенный Лентулусомъ за сто тысячъ сестерцій, показалъ все свое искусство. Кромѣ разныхъ пирожныхъ, тутъ были искусно сдѣланные ракушки и дрозды, наполненные сушеными винными ягодами, миндалемъ и другими подобными мелочами. Въ срединѣ стоялъ Вертумнъ (богъ временъ года), который въ складкахъ своего платья несъ различные плоды. Вокругъ него лежали сладкія, нашинкованныя миндалемъ айвы, которыя имѣли видъ морскихъ ежей, и дыни, нарѣзанныя въ различныя формы.

Гости безустанно расхваливали искусство пекаря, и Лентулусъ принималъ съ самодовольною улыбкою похвалы, которыя сыпались со всѣхъ сторонъ его богатому обѣду. Онъ просилъ друзей отвѣдать послѣдняго блюда и взять изъ печенья и плодовъ, что кому угодно, что кому кажется лучшимъ. Перузинцы, которые преимущественно предъ прочими удивлялись дарамъ Вертумна въ такое время года, протянулись далеко на столъ и взяли побольше предлагаемыхъ яблокъ и винограда. Но вдругъ съ изумленіемъ отшатнулись назадъ, когда при прикосновеніи къ плодамъ изъ нихъ выходила струя шафраннаго соку и брызгала на нихъ. Веселье сдѣлалось общимъ, когда и другіе попробовали осторожно прикоснуться къ замысловатымъ плодамъ, и каждый разъ изъ нихъ струился и брызгалъ красный токъ.

«Ну, правда, восклицалъ Помпоніусъ, твоимъ чудесамъ сегодня нѣтъ конца, Лентулусъ, и одно замысловатѣе другаго. У тебя можно поучиться, какъ занимать своихъ гостей.»

Это ужъ не моя заслуга, отвѣчалъ хозяинъ, рабы мои взялись за дѣло, чтобы на этотъ разъ показать всю свою изобрѣтательность, все свое искусство! — Но, прибавилъ

онъ, когда замѣтилъ, что никто болѣе не трогаетъ десерта, если угодно друзьямъ, можно встать, и послѣ трудной работы освѣжиться на открытомъ воздухѣ.

ПОГРЕБЕНІЕ.

Слухъ о смерти въ нѣсколько часовъ разнесся по Риму, потому что умеръ человѣкъ, принадлежавшій къ самой знатной фамиліи. И тѣмъ поразительнѣе было это извѣстіе, что вмѣстѣ съ нимъ распространилась молва, что умершій былъ оклеветанъ измѣнившими ему друзьями и долженъ былъ подвергнуться изгнанію, вслѣдствіе чего самъ себя лишилъ жизни. Но тотчасъ собрался сенатъ и объявилъ, что такою смертью онъ смылъ съ себя всякое безчестіе и заслужилъ почетные похороны.

Хотя сначала такимъ вѣстямъ мало вѣрили, но на другой день онѣ вполнѣ были подтверждены. Потому что когда въ этотъ день показался на форумѣ Ларгусъ, одинъ изъ такихъ доносчиковъ, то къ нему подошолъ неизвѣстный человѣкъ съ нѣсколькими товарищами и спросилъ, знаетъ ли онъ его. Когда Ларгусъ сказалъ, что не знаетъ, спросившій просилъ своихъ спутниковъ быть свидѣтелями и подписать бумагу, на которой написано было это признаніе; неизвѣстный человѣкъ хотѣлъ будто бы обезопасить себя на будущее время отъ доносовъ, которые Ларгусъ можетъ подать на него. Когда осмѣянный такимъ образомъ проходилъ мимо другаго человѣка, этотъ заткнулъ рукою себѣ носъ и ротъ и громко кричалъ другимъ, чтобы они тоже

сдѣлали, потому что дыханіе захватываетъ въ присутствіи такого человѣка. Повсюду слышны были сожалѣнія объ участи усопшаго, который такъ низко былъ оклеветанъ, хотя никому не подалъ повода къ зависти своимъ высокимъ положеніемъ.

Въ домѣ печали господствовала глубокая тишина и скорбь. Предъ дверьми стоялъ большой кипарисъ, котораго мрачная пирамида давала знать каждому, проходящему около дома, что одинъ изъ жителей онаго отошолъ въ мрачное царство тѣней. Внутри дома слуга былъ занятъ приготовленіемъ трупа къ погребенію; онъ натиралъ его масломъ и старался сгладить съ лица, насколько возможно, слѣды послѣдней борьбы со смертью. Потомъ съ помощью другаго слуги онъ надѣлъ на него тогу съ пурпурною обшивкою, положилъ ему на голову одинъ изъ тѣхъ вѣнковъ, которые покойникъ добылъ въ жаркомъ бою, еще когда былъ юношею. Потомъ они положили трупъ на послѣднее ложе покоя, котораго пурпуровый покровъ, шитый золотомъ, оставлялъ видными только ножки изъ слоновой кости, на которыхъ стояла софа; потомъ понесли покойника въ атріумъ дома, при чемъ обратили его ногами къ дверямъ. Тутъ поставили серебряную курильницу, изъ которой выходило благовоніе аравійскаго оміама, и одинъ изъ вѣрныхъ слугъ умершаго оказалъ ему послѣднюю услугу тѣмъ, что павлиньимъ опахаломъ отгонялъ мухъ отъ непокрытаго лица и рукъ мертвеца.

Нѣсколько дней оставался трупъ выставленнымъ; въ это время сдѣланы были всѣ приготовленія къ погребенію. Похороны требовали значительныхъ издержекъ; издержки эти были тѣмъ больше, чѣмъ болѣе привязанъ былъ истинною любовью къ своему господину управитель дома, и такъ какъ господинъ былъ не женатъ и не оставлялъ ближнихъ родственниковъ, которые могли-бы озаботиться его погребеніемъ то управитель употребилъ часть оставшагося ему наслѣдства

на проводы покойника. Онъ былъ при жизни умершаго такъ часто свидѣтелемъ большой щедрости благодѣтельнаго господина, и теперь, когда онъ сдѣлался трупомъ, слѣдовало щедро наградить тѣхъ, которые при погребеніи оказывали свое участіе къ покойнику и помогали при похоронахъ. Таково было желаніе вѣрнаго слуги, и за это хвалили его всѣ, кто слышалъ о такомъ его намѣреніи.

Чрезъ восемь дней послѣ смерти приблизились и похороны. Около четырехъ часовъ дня пробѣжалъ по улицамъ герольдъ и приглашалъ громкимъ голосомъ народъ принять участіе въ погребеніи и соединенныхъ съ нимъ играхъ. Онъ кричалъ: «Нивритъ подвергся смерти; кто имѣетъ свободное время примкнуть къ траурному шествію, приходи: теперь время, сейчасъ мертваго понесутъ изъ дому!» Такое предложеніе нашло много сочувствія, такъ какъ умершій былъ всѣмъ извѣстенъ, и пріобрѣлъ много друзей своею общительностію и щедростью ко всѣмъ сословіямъ. Но кромѣ тѣхъ, которые были близки къ нему и теперь шли къ его дому, туда же двинулось множество любопытныхъ и любителей зрѣлищъ, которымъ хотѣлось посмотрѣть на похоронное шествіе. Другая часть людей подобнаго рода, считавшая неудобнымъ идти къ дому покойника, ожидала предстоящаго зрѣлища на площади. Между тѣмъ какъ всѣ любопытные одѣты были въ свое обыкновенное платье, между дѣйствительно сокрушавшимися объ умершемъ были нѣкоторые въ темноцвѣтныхъ тогахъ, чѣмъ они доказывали, что были не просто только зрителями.

Тогда десигнаторъ, которому поручено было заботиться о порядкѣ во время процессіи, далъ нужныя приказанія и сдѣлалъ требуемыя приготовленія. Нѣсколько ликторовъ должны были отстранять натискъ толпы, чтобы всѣ, желавшіе участвовать въ процессіи, могли удобно размѣститься. Потомъ двинулась и самая процессія отъ дома прямо къ форуму. Сначала шла толпа флейтистовъ и трубачей,

которые попеременно то въ жалостныхъ нѣжныхъ тонахъ выражали скорбь и печаль сопутствующихъ, то въ громкихъ звукахъ славили величіе и заслуги мужа. За ними слѣдовали плакальщицы, толпа наемницъ, которыя съ притворною скорбью пѣли безъискуственную, монотонную жалостную пѣсню, въ которой льстиво восхвалялись заслуги умершаго. Къ нимъ примыкалъ рядъ актеровъ, которые декламировали самыя сильныя мѣста изъ трагическихъ поэтовъ и при этомъ подбирали стихи, приличные случаю. Иногда они прерывали величавость процессіи острымъ балагурствомъ, тогда какъ предводительствовавшій ими особенно старался о томъ, чтобы въ одеждѣ, движеніяхъ и рѣчи представлять покойника.

Правда, за этою наемною толпою не слѣдовалъ длинный рядъ знаменитыхъ предковъ, какъ это бывало въ другихъ подобныхъ случаяхъ, при чемъ обыкновенно несли доски, на которыхъ обозначены были имена славныхъ предковъ; за то вольноотпущенники несли мѣдныя доски, на которыхъ вырѣзаны были побѣды и названія битвъ, выигранныхъ умершимъ. Потомъ шли другіе вольноотпущенники, несшіе короны, пріобрѣтенныя почетными дѣлами, и по желанію покойника, часто выражаемому имъ, свитки его элегій, которыя должны были сохранить его имя въ потомствѣ гораздо долѣе, чѣмъ военная слава и военные титулы.

Все это шло впереди собственно погребальныхъ останковъ; теперь только появились носилки (лектусъ), на которыхъ лежало тѣло; ихъ несли восемь вольноотпущенныхъ. Непосредственно за ними шли провожающіе покойника, старый вѣрный слуга, управлявшій домомъ умершаго, съ шляпою на головѣ, знакомъ свободы, пріобрѣтенной по завѣщанію. Потомъ слѣдовали друзья и всѣ дѣйствительно соболѣзнующіе, которые хотя не были близки къ дому покойника, но въ мрачной судьбѣ его соболѣзновали о состояніи общества, которое было причиною такихъ поразительныхъ явленій.

Достигши форума, носильщики поставили одръ предъ ростроею, кафедрою ораторовъ. Около нея собрались полукругомъ участвовавшіе въ процессіи, старый другъ взошолъ на ораторское мѣсто, и разсказалъ языкомъ оратора и въ сильныхъ выраженіяхъ о заслугахъ, которыя оказалъ умершій какъ воинъ, поэтъ и человѣкъ. При этомъ онъ только слегка упомянулъ о послѣднихъ мрачныхъ часахъ, чтобы не дать повода къ злостнымъ пересудамъ. Собравшіеся, которыхъ число возросло до нѣсколькихъ тысячъ, внимательно прислушивались къ плавной рѣчи, которая не восхваляла жизнь покойника вопреки правдѣ, но была настоящимъ выраженіемъ его жизни и стремленій, его общественной дѣятельности и частной жизни.

Послѣ того какъ удовлетворены были обязанности дружбы, процессія опять тронулась къ гробницѣ, которую еще при жизни своей умершій устроилъ себѣ у Аппіевой дороги. Тамъ былъ устроенъ изъ сосновыхъ бревенъ костеръ, украшенный вьющимися растеніями и цвѣтами обвѣшанный коврами, онъ былъ осѣненъ кругомъ стоящими кипарисами. Носильщики подняли и поставили одръ на костеръ, другіе лили изъ аллебастровыхъ сосудовъ дорогое масло на трупъ; многіе изъ присутствующихъ бросали вѣнки и ониміамъ, послѣднюю дань любви.

Слуга открылъ мертвому глаза,— та же рука и закрывала ихъ , открылъ глаза для того, чтобы они теперь прямо на небо смотрѣли. Потомъ онъ взялъ горящій факелъ при громкихъ рыданіяхъ присутствующихъ, при звукахъ флейтъ и роговъ. Онъ держалъ факелъ надъ костромъ, обративъ въ сторону свое лицо; средина костра, наполненная сухимъ камышомъ, занялась яркимъ пламенемъ, которое поднималось вверхъ. Скоро огонь охватилъ всю кучу деревьевъ и пожралъ дерево и трупъ.

Костеръ превратился въ пепелъ; а гдѣ еще тлѣли искры, старались потушить ихъ виномъ. Друзья собрали столько

остатковъ отъ его тѣла, чтобы ими можно было наполнить урну средней величины, окропили ихъ многолѣтнимъ виномъ и свѣжимъ молокомъ, осушили въ льняномъ полотнѣ, и смѣшавъ съ благовоніями положили въ урну. Затѣмъ слуга, у котораго слезы текли по щекамъ, поставилъ урну въ открытый гробъ, благоухающій розами и благовоніемъ отъ возліяній, благовонія частію стояли въ гробѣ въ стклянкахъ. Гробовая дверь была заперта, и когда собравшійся народъ возгласилъ послѣднее прости тѣнямъ предковъ, и окропился очистительною священною водою,—возвратился домой въ городъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ МІРА ПОНЯТІЙ

и

МЫСЛИ ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ.

(ПРИБАВЛЕНІЕ).

ГРЕКОРИМСКІЙ ХРАМЪ СЛАВЫ.

Великолѣпное зданіе возносится предъ нашими глазами. Нуженъ былъ трудъ многихъ столѣтій, чтобы дать форму этимъ квадрамъ дикаго камня и сплотить ихъ другъ съ другомъ. Два народа приготовили строительный матеріалъ, мастера того и другаго народа вырубили и отшлифовали стройныя колоны, вывели куполъ, исполнили съ талантомъ всѣ украшенія.

Широкая мраморная лѣстница свободно восходитъ къ первому ряду колонъ, которыя держатъ горизонтальную кровлю на простыхъ дорическихъ капителяхъ. Тутъ и входъ въ храмъ. Стѣна за колонами украшена превосходною живописью, направо видны ландшафты цвѣтущихъ береговъ Италіи, налѣво прекрасныхъ гористыхъ странъ Греціи. Съ высокимъ сводомъ ворота вводятъ внутрь храма.

Но прежде чѣмъ войдешь, остановись предъ украшеніями кровли, поддерживаемой колонами. Въ самой срединѣ находится колоссальная женская фигура изъ бѣлаго мрамора въ сидячемъ положеніи. Она простираетъ въ ту и другую сторону руки, въ которыхъ лавровые вѣнки. Направо отъ нея возсѣдаетъ хранитель Рима, величавый Юпитеръ капитолійскій, равно искусно вырѣзанный изъ мрамора, налѣво въ полномъ вооруженіи Паллада Аѳина, покровительница Греціи. У ногъ перваго пріютился орелъ, около послѣдней видна сова. Такъ въ пластическихъ образахъ представлены двѣ величайшія націи древняго міра, римляне и греки, до-

стойныя равной славы; въ храмѣ этомъ сойдутся лучшіе, благороднѣйшіе умы того и другаго народа.

Все, что изслѣдовано, разъяснено этими двумя народами и передано потомству въ сочиненіяхъ и замѣткахъ, осталось до сихъ поръ безсмертнымъ памятникомъ ихъ ума, которому въ честь построенъ храмъ, о которомъ мы начали говорить. Отворяются большія мѣдныя врата, которыхъ одна половина имѣетъ на греческомъ языкѣ, другая на латинскомъ, такого рода надпись: «Привѣтствую тебя, странникъ!»; мы вступаемъ въ прохладныя, обширныя залы. Сначала мы находимся въ какомъ-то полумракѣ; нашъ глазъ, поражонный яркимъ сіяніемъ солнца, освѣщающаго снаружи превосходное зданіе, едва распознаетъ величавые образы Орфея, Гомера, Гезіода, Пиндара. Но насъ чаруютъ своею чудно-прекрасною гармоніею ихъ пѣсни, говорящія о происхожденіи вещей изъ неустроенныхъ элементовъ хаоса, о блаженствѣ боговъ и дѣлахъ ихъ на высокомъ Олимпѣ, о подвигахъ и мужествѣ героевъ. Дальше возносятся изображенія цѣлаго ряда глубокихъ мыслителей, которые въ теченіе цѣлой жизни изслѣдовали тайны природы и духа, чтобы разгадать то, что осталось неразъясненнымъ у мыслителей—поэтовъ. Тутъ находятся философы Греціи отъ достопочтеннаго Оалеса до глубокомысленнаго Гераклита, разумнаго Пивагора, благочестиваго Сократа и великихъ мыслителей Платона и Аристотеля Чѣмъ дальше мы подвигаемся по залу или галлереѣ, все больше и больше свѣта падаетъ на изящныя статуи; въ самыхъ свѣтлыхъ лучахъ блестятъ статуи Платона и Аристотеля.

Между ними стоятъ изображенія другихъ мужей съ глубокою думою въ лицѣ; въ рукѣ держатъ они грифель, символъ письменнаго искусства. Это статуи Геродота, отца исторіи, Ѳукидида, описавшаго Пелопонезскую войну. Ксенофонта, біографа Сократова. Но здѣсь, гдѣ сохранена память о такихъ мужахъ, не могло не быть изображенія ве-

ликаго оратора Демосѳена, который напрасно предостерегалъ грековъ со всѣмъ жаромъ одушевленія противъ замысловъ Филиппа македонскаго.

Въ противулежащей галлереѣ выставлены статуи знаменитыхъ людей Рима: Виргилія, пѣвца странствованій Энея и позднѣйшаго высокодаровитаго поэта, Горація; Ливія, краснорѣчиваго историка; Тацита, глубоко уразумѣвшаго смыслъ вѣка Августовъ; Светонія, біографа римскихъ императоровъ, Саллюстія и другихъ. Тутъ же мы видимъ статую Цицерона, краснорѣчиваго римлянина и Цезаря, описавшаго талантливо свои походы въ Галліи.

Тамъ видны зрителю высокодаровитые трагики грековъ: Софоклъ, Эсхиллъ и Эврипидъ, около нихъ Аристофанъ съ сатирически-улыбающимся лицомъ; тутъ мы видимъ Плавта, Терренція, Проперція, Тибулла и другихъ, тонкихъ наблюдателей, бичевавшихъ время упадка нравовъ. Лице съ мрачнымъ взглядомъ обличаетъ Катона, около него статуя мудреца Сенеки. Противъ нихъ стоятъ Эпикуръ и Аркезилай, первый основатель такъ называемой эпикурейской школы, второй—основатель новой Академіи.

* *
*

Куда бы ни обратился глазъ посѣтителя, всюду ему встрѣчаются римскія и греческія лица; и кто былъ бы въ состояніи пересчитать всѣ имена и изъяснить высокія дарованія лицъ! Оба народа сознавали свое духовное превосходство надъ другими народами древности. Для грека и римлянина каждый, принадлежавшій другому народу, былъ варваромъ, далеко не равнымъ ему чужеземцемъ. Всякое столкновеніе съ нимъ вызывало грека и римлянина на мысль подчинить себѣ чужеземца и его націю.

Греки и римляне считали своимъ призваніемъ владычество надъ міромъ. Это національное самосознаніе было основою

греческаго и римскаго міросозерцанія и мышленія, оно было краеугольнымъ камнемъ характера этихъ народовъ. Оба народа, одаренные живою потребностью творчества, создали не одно только государство и государственное устройство, но также создали «Міръ Мысли», который былъ также самобытенъ, какъ и ихъ государственная жизнь, столько же мощенъ, геніаленъ, какъ и ихъ государство; исторія народовъ не видитъ больше нигдѣ такой силы.

Правда, греки и римляне не изъяты отъ приговора и суда апостола всему языческому міру, который не хотѣлъ понять откровенія божьяго, проявившаго въ видимомъ мірѣ слѣды невидимаго существа, его вѣчной силы и божества. И они не познали Его отъ дѣлъ творенія міра, хотя могли познать; и они не прославили Его, не размыслили о Немъ. Потому-то и они въ произведеніяхъ своего творчества впали въ суетность, омрачилось ихъ неразумное сердце. Ихъ мудрость по сравненію съ мудростью, открытою Богомъ въ святомъ Его словѣ, оказалась безуміемъ, потому что ихъ мудрость не могла сдѣлать людей счастливыми. За то когда греческій и римскій умъ принимался за изслѣдованіе существа человѣка и его мысли, здѣсь онъ, кромѣ божьяго слова, не имѣетъ себѣ соперника. Насколько этотъ умъ позаботился проникнуть въ тайну божества, онъ успѣлъ придти къ предчувствію невидимаго Бога, къ мысли о Немъ, какъ непостижимомъ Богѣ, которому тѣмъ не менѣе слѣдовало построить алтарь и оказывать божеское почитаніе.

Греки и римляне не знали идоловъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были у индусовъ, китайцевъ и японцевъ; въ служеніи богамъ у нихъ лежала мысль поклоненія невидимымъ существамъ. И какъ ни велико было число боговъ, которымъ они приносили жертвы, все таки въ глубинѣ души они носили почти сознательное чувство о бытіи единаго Бога; это чувство выработалось и выразилось ихъ вѣрою въ судьбу—Моира грековъ, Фатумъ римлянъ.

Изъ этой основной мысли образовались всѣ ихъ воззрѣнія и представленія о невидимомъ и видимомъ мірѣ. Отсюда ихъ стремленіе къ самобытному политическому положенію, къ основанію и утвержденію государственнаго порядка, совершеннаго во всѣхъ частностяхъ, къ могуществу и господству надъ прочими народами. На томъ же основаніи построены ихъ наука, искусство, вся ихъ жизнь и дѣятельность. Всюду проявляется стремленіе къ единству, самостоятельности и величію. Нигдѣ они не останавливаются на половинѣ пути, всегда стремятся къ высшей цѣли и успокоиваются не прежде, какъ по достиженіи цѣли. Такъ они достигли господства надъ другими народами, такъ достигли они до той полноты знанія, до такихъ понятій о невидимомъ мірѣ и отношеніи его къ видимому, которыя и нынѣ заслуживаютъ справедливаго удивленія.

Греки обращали мысль свою преимущественно на изслѣдованіе невидимой главной причины всѣхъ вещей, римляне на господствующій въ мірѣ порядокъ и законы, на которыхъ основанъ этотъ порядокъ. Поэтому первые были творцами *философіи*, вторые выработали *право*. Изслѣдованія грековъ, которыхъ результаты они старались внести въ жизнь, были римлянами усвоены, доказаны и разъяснены. Римъ пережилъ Грецію, все греческое образованіе пересажено было въ Италію и слилось съ римскимъ образованіемъ. Какъ государства, Греція и Римъ стоятъ отдѣльно и самостоятельно, въ мірѣ мысли того и другаго народа напротивъ есть много точекъ соприкосновенія. Но Греція во всякомъ случаѣ и вездѣ имѣетъ преимущество предъ Римомъ; никогда римская умственная жизнь не была привита и усвоена Греціею, тогда какъ наоборотъ образованіе знатнаго римлянина позднѣйшаго времени состояло именно въ въ усвоеніи греческаго образа мышленія и жизни. Такъ соединились въ окончательномъ развитіи мышленіе грека и римлянина, и сдѣлались въ этомъ соединеніи *греко-римскою*

мудростью, которая была общимъ достояніемъ образованнаго міра.

А.) КРУГЪ ГРЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

ПЫТЛИВОСТЬ МЫСЛИ.

Люди принадлежащіе одному и тому же племени похожи другъ на друга не только по внѣшнему виду, цвѣту кожи, и пр., но также имѣютъ одинаковые или подобные взгляды и представленія, однѣ и тѣ же страсти и желанія. Какъ по тѣлесному сложенію и виду одинъ не отличается существенно отъ другаго, такъ равно и по уму, по душѣ.

Одинаковая обстановка, въ которой люди живутъ, производитъ на душу ихъ одинаковыя впечатлѣнія, тотъ же кругъ страстей и желаній охватываетъ всѣхъ ихъ. Останавливается ли ихъ первый взглядъ на чащѣ лѣсной: какъ не пожелать человѣку проникнуть въ эту тѣнистую чащу! Утреннее солнце освѣщаетъ сначала вершины горъ: какъ не пожелать человѣку пасти свое стадо тамъ вверху на душистой полянѣ! У ногъ людей простирается плодоносная, питательная почва, производящая цвѣты и овощи: какъ она не пробудитъ въ человѣкѣ желанія вспахать землю и сдѣлать поле полезнымъ! Или плещетъ у берега море, волны приходятъ и уходятъ: какъ привлекательны ихъ шумъ и всплески! Человѣкъ ввѣряетъ себя утлой ладьѣ, чтобы плыть по морю въ далекую землю.

Но еще глубже идетъ черта общихъ желаній. Душа жаждетъ знанія, умъ стремится изслѣдовать причины вещей. Получая одни и тѣ же впечатлѣнія, душа созерцаетъ и видитъ окружающій ее міръ въ томъ же свѣтѣ. Жителю горъ онѣ кажутся не такъ крутыми, не такъ высокими, не такъ непроходимыми, какъ обитателю равнинъ. Живущій у морскаго берега не боится рева волнъ, ни яростнаго буруна, которые внушаютъ страхъ жителю равнины, удаленному отъ моря. Послѣднему нравится, хоть на время, полюбоваться игрою волнъ, поблуждать взорами на манящей дали; первому нравится мрачное ущелье горъ, лѣсистый склонъ, ледникъ, блистающій при вечернемъ сіяніи солнца— видъ, не имѣющій ничего особенно восхитительнаго для жителя долины, у котораго ежедневно онъ передъ глазами.

Житель юга едва можетъ представить себѣ небо иначе, какъ синеголубымъ, или глубоко-темнымъ съ ярко блестящими звѣздами. Житель сѣвера почти постоянно видитъ его подернутымъ сѣрыми, мутными облаками, а въ холодные зимніе дни свѣтлосѣрымъ, высокимъ и прозрачнымъ. Какъ радуется послѣдній подъ грѣющими теплыми лучами въ короткое лѣтнее время; какъ страшны эти лучи для перваго, когда отвѣсно падаютъ ему на голову. Одинъ любитъ въ это время расположиться поудобнѣе на отдыхъ, и въ лѣнивомъ бездѣйствіи проводитъ знойный день; другой суетится, безустанно движется, чтобы поддержать теплоту въ тѣлѣ.

Даровитый человѣкъ стремится къ глубокому пониманію видимаго и невидимаго міра. Менѣе даровитый довольствуется безобразными, уродливо устроенными идолами. Первый обладаетъ природною ловкостью подмѣчать изящныя формы, второй умѣетъ вырубать только грубое и неуклюжее. Какъ гибокъ и звученъ языкъ грека, римлянина, какъ тяжолъ напротивъ языкъ тупоумнаго эскимоса! Какія отличныя способности имѣетъ первый для того, чтобы пони-

мать и цѣнить все благородное и изящное; какое ничтожное впечатлѣніе производитъ изящное на душу другаго!

Между такими-то и имъ подобными противоположностями движутся природныя способности, стремленія, потребности, представленія и познанія. Онѣ однородны у одного и того же племени, неоднородны у различныхъ племенъ. Природа, въ которой жили греки, являлась имъ изящною, совершенною, великолѣпною; на ней образовался ихъ вкусъ и чувство, на ней выработалась сила ихъ сужденія. И такъ какъ они имѣли предъ собою видимый міръ въ прелестныхъ очертаніяхъ, то представляли себѣ и невидимый міръ такимъ же, и если можно лучшимъ, благороднѣйшимъ, возвышеннѣйшимъ. Но много времени прошло, прежде чѣмъ они перешли изъ дѣтскаго возраста въ юношескій, потомъ въ мужескій, и начали самостоятельно изслѣдовать невидимое, божественное. Только немногіе изъ нихъ, особенно даровитые съумѣли отрѣшиться отъ всѣхъ чувственныхъ представленій и направить свою мысль на одно только невидимое, безтѣлесное. Тѣ, которые смогли дойти до такихъ отвлеченій, достигли глубокаго, удивленья достойнаго знанія.

И здѣсь, какъ и во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, проявляется послѣдовательное развитіе. Только мало по малу доходятъ люди до болѣе высокихъ и глубокихъ понятій. Начинаютъ они обыкновенно съ низшихъ ступеней. Бездушная природа начинаетъ мало по малу оживать для наблюдателя: грекъ наполняетъ весь свѣтъ богами и богинями и ихъ безсмертными слугами и вѣстниками. Потомъ постепенно приходитъ онъ къ познанію глубже лежащихъ, механически дѣйствующихъ причинъ вещей, разслѣдуетъ движеніе и покой, смѣшеніе и раздѣленіе, множество и единство, пространство и все, что наполняетъ его, великое и малое, появленіе и исчезновеніе, жизнь и смерть. Но едва успѣлъ онъ усвоить себѣ эти понятія въ соотношеніи ихъ съ видимыми предметами, какъ ужъ старается объяснить

законами тайны міроваго устройства, міроваго порядка, такими законами, которые неизмѣнны, дѣйствуютъ вѣчно, хотя человѣкъ и не могъ сказать, кто далъ эти законы міру. Уже на высшей ступени мышленія испытующій взоръ человѣка стремится въ безконечную даль, въ міръ духа. Но сколь омраченнымъ взоръ этотъ возвращается назадъ. Человѣкъ увидѣлъ много прежде непзвѣстнаго, умѣетъ обо всемъ этомъ разсказать, представленія его обогатились и разширились, знанія сдѣлались глубже. Но только въ видѣ предчувствія, гадательно, умъ человѣческій могъ понять первоначальный источникъ всей духовной жизни, описать его онъ не смогъ, а равно не съумѣлъ указать своихъ собственныхъ отношеній къ вѣчному существу. Это предчувствіе вызывало какое-то невѣдомое стремленіе, неудовлетворяемое желаніе и исканіе этой послѣдней причины, высшей и совершеннѣйшей. Когда угасалъ старый порядокъ вещей, чаяніе народовъ было исполнено событіемъ въ Виѳлеемѣ, гаданіе перешло въ очевидность. Открылась новая глубина знанія, новыя тайны явились для души. Но Тотъ, кто есть ключъ ко всѣмъ тайнамъ, своимъ вочеловѣченіемъ даетъ человѣческому уму совершеннѣйшее понятіе о міровомъ порядкѣ, который въ Немъ заключенъ былъ отъ начала міра. Тутъ была достигнута цѣль мышленія, изслѣдованія, философіи: тутъ мы узнали путь, истину и жизнь!

ПРОИСХОЖДЕНІЕ МІРА.

Океанъ есть начало всѣхъ вещей. Онъ есть всеобщая міровая граница, первобытный потокъ, обнимающій землю и небо, потокъ, который глубокимъ и могучимъ теченіемъ вращается въ самомъ себѣ, подобно змѣѣ и такимъ образомъ составляетъ границу всѣхъ вещей. Берега его и острова— жилище боговъ и блаженныхъ людей. Тамъ властвуетъ Океанъ, какъ древнѣйшій, но милостивый и привѣтливый водный старецъ, который живетъ на другой сторонѣ міра, и не принимаетъ участія въ мірскихъ тревогахъ. Его досточтимая супруга — Теоисъ, праматерь всего, на рукахъ которой возрасла царица неба Гера, бѣжавшая къ Теоидѣ, когда весь міръ возмущенъ былъ борьбою титановъ.

Отъ Океана произошли всѣ рѣки, ручьи и источники, равно какъ и море. Между этими сыновьями и дочерями Океана самыя замѣчательныя Стиксъ и Ахелой, старшая дочь и старшій сынъ, первая—образъ страшнаго неустройства и туманнаго мрака, изъ котораго произошли первые начатки жизни, второй образъ творческой жизни, какъ она распространяется изъ океана по землѣ тысячами рѣкъ и ручьевъ. Стиксъ живетъ на дальнемъ западѣ, гдѣ находится ночь и солнечный закатъ, вдали отъ всѣхъ боговъ, въ прекрасномъ домѣ, котораго серебряные столбы высятся въ небо и который находится между высокими скалами. Рѣдко заходитъ туда Прида, чтобы почерпнуть древней священной воды, особенно когда разгорится споръ между богами, который можетъ быть рѣшенъ неиначе какъ клятвою; и горе тому богу, который ложно клянется надъ этою водою! Се-

ребряные столбы дома суть ключи, бьющіе и низпадающіе съ крутаго возвышенія, у нижняго паденія которыхъ, тамъ, гдѣ воды собираются въ потокъ, живетъ сама богиня. Оттуда часть воды течетъ внизъ подъ землею въ глубокую ночь, наводящую ужасъ на боговъ, тогда какъ остальныя части серебряными струями идутъ по землѣ и морю. Ахелой есть первый и сильнѣйшій между всѣми рѣками, его почитаніе происходило главнымъ образомъ при додонскомъ оракулѣ; онъ есть чудный источникъ напитаннаго дождевыми каплями облака, изъ котораго богъ неба получалъ пищу въ юности.

* * *

Ночь и Тьма составляютъ основу всѣхъ вещей. Свѣтъ родился изъ мрака, Аполлонъ и Артемида дѣти мрачной Леты. Въ началѣ темное облако простиралось надъ водами; изъ него, при помощи небесныхъ силъ, родился первый лучъ свѣта и молнія. Эребосъ и Никсъ (ночь) первыя дѣти Хаоса; Эоиръ и Имера (день) произошли уже отъ первыхъ двухъ.

Эребосъ живетъ подъ землею, Ночь тамъ, гдѣ заходитъ солнце, въ мрачныхъ областяхъ смерти и всякихъ ужасовъ, гдѣ живутъ и Горгоны, а драконъ стережетъ садъ гесперидъ Тамъ же сидятъ въ тюрьмѣ подъ стражею Титаны; тамъ начала и концы всѣхъ вещей, моря, земли, неба, которыя здѣсь въ глубинѣ имѣютъ свои корни и отсюда растутъ. Тутъ стоитъ Атласъ и держитъ на плечахъ землю, отсюда выходятъ и сюда возвращаются ночь и день, только на лѣстницѣ мимоходомъ привѣтствуя другъ друга; тутъ живутъ Сонъ и Смерть, тутъ находится преисподняя (адъ) съ палатами Айдонея и Персефоны. Но около этихъ жилищъ боговъ мрака находятся также палаты боговъ свѣта,

Эоса (утренней Зари) и Геліоса (Солнца). Такъ-то тьма и свѣтъ, счастье и несчастье живутъ другъ около друга.

* * *

Изъ Хаоса, смѣшенія свѣта и тьмы, глубоко подъ землею зіяющей пропасти, все получило свой образъ. Хаосъ былъ въ началѣ, за нимъ появилась широкогрудая Земля, Тартаръ въ глубинѣ и Эросъ — прекраснѣйшій изъ боговъ. Надъ Тартаромъ, который больше всѣхъ близокъ къ Хаосу, распространилась первая твердь — Земля, изъ которой произошли Море и Небо, которыя началами и концами своими соприкасаются съ Землею и Тартаромъ. Земля, Гея, громадная и твердая, вѣчно неколебимое сѣдалище всѣхъ вещей, произвела Небо, украшенное искрящимися звѣздами, которое образуетъ для земли сводъ. Сводъ этотъ мѣдный, почему неизмѣненъ, жилище безсмертныхъ боговъ. Изъ земли возвысились горы и море, наполненное кипящими волнами, и неплодные соляные потоки.

Тогда уже началъ пробуждаться къ дѣятельности Эросъ, божескій естественный законъ произведенія, бытія. Онъ старѣйшій между богами и вмѣстѣ юнѣйшій; въ честь его совершался древнѣйшій культъ—Мистеріи. Онъ исполняетъ собою Эребоса и Ночь, и вотъ отъ нихъ раждается свѣтъ.

Потомъ онъ проникаетъ небо и землю своею творящею силою, и является въ міръ рядъ новыхъ существъ, титановъ, циклоповъ, гекатонхировъ.

Титаны появились въ числѣ 12, шесть мужескихъ лицъ и шесть женскихъ. *Океанъ* и *Тевида*, дѣти неба и земли; *Гиперіонъ*, носящійся въ высотахъ, и *Ѳейя*, великолѣпная, отъ которыхъ произошли солнце, луна и заря утренняя; *Крейосъ* и *Еврибія*, владычнія силы, которыхъ дѣти небесныя свѣтила Астрей, Палласъ и Персесъ; *Койосъ* и *Фоиба*,

родители Леты и Астеріи; *Кронось* и *Рея*, родители братьевъ Кронидовъ; *Ѳемида* и *Мнемозина*, двѣ благодѣтельныя богини, первая мать Горовъ, вторая мать Музъ.

Три Циклопа суть: *Бронтесъ*, *Стеропесъ* и *Аргесъ*, а три Гекатонхира (сторукихъ) *Коттосъ*, *Бріарей* и *Гіесъ* или Гигесъ. Первые представляютъ мрачныя силы въ глубинѣ земли, производящія землетрясенія; послѣдніе изображаютъ морскіе штормы на днѣ глубоко внутрь земли ушедшаго моря, равно какъ высокія волны, бьющія въ берегъ и отрывающія землю. Это—исполины, возставшіе даже противъ своего отца, почему послѣдній повергъ ихъ, какъ рожденныхъ изъ недръ земли, опять туда же. Но это дѣло не осталось безъ отмщенія: хитрый Кроносъ осилилъ Урана и получилъ господство надъ міромъ.

* * *

Кроносъ, что значитъ совершенный, довременный, принесъ на землю золотой вѣкъ, въ которомъ царствовала вѣчная зрѣлость и вѣчная жатва. Какъ богъ зрѣлости, назначающій всему время, онъ есть также демоническая сила времени, которое тихонько приходитъ, зрѣетъ, потомъ вдругъ спѣшитъ и улетаетъ. Онъ держитъ въ рукѣ серпъ, голова его закутана. Онъ ходитъ кривыми, извилистыми дорогами; онъ есть богъ изсушающаго солнечнаго жара, который положилъ конецъ проливнымъ дождямъ своего отца. Однако и онъ не могъ исполнить доставшейся ему задачи міроправленія, оттого приблизился и его конецъ. Онъ перезрѣлъ, но не обладалъ силою обновленія, способностью молодѣть; и вотъ онъ сдѣлался старикомъ, блѣднымъ, сухимъ, тощимъ, волосы на головѣ и борода посѣдѣли, онъ сгорбился, сдѣлался мрачнымъ и ворчаливымъ. Онъ пересталъ довѣрять своимъ дѣтямъ и пожиралъ ихъ, когда тѣ рождались. Только одинъ изъ нихъ, Зевесъ, избѣгнулъ такой

судьбы; онъ былъ младшимъ сыномъ, и мать подала отцу вмѣсто сына камень, закутанный какъ дитя, который онъ и поглотилъ. Зевеса она скрыла на Критѣ. Скоро онъ выросъ, заставилъ отца извергнуть поглощенныхъ имъ дѣтей, при чемъ помогла ему и мать. Вышелъ наконецъ и камень, который потомъ хранился въ Дельфахъ на память о бывшихъ событіяхъ. Потомъ Зевесъ освободилъ Циклоповъ изъ заключенія, они принесли ему молнію и началась борьба.

Страшный бой возгорѣлся между сторонниками Кроноса и приверженцами Зевеса. На послѣднихъ было больше и они побѣдили. Старый Океанъ добровольно призналъ власть Зевеса, его первородная дочь, Стиксъ, поспѣшила къ Зевесу съ своими дѣтьми и оставила ихъ у него навсегда; въ награду за то она сдѣлана высшею богинею клятвы. И Метисъ съ Еврином ою — Океаниды и Титаниды Ѳемида и Мнемозина, были на сторонѣ Зевеса, которому матерь, Земля, старая пророчица, дала совѣтъ пригласить въ свой союзъ Гекатонхировъ. Даже Прометей обратился къ Зевесу, узнавъ напередъ отъ своей матери Ѳемиды объ исходѣ битвы.

* * *

Зевесъ есть первый во всемъ и послѣдній, молніеносецъ,
Зевесъ есть глава и средина; изъ него все родилось.
Зевесъ есть корень земли и неба, звѣздами блестящаго.
Зевесъ есть властительный богъ, онъ подобенъ дѣвѣ безсмертной.
Зевесъ есть дыханье всего, Зевесъ есть очагъ неугасимаго пламени.
Зевесъ есть моря отецъ, Зевесъ есть солнца отецъ и луны.
Зевесъ есть владыка, Зевесъ вождь всего, молній метатель.

Все онъ объемлетъ, все снова ведетъ къ благодатному свѣту,
Премудрость и правда исходятъ изъ священнаго сердца его
и ума.

ОЛИМПІЙСКІЕ БОГИ.

Зевесъ, всѣмъ управляющій отецъ, богъ эѳира и земли, возсѣдитъ на престолѣ на вершинѣ горы, уходящей въ облака, недозримый для глазъ человѣка. Мы видимъ его только въ проявленіяхъ, чувствуемъ въ судьбѣ и случаяхъ нашей собственной жизни. Онъ посылаетъ людямъ счастье и несчастье, радость и горе, онъ каждому подаетъ то, что слѣдуетъ. Такъ-то онъ есть царь и отецъ, владыка и попечитель не только людей, но и боговъ.

Молнія и громъ, страшныя и разрушительныя явленія, бури и вѣтръ, очищающіе воздухъ, равно какъ и разрушительныя силы состоятъ въ его непосредственномъ распоряженіи. Онъ несется на орлѣ, символѣ его величія и силы, съ лучомъ молніи въ правой рукѣ; эту молнію готовъ онъ бросить во всякое время. Около него покоится страшная громовая стрѣла. Или въ другомъ видѣ: достоинство и милость, величіе и кротость начертаны въ чертахъ его лица; онъ сидитъ на тронѣ, со скипетромъ въ рукѣ. У ногъ его сидитъ орелъ, а на колѣнахъ лежитъ лучъ молніи. Небесное жилище его на вершинѣ Олимпа, на горѣ Піерейской, стоящей на границѣ Оессаліи и Македоніи. Тамъ онъ отдыхаетъ по возвращеніи изъ своихъ странствованій

по свѣту. Невидимо поддерживаетъ онъ на землѣ правду и справедливость. Никто не долженъ клясться съ мыслью, что Зевесъ его не услышитъ: Зевесъ Горкіасъ слышитъ всѣ клятвы, и горе тому, кто ложно клянется: онъ будетъ наказанъ. Никто не долженъ думать, что онъ не слышитъ моленія тѣхъ, которые взываютъ къ нему о защитѣ: Зевесъ Ксеніосъ печется о всѣхъ, которые просятъ его помощи. Кто находится въ опасности, въ нуждѣ, ктомужъ неповинно: Зевесъ Сотеръ, избавитель, знаетъ о немъ и поможетъ ему. Кто находится въ оковахъ, и нѣтъ человѣка, который бы спасъ его, освободилъ отъ узъ: Зевесъ Элевоеріосъ разрѣшитъ его узы и дастъ ему снова свободу.

Но и сила Зевеса не всемогуща, онъ знаетъ не все, что дѣлается и что должно случиться, онъ знаетъ не всѣ мысли боговъ и людей. И надъ нимъ царитъ Моира, судьба, мрачная, непостижимая. Никто не вѣдаетъ, что такое она, не знаетъ Зевесъ и прочіе боги. Но и они, и все что ни есть, послушны судьбѣ. Равно царство зла и смерти не состоитъ во власти Зевеса, но находится съ нимъ во враждѣ. Впрочемъ онъ умѣетъ держать ихъ въ границахъ, ибо смерть не властна надъ богами, а что они дѣлаютъ противъ воли Зевеса, того нельзя назвать зломъ въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно это понимаютъ люди. И все таки Зевесъ не можетъ повелѣвать этимъ царствомъ, оно мѣшается въ міроправленіе Зевеса и разрушаетъ то, что онъ создалъ.

Въ дворцѣ Зевеса вѣчный свѣтъ и вѣчная радость, почему высоковѣтвистые дубы и буки, поднимающіеся въ дальній эопръ, посвящены Зевесу. И такъ какъ онъ силенъ и могучъ, то въ жертву ему приносятъ сильнаго, широколобаго вола. Близость его опасна, она поражаетъ, уничтожаетъ; поэтому онъ приближается къ смертнымъ неиначе, какъ оставивши свой истинный образъ и принявши другой. Вѣчно ли его господство, никто не можетъ отвѣчать на это. Цѣлые эоны онъ царствуетъ, и многіе эоны будетъ

царствовать, онъ, никогда не старѣющій, вѣчно мужественно-юный. Но нѣтъ невозможнаго, что и его власть, подобно власти его отца, когда нибудь кончится.

* * *

Гера—супруга Зевеса и въ то же время его сестра; Кронось былъ отцомъ ихъ обоихъ. Она есть царица неба, дѣлящая власть съ своимъ супругомъ, однако она не можетъ повелѣвать безъ него. Она должна, подобно другимъ богамъ и людямъ, просить у Зевса, чего пожелаетъ. Если получитъ согласіе, у ней достанетъ силы привести въ исполненіе свою волю. Высокая ростомъ, благородная по стану и сложенію, Гера прекрасная жена, — величіе и прелесть блестятъ въ ея глазахъ, въ ея минахъ; величавою поступью идетъ она, внушая благоговѣніе. Бѣлизна ея рукъ, ея шеи можетъ соперничать съ чистотою слоновой кости. Блестящая діадема украшаетъ ея голову, великолѣпная одежда охватываетъ ея члены отъ плечъ до пятъ. Она держитъ скипетръ въ рукѣ, а павлинъ съ разноцвѣтнымъ хвостомъ, символъ звѣздами усѣяннаго неба, идетъ подлѣ нея. Когда она спускается съ Олимпа на землю, павлинья упряжь несетъ золотую колесницу царицы неба.

Какъ супруга отца боговъ и людей, она хранитъ святыню брака, она покровительница домашней, семейной жизни. Тогда какъ Зевесъ есть заступникъ героевъ, и находитъ наслажденіе въ битвахъ и въ мужскихъ упражненіяхъ, она любитъ больше всего домашній миръ, старается укрѣпить связь между супругами и отдалить всякое неустройство семейной жизни. Если встрѣтится такое нестроеніе, она вмѣшивается въ дѣла своего мужа, чтобы чрезъ него такъ или иначе возстановить миръ и счастіе въ домѣ. Почему изъ животныхъ, посвящаемыхъ ей въ жертву, вынимаютъ жолчь и закапываютъ ее у алтаря; это значитъ, что гнѣвъ не

долженъ разрушать счастіе дома, одна любовь должна царствовать между супругами, между родителями и дѣтьми, между родными.

Далеко идетъ по землѣ почитаніе Геры, да и можетъ ли быть иначе? И такъ какъ она, въ качествѣ покровительницы супружеской жизни, оберегаетъ основы семейства и государства, то ей воздавали почести, какъ покровительницѣ государства; такъ было въ Аргосѣ. Чтобы снискать ея благоволеніе, въ честь ея устроялись празднества, Гереи, на которыхъ верховная жрица богини въ дорогой колесницѣ, запряженной двумя бѣлыми волами, открывала торжественное шествіе. И Гера, подобно Зевесу, иногда посѣщаетъ землю, и разсыпая щедроты, является тамъ, куда ее подвинетъ любовь. *Горы*, богини временъ года, Геба, богиня юности, сопровождаютъ ее; Ирида, пустившая радугу, соединяющую небо и землю, есть вѣстница, исполняющая порученія царицы боговъ.

* * *

Посейдонъ изъ всѣхъ прочихъ боговъ единственный братъ Зевеса, сынъ Кроноса. Онъ повелитель рѣкъ и морей, источниковъ и ключей, богъ властвующій надъ всѣмъ водянымъ и текучимъ. Поэтому онъ несется по морю въ раковинной колесницѣ, запряженной морскими конями, окруженный богами морей, имѣющими рыбье тѣло, также дельфинами и прочими морскими чудовищами. Какъ знакъ своего царскаго достоинства, онъ держитъ трезубецъ, далеко разящій, которымъ онъ потрясаетъ небо и землю. Какъ только взмахнетъ онъ трезубцемъ, съ шумомъ и ревомъ поднимутся морскія волны, вѣтры, послушные Посейдону, вырываются изъ своихъ пещеръ и начинаютъ дуть, свирѣпѣетъ въ воздухѣ буря, она гонитъ облака по мрачному небу; облака сшибаются и разрѣшаются страшнымъ ливнемъ. Горе тогда море-

плавателямъ! Куда имъ бѣжать отъ ярости гнѣвнаго бога. Счастливъ тотъ, кому удастся достигнуть гавани, или сокрыть свой утлый челнъ у береговъ острова. Много судовъ погибаетъ въ недрахъ глубокаго моря, многія суда разбиваетъ буря о скалистые рифы, многія заноситъ на песчаную отмель.

Ему, моремъ препоясанному богу, посвящены всѣ острова, обуреваемые моремъ, всѣ берега, у которыхъ бушуютъ волны, всѣ гавани, въ которыхъ можно найти убѣжище. Надъ ними простертъ его спасительный трезубецъ. Безъ него, что такое была бы земля! Широкимъ морскимъ поясомъ онъ сдерживаетъ землю. Онъ питатель земли; онъ посылаетъ потоки рѣкъ по землѣ, чтобы орошать сухія поля, дать сѣмени пищу. Въ честь его устроивались чрезъ каждые два года истмійскія игры въ сосновой рощѣ, находящейся на коринѳскомъ Истмѣ; это былъ древнѣйшій, учрежденный іонянами праздникъ. Супруга его Амфитрида не имѣетъ участія во власти Посейдона.

* * *

Всѣ прочіе боги и богини суть дѣти Зевеса, поэтому подобны ему по существу, рождены и снабжены всѣмъ для господства, каждый въ своемъ кругу. Правда, они не могутъ ничего сдѣлать, если только Зевсъ не соблаговолитъ на ихъ желанія, онъ можетъ воспрепятствовать тому, что они хотятъ сдѣлать, даже уничтожить, что уже сдѣлано ими. И всѣ боги страшатся его гнѣва, поэтому обыкновенно спрашиваютъ его обо всемъ, упрашиваютъ; если они преступаютъ его волю, онъ ихъ останавливаетъ.

Паллада Аѳина—любимая дочь Зевеса, рожденная изъ его головы въ полномъ вооруженіи, съ копьемъ, въ блестящей бронѣ и сіяющемъ шлемѣ. Она есть богиня мудрости и войны, мира и битвъ. Она остается дѣвою, во взглядѣ ея величіе и кротость, ни предъ кѣмъ она не склоняется,

потому что исполнена мужествомъ рожденная для власти. Только предъ отцемъ она понижаетъ голову, когда въ немъ нуждается; она умѣетъ льстивою рѣчью склонить его на свою сторону, и онъ исполняетъ ея просьбы.

Какъ богиня мира она хлопочетъ и печется о всѣхъ искусствахъ и полезныхъ ремеслахъ. Какъ женщина, она особенно поощряетъ женскія занятія, пряжу, тканье, шитье. Но и всѣ остальныя ремесла требуютъ ея покровительства, почему она носитъ прозваніе Эргатисъ, прилежная къ работѣ. Подъ ея защитою процвѣтаютъ искусства, живопись и ваяніе, въ которыхъ отпечатлѣвается изящное и дѣлается понятнымъ для всѣхъ. И врачебное искусство, поддерживающее здоровье и красоту человѣческаго тѣла, посвящено Аѳинѣ.

Она часто рѣшаетъ судьбу войны, сообщая мудрость сражающимся героямъ, подаетъ имъ свои мудрые совѣты, учитъ ихъ одерживать побѣду не столько силою оружія, сколько умнымъ расчетомъ и хитростью. Часто она любитъ мѣшаться въ бой и стоитъ невидимо на той сторонѣ, которой намѣрена даровать побѣду.

Сова, символъ серьезной, раздумывающей мудрости, а изъ растеній масличное дерево, дающее плодъ, посвящены богинѣ. Въ особенности въ Аѳинахъ ей оказывали высокое почитаніе, всѣ учрежденія аѳинскаго государства были въ тѣсной связи съ культомъ этой богини. Она была представительницею аттическихъ общинъ, защитницею Аттики, покровительницею аѳинскаго государства. Блестящія празднества панаѳенеевъ совершались въ честь ея, тутъ приносили въ жертву воловъ, устроивали музыкальныя и гимнастическія упражненія.

* *
*

Аполлонъ, богъ наказующей и мстительной силы, былъ сыномъ Зевеса и Леты, дня и ночи. Онъ носитъ лукъ и

стрѣлу и мчится какъ разрушитель, что означаетъ и его имя. Мужи, погибающіе внезапною, скорою смертью, постигнуты его стрѣлами; своими стрѣлами онъ насылаетъ женщинамъ язву и другія страшныя болѣзни. Рожденный на Делосѣ, онъ остается въ вѣчноюношеской красотѣ, съ длинными развѣвающимися волосами и пріятными чертами лица, ему въ особенности принадлежитъ попеченіе объ юношахъ. Какъ Лоиша любимая дочь Зевеса, такъ Аполлонъ любимѣйшій сынъ его; онъ живетъ всегда въ согласіи съ отцомъ, потому что старается согласовать свою волю съ волею отца.

Впрочемъ онъ можетъ приносить людямъ не одни наказанія, несчастія, болѣзни, онъ можетъ и устранять эти несчастія, оберегать людей. Поэтому онъ защищаетъ и охраняетъ всѣхъ людей, они смотрятъ на него, какъ на исцѣляющаго и спасающаго бога; особенно милостивъ онъ къ пастухамъ. Онъ по преимуществу другъ пастушеской жизни, онъ радуется смотря на рѣзвыя, сытыя стада, онъ любитъ вступать въ сношенія съ пастухами на лугу, на окраинѣ лѣса, на спускѣ горы Тутъ онъ является богомъ стихотворства, пѣнія и струнной музыки. Его славитъ пѣсня пастуха, въ честь его раздается игра на цитрѣ, онъ внимательно слушаетъ пѣсни, ему посвященныя. Онъ воодушевляетъ поэтовъ, онъ даетъ имъ способность прозрѣвать будущее, потому что Аполлонъ есть богъ вѣщихъ рѣчей, богъ оракуловъ.

Дельфы —священное мѣсто Аполлона. Тамъ на высокой долинѣ въ ущельи стоялъ храмъ, среди пространнаго двора, обнесеннаго стѣною. Здѣсь отдѣльныя греческія государства имѣли общее казнохранилище. Въ самомъ храмѣ стояла золотая статуя Аполлона, кромѣ статуй Зевеса, Посейдона и мрачной богини судьбы. Въ самомъ глубокомъ мѣстѣ ущелья была пещера, изъ которой выходилъ холодный, удушливый воздухъ. Надъ пещерою стоялъ золотой треножникъ, обвитый лавромъ; на него сажали Пиѳію, когда она хотѣла про-

зрѣть въ будущее. Она приходила въ состояніе восторга и изступленія, и по звукамъ, произносимымъ ею, жрецы давали предсказанія. Такъ Аполлонъ разоблачалъ будущія дѣла людей.

Какъ вождь музъ, Аполлонъ является играющимъ на лютнѣ, или прислушивающимся къ пѣнію. Тогда онъ стоитъ съ головою, украшенною лавромъ, съ выраженіемъ сознанія своего достоинства, подобно бойцу послѣ жаркой битвы. Или онъ лежитъ распростертый, отдыхающій послѣ напряженія битвы; часто изображали его въ битвѣ, поражающимъ змѣя Пиѳона; но вездѣ его образъ полонъ юношеской красоты и нѣжности.

* * *

Артемида, двойничная сестра Аполлона, есть все поддерживающая, сохраняющая, чистая богиня. Она можетъ, подобно брату, посылать болѣзни и несчастія, но у ней много силы, она любитъ также благодѣтельствовать и исцѣлять. Она наноситъ раны, но также приноситъ укрощающій боль, цѣлебный бальзамъ. И она носитъ лукъ и стрѣлы, потому что она богиня охоты. Охотно странствуетъ она по тѣнистымъ рощамъ, въ сопровожденіи нимфъ, съ собаками и оленями. Ей посвящены лѣса, горы и рѣки. Чащи лѣсовъ оглашаются ея охотничьими воплями, но она защищаетъ дичь отъ преслѣдованія жестокихъ людей. Оставаясь дѣвою, она подруга всякой чистоты, столько же подруга прозрачнаго, чистаго ручья, сколько непорочной души. Она хранитъ поле, приносящее плоды, она блюдетъ миръ въ городѣ и въ деревнѣ и старается, гдѣ можетъ, возстановить разрушенное согласіе. Подруга земледѣльца, она принимаетъ подъ свою защиту его стадо и охраняетъ оное отъ хищныхъ звѣрей и болѣзней. Опытная въ метаніи копья и въ пусканіи стрѣлъ, она никогда не даетъ промаха, стрѣляя издали; она далекомещущая является вслѣдствіе сего и умерщвляющею богинею, живущею въ подземномъ царствѣ.

* * *

Аресъ и Гефестъ, сыновья Зевеса и Геры, властвуютъ одинъ надъ войною, другой надъ огнемъ.

Аресъ,—суровый мужъ, любящій битвы, крѣпкаго сложенія, съ сильными мускулами, дикій и бурный, страшный богъ. Онъ разжигаетъ гнѣвъ въ людяхъ и укрѣпляетъ ихъ мужество на войнѣ. Для этого онъ возбуждаетъ несогласія, злобу и зависть всякаго рода. Ему сопутствуетъ богиня раздоровъ Ерида, также Страхъ и Ужасъ. Подобно Аѳинѣ, онъ самъ принимаетъ участіе въ битвахъ, поселяя всюду раздраженіе и воспламеняя жажду крови. Поэтому онъ носитъ постоянно доспѣхи и оружіе, страшны его угрозы, еще страшнѣе приближеніе.

Болѣе мирнаго нрава Гефестъ хромоногій, котораго отецъ въ гнѣвѣ бросилъ съ неба на землю. Онъ искусный ковачъ металла, который онъ умѣетъ размягчать и искусно обдѣлывать. Онъ построилъ палаты богамъ, сдѣлалъ сосуды и всякую утварь, громовая стрѣла Зевеса—его произведеніе, равно щитъ Геркулеса, Ахилла, блестящая колесница бога солнца, Геліоса. Внутри земли, въ глубокихъ недрахъ горъ онъ имѣетъ свою мастерскую; тамъ Циклопы разводятъ огонь, такъ что дымъ, а подчасъ и пламя прорываются на вершинахъ горъ; они помогаютъ Гефесту плавить руду и ковать. Въ честь его, принесшаго съ неба благодѣтельное пламя, устроивались празднества, Гефестіи, въ которыхъ самымъ важнымъ актомъ было шествіе съ факелами.

Гермесъ—богъ мудрой рѣчи, и вообще мудрости, изобрѣтательности. Тутъ онъ учитель и защитникъ людей. Ему обязаны люди искусствомъ говорить, писать, считать; онъ научилъ ихъ звѣздочетству и обмѣну товаровъ. Какъ защитникъ сношеній и торговли, онъ особенно наблюдаетъ за

рынками, путями сообщеній, кораблями на морѣ, гаванями. Поэтому всюду видны его изображенія, Гермесовы столбы; во множествѣ стоятъ они въ городахъ и на улицахъ, по дорогамъ, соединяющимъ селенія и города. Онъ служитель боговъ, особенно Зевеса, какъ вѣстникъ онъ несется исполнять данныя ему порученія. Поэтому онъ статный, ловкій юноша, съ крыльями на головѣ и на ногахъ. Въ одной рукѣ онъ держитъ посохъ, обвитый змѣею, въ другой небольшой мѣшокъ. Но онъ охотно служитъ и людямъ, онъ сопутствуетъ имъ въ дорогѣ и издали охраняетъ отъ несчастія, печется объ отставшихъ.

Афродита олицетворяетъ красоту и нѣжность. Она рождена изъ морской пѣны; Хариты и сынъ ея, Эросъ, обыкновенно ей сопутствуютъ. Какъ супруга хромаго Гефеста, она покровительница семейства и домашней жизни. Она носила прозваніе небесной, Уранін, и пользовалась далеко распространеннымъ почитаніемъ, причемъ однако чувственныя удовольствія занимали первое мѣсто.

Гестія, сестра Зевеса, богиня очага, дома, товарищественности. Поэтому въ каждомъ домѣ есть посвященный ей алтарь, на которомъ горитъ въ честь ея неугасимый огонь. Преслѣдуемый и спасающійся у очага, или алтаря богини, не можетъ быть убитъ. Гестія богиня гостепріимства, убѣжища для тѣхъ, кто нуждается въ защитѣ. Еще шире идетъ кругъ ея почитанія: ей посвящены мѣста государственныхъ собраній и самый городъ. Благо гражданъ, благо государства поручены ея попеченію. Она поддерживаетъ согласіе и мысль объ общемъ благѣ, удаляетъ всякую вражду партій и старается распространять повсюду разсудительность и благонравіе.

ПОДЗЕМНЫЙ МИРЪ.

Далеко отъ Олимпа находится Гадесъ; первый находится высоко въ чистомъ эѳирѣ, который наполняетъ сводъ неба, второй глубоко въ недрахъ земли. Тамъ вѣчно свѣтло, здѣсь постоянные сумерки и мракъ; тамъ господствуетъ невозмутимая радость, здѣсь нерадостно, безутѣшно. Царство смерти есть въ то же время и царство Ночи, страшное, пустое, холодное; особенно страшно въ Тартарѣ, находящемся еще ниже Гадеса. Девять дней и девять ночей должна падать мѣдная наковальня, пока дойдетъ отъ неба до земли, и столько же времени, пока достигнетъ тартара. Тартаръ окружонъ мѣдною стѣною, обнесенъ тройнымъ слоемъ вѣчной ночи, а сверху видны растущіе корни земли и моря. Тамъ сидятъ связанные титаны, Посейдонъ заперъ мрачную бездну мѣдными воротами, а Зевесъ можетъ бросить въ страшную глубину каждаго противящагося ему бога.

Пока человѣкъ живетъ на землѣ, онъ пользуется защитою и любовью благодѣтельныхъ боговъ неба, которые дѣлятъ съ нимъ, хотя и особеннымъ высшимъ образомъ, радость и горе. Но когда онъ умираетъ и погребенъ, душа его должна отправиться на границу царства тѣней. Тамъ безмолвно поджидаетъ души Харонъ, старый перевозчикъ. Тутъ души сходятъ на его лодку, а онъ тихо везетъ ихъ чрезъ Ахеронъ. На другомъ берегу онѣ вступаютъ въ Гадесъ. Здѣсь ведетъ ихъ высшій судья смертныхъ Миносъ, и сообщаетъ имъ приговоръ. Тутъ то, по мнѣнію позднѣйшихъ грековъ, Миносъ указываетъ однимъ Элизій, гдѣ царствуютъ Плутонъ и Персефона, другимъ Тартаръ, окружон-

ный огненною рѣкою. Первые наслаждаются вѣчною весною, вторые, которымъ опредѣлилъ наказаніе судья Радамантъ, переходятъ во власть Эвменидъ, ужасныхъ мучительницъ.

Человѣческій глазъ не видалъ этихъ подземныхъ мѣстъ; такое понятіе о жизни посмертной составилось греческимъ мышленіемъ. Оно то и сказало греку, что по смерти должно быть различіе между добрыми и злыми, что тѣхъ и другихъ ждетъ различное, даже противоположное состояніе. Зевсъ не властенъ надъ подземнымъ міромъ, впрочемъ послѣдній не совершенно оторванъ отъ неба.

Дочь Деметры или Геи, одной изъ низшихъ богинь Олимпа, Персефона, разъ была съ морскими нимфами на нисейскомъ лугу. Дѣвушки беззаботно забавлялись веселыми играми, какъ вдругъ появился Плутонъ, богъ подземнаго міра, и увелъ съ собою Персефону, которую взялъ себѣ въ супруги. Деметра услышала горькую вѣсть о похищеніи ея дочери, она оставила Олимпъ, чтобы отыскать свою дочь и прибыла въ Элевзисъ. Здѣсь она служила неузнаваемою, неизвѣстною старухою въ царскомъ домѣ, рѣшась не возвращаться больше на небо. Но боги, не хотѣвшіе лишиться ея, порѣшили дѣло такъ, что Персефона въ хорошее время года, весною, должна жить на небѣ, зимою же съ богами подземнаго царства. Такимъ образомъ Деметра опять имѣла возможность наслаждаться обществомъ любимой дочери, и возвратилась примиренною въ Олимпъ.

Это было примиреніе между небомъ и землею, между царствомъ свѣта и царствомъ тьмы. Не можетъ существовать одно безъ другаго, взаимный обмѣнъ между ними долженъ существовать. Но это примиреніе неполное, несовершенное, потому что допускаетъ независимое господство темнаго царства. Только тогда оно будетъ полно, когда царство свѣта побѣдитъ тьму. Язычники не думали объ этомъ, имъ даже и въ мысль не могло придти, какъ могло бы совершиться это примиреніе. Уже христіанство рѣшило вѣчную побѣду свѣта надъ тьмою

и дало силу одержать эту побѣду всѣмъ тѣмъ, которые вѣрою соединятся съ сыномъ божіимъ, одержавшимъ побѣду надъ смертью.

ДРЕВНѢЙШІЕ МЫСЛИТЕЛИ.

Представленія о богахъ принадлежатъ древнѣйшему времени язычества, хотя онѣ развивались и разработывались и гораздо позднѣе. Это произведенія дѣтски простаго ума грековъ: дитяти нравятся пестрота и яркость образовъ, онъ не спрашиваетъ, къ чему и зачѣмъ эти многоразличные образы.

Но болѣе зрѣлый умъ юноши, и еще больше созрѣвшій умъ мужа не довольствуются созерцаніемъ этихъ туманныхъ образовъ. Тутъ выступаетъ вопросъ о происхожденіи бездушной природы, живущихъ существъ и вообще всего міра; душа ищетъ отвѣта на вопросы. Зевесъ и Гера, Посейдонъ и Амфитрида, Гефестъ, Аполлонъ, Гермесъ, Гестія и Афродита, что они такое, какъ не образы, которые служатъ для выраженія мысли представленія. Глубокая мысль скрывается въ этихъ именахъ.

Солнце восходитъ и заходитъ въ правильныхъ перемѣнахъ, оно освѣщаетъ день и даетъ мѣсто ночи, которая, связанная невидимыми узами съ днемъ, слѣдуетъ за нимъ и погружаетъ въ мракъ небо и землю. Зеленъ лѣсъ, поля благоухаютъ, развернулись цвѣты, журчатъ ручьи, море шумитъ и бьется о скалы. Горы поднимаются въ облака своими вершинами, широко стелятся плодородныя долины,

проходятъ по небу тучи и изъ своей груди источаютъ живительный дождь. Клубится въ вѣчномъ движеніи вода, неподвижно стоитъ скала, не двинется съ мѣста.

Что за незримая, таинственная сила въ повсемѣстномъ произрастеніи и возрастаніи? Что это за перемѣна, видимая въ происхожденіи всѣхъ вещей и уничтоженіи? И въ этихъ постоянныхъ смѣнахъ какъ много порядка, согласія! И среди этой безжизненной природы живой человѣкъ; разумное существо среди неразумныхъ твореній, но такъ-же какъ и послѣдніе подверженное тѣмъ же перемѣнамъ! Смерть уничтожаетъ жизнь, и все живущее умираетъ. Но изъ смерти снова является новая жизнь, и послѣ краткаго срока подвергается той же смерти.

На подобныхъ-то явленіяхъ остановились мысли человѣка; такія и подобныя имъ наблюденія пробудили въ душѣ человѣка живое желаніе узнать причины явленій, ихъ цѣль. Откуда все это? вотъ вопросъ, требующій отвѣта. Къ чему это пестрое разнообразіе, это множество вещей въ этомъ огромномъ цѣломъ,—въ мірѣ? Откуда и зачѣмъ этотъ приливъ и отливъ тысячъ красокъ и образовъ, это смѣшеніе и раздѣленіе, это разнообразіе и единство? Что составляетъ основу всѣхъ вещей? Находится ли эта основа въ нихъ самихъ, или есть причина внѣ ихъ, которая произвела всѣ вещи? Кто такой былъ произведшій все? Кто онъ, уничтожающій существованіе всего? Кто руководитъ происхожденіемъ вещей и существъ, кто укрѣпляетъ ихъ жизнь, кто заставляетъ ихъ опять изчезнуть?

Мужи, старавшіеся впервые дать отвѣтъ на такіе и подобные имъ вопросы, отвѣтъ, пріобрѣтенный напряженнымъ мышленіемъ и изслѣдованіемъ, назывались іонійскими философами. Оалесъ, Анаксимандръ, Анаксименъ, и Анаксагоръ были первыми глубокими мыслителями между греками. Во время послѣдняго царя аоинянъ Кодра, Іоніи принадлежала и мегарская область; Іонія простиралась отъ Суніона до

Истма. Нелей, сынъ Кодра, основалъ въ малой Азіи 12 іонійскихъ городовъ, изъ которыхъ главнымъ былъ Милетъ; всѣ эти города скоро достигли обширной торговли и высокаго образованія. Большая часть іонійскихъ философовъ по происхожденію своему принадлежитъ этимъ греческимъ колоніямъ.

Іонійскіе философы старались отыскать тотъ единственный элементъ, изъ котораго произошли всѣ видимыя вещи, всѣ живыя и бездушныя существа. Этотъ основный элементъ они представляли себѣ иначе, какъ тончайшею матерію, которую однако приходилось называть именемъ грубой, осязаемой матеріи. Но и у нихъ уже видна хотя слабая и неясная мысль о почти безтѣлесномъ, духовномъ началѣ всѣхъ вещей, о нераздѣльномъ, недѣлимомъ существѣ, которое выше всѣхъ прочихъ, потому что изъ него и чрезъ него все произошло. Подобно предчувствію дальнѣйшей истины, это воззрѣніе проникаетъ іонійскую философію и тѣмъ возводитъ ее изъ сферы простаго созерцанія природы въ царство мысли, въ которомъ эта философія и занимаетъ первую и низшую ступень.

* * *

Въ греческихъ сагахъ Орфею приписывали, будто бы онъ высказалъ ту мысль, что Океанъ есть отецъ всѣхъ вещей; то же утверждалъ Ѳалесъ, милезіецъ, (род. за 600 л. до Р. Х.) но уже не закрывая этой мысли образами. По его мнѣнію вода есть основаніе — начало всего, и все возвращается въ воду. Этимъ онъ хотѣлъ высказать ту мысль, что текучая стихія содержитъ въ себѣ зародышъ всѣхъ вещей; простое наблюденіе надъ природою, въ которой ничто не можетъ приняться, расти и развиваться безъ плодотворной влажности, должно было навести на такія мысли. Это текучее вещество являлось Ѳалесу не совсѣмъ видимымъ и

осязаемымъ; онъ доходилъ до такой мысли, что основою всѣхъ вещей называлъ нѣчто такое, что само ни отъ чего не произошло подобно всѣмъ прочимъ вещамъ, но собою все наполняетъ. Это существо создало свѣтъ, поэтому онъ прекраснѣе всего. И какъ міръ изящнѣе всего, такъ пространство больше всего, потому что оно все объемлетъ, мысль быстрѣе всего, потому что она всегда стремится дальше, время мудрѣе всего, потому что оно все открываетъ.

Если Ѳалесъ такимъ образомъ понималъ основную причину всѣхъ видимыхъ вещей, то Анаксимандръ, его другъ современникъ и единоземецъ, пытался точнѣе описать эту причину, это основаніе всѣхъ вещей. Онъ назвалъ оное «безконечнымъ», что однако не имѣетъ сходства ни съ воздухомъ, ни съ водою, и ни съ чѣмъ другимъ. Это безконечное, говорилъ онъ, гораздо тоньше воды, но гуще воздуха, и способно ко всякимъ превращеніямъ. Кромѣ того оно безгранично, и не имѣетъ начала, потому что будучи началомъ всего, оно все содержитъ и всѣмъ управляетъ; оно непреходяще и безсмертно.

Къ этимъ мыслямъ Анаксименъ, другъ и согражданинъ Анаксимандра, присоединилъ новый вопросъ: какимъ образомъ повсюду въ мірѣ видимое и невидимое соприкасаются другъ съ другомъ, проникаютъ одно другое? Онъ утверждалъ: безконечное, находящееся во всѣхъ вещахъ, есть воздухъ, потому что изъ него исходитъ все, и все возвращается въ воздухъ. Подобно тому, какъ невидимая душа человѣка наполняетъ и содержитъ его тѣло, или поддерживаетъ, такъ и воздухъ, невидимый, наполняетъ весь міръ.

Еще дальше и глубже вникалъ въ познаніе вещей и ихъ причинъ Анаксагоръ, клазоменянинъ (500 л. до Р. Х.). Онъ говорилъ, что всѣ видимыя вещи были отъ начала, въ безконечномъ числѣ и безконечно малыя. Онѣ всѣ были объяты воздухомъ и эѳиромъ, и изъ смѣшенія многихъ со-

ставились вещи въ томъ видѣ, какъ онѣ теперь существуютъ. Всѣ онѣ родственны другъ другу, потому что составныя части однихъ вещей находятся въ другихъ. Но выше ихъ былъ и есть Разумъ, безконечный, владыка въ самомъ себѣ, не смѣшивающійся съ вещами, но отдѣльный отъ нихъ. Онъ тончайшій, чистѣйшій всего, владѣетъ знаніемъ всего и великою силою. Поэтому онъ и есть творецъ всего. Что же дѣлаетъ онъ, чтобы произвести цѣлый міръ вещей изъ маленькихъ, безконечныхъ частичекъ? Онъ приводитъ всѣ эти части въ движеніе, въ броженіе; отъ этого соединялось то, что было однородно, разнородное же отдѣлялось другъ отъ друга; такъ отдѣлялись тонкое и густое, холодное и теплое, свѣтлое и темное, текучее и сухое. А разумъ, совершенно однородный въ самомъ себѣ, не имѣетъ равнаго себѣ. Онъ есть и будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ отъ начала, онъ властвуетъ надъ всѣмъ, все приводитъ въ порядокъ.

Такъ эти три мужа, мало помалу дошли до той истины, что кромѣ всѣхъ видимыхъ вещей, которыя перемѣнчивы и преходящи, есть еще нѣчто невидимое, духовное, которое не имѣетъ себѣ равнаго, но существенно отличается отъ всего прочаго. Но имъ недоставало познанія этого духовнаго, какъ духа, они не могли обнять личнаго существа этого духа. Онъ имъ понятенъ былъ только по проявленіямъ въ мірѣ, но самого его они не могли уразумѣть. Да и кто могъ! Никто не знаетъ божьяго Духа, кромѣ того, кому этотъ Духъ самъ откроетъ себя.

* * *

Подобный же взглядъ на природу и ея причины находимъ мы у втораго ряда философовъ, которыхъ причисляютъ также къ іонійской школѣ, хотя они по своему происхожденію не всѣ были іонійцы. Мы разумѣемъ здѣсь Діогена аполлонійскаго, Гераклита и Empедокла.

Діогенъ изъ Аполоніи на Критѣ, современникъ Анаксагора, думалъ, что во всемъ существующемъ есть нѣчто однородное, иначе одно изъ другаго не могло бы возникнуть, напр. растеніе не могло бы корениться въ землѣ и изъ нея расти. Но то, что лежитъ въ основѣ всего и отъ всего отлично, то—могуче, вѣчно и безсмертно, и это есть воздухъ. Онъ обладаетъ всеустрояющимъ смысломъ, онъ властвуетъ надъ всѣмъ и всему даетъ надлежащую мѣру; онъ производитъ зиму и лѣто, день и ночь, дождь, вѣтръ и солнечный свѣтъ. Человѣкъ и прочія дышащія существа живутъ воздухомъ, отъ него получаютъ они душу и способность познаванія; если лишить ихъ воздуха, они умираютъ и прекращается способность познанія. Даже самая душа живущихъ существъ есть воздухъ, болѣе теплый, чѣмъ внѣшній воздухъ, окружающій насъ, а у различныхъ живущихъ существъ степень теплоты различна, а потому различны и души. Сколько различія въ воздухѣ, столько же разнообразія и въ вещахъ.

Въ противоположность этому нѣсколько поверхностному взгляду на духовную сущность предметовъ, которую Діогенъ слишкомъ тѣсно соединилъ со всѣмъ вещественнымъ, такъ что она будто бы не можетъ и существовать безъ видимыхъ тѣлъ, выступаютъ глубокія мысли Гераклита. Онъ говоритъ: все находится въ теченіи (въ движеніи), ничто не стоитъ. Какъ не льзя повториться теченію прошедшей предъ нами рѣки, потому что вода, только что текшая предъ нами, чрезъ нѣсколько времени, далеко ушла отъ насъ, такъ и все существующее находится въ постоянномъ теченіи. Оно постоянно измѣняется; соприкасаясь съ другимъ, смѣшивается съ нимъ, потомъ снова отдѣляется. Поэтому можно сказать: все существуетъ и не существуетъ; потому что будучи однимъ, тутъ же начинаетъ дѣлаться другимъ. Между этими постоянно измѣняющимися, постоянно движущимися вещами есть впрочемъ одно, что всегда въ нихъ остается,

Но и это одно остающееся имѣетъ движеніе въ самомъ себѣ, оно раздѣляется и снова соединяется. Поэтому борьба есть мать всѣхъ вещей.

Это одно, движущееся въ самомъ себѣ, но не подвергающееся перемѣнамъ происхожденія и исчезновенія, есть по Гераклиту огонь. Подъ огнемъ впрочемъ онъ разумѣетъ не трескучее пламя, это, по его мнѣнію, излишняя мѣра огня. Огонь, о которомъ онъ говоритъ, сухое испареніе. Но не изъ этого испаренія произошолъ міръ, равно никто изъ боговъ и людей его не творилъ; міръ самъ есть вѣчно живущій огонь, который возгарается и погасаетъ, чтобы снова возгорѣться. Это превращеніе огня совершается по извѣстному закону или порядку, по извѣстному времеопредѣленію, по необходимому закону. Такъ является изъ жизни смерть, изъ смерти снова жизнь, и на этомъ основана гармонія міровъ.

Между этими противоположностями появленія и исчезанія движется все въ мірѣ, и человѣческая душа, которая изъ состоянія бодрствованія переходитъ въ состояніе сна, а отъ сна опять къ бодрствованію, отъ жизни къ смерти, и отъ смерти опять къ жизни. Только въ жизни и бодрствованіи она обладаетъ способностью познаванія, а не въ снѣ и смерти. Но она связана съ орудіями своихъ мыслей, глазомъ и ухомъ, хотя орудія эти несовершенныя средства познанія, онѣ не даютъ ей вѣрнаго пониманія. Истинно только то, что всѣмъ людямъ обще, что является всѣмъ въ томъ же видѣ, (такова напр. жизнь, которою всѣ *вообще* обладаютъ). Кто подчинится этому общему, тотъ достигнетъ покоя, будетъ умиротворенъ ; а кто хочетъ быть чѣмъ нибудь самъ по себѣ и знать что нибудь для себя, тотъ заслуживаетъ наказанія, ибо онъ разрушаетъ гармонію цѣлаго.

Поэтому гармонія основывается не на жизни и знаніяхъ отдѣльныхъ лицъ, равно какъ не на сущности отдѣльныхъ вещей. Есть общій разумъ, судьба, въ которой имѣютъ

свою долю и боги и люди, первые какъ безсмертные люди, вторые какъ смертные боги. Судьбѣ подвластны и тѣ и другіе, она есть всеустрояющая, всѣмъ управляющая сила.

И Эмпедоклъ (440 л. до Р. Х.) имѣлъ подобныя же представленія, и онъ говорилъ о мірѣ: «онъ былъ всегда». Но въ то время, какъ Гераклитъ борьбу противоположностей между видимымъ и невидимымъ, происхожденіемъ и исчезаніемъ, разрѣшаетъ въ міровую гармонію, Эмпедоклъ болѣе выводитъ ихъ одно изъ другаго. Въ сферѣ, шарѣ, говорилъ онъ, лежали четыре корня всего: блестящій Зевесъ, огонь; питающая Гера, воздухъ; потомъ Нестисъ, вода, и Эдоней, земля. Они были первоначально отдѣльны, не въ смѣшеніи, покоились въ сферѣ другъ подлѣ друга, проникнутые любовью. Но извнѣ въ сферу проникнулъ Споръ (борьба) и привелъ все въ движеніе. Приведенныя въ движеніе двѣ силы спора и любви оказали свое дѣйствіе на четыре корня вещей, или четыре элемента. Сила спора проявилась особенно надъ огнемъ, эта сила была раздѣляющая, раскалывающая; надъ водою же проявилась соединяющая, растаивающая сила любви. Эти противоположности остаются и повторяются во всѣхъ вещахъ; въ нихъ все двусоставное, двувидное и раздѣльное. Но отдѣльное стремится къ смѣшенію, оно близится, достигаетъ смѣшенія, а потомъ смерть опять разлагаетъ соединенное.

Такого рода воззрѣніями все таки не могъ быть разрѣшонъ вопросъ о происхожденіи вещей. Но взглядъ испытующихъ мужей направлялся все болѣе отъ видимаго міра къ невидимому. Конечно, изслѣдователи оставались при понятіяхъ весьма неясныхъ объ отношеніи вещей и духа, души и тѣла. Но они достигли уже до познанія предстоящихъ противорѣчій, и такъ рѣшительно высказались, что даже признали противоположность или борьбу основою вещей. Но не въ борьбѣ нужно искать источникъ всякаго бытія, а въ любви, которая будучи безъ противорѣчій, объединяетъ всѣ

силы, противудѣйствующія другъ другу. Такою же любовью можетъ быть только божеская Любовь, вѣчно бьющій источникъ жизни, и доставляющій всѣмъ, почерпающимъ изъ него ту воду, которая вполнѣ утоляетъ жажду людей.

ПИѲАГОРЪ.

Между всѣми мыслителями древности Пиѳагору принадлежитъ высокое мѣсто. Онъ былъ сынъ рѣзчика на камнѣ и происходилъ изъ Самоса, который тогда былъ въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ со всѣми народами, и особенно съ египтянами. Поэтому Пиѳагору нетрудно было совершить большія путешествія въ Малую Азію, Финикію и Египетъ. Въ послѣдней землѣ онъ ознакомился съ тайнами жрецовъ, даже былъ принятъ въ ихъ касту. Съ богатымъ запасомъ знаній возвратился онъ въ Самосъ послѣ долговременнаго отсутствія. Но здѣсь происходила междоусобная война, почему Пиѳагоръ оставилъ опять островъ и отправился сначала въ Элладу, а потомъ въ великую Грецію въ южной Италіи. Онъ поселился въ Кротонѣ и основалъ Пиѳагорейское общество. По внѣшности онъ былъ строенъ и полонъ достоинства, носилъ бѣлое льняное платье по образцу жрецовъ, жилъ очень скромно, питаясь хлѣбомъ, медомъ и водою. Правила, которыя онъ предписывалъ всѣмъ, принадлежавшимъ къ его обществу, были очень строги и требовали большаго самонаблюденія и самопожертвованія. Значеніе основателя союза такъ велико было между членами союза,

что выраженіе: «онъ сказалъ это,» давало дѣлу видъ неоспоримой истины.

Въ чемъ же заключалась та увлекающая сила, которою этотъ мужъ умѣлъ привязать учениковъ къ своей личности и къ своему ученію? Съ одной стороны въ томъ, что въ общество свое онъ принималъ только мужей и женщинъ, обладающихъ силою характера и самопожертвованія; съ другой въ томъ, что Пиоагоръ обладалъ глубиною мудрости, съ виду сухой и холодной, на дѣлѣ полной высокаго смысла.

Пиоагоръ нашолъ таинственныя сочетанія въ числахъ, и рѣшился представить въ нихъ чувственное выраженіе всего вышечувственнаго. Его философія была ученіемъ о числахъ, объясненіемъ явленій и видимыхъ вещей по чуднымъ, имѣющимъ внутренній смыслъ, числовымъ сочетаніямъ. Міръ былъ для него гармонически устроеннымъ цѣлымъ, столько же единствомъ, сколько и множественностью. Глазу онъ является разнообразнымъ множествомъ, но происхожденіемъ своимъ обязанъ единству, которое есть основа всѣхъ вещей. Это единство тотчасъ же раскрывается въ двухъ направленіяхъ, можетъ быть познано изъ сопоставленія этихъ двухъ противоположныхъ направленій, именно какъ ограниченное и неограниченное, прямое и непрямое, одно и многое, правое и лѣвое, мужеское и женское, покоющееся и движущееся, прямолинейное и кривое, свѣтлое и темное, доброе и злое, квадратъ и неравносторонній многоугольникъ. Такъ онъ описывалъ первообразъ, лежащій въ основѣ всѣхъ разнообразныхъ видовъ и формъ вещей, равно какъ и невидимую причину видимыхъ явленій.

Испытующій духъ его слѣдилъ за сказанными основными воззрѣніями въ ихъ различныхъ направленіяхъ, чтобы такимъ образомъ достигнуть познанія вещественнаго міра, равно какъ духовныхъ существъ и нравственныхъ задачъ этихъ послѣднихъ. Этимъ онъ проложилъ путь раздѣленію

философіи на многія науки; у него находятся первые слѣды отдѣльнаго ученія о природѣ и о морали, физикѣ и этикѣ.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе ограниченнаго въ противоположность неограниченному, повело его къ глубокому уразумѣнію всего того, что существуетъ внѣ земныхъ границъ пространства и времени, къ познанію вещей вышечувственныхъ. Свѣтлое и темное, мужеское и женское, одно и многое вели къ изслѣдованію природы, гдѣ эти противоположности проявляются въ перемѣнѣ дня и ночи, въ растительныхъ и животныхъ полахъ. Противоположности добраго и злаго вели къ изслѣдованію нравственныхъ законовъ, къ прочной постановкѣ обязанностей, къ размышленію о жизни и смерти.

Но между этими противоположностями онъ принималъ еще третье, составляющее переходъ отъ одного къ другому, что онъ называлъ срединнымъ. Поэтому онъ старался отыскать всюду основную характеристическую черту—тройственность, которая подчиняется высшему единству. Кому неизвѣстна такъ называемая Пивагорова теорема? Квадратъ гипотенузы есть единство, одно; прямоугольный трехъугольникъ — средина, среднее, къ которому примыкаетъ противоположное единству — два или квадраты обоихъ катетовъ. Такимъ же образомъ выводится, что единство и противоположная ему двойственность производятъ три, или что прямое ограничивается непрямымъ. Одинъ присоединенный къ тремъ даетъ четыре, т. е. квадратъ отъ двухъ; четыре приложенное къ пяти, нечетному числу, ближайшему къ тремъ, даютъ девять, или квадратъ изъ трехъ, девять приложенные къ семи, нечетному числу, слѣдующему за пятью, даетъ шестнадцать, то есть квадратъ изъ четырехъ: если такимъ образомъ прилагать неравныя или нечетныя числа, въ ихъ естественной послѣдовательности отъ перваго квадратнаго числа (4), къ каждому послѣдующему квадратному числу, то произойдетъ естественный рядъ всѣхъ квадратовъ. Въ этомъ доказательство того, что прямое ограничивается непрямымъ.

Съ открытіемъ значенія трехъ и одного сдѣланъ былъ шагъ къ дальнѣйшимъ выводамъ, полнымъ значенія. Одинъ состоитъ изъ четнаго и нечетнаго,—какъ первое, основное число оно есть четное, но прибавленное къ другому четному, оно дѣлаетъ его нечетнымъ, равно какъ и наоборотъ прибавленное къ четному дѣлаетъ его нечетнымъ. Поэтому одинъ имѣетъ долю природы четнаго и нечетнаго числа. Такимъ образомъ оно образуетъ для того и другаго высшее единство. Но міръ, это многовидное и разнообразное собраніе вещей, сумма всѣхъ вещей, опредѣляется числомъ три, исчерпывающимъ начало, средину и конецъ. Они находятся во всемъ, что существуетъ, значитъ три есть выраженіе міроваго цѣлаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждой отдѣльной вещи.

Теперь, какъ три вышло изъ одного путемъ естественной послѣдовательности, такъ одинъ прибавляется теперь къ тремъ, чтобы продолжать далѣе послѣдовательность: изъ трехъ и одного выходитъ четыре. Въ этомъ смыслѣ четыре означаютъ основу міра и самый міръ, вѣчно творящее и сотворенное, источникъ вѣчно жизнью текучей природы. Удивительно, въ этихъ первыхъ четырехъ числахъ находится объясненіе таинства всѣхъ числовыхъ сочетаній, потому что одинъ, два, три и четыре вмѣстѣ даютъ десять, совершеннѣйшее число, на которомъ прерывается послѣдовательное развитіе, чтобы снова возвратиться къ единицѣ. Въ тайнѣ десяти выражается гармонія міроваго цѣлаго, —то созвучіе, въ которомъ находятся видимое и невидимое, природа и духъ, тѣло и душа. Эта гармонія покоится на стройной основѣ міроваго цѣлаго, чрезъ которое проходятъ три сочетанія (аккорда), выраженныя въ первыхъ четырехъ числахъ.

Такимъ образомъ указана символика въ числахъ, и кто можетъ сказать, что эта символика сообщена только числамъ? Но какъ бы то ни было, только тому, кто подобными

глазами смотритъ на сочетаніе чиселъ и берется объяснять ихъ какъ знаки творящихъ, устрояющихъ силъ міра, только тому легко все является съ свойствомъ числа, будутъ ли то предметы вещественные или духовные, видимые или невидимые. Пиоагоръ, опираясь на этомъ базисѣ таинственной символики чиселъ, не видѣлъ границъ смыслу чиселъ, и старался всюду преслѣдовать однажды твердо поставленную истину. Въ области геометріи для него единицею была точка, двумя — линія, тремя—плоскость, четырьмя—тѣло; въ области музыки эти числа обозначали основные тоны; въ области морали находилъ онъ въ двухъ — представленіе, въ трехъ — бракъ, въ четырехъ—справедливость, въ шести—жизнь, въ семи — умъ, въ осьми любовь и т. д. Гдѣ жъ тутъ искать границы? Какое сложное сопоставленіе понятій было возможно для того, кто разъ началъ дѣло подобнымъ образомъ!

Такъ Пиоагоръ, размышляя о порядкѣ, существующемъ во вселенной и о законахъ этого порядка, нашолъ смыслъ онаго въ численныхъ сочетаніяхъ, въ прочной основѣ, постоянно повторяющейся, все гармонически связующей. И этой основы онъ искалъ не какъ мертвой схемы, не для того чтобы установить сухую систему, но старался ввести въ жизнь эту основу. На этомъ основаніи составлены были правила, точнаго исполненія которыхъ онъ требовалъ отъ своихъ послѣдователей, равно какъ и правила, на которыхъ онъ думалъ создать государственное устройство. Что истинно само въ себѣ и доказано, то должно войти въ дѣйствительную жизнь. Высочайшимъ благомъ было совершеннѣйшее знаніе чиселъ, добродѣтелью — безусловное подчиненіе гармоніи во вселенной, что достигается только борьбою.

МЫШЛЕНІЕ ЭЛЕАТОВЪ.

1., Ксенофанъ, Парменидъ, Мелиссъ.

Пиоагоръ пересадилъ греческую философію въ нижнюю Италію. Тамъ размножились греческія колоніи, и между ними особенно замѣчательна была основанная фокейцами Велія или Элея, мѣсто дальнѣйшихъ изслѣдованій о происхожденіи міра. Тутъ не довольствовались болѣе убѣжденіемъ въ существованіи одной, лежащей въ основаніи всего причины, которая не отличается существенно отъ видимыхъ вещей. Мышленіе элеатовъ устремилось къ тому, чтобы понять и описать эту основу всѣхъ вещей, которая не имѣетъ въ мірѣ ничего себѣ подобнаго, отъ всего отлична, едина, безсмертна, божественна.

Ксенофанъ изъ Колофона, изгнанный изъ своего отечества, (540 г. до Р. Х.) представилъ свои мысли въ стихотворной формѣ, по примѣру древнихъ такъ называемыхъ рапсодовъ.

Одинъ лишь есть богъ, высшій боговъ и людей,
Непохожій на смертныхъ ни видомъ, ни разумомъ.
Но для смертныхъ боги рожденными кажутся,
Имѣющими нашу одежду, и голосъ, и видъ.

Проникнутый убѣжденіемъ, что о божествѣ должно мыслить болѣе совершеннымъ образомъ, онъ возстаетъ противъ обольщенія тѣмъ, будто боги Гомера и Гезіода дѣйствительныя существа. Кто можетъ взяться опредѣлить божество?

Никто не видалъ Чистѣйшаго и никогда не увидитъ,
Хоть и знаетъ кой-что о богахъ и о всемъ, что я говорю.
Быть можетъ нашолъ кто нибудь на словахъ всесовершенное,
Совершенство жъ само онъ не знаетъ; заражены же мы всѣ легкомыслiемъ.

Поэтому Ксенофанъ оспориваетъ ученіе, по которому божество подобно человѣку, оно скорѣе похоже на шаръ, который для него былъ бы наисовершеннѣйшею формою. У божества нѣтъ дыханія, но оно можетъ слышать и видѣть, не глазами и ушами, а разумомъ, такъ какъ оно по преимуществу есть разумъ.

Гораздо выше поднялся въ ученіи о причинѣ всего ученикъ Ксенофана Парменидъ, родившійся въ Элеѣ; главною заботой его было вести своихъ послѣдователей къ строго нравственной жизни. И онъ излагалъ свои мысли въ стихотворной формѣ.

Огненные кони (желанія и страсти), говоритъ онъ, навели его на путь размышленій о божествѣ, которое есть источникъ всеосвѣщающаго свѣта. Дѣвы (чувства) были руководительницами, а свѣтоносныя дѣвы (глаза) разгоняли тьму. Такъ пришолъ онъ къ вратамъ дня и ночи, которыя стережетъ Дике (разумъ). Онъ прошолъ ворота и предсталъ предъ богинею. Она приняла его благосклонно и сказала: «Чтобы ты все испыталъ, я покажу тебѣ никогда не колеблющуюся мысль всеубѣдительной истины, равно и мнѣнія смертныхъ, которыя впрочемъ не заслуживаютъ полной вѣры. Теперь ты оставь свой путь изслѣдованія, не довѣряйся безцѣльно смотрящему глазу, слушающему уху и звенящему языку. Испытай твоимъ разумомъ многоправдивую истину, которую я тебѣ выскажу, потомъ рѣшай. Есть два пути, на которыхъ возможно для смертнаго изслѣдованіе: одинъ есть путь убѣжденія, на немъ ты найдешь ис-

тину, которая тебѣ скажетъ, что дѣйствительно есть, что остается навсегда. Но избѣгай другаго пути, на которомъ многіе стараются познать что нибудь; здѣсь никто не можетъ вѣрнымъ путемъ идти къ цѣли».

Достигши такимъ образомъ до познанія Единаго, неизмѣняющагося, онъ описалъ оное какъ нерожденное, непреходящее, единичное, недвижущееся и безконечное. Не было времени, когда бы его не было, и не будетъ, потому что оно есть въ самомъ себѣ совершеннѣйшее единство. Оно есть причина всѣхъ вещей; будучи безъ начала и конца, оно покоится въ самомъ себѣ и не нуждается ни въ какой другой причинѣ. Поэтому оно не имѣетъ вида, оно есть чистая мысль, но мысль все объемлющая, все содержащая; оно есть крайняя граница всего, и равно по всѣмъ направленіямъ, поэтому подобно совершеннѣйшему шару (въ образномъ смыслѣ).

Въ подобныхъ же выраженіяхъ, хотя не съ такимъ одушевленіемъ, высказался Мелиссъ изъ Самоса (444 г. до Р. Х.), ученикъ Парменида. Онъ утверждалъ, что о богахъ нельзя ничего знать, потому что никто не можетъ ихъ постигнуть. Но что истинно, то и вѣчно; а потому произошло ли истинное, или не произошло, во всякомъ случаѣ оно явилось изъ ничего. Это ничто есть основа единаго, которое изъ него произошло; всѣ остальныя вещи произошли изъ единаго. Единое само по себѣ есть вѣчно, неограниченно и безконечно; поэтому оно есть все. Совершенно равное самому себѣ, само для себя мѣра,—оно неподвижно. Потому что если бы оно было движимо, то должно бы перейти во все, или въ пустоту; но переходъ во все невозможенъ, потому что оно уже полно, и въ пустоту также, потому что ея нѣтъ. Поэтому единое остается, какъ и всегда было, безъ печали, безъ чувствованія, здраво и неизмѣнно, безъ всякаго смѣшенія.

2. Зенонъ.

Въ попыткахъ къ опредѣленію высочайшаго, божества, основной причины всякой духовной жизни, достигъ наяснѣйшаго знанія Зенонъ изъ Элеи, ученикъ Парменида, усыновленный имъ (460 г. до Р. Х.). Ему приписываютъ изобрѣтеніе науки діалектики, которая не о томъ старается, чтобы, какъ философія, найти истину, но подвергаетъ изслѣдованію и анализу уже пріобрѣтенныя знанія, чтобы въ нихъ отдѣлить истинное отъ ложнаго. Такъ онъ подвергнулъ тщательному изслѣдованію то, что до него было измыслено и высказано объ основѣ вещей и о самыхъ вещахъ; онъ дошолъ въ своихъ изслѣдованіяхъ до новыхъ, поразительныхъ результатовъ. Онъ говорилъ:

Единое — источникъ всего дѣйствительно существуетъ, такъ утверждаютъ. Но если что нибудь есть, то оно произошло или изъ чего нибудь однороднаго, или изъ неоднороднаго. — Въ обоихъ случаяхъ произойдетъ не что нибудь другое, а то, что уже было. Иначе потребовалось бы, чтобы слабое въ состояніи было произвести сильное, худшее лучшее, или наоборотъ лучшее—худшее, сильное слабое. Такъ какъ это невозможно, то единое не произошло, но существуетъ вѣчно, безъ начала.

Кромѣ того оно есть единственное, неимѣющее себѣ подобнаго, потому что оно есть превосходнѣйшее всего, не только по сравненію съ чѣмъ нибудь другимъ, ему подобнымъ, но безотносительно. Если бы можно было сравнивать оное съ чѣмъ нибудь другимъ, то оно должно бы быть однородно съ нимъ, такимъ образомъ не единственное, но совершеннѣйшее изъ многаго. Но такъ какъ оно владычествуетъ надъ всѣмъ, а властитель необходимо долженъ превосходить все, что ему подчинено, самъ же не можетъ

быть превзойденъ, то и является единое, божество, единичнымъ или единственнымъ.

Теперь ты спросишь: какъ существуетъ это божество, о которомъ Зенонъ говоритъ, что оно не произошло, но вѣчно и единично, и вотъ онъ отвѣтитъ тебѣ: оно совершенно однородно, владѣетъ всѣми чувствами въ высочайшей степени. А что однородно вполнѣ, то шарообразно, потому что шаръ есть совершеннѣйшая форма. Потому то и божество, вѣчное, единичное, шарообразно,—значитъ не безконечно, не безгранично. Потому что только несуществующее не имѣетъ ни начала, ни средины, ни конца; только несуществующее можетъ быть безграничнымъ: все остальное имѣетъ свои границы. И божество не имѣетъ внѣ себя никакого ограниченія, но въ себѣ самомъ имѣетъ свою мѣру, равно какъ границы. На томъ же основаніи оно не имѣетъ никакого движенія: потому что гдѣ есть движеніе, тамъ должно быть множество, а божество есть единично. Но оно и не покоится, потому что неподвижно только то, что не существуетъ. Божество имѣетъ движеніе, но это движеніе происходитъ въ немъ самомъ.

Отрицая одно простое существованіе божества, Зенонъ напротивъ говорилъ, что оно вѣчно, единично, ограничено самимъ собою и въ самомъ себѣ движется, само себѣ есть мѣра; онъ считаетъ шаръ ближе всего выражающимъ сущность божества. Такимъ образомъ онъ подвинулъ далѣе познаніе невидимаго. Онъ не признаетъ въ божествѣ свойствъ, заимствованныхъ изъ вещей видимаго міра и опредѣляетъ единое, вѣчное какъ совершеннѣйшее существо, носящее въ себѣ самомъ всю полноту жизни. Но Зенону удалось лучше опредѣлить, что такое не богъ, чѣмъ сказать, что такое богъ; и онъ въ концѣ концовъ пришолъ къ сравненію божества съ шаромъ. Въ этомъ пунктѣ онъ подобно прочимъ элеатамъ остановился предъ неразрѣшимою тайною.

Зенонъ подвергнулъ также строгому изслѣдованію то, что до сихъ поръ было говорено о видимыхъ вещахъ.

Вещей въ мірѣ существуетъ въ силу необходимости столь много, сколько ихъ дѣйствительно есть, ни больше, ни меньше; но изъ нихъ какая нибудь одна есть послѣдняя, то есть онѣ ограничены. Между тѣмъ, если ихъ много, то одна или многія должны всегда наполнять промежутки между остальными, и тогда гдѣ будетъ граница? Такимъ образомъ множество вещей безконечно. Ктому жъ всѣ эти вещи должны имѣть большую или меньшую величину и находиться отдѣльно одна отъ другой. Но если одна больше или меньше другой, то послѣдняя должна съ одной стороны продолжаться до величины, распространяющейся въ безконечность, съ другой стороны дойти до такой миніатюры, которая уже не имѣетъ ни величины, ни протяженія.

Такія-то неразрѣшимыя противорѣчія открывалъ Зенонъ въ томъ, что доказывали прежніе философы; онъ представилъ ясно несостоятельность ихъ положеній. Но онъ имѣлъ при этомъ высшую цѣль, именно указать вообще на недостаточное познаніе вещей, потому что никакое знаніе до сихъ поръ не въ состояніи было разрѣшить представляющіяся противорѣчія. Такимъ образомъ каждому дѣлалось яснымъ, что истина еще не найдена. Его острый умъ открывалъ противорѣчія даже въ обыкновенныхъ вещахъ изъ повседневной жизни, для того чтобы показать, какъ близка къ каждому загадка, которая требуетъ рѣшенія. Такъ отъ него дошло до насъ слѣдующее:

«Скажи мнѣ, Протагорасъ, производитъ ли шумъ падающее зерно, или хоть десятитысячная часть зерна? Когда Протагорасъ отвѣчалъ, что тутъ не будетъ шума, Зенонъ спрашивалъ: мѣра падающихъ зеренъ произведетъ шумъ? Конечно, отвѣчалъ Протагорасъ, мѣра произведетъ шумъ. Теперь, спрашивалъ Зенонъ, не состоитъ ли мѣра изъ многихъ отдѣльныхъ зеренъ, также какъ шумъ отъ упавшей

мѣры изъ многихъ шумовъ отдѣльныхъ зеренъ? Да, такъ, говорилъ Протагорасъ. Значитъ, выводилъ Зенонъ, не только мѣра, содержащая много зеренъ, но также каждое зерно и даже десятитысячная его часть производятъ шумъ.

Подобнымъ же образомъ онъ старался показать, какъ невозможно убѣдительно доказать существованіе пространства, котораго никто не отрицаетъ. Если пространство дѣйствительно существуетъ, то оно существуетъ въ чемъ нибудь, потому что все, что есть на самомъ дѣлѣ заключено въ чемъ нибудь. Это что нибудь, въ чемъ все содержится, есть пространство. Такимъ образомъ и самое пространство должно заключаться въ пространствѣ, а это послѣднее опять въ пространствѣ, и такъ далѣе до безконечности.—Понялъ ли теперь, что такое пространство?

Знаменитѣйшія доказательства его были противъ существованія движенія. Кто хочетъ подвинуться отъ a къ b, тотъ идетъ сначала къ срединѣ c между a и b, и прежде чѣмъ сюда достигнетъ, долженъ пройти къ срединѣ между a и c, которая называется d; но прежде чѣмъ дойдетъ до d, долженъ идти къ срединѣ e между a и d, и такъ идетъ постоянно, потому что линія дѣлима до безконечности, и предъ каждымъ первымъ шагомъ находится еще первый. Такимъ образомъ движеніе никогда и не начнется, тѣмъ болѣе не достигнетъ цѣли. Далѣе: какъ ни быстроногъ Ахиллъ, онъ никогда не можетъ догнать медленно бредущую черепаху, которая находится впереди его. Положимъ, она находится въ точкѣ c, отъ этой точки влѣво позади черепахи стоитъ Ахиллъ въ точкѣ a. Теперь онъ начинаетъ бѣгъ, и она ползетъ: какъ ты думаешь, догонитъ онъ ее? Никогда. Онъ достигаетъ c, но тамъ уже нѣтъ черепахи, она поползла далѣе и находится уже въ d, которое лежитъ вправо отъ c. Ахиллъ стремится дальше, вотъ онъ достигъ d.; но черепаха въ тотъ моментъ, какъ онъ оставлялъ точку c, также отъ d отползла далѣе, ея уже нѣтъ въ d,

когда Ахиллъ туда ступилъ. Такимъ образомъ онъ можетъ бѣжать, сколько ему угодно, но всегда, тамъ гдѣ онъ ступитъ, черепахи уже нѣтъ, она отползла далѣе; онъ не догонитъ ее, хоть все больше и больше приближается къ ней. Разстояніе, линія дѣлимы до безконечности. — Такимъ же образомъ онъ утверждалъ, что летящая стрѣла находится въ покоѣ. и что простое время равно удвоенному.

Если Зенонъ смогъ представить съ достаточною очевидностію свои положенія, конечно у него было довольно остроты ума, равно какъ сознанія недостаточности всякаго знанія. Что онъ внушалъ своимъ современникамъ такое сознаніе, было весьма важно для философіи, которая теперь должна была искать новыхъ путей для того, чтобы достигнуть до познанія истины. Діалектическія изслѣдованія Зенона открыли ошибки, а его собственныя самостоятельныя изысканія стремились къ непосредственному познанію Бога, какъ духа, который есть все и во всемъ, и первопачальный источникъ всего. По какимъ образомъ чрезъ Него все произошло, это осталось сокрытымъ и отъ элеатовъ: и они не могли достигнуть до представленія Бога какъ творца всѣхъ вещей.

СОФИСТЫ.

Чѣмъ болѣе философія дѣлалась предметомъ изученія небольшаго числа особенно даровитыхъ личностей, тѣмъ болѣе она дѣлалась и общимъ достояніемъ; при стремленіи сдѣ-

лать полезными для обыденной жизни результаты ея изслѣдованій, она сдѣлалась ремесломъ. Въ такомъ видѣ пользовались ею софисты.

Это были мелочные торгаши, какъ называетъ ихъ Сократъ, торгаши товаромъ, питающимъ душу—знаніями. Поэтому берегись ихъ, чтобы не быть обманутымъ! Они бродятъ по улицамъ съ своими знаніями, чтобы продавать ихъ каждому любопытному, и все, что у нихъ есть гнилаго, они выставляютъ за образцовое. Но какъ много между ними такихъ, которые совершенно не знаютъ, что для души цѣлебно или вредно, и какъ мало покупателей, знающихъ это.

Тамъ бродитъ Протагорасъ подъ крытыми ходами, шесть учениковъ прислушиваются къ его рѣчамъ, а за ними цѣлая толпа любопытныхъ. Тутъ сидитъ Гиппіасъ на покойномъ стулѣ, вокругъ его много юношей, съ которыми онъ бесѣдуетъ. Продикосъ лежитъ въ своемъ покоѣ, закутанный въ одѣяло и мѣхъ, на мягкихъ подушкахъ, и толпа любознательныхъ слушаетъ, что онъ говоритъ. Таковъ былъ образъ жизни софистовъ, такъ учили они юношество своей мудрости.

Хотя софисты пользовались философіею отчасти для обогащенія, отчасти просто какъ средствомъ воспитанія юношества, хотя чрезъ это философія потеряла свое высокое значеніе, все таки они оказали не малую услугу распространеніемъ уже пріобрѣтенныхъ знаній—и стараніемъ ввести ихъ въ жизнь. Когда изслѣдованіе невидимыхъ силъ терялось въ недостижимыхъ отвлеченіяхъ, когда оно привело только къ неяснымъ представленіямъ, софисты старались внести въ философію надлежащую ясность, положить границы отвлеченностямъ. Главное положеніе ихъ было: человѣкъ есть мѣрило всѣхъ вещей. Но они пользовались этимъ положеніемъ для того, чтобы кажущееся представлять дѣйствительнымъ; они говорили: «Какъ мнѣ что нибудь кажется, такъ оно для меня и есть, а какъ тебѣ кажется,

такъ оно для тебя, хотя бы мнѣ казалось иначе, нежели тебѣ». Этимъ открыты были двери всякимъ произвольнымъ взглядамъ и понятіямъ, что повело къ чрезвычайной путаницѣ понятій. Оттого произошло, что софисты, хотя и стояли на одномъ общемъ имъ основаніи, но въ то же время каждый изъ нихъ имѣлъ свое особенное ученіе, которое нерѣдко противорѣчило прочимъ. Такъ какъ за обученіе, которое они захватили въ свои руки, получали они деньги, то каждый старался опровергать ученіе другаго, чтобы только привлечь къ себѣ побольше юношей, хоть бы отъ другаго учителя. Этимъ на философію наложено было пятно, современники перестали ей вѣрить. Нужны были Сократъ, Платонъ и Аристотель, чтобы снова поднять ея значеніе.

При всемъ томъ софисты были даровитые, энергическіе люди, умѣвшіе открыть недостатокъ прежнихъ научныхъ изслѣдованій и устранить оный, насколько то согласовалось съ ихъ цѣлью. Они пробуждали также погасавшую любовь къ глубокимъ изслѣдованіямъ, особенно же — развили ораторское искусство; потому что въ томъ и состояла ихъ достойная удивленія сила, что они умѣли искусною рѣчью изустно излагать свои мысли предъ слушателями и убѣждать ихъ въ вѣрности своихъ положеній. Не въ однихъ словахъ была привлекательность софистическаго искусства, но въ умѣньи связывать мысли и выводить ихъ одну изъ другой. Въ концѣ рѣчи былъ выводъ, который рѣдко содержалъ истину. — Они обладали разнообразными знаніями, и хотя эти знанія не всегда были глубоки и основательны, все таки они были разносторонни и обширны.

Объ истинной нравственности они мало заботились. Они не пренебрегали средствами, лишь бы онѣ вели къ цѣли. Вообще къ ихъ дѣятельности нельзя прилагать масштаба правды въ благородномъ смыслѣ этого слова. Конечно это было большимъ зломъ, потому что имѣя возможность распространять многостороннее образованіе, они не заботились.

объ истинномъ образованіи сердца, о чувствѣ правды и справедливости. Они даже ослабляли сознаніе различія между добромъ и зломъ, потому что учили, будто истина и призраки одно и тоже; этимъ они внушали современникамъ невѣрныя понятія какъ о личности человѣка, такъ и объ отношеніяхъ его къ окружающимъ предметамъ, равно какъ объ отношеніяхъ къ міру и Богу. Это должно было вести къ развращенію.

* * *

Протагорасъ изъ Абдеры училъ многочисленную публику въ Сициліи и Аѳинахъ. Опираясь на положеніе Гераклита: «все находится въ теченіи», онъ училъ, что каждый, желающій узнать что нибудь, долженъ стараться твердо удержать отдѣльное въ общемъ теченіи. Для этого каждый имѣетъ свои особенныя способности, отличныя отъ способностей другихъ людей, что обусловливается возрастомъ, дарованіями, склонностями; поэтому то и понятія людей различны. Отсюда для вещей нѣтъ другаго мѣрила, кромѣ самаго человѣка. Какъ онъ что нибудь понялъ, такъ это и будетъ въ дѣйствительности для него; какъ ему кажется лучшимъ, такъ и долженъ онъ поступать. Поэтому истина не есть что нибудь вообще, но ограничена личностію.

Горгіасъ изъ Леонтинъ (430 г. до Р. Х.) отрицалъ вообще существованіе чего бы то ни было. Потому что все существующее или произошло, или вѣчно. Вѣчное не имѣетъ начала, поэтому оно должно быть безконечнымъ. Но то, что безконечно, есть ничто. Ибо, если бы оно было чѣмъ нибудь, оно имѣло бы границы, значитъ было бы не безконечнымъ. Значитъ вѣчное, то есть безконечное и неограниченное, не существуетъ. Видимыя вещи также не существуютъ, они не произошли. Потому что если бы они произошли изъ чего нибудь существовавшаго прежде, тогда

значитъ что нибудь было прежде ихъ. Изъ ничего не можетъ ничего произойти. Значитъ, нѣтъ ничего, что бы произошло изъ другаго чего.

Что жъ дѣйствительно есть? Ужели видимыя вещи суть только кажущіяся, обманъ чувствъ? Ужели на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни величины, ни тѣла? Ужели свѣтъ и тьма, день и ночь, жизнь и смерть въ дѣйствительности не существуютъ? Горгіасъ отвѣчаетъ: все для человѣка непостижимо и непонятно. То, о чемъ ты думаешь, еще не существуетъ на самомъ дѣлѣ въ слѣдствіе твоего мышленія. Напр. ты думаешь о крылатомъ человѣкѣ, или о повозкахъ, ѣдущихъ по морю; въ слѣдствіе этого человѣкъ еще не получаетъ крыльевъ, или повозка не ѣдетъ по морю. Если можетъ быть что и существуетъ, то существуетъ не въ слѣдствіе твоего мышленія. Какъ же ты хочешь мыслью познать вещи? Ты можешь понимать только существующее; но если онаго нѣтъ, къ чему твои усилія? Даже если кто нибудь и узналъ что нибудь, то онъ не можетъ передать онаго другимъ. Потому что глазъ и ухо и другія орудія мысли служатъ только къ тому, чтобы воспринять предметы, но не для того, чтобы передавать эти воспріятія. Это можетъ сдѣлать только рѣчь; но рѣчь совершенно отлична отъ нашихъ воспріятій. Какъ же можно передать другому воспріятіе чрезъ нѣчто совершенно различное отъ воспріятія! Поэтому рѣчь есть недостаточное средство для цѣли.

Подобно этимъ двумъ разсуждали и прочіе софисты. Они подвергали сомнѣнію все и старались заставить людей во всемъ сомнѣваться, чтобы тѣмъ пробудить въ нихъ желаніе отыскать истину. Но удовлетворить этому желанію они не могли, потому что сами не имѣли истины. То, что они выдавали за истину, было не болѣе, какъ удовлетвореніе своекорыстію и другимъ подобнымъ страстямъ. Они умѣли жить и приноровиться къ разнымъ обстоятельствамъ жизни,

чтобы извлечь изъ всего свою выгоду: о невидимыхъ благахъ, о будущей жизни они безпокоились мало.

СОКРАТЪ И ЕГО УЧЕНИКИ.

Сократъ не оставилъ никакихъ учениковъ въ томъ смыслѣ, какъ Оалесъ, Гераклитъ, Пиоаѓоръ и другіе. Онъ не вдавался въ изслѣдованія о послѣднихъ основахъ всѣхъ вещей, какъ упомянутые философы, а старался образовать изъ слушавшихъ его юношей добрыхъ и правдивыхъ мужей. Но послѣ смерти его нѣкоторыя лица, имѣвшія къ нему близкія отношенія, пытались распространить его начала посредствомъ обученія, таковы были Федонъ, Антисоенъ и Аристиппъ; другіе, какъ Евклидъ и Платонъ старались на основаніи его ученія вести изслѣдованія о невидимыхъ вещахъ. Наконецъ Ксенофонъ, знаменитый полководецъ и умный писатель, равно какъ Эсхинесъ, Кебесъ, Симміасъ и другіе старались въ собственной жизни осуществить ученіе Сократа, и изложили ученіе его въ сочиненіяхъ, изъ которыхъ до насъ дошли только сочиненія перваго. Его апологія и симпозіонъ (ужинъ) хорошо изображаютъ намъ характеръ Сократа.

О Федонѣ мы знаемъ, что онъ былъ основателемъ такъ называемой элейской школы, изъ которой вышла эретрійская, основателемъ которой былъ Менедемосъ. Ни одинъ изъ нихъ однако не выставилъ какихъ нибудь особенныхъ мнѣній. За то Антисоенъ и Аристиппъ — основатели цини-

ческой и киренейской школъ—разработывали дальше ученіе Сократа ; но разработали односторонне и конечно не въ духѣ своего учителя , почему и ученики ихъ попали на противоположныя дороги ; при всемъ томъ они старались подкрѣпить новыми доказательствами разума то, что они считали ученіемъ Сократа

Антисоенъ, аѳинянинъ, развивалъ мысль Сократа о томъ, что награда добродѣтели состоитъ въ душевномъ спокойствіи и душевномъ наслажденіи, и что это наслажденіе суждено тому, кто малымъ доволенъ, кто не нуждается почти ни въ чемъ , — такой человѣкъ дѣлается подобенъ богамъ, блаженнымъ въ самихъ себѣ. Онъ утверждалъ: человѣкъ долженъ стремиться только къ добродѣтели, все прочее отложить въ сторону ; занятіе науками и искусствами ни къ чему не ведетъ. Кромѣ того онъ долженъ ограничить свои потребности и довольствоваться малымъ. Онъ училъ въ Киносаргосѣ и держалъ себя подобно нищему: оттого его школа получила названіе циническої. Кажется, онъ и его ученики мало занимались развитіемъ ученія о сущности вещей и ихъ познаніи; развѣ одно можно сказать о нихъ : они старались упростить прежнія изслѣдованія о природѣ и существѣ міра. Извѣстнѣйшимъ между ними сдѣлался циникъ Діогенъ изъ Синопе ; безъ большихъ дарованій, но одаренный остротою ума и причудливостью нрава, онъ старался по внѣшности представить въ себѣ образецъ мудреца, неимѣющаго потребностей. Онъ жилъ въ бочкѣ и гордился своимъ нищенскимъ образомъ жизни. Философія не обязана ему ничѣмъ, исторія нѣкоторыми анекдотами.

Съ большимъ талантомъ пытался разработать далѣе ученіе Сократа о внутреннемъ блаженствѣ Аристиппъ изъ Кирене. Счастія достигаетъ тотъ, кто умѣетъ надлежащимъ образомъ пользоваться земными благами. Поэтому Аристиппъ утверждалъ, что человѣкъ долженъ въ познаніи, равно какъ и въ желаніи держаться границъ, какія указаны ему самою

природою. Поэтому изслѣдованіе невидимыхъ причинъ вещей не ведетъ ни къ чему, только то, что видимо, доступно познаванію. Равнымъ образомъ должно избѣгать всего, что производитъ неудовольствіе, потому что въ этомъ заключается зло, напротивъ стремиться къ тому, что доставляетъ удовольствіе, это будетъ добромъ. Поэтому истинная мудрость, ведущая къ добродѣтели и счастію, состоитъ въ томъ, чтобы вѣрно избирать достойное желанія и избѣгать всего противнаго. Насколько ведетъ къ этой цѣли пониманіе сущности и свойствъ предметовъ, настолько изслѣдуй ихъ; но избѣгай всѣхъ ложныхъ представленій о годности или негодности вещей, онѣ служатъ причинами мрачнаго настроенія и скорби.

Здѣсь нужно еще упомянуть объ Эвклидѣ, который съ опасностью жизни искалъ сократова общества. Мегарянамъ запрещено было подъ страхомъ смертной казни вступать въ область Аттики; но Эвклидъ такъ былъ увлеченъ слухами о Сократѣ, что рѣшился идти въ Аѳины. Онъ владѣлъ умомъ и талантомъ. То, о чемъ размышляли элеаты, онъ старался связать съ ученіемъ Сократа, чтобы удовлетворить стремленію къ высшей цѣли какъ въ познаніи, такъ и въ нравственности. Поэтому онъ училъ: благо есть единое, совершенное, непреходящее и неимѣющее себѣ равнаго; но оно имѣетъ различныя имена, иногда оно называется Богъ, иногда разумъ. Одно оно только существенно, все же остальное перемѣнчиво. Эвклидъ основалъ мегарскую школу, къ которой впослѣдствіи принадлежали Евбулидесъ изъ Милета, Алексиносъ изъ Элеи, Діодоросъ, Кроносъ и Стильпонъ изъ Мегары. О мегарцахъ говорили, что они любятъ спорить при обмѣнѣ мыслей, поэтому называли ихъ эристиками (забіяками). Много ложныхъ выводовъ и вводящихъ въ обманъ вопросовъ были ихъ изобрѣтеніемъ; этимъ они получили значеніе у современниковъ, но наукѣ не оказали никакой заслуги.

МУДРОСТЬ ПЛАТОНА.

Греческими мудрецами до Сократа накоплено было такое множество знаній, и притомъ столь разнообразныхъ и разрозненныхъ, что необходимымъ сдѣлалось пересмотрѣть ихъ, доказать и привести въ порядокъ. Софисты сдѣлали первый шагъ къ этой цѣли, такъ какъ они старались всюду искать противорѣчій и тѣмъ изощрять силу познанія и сужденія. Но они не хлопотали о томъ, чтобы объяснить лежащее въ основѣ всѣхъ этихъ противорѣчій единое и всеобщее. Въ это время уже началось раздѣленіе всѣхъ знаній на многія, отличныя одна отъ другой группы, такъ что начали толковать о многихъ наукахъ. Все, что знали о природѣ, ея силахъ и дѣйствіяхъ, относили къ физикѣ. Знанія, получившія начало изъ изслѣдованій человѣческаго духа и его силъ, получили названіе метафизики, или какъ Платонъ называлъ ее, діалектики. Основанія, на которыхъ должна опираться дѣятельность человѣка для достиженія человѣкомъ своего назначенія здѣсь на землѣ, содержала Этика. Наконецъ ученіе объ устройствѣ государства относилось къ политикѣ.

Платонъ только отчасти привелъ въ систему раздѣленіе этихъ наукъ; онъ гораздо болѣе обращалъ свою мысль на то, что всѣмъ наукамъ обще, на ихъ взаимную связь. Его уму, проникавшему въ самую сущность вещей, преимущественно важна была гармонія во вселенной. И въ выраженіи своихъ мыслей онъ стремится къ изяществу и чистотѣ, содержанію мысли у него соотвѣтствуетъ выраженіе. По своему рожденію онъ имѣлъ возможность быть обществен-

нымъ дѣятелемъ; онъ, какъ говорятъ, былъ потомокъ перваго аѳинскаго царя Кодра и знаменитаго Солона. Но рожденный во время первой пелопонезской войны (429 г.), значитъ юноша и мужъ уже въ то время, когда государственное устройство сильно поколебалось, онъ не ждалъ отъ государственной дѣятельности почестей и хорошихъ слѣдствій. Платона обучалъ Кратилъ, который познакомилъ его съ философіею Гераклита. Съ Сократомъ онъ познакомился на двадцатомъ году своей жизни и оставался въ близкихъ отношеніяхъ къ нему до самой смерти Сократа, послѣдовавшей спустя восемь лѣтъ. Всѣ сочиненія Платона свидѣтельствуютъ о высокомъ уваженіи, которое онъ оказывалъ и сохранилъ къ Сократу. Всюду въ этихъ сочиненіяхъ свои мысли Платонъ называетъ сократовыми; эти ссылки на Сократа видимо даютъ много самоувѣренности, съ которой говоритъ Платонъ. Въ послѣдствіи онъ много путешествовалъ, чтобы расширить свое образованіе. Въ Нижней Италіи онъ познакомился съ философіею Пиѳагора и былъ въ дружбѣ съ Архитасомъ тарентскимъ; въ Сициліи онъ познакомился съ Діономъ, зятемъ тирана (самодержца) Діонисія старшаго; кажется, что и въ Египтѣ онъ ознакомился съ таинствами тамошней науки. Возвратившись въ Аѳины, онъ училъ съ большимъ успѣхомъ въ Академіи, и былъ основателемъ аттической философской школы, которая потомъ сдѣлалась важнымъ учрежденіемъ. Позже онъ еще разъ былъ въ Сиракузахъ, вѣроятно съ цѣлію склонить Діонисія младшаго въ пользу своихъ плановъ о лучшемъ государственномъ устройствѣ и привести ихъ въ исполненіе. Но это ему не удалось, онъ возвратился въ Аѳины, гдѣ и умеръ на 81 году жизни. Многочисленныя сочиненія его, написанныя въ формѣ разговоровъ, которые имѣлъ Сократъ съ своими учениками, большею частію сохранились до нашего времени. Мы поговоримъ сначала объ его діалектикѣ и физикѣ, потомъ объ этикѣ и политикѣ.

* *
*

(Діалектика и физика.) Человѣческая душа имѣетъ двоякую способность познаванія. Или окружающіе предметы отпечатлѣваются въ душѣ чрезъ посредство чувствъ, или же человѣкъ достигаетъ познанія невидимаго дѣятельностію своего ума. Впечатлѣнія, получаемыя душею чрезъ слухъ и зрѣніе, сохраняются въ памяти, и отъ времени до времени остаются ясными и присущими сознанію. Разсудокъ обсуждаетъ ихъ, но это сужденіе во всякомъ случаѣ зависитъ отъ впечатлѣній, которыя душа получила, отъ настроенія, въ которомъ она находилась, когда произошло впечатлѣніе, поэтому знанія такого рода ненадежды. Окружающіе насъ предметы кажутся душѣ то въ одномъ видѣ, то въ другомъ, то съ одними свойствами, то съ другими; до познанія сущности вещей этимъ путемъ мы не достигаемъ.

Для этого душа избираетъ другой путь, который ведетъ къ познанію. Душа отрѣшается отъ всего видимаго, углубляется въ себя и размышляетъ, что есть общаго во всѣхъ вещахъ, непремѣннаго. То, что она узнаетъ этимъ путемъ, будетъ всегда вѣрнымъ понятіемъ, котораго только несовершенное отраженіе составляютъ предметы, воспринимаемые чувствами. Мы видимъ добрыя и худыя дѣйствія, но что хорошо и благородно въ самомъ себѣ, до познанія этого достигаемъ только разумомъ.

Что же это за сила? Откуда эта чисто внутренняя, независимая отъ всего вещественнаго, способность? Она есть нѣчто въ родѣ памяти души, которая прежде чѣмъ получила свое жилище въ тѣлѣ, находилась въ болѣе совершенномъ состояніи, гдѣ и получила впечатлѣнія о вѣчной, непреложной сущности вещей. Каждое размышленіе вызываетъ эти впечатлѣнія, и одинъ вопросъ можетъ вызвать опять въ

сознаніи эти впечатлѣнія и понятія, что было бы невозможно, если бы внутри души они не существовали ранѣе.

Есть два рода такихъ понятій, математическія и идеи: первыя разнообразны и сложны, послѣднія совершенно просты. Математическія понятія выводятся изъ общепринятыхъ началъ чрезъ послѣдовательный рядъ выводовъ, но до послѣдней основы всякаго знанія онѣ не доходятъ. Идеи напротивъ — послѣднія и высшія, присущія духу положенія, которыя сами не могутъ быть выведены, это вѣчные первообразы какъ міроваго цѣлаго, такъ и каждой части онаго.

Какъ такіе первообразы, идеи представляютъ съ одной стороны все гармоническое и неизмѣняемое въ мірѣ, вѣчно существующіе и дѣйствующіе законы міра, съ другой стороны онѣ лежатъ въ основаніи разнообразія и измѣняемости отдѣльныхъ вещей. Эта основа единаго и многаго въ идеяхъ сама ведетъ къ признанію единаго послѣдняго первообраза, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть первооснова всего, Богъ, источникъ всякаго мышленія и желанія, живой и дѣятельный въ самомъ себѣ. Всѣ вещи, вызванныя къ бытію его всемогуществомъ, носятъ на себѣ отпечатокъ его сущности, на сколько его мудрость нашла нужнымъ сообщить имъ этотъ отпечатокъ. Но какъ скоро онѣ начинаютъ уклоняться отъ этого первообраза, нарушать установленный Богомъ порядокъ, онѣ отпадаютъ ко злу, которое состоитъ въ безпорядкѣ и разстройствѣ. Всегдашнее попеченіе Бога о томъ, чтобы уничтожить разстройство и водворить порядокъ, составляетъ жизнь міра. Онъ допускаетъ эту борьбу вещей противъ себя, но ограничиваетъ ее; если бы онъ уничтожилъ эту борьбу, уничтожились бы и самыя вещи, которыя онъ произвелъ.

* *
*

Если Платонъ до сихъ поръ старался поставить понятіе о вѣчномъ, всемогущемъ Богѣ, то теперь онъ стоялъ на той точкѣ, съ которой ему нужно было показать, какъ произошли изъ первой духовной сущности вещественныя тѣла, другими словами, объяснить понятіе *творенія*. Ни одному мыслителю до сихъ поръ это не удавалось, никто не могъ отыскать въ ряду мыслей посредствующее звено, которое указало бы, какъ соединены другъ съ другомъ духъ и тѣло, невидимое и видимое, Богъ и міръ. Пытавшіеся рѣшить эту задачу впадали въ ошибки: они представляли духъ то тѣлеснымъ существомъ, хотя весьма тонкимъ, а прочія вещественныя тѣла не существенно отличными отъ духа, состоящими только изъ болѣе грубой матеріи, чѣмъ духъ; или же они самому веществу приписывали только призрачное существованіе.—дѣйствительные предметы улетучивались въ ихъ понятіяхъ и существованіе ихъ было заподозрѣно или отвергнуто. Избѣгнетъ ли Платонъ этихъ ошибокъ, сможетъ ли онъ открыть эту еще неразрѣшенную тайну? Для насъ тѣмъ любопытнѣе познакомиться съ его взглядомъ, что онъ уже тою постановкою зла, какую далъ ему въ духовномъ мірѣ, очень близокъ къ библейско-христіанскому воззрѣнію.

Есть два рода отпечатковъ и въ самыхъ идеяхъ, отпечатковъ соотвѣтствующихъ первоначальной противоположности единаго и многаго. Сущность, лежащая въ основаніи всего вещественнаго, основывается на идеѣ измѣняемости. Этою измѣняемостью обусловливается разнообразіе предметовъ, или всѣхъ тѣхъ вещей, которыя видимы и осязаемы. Но видимость предполагаетъ присутствіе свѣта, осязаемость—присутствіе чего нибудь плотнаго; въ соотвѣтствіе этому огонь и земля суть основныя матеріи тѣлъ. Но такъ какъ онѣ противоположны другъ другу, то для образованія тѣлъ изъ этихъ основныхъ матеріаловъ потребно было соединяющее ихъ третье. Это третье есть вода съ воздухомъ, кото-

рыя стоятъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ огню и къ землѣ. Поэтому можно превратить огонь въ воздухъ, воздухъ въ воду, воду въ землю чрезъ сгущеніе, тогда какъ разрѣженіе производитъ переходъ въ противоположныя состоянія. Чрезъ такое круговращеніе первобытныхъ матерій вызваны къ бытію вещи, этимъ круговращеніемъ онѣ и поддерживаются; тутъ также видно единое общее всѣмъ разнороднымъ вещественнымъ тѣламъ.

Связь вещественнаго съ духовнымъ первобытнымъ существомъ, источникомъ міра, образуетъ душа, которая въ вещественномъ мірѣ представляетъ силу, дающую образъ и поддерживающую порядокъ. Она есть отпечатокъ (отобразъ) вѣчнаго источника міра и безсмертна, и присуща какъ всему міровому цѣлому, такъ и каждой части его. Міровое цѣлое есть совершеннѣйшее соединеніе тѣла и души, всегда равное самому себѣ, такъ что въ немъ ничего никогда не прибавляется и ничего не теряется. Всѣ перемѣны происходятъ внутри вселенной и образуютъ вѣчный кругоборотъ происхожденія и уничтоженія. Образъ вселенной есть образъ круга, не вещественнаго, но круга въ идеѣ; и постоянное пребываніе ея въ одномъ и томъ же состояніи свидѣтельствуетъ, что вселенная постоянно равномѣрно движется вокругъ своего средоточія.

Такимъ образомъ по Платону выходитъ, что хотя воспринимаемый чувствами міръ вещественныхъ предметовъ есть только отпечатокъ вѣчнаго первообраза, но все таки родственный ему, вѣчный и неизмѣнный, а не совершенно отличный отъ него, какъ учитъ христіанство. И Платонъ не могъ освѣтить мракъ, покрывающій начало всѣхъ вещей.

* * *

Послѣдуемъ за нимъ далѣе въ область физики. Внутреннее единство міроваго цѣлаго является въ полнѣйшемъ по-

рядкѣ его частей. Каждое небесное тѣло имѣетъ видъ подобный цѣлому міру, то есть видъ шара, и имѣетъ смотря по мѣрѣ своей величины по отношенію къ цѣлому и всѣ свойства послѣдняго, такимъ образомъ вѣчно и наполнено живыми существамч. Всѣ звѣзды, распадаются на два главныхъ круга: внѣшній образуютъ такъ называемыя неподвижныя звѣзды, изъ которыхъ каждая обращается вокругъ средоточія міра, внутренній—планеты, которыя кромѣ движенія вокругъ міроваго средоточія, еще имѣютъ движеніе поступательное и возвратное. Земля находится въ срединѣ между планетами, средина эта есть и средоточіе міра, ось земли есть ось міроваго цѣлаго. Вокругъ нея обращаются Луна, Солнце, Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ. Основная матерія планетъ и неподвижныхъ звѣздъ есть огонь.

Платонъ самъ чувствовалъ недостаточность попытки объяснить связь между духовнымъ и вещественнымъ, поэтому онъ прінскалъ еще нѣчто посредствующее между неизмѣняющимся божествомъ и измѣняющимся міромъ, именно время. Оно есть вѣчный законъ для правильнаго непрерывнаго ряда измѣненій, законъ, который соединяетъ неизмѣнное съ измѣняющимся. Богъ существуетъ прежде всякаго времени, но онъ есть дѣйствующая причина всѣхъ перемѣнъ въ границахъ времени.—Рѣшена ли такимъ образомъ трудная задача — сомнительно, потому что не видно, какъ Богъ, съ одной стороны не ограниченный временемъ, съ другой ограничивается, какъ скоро производитъ перемѣны въ мірѣ. Это противорѣчіе остается неразрѣшоннымъ.

* *
*

Какъ міръ представлялся Платону одушевленнымъ существомъ, такъ и отдѣльныя части міра. Между этими частями существуетъ впрочемъ отношеніе подчиненія. Высшую степень здѣсь занимаютъ звѣзды, низшую живущія на нихъ су-

щества. Послѣднія въ своихъ родахъ и семействахъ питаются и поддерживаются самыми небесными тѣлами и не исчезаютъ, тогда какъ отдѣльныя существа подлежатъ измѣненіямъ. Мы можемъ говорить только о живущихъ на землѣ существахъ: о людяхъ, животныхъ и растеніяхъ.

Душа человѣка существуетъ изначала, подобно душѣ міра; она имѣетъ и тѣ же свойства, только въ менѣе совершенномъ видѣ. Для земной жизни она соединяется здѣсь съ тѣломъ. По какимъ образомъ? мы можемъ предложить такой вопросъ. Какъ душа, духовное существо, соединяется съ вещественнымъ тѣломъ? Платонъ отвѣчаетъ и здѣсь такъ же, какъ отвѣчалъ на вопросъ о связи между неизмѣняющимся божествомъ и измѣняющимся міромъ. Онъ говоритъ: есть нѣчто посредствующее въ этомъ соединеніи души и тѣла, нѣкоторая земная, преходящая сила. Ты спросишь: что это за сила? Платонъ отвѣчаетъ: это смертная и неразумная часть души, которая двоякаго рода, смотря потому, назначена ли она для защиты безсмертной души или для содержанія ея. Присущая намъ страсть къ битвамъ и потребность мужества, имѣющая свое мѣсто между горломъ и грудобрюшной преградой, это одна изъ этихъ силъ; чувство самосохраненія и удовлетворенія тѣлесныхъ потребностей—вторая сила, заключенная между грудобрюшною преградою и пупомъ. Безсмертная же душа имѣетъ мѣсто свое въ головѣ и оттуда управляетъ тѣломъ и всѣми другими силами.

Души животныхъ суть человѣческія души, заключенныя въ менѣе совершенныя тѣла животныхъ въ наказаніе за проступки, которыя онѣ совершили еще до переселенія на землю. Отъ различія преступленій зависитъ различіе породъ животныхъ. Растенія имѣютъ только силу самосохраненія (питанія), низшую изъ силъ соединяющихъ человѣческую душу съ тѣломъ.

Этимъ заканчиваются разсужденія Платона о видимомъ и

невидимомъ мірѣ. Онѣ отчасти новы, отчасти примыкаютъ къ воззрѣніямъ прежнихъ мыслителей. Хотя въ нихъ много неяснаго, за то они имѣютъ то преимущество, что въ нихъ есть прочная внутренняя связь, такъ что принимающій первыя посылки долженъ согласиться и съ заключеніями, изъ нихъ выведенными. Во всякомъ случаѣ наука сдѣлала этимъ большой шагъ, хотя тайны природы и духа далеко еще не были открыты.

* * *

(Этика и политика). Вопросы, на которые Платонъ старался дать отвѣтъ были слѣдующіе: кто лучшій человѣкъ и какое лучшее государство? Эти два вопроса такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что лучшій человѣкъ можетъ быть только въ лучшемъ государствѣ и лучшее государство состоитъ изъ лучшихъ людей. Такимъ образомъ ученіе о добродѣтели—этика и ученіе о государствѣ—политика являются въ тѣсномъ родствѣ другъ съ другомъ.

Добродѣтельный есть въ то же время мудрый; это тотъ, кто дѣйствительно благородно дѣйствуетъ потому, что онъ узналъ мудрое, доброе и справедливое. Награда добродѣтели есть внутреннее блаженство, и то и другое находятся въ тѣсной связи. Высшій разумъ есть высшее благо, поэтому міровое цѣлое, какъ отпечатокъ высшаго разума, также хорошо. Равно и человѣческая душа только тогда здорова и крѣпка, когда она являетъ въ себѣ образъ высшаго существа. Достигнуть этого она можетъ силою присущей душѣ троякаго рода способности: знанія и желанія, мужества и гнѣва, чувственныхъ стремленій. Между этими силами первая есть высшая, потому что разумъ—способность познанія и желанія — имѣетъ задачею управлять другими силами и печись о благосостояніи души и тѣла. Ему служитъ сила мужества и гнѣва, чтобы исполнять то, что онъ нашолъ

истиннымъ; ему служитъ и сила чувственнаго стремленія для того, чтобы поддерживать необходимое для дѣятельности разума тѣлесное существованіе, равно и для того, чтобы пробовать и упражнять силу разума, который обуздываетъ страсти и держитъ ихъ въ границахъ порядка.

Такимъ образомъ, когда эти силы, каждая въ своемъ кругу и гармонически съ другими дѣйствуютъ, душа имѣетъ истинную добродѣтель, есть нравственно-добра. Когда онѣ дѣйствуютъ въ противорѣчіи другъ другу, или одна самовольно вторгается въ область другой, тогда душа падаетъ и дѣлается нравственно-злою. Человѣкъ упражняетъ свои силы надъ всѣмъ, что только на него дѣйствуетъ извнѣ, эти силы или крѣпнутъ отъ упражненія или притупляются. Внѣшнія блага служатъ для добродѣтельнаго средствомъ, для высшей цѣли, злаго ведутъ къ порчѣ и пороку; одинъ употребляетъ ихъ разумно, другой въ противность разуму. Неудачи добродѣтельному полезны, потому что укрѣпляютъ его нравственную силу, злому вредны, потому что притупляютъ ее. Одинъ уже здѣсь достигаетъ блаженства, другой подвергается наказанію. За предѣломъ этой жизни состояніе злаго человѣка можетъ быть еще хуже, оно должно соотвѣтствовать его образу мыслей; добродѣтельный долженъ надѣяться на совершеннѣйшее удовлетвореніе того, къ чему онъ здѣсь стремился.

* * *

Дальнѣйшее изслѣдованіе добродѣтели ведетъ къ слѣдующимъ даннымъ. Добродѣтель проявляется въ четырехъ главныхъ направленіяхъ — въ мудрости, когда разумъ твердо держитъ принадлежащее ему господство; въ мужествѣ, когда душа боится дѣйствительно страшнаго — безнравственности и противудѣйствуетъ всякимъ поползновеніямъ ко злу; въ умѣренности, когда всякое желаніе руководится разумомъ,

наконецъ въ честности, когда человѣкъ стремится владѣть только тѣмъ, что ему слѣдуетъ и уважаетъ права другихъ. На законы, лежащіе въ основаніи этихъ добродѣтелей, опирается разумъ, потому что эти законы суть заповѣди божіи. Они основаны на мышленіи и желаніи того существа, которое есть первообразъ и первопричина всѣхъ прочихъ существъ и вещей. Въ этой первопричинѣ лежатъ первообразы всего, что благо, истинно и достойно, — идеи, которыя разумъ узнаетъ какъ образцы, достойные подражанія. Онѣ совершенно независимы отъ разума, сами въ себѣ истинны и святы. Поэтому указанная первопричина есть виновникъ нравственнаго міроваго порядка, законодатель и воспитатель человѣчества. Наконецъ на ней основывается совѣсть или сознаніе того, что блаженство достижимо только на пути добродѣтели, и что все, встрѣчающееся идущему по этому пути, служитъ ему только къ укрѣпленію въ добрѣ, къ его истинному счастію.

Образъ, который въ маломъ видѣ представляетъ душа добродѣтельнаго человѣка, то есть разумную идею божескаго міроваго порядка, государство должно проявить въ болѣе обширномъ видѣ. Государство основывается на взаимныхъ потребностяхъ людей, никто не можетъ здѣсь хлопотать только о своемъ физическомъ существованіи, или достигать своего высшаго назначенія. Цѣль государства — стремиться къ счастію всѣхъ, основанному на добродѣтели. Соотвѣтственно тремъ силамъ души и въ государствѣ существуютъ три сословія: ремесленники — сословіе трудящееся физически, которое соотвѣтствуетъ чувственнымъ желаніямъ; оно доставляетъ все нужное для удовлетворенія жизненныхъ потребностей; далѣе сословіе воиновъ, соотвѣтствующее силѣ души — мужеству, оно охраняетъ спокойствіе государства внутри и извнѣ; наконецъ сословіе правящихъ, соотвѣтствующее разуму, потому что изъ него избираются способнѣйшіе руководить государствомъ. Всѣ граждане дол-

жны быть обучаемы и руководимы на основаніи прочно организованныхъ законовъ и соотвѣтственно нуждамъ каждаго сословія: назначенные къ правленію должны быть свѣдущи въ наукахъ, искусствахъ и философіи; воины въ гимнастикѣ и искусствахъ; ремесленники въ практической ремесленной ловкости. Когда всѣ усвоятъ то, что нужно для исполненія обязанностей своего сословія, въ государствѣ выскажутся четыре главныхъ добродѣтели: мудрость, мужество и умѣренность, соотвѣтствующія тремъ сословіямъ, и честность необходимая равно для всѣхъ.

Совершеннѣйшая форма государства соотвѣтствуетъ міровому цѣлому: одна воля, одинъ разумъ стоятъ во главѣ государства. Во главѣ можетъ стоять и одинъ человѣкъ, обладающій умомъ и волею въ высшей степени, или многіе, имѣющіе равное участіе въ правленіи. Въ первомъ случаѣ государство будетъ монархическимъ, въ послѣднемъ аристократическимъ. Но аристократія во всякомъ случаѣ должна состоять изъ лучшихъ людей, то есть изъ философствующихъ.

* * *

Такъ построилъ Платонъ свою возвышенную, полную чувства и мысли философію — этотъ храмъ человѣческой мудрости. На вѣчныхъ, непоколебимыхъ столбахъ идей, признанныхъ истинными, возносится смѣло задуманный пространный куполъ, въ которомъ нашли мѣсто всѣ человѣческія знанія и добродѣтели. На вершинѣ царитъ вѣчное, неизмѣнное существо Бога, наполняющаго храмъ своимъ духомъ и содержащаго всѣ части зданія въ мудромъ порядкѣ. Кто осмѣлился бы вынуть одинъ камень изъ цѣлаго, на того обрушится храмъ. Но кто рѣшится войти въ него, чтобы взглянуть на своды и въ куполъ, остановится мыслію на зданіи,—тотъ пойметъ, что за великій, глубокій умъ

былъ архитекторъ храма. Отъ неба до земли спускающіеся столбы стоятъ гордо и величаво, никакая буря не потрясетъ ихъ, никакой ливень не подмоетъ ихъ, и на разнообразномъ украшеніи ихъ мы не находимъ ничего лишняго, ничего несоразмѣрнаго, ничего непязящнаго. Но куполъ колеблется, онъ не прочно поставленъ на капителяхъ столбовъ; не смотря на законченность постройки, архитекторъ напрасно пытался поставить его прочно на подпирающихъ его столбахъ. И все таки куполъ этотъ не теряетъ своего положенія, не гнется такъ, чтобы могъ упасть въ сторону; онъ паритъ надъ столбами, прикрывая храмъ, блеститъ его сводъ, озаряемый небеснымъ свѣтомъ.

Но весь этотъ блескъ угасаетъ предъ свѣтиломъ міра, единороднымъ сыномъ Божіимъ. И этотъ храмъ Платоновой мудрости погрузился во мракъ, который легъ на скорбныя черты его страждущаго лица, когда онъ умиралъ на крестѣ. И когда этотъ мракъ исчезъ, когда сіяніе солнца снова освѣтило землю, а свѣтъ вѣчнаго солнца началъ освѣщать темную ночь язычества, тогда поблекъ блескъ этого храма, и мудрость Платона сдѣлалась безуміемъ въ сравненіи съ мудростью откровеннаго слова. Первая служила намъ къ познанію высокихъ дарованій человѣческаго духа, послѣдняя указала намъ путь къ истинѣ и вѣчной жизни.

АРИСТОТЕЛЬ.

Послѣ того какъ Платонъ проложилъ новый и блестящій путь глубокому мышленію, и въ нѣкоторомъ родѣ достигъ

цѣли на этомъ пути, послѣдующимъ философамъ легко было идти по его слѣдамъ. Но не могли ускользнуть отъ нихъ и слабыя стороны платонова образа мыслей, — они должны были поставить своею задачею избѣжаніе этихъ ошибокъ. Поэтому философія Аристотеля является съ одной стороны изслѣдованіемъ, повѣркою и дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ Платона, съ другой стороны — новымъ болѣе совершеннымъ міросозерцаніемъ, чего и можно было ожидать отъ человѣка, чрезвычайно ученаго и самостоятельно мыслящаго.

Сынъ врача, Никомахсса изъ Стагиры, греческой колоніи во Ѳракіи, Аристотель родился въ 384 г. до Р. Х., и кажется рано началъ свои упражненія въ естественнонаучныхъ знаніяхъ; отецъ его былъ другомъ Аминтаса, маакедонскаго царя. Семнадцати лѣтъ Аристотель прибылъ въ Аѳины, посѣщалъ уроки Платона, съ которымъ и жилъ въ дружескихъ отношеніяхъ до самой смерти его (20 лѣтъ). Потомъ онъ былъ въ Малой Азіи, гдѣ съ Ксенократомъ жилъ у владѣтеля Мизіи, Гермеяса, на сестрѣ котораго женился. Потомъ бѣжалъ въ Митилене отъ персовъ. Въ 343 году Филиппъ, царь македонскій, пригласилъ его къ своему двору въ Пеллу и поручилъ ему воспитаніе своего сына Александра. Послѣ умерщвленія Филиппа 336 г. до Р. Х. онъ возвратился въ Аѳины, гдѣ и училъ въ Ликеѣ, окруженномъ мѣстами прогулокъ. Поэтому и школа его называлась школою гуляющихъ, перипатетическою. Здѣсь до обѣда онъ знакомилъ съ глубокими научными знаніями зрѣлыхъ юношей, а послѣ обѣда преподавалъ гораздо большему числу учениковъ общеобразовательные уроки. Послѣ смерти Александра, друга и защитника своего, врагамъ Аристотеля въ Аѳинахъ удалось обвинить его въ нечестіи къ богамъ. Онъ бѣжалъ и умеръ въ 322 г. до Р. Х., въ Халкидѣ на Эвбеѣ, 63 лѣтъ отъ роду. Изъ многочисленныхъ сочиненій его до насъ дошла только малая часть и то въ испорчен-

номъ видѣ. Они свидѣтельствуютъ о рѣдкой, обширной учености, большой проницательности и глубокомыслія Аристотеля. Онъ презиралъ украшенную рѣчь, и стремился къ опредѣленности и ясности выраженій. Пониманіе его трудно, но въ главныхъ чертахъ возможно.

Аристотелю принадлежитъ слава дѣленія всѣхъ знаній на различные предметы и основательной обработки каждаго изъ предметовъ. Онъ рѣзко отдѣлилъ другъ отъ друга науки о человѣческой душѣ (психологія), о мышленіи (логика), о невидимой причинѣ всѣхъ вещей (метафизика), о природѣ и ея явленіяхъ (физика), о нравственности (этика), о государственномъ устройствѣ (политика), о краснорѣчіи (реторика), поэзіи (поэтика); каждую изъ этихъ наукъ онъ разработалъ. Но такъ какъ не всѣ онѣ имѣютъ равное значеніе для ознакомленія съ его образомъ мыслей, то мы сдѣлаемъ очеркъ важнѣйшихъ положеній изъ логики, метафизики и физики, изъ этики и политики.

* * *

(Логика). Человѣческая душа достигаетъ познанія вещей не одною какою нибудь своею способностію, но взаимнымъ дѣйствіемъ ихъ всѣхъ. Эти способности соотвѣтствуютъ тремъ различнымъ степенямъ, въ которыхъ вообще проявляется жизнь: тѣлесной, чувственной и духовной жизни. Тѣлесная жизнь особенно сосредоточена на питаніи и сохраненіи тѣла. Жизнь чувственная основана на воспріемлемости человѣка къ удовольствію и неудовольствію, духовная жизнь на разумѣ. Только двѣ послѣднія степени жизни требуютъ нашего обстоятельнаго изслѣдованія, такъ какъ мы будемъ говорить о законахъ мышленія.

Чувственная жизнь совершается при помощи пяти чувствъ, изъ которыхъ каждое вызываетъ особенное ощущеніе, хотя есть и такія ощущенія, которыя общи всѣмъ пяти чув-

ствамъ. Чувства воспринимаютъ окружающіе насъ предметы, для чего онѣ впрочемъ нуждаются въ посредничествѣ: такъ мы видимъ при помощи свѣта, слышимъ при помощи воздуха, обоняемъ при помощи воздуха и воды, ощущаемъ и осязаемъ при помощи плоти нашего тѣла. Такимъ путемъ мы доходимъ до представленія или воспріятія предметовъ, изъ которыхъ одни видимы, другіе доступны слуху. Что же касается общаго, пріобрѣтаемаго и познаваемаго чувствами, это—движеніе и покой, фигура, величина, число.

При каждой дѣятельности одного изъ чувствъ дѣйствуютъ также и другія: такъ глазъ видитъ цвѣтъ того, что для вкуса кажется горькимъ, или того, что производитъ чистый звукъ въ органѣ слуха. И что такимъ образомъ воспринимаютъ чувства, каждое отдѣльно и въ соединеніи съ другими чувствами, все это соединяется въ ощущеніе. Этимъ ощущеніемъ овладѣваетъ въ свою очередь сила, дѣйствующая безъ тѣлеснаго органа, подобнаго напр. зрѣнію или слуху: воображеніе, которое удерживаетъ впечатлѣнія, полученныя отъ чувствъ, и если нужно, воспроизводитъ ихъ уже безъ помощи этихъ чувствъ. Тутъ оно переходитъ въ способность воспоминанія, память, которая иногда вводится въ обманъ тѣмъ, что воображеніе въ его слишкомъ возбужденной дѣятельности вызываетъ нѣкоторыя невѣрныя представленія. Тутъ начинается невѣрность, которой не было при воспріятіи предметовъ чрезъ чувства; она происходитъ уже при воспріятіяхъ или воззрѣніяхъ, обусловливаемыхъ силою воображенія или памяти.

До сихъ поръ Аристотель указывалъ, какимъ образомъ въ человѣческой душѣ вызываются представленія о предметахъ, внѣ насъ находящихся, при помощи силы воображенія, сопровождающей чувственныя воспріятія. Но эти представленія частію вѣрны, частію ложны, поэтому на ступени чувственной жизни (жизни чувствъ) невозможно познаніе истины, то есть истиннаго вообще. Если мы желаемъ

узнать, какъ душа достигаетъ подобнаго знанія, мы должны изслѣдовать дѣятельность духовной жизни, другими словами, размыслить о томъ, какъ и для чего человѣкъ пользуется своимъ разумомъ или своимъ разсудкомъ.

* *
*

Духовная жизнь состоитъ въ дѣятельности разсудка, и эта дѣятельность есть мышленіе. Собственно разсудокъ есть только сила, способность;—лишь когда человѣкъ начинаетъ пользоваться этою силою, онъ достигаетъ чрезъ нее до пониманія. Понятія являются въ нашей душѣ частію какъ отдѣльныя единичныя представленія, частію въ соединеніи, когда мышленіе соединяетъ ихъ въ сужденія, или изъ сужденій образуетъ умозаключенія.

Но ни представленія, ни сужденія, ни выведенныя изъ нихъ умозаключенія не связаны чувственнымъ воспріятіемъ, точно такъ же какъ разсудокъ не имѣетъ ничего общаго съ силою чувственнаго воспріятія. Чувственныя воспріятія при сильномъ возбужденіи ихъ, при частыхъ раздраженіяхъ, ослабѣваютъ, такъ что легкія впечатлѣнія оказываются уже недѣйствительными; разсудокъ напротивъ, чѣмъ большее испытываетъ напряженіе для познанія трудныхъ задачъ, тѣмъ легче можетъ понимать простыя вещи. Такимъ образомъ, чѣмъ больше понятія отрѣшаются отъ всякихъ чувственныхъ воспріятій, тѣмъ онѣ дѣлаются яснѣе, сужденія вѣрнѣе, заключенія основательнѣе. Такъ чистое мышленіе познаетъ самую истину.

Чтобы достигнуть такой сильной и чистой мыслительности, нужно удостовѣриться, вѣрно ли мы пользуемся нашею мыслительною способностію, разсудкомъ. Для этого нужно ближе изслѣдовать самое мышленіе. При этомъ мы найдемъ, что оно частію находится въ связи съ наглядностью, пріобрѣтаемою чрезъ чувства и съ воспомина-

нiемъ, частію же дѣйствуетъ совершенно отдѣльно отъ нихъ. То, что выходитъ въ слѣдствіе указанной связи, мы называемъ опытомъ, и одна часть нашихъ знаній основана на опытѣ. Но эти опытомъ пріобрѣтаемыя знанія принадлежатъ къ низшему разряду, потому что опытъ, который учитъ насъ, какъ существуетъ что нибудь, не говоритъ намъ, почему оно существуетъ такъ а не иначе, не показываетъ намъ основанія и сущности вещей. Равнымъ образомъ опытъ намъ не вездѣ возможенъ: если бы мы захотѣли положиться на одинѣ опытныя познанія, мы ничего не знали бы о многихъ предметахъ такихъ, которые достойны знанія. Напротивъ мы должны стремиться къ такому научному знанію, при которомъ разсудокъ самъ по себѣ, мышленіе, отрѣшовное отъ всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній, дѣятельно было бы въ самомъ себѣ и чрезъ самое себя.

Какъ же это происходитъ? Это происходитъ такъ: изъ однихъ положеній или сужденій выводятся другія новыя. Сказанное можетъ произойти двоякимъ образомъ: или чрезъ сравненіе многихъ отдѣльныхъ случаевъ и выводъ изъ нихъ одного общаго правила, — это *индукція*; или выводятъ частный случай изъ общаго, это *силлогизмъ*. Слѣдуя первымъ путемъ, отъ данныхъ фактовъ доходятъ до послѣднихъ основъ, до изъясненія причины и сущности фактовъ, другой путь ведетъ наоборотъ отъ одного высшаго основанія, къ развитію подчиненныхъ ему низшихъ положеній. Оба пути, восходящій и нисходящій, пройдены тѣми, которые силою мысли стремятся достигнуть высшаго знанія. При всемъ томъ первый путь — индукція—вѣрнѣйшій путь, потому что на немъ люди находятъ частію послѣднія неопровержимыя основныя истины, частію такія положенія, которыя имѣютъ видъ истины. Значитъ выводы индукціи нуждаются и сами въ повѣркѣ и изслѣдованіи: неоспоримо вѣрныя положенія составляютъ сущность науки въ собственномъ смыслѣ сего слова, другія положенія, только кажу-

щіяся истинными, составляютъ сущность ученія о вѣроятностяхъ.

Спрашивается теперь, какъ разсудокъ познаетъ, какая изъ истинъ можетъ вполнѣ назваться истиною въ противоположность другой, которая только кажется истиною? Аристотель отвѣчаетъ: при помощи р а з у м а, то есть способности понимать послѣднія основы вещей. Эти послѣднія основы суть дознанно-вѣрныя положенія, изъ которыхъ путемъ правильныхъ выводовъ слѣдуетъ рядъ другихъ положеній, которыя признаются истинными, потому что высшее основное положеніе есть истина. Такой родъ мышленія есть чисто научный, здѣсь слѣдствіе будетъ знаніемъ несомнѣннымъ, доказаннымъ, вѣрнымъ безъ всякаго ограниченія.

* * *

Такъ Аристотель разлагаетъ самое мышленіе; относительно послѣднихъ основъ у него уже является двойственность: вѣчная истина и истина только кажущаяся. Первая не нуждается ни въ какомъ изслѣдованіи, она всегда признавалась тѣмъ, чѣмъ она есть; относительно послѣдней можно еще поспорить. Но этотъ споръ долженъ быть веденъ по правиламъ, которыя являются сами собою изъ сущности того, о чемъ разсуждаютъ. Тутъ выступаютъ *категоріи*, или основныя понятія разсудка, которыхъ числомъ десять: самый предметъ, величина, свойство (качество), отношеніе его къ другимъ предметамъ, положеніе (мѣсто), которое онъ занимаетъ, время, которому онъ принадлежитъ, состояніе, въ которомъ онъ находится, содержаніе (составъ), его силы (способность), зависимость. Всѣ эти категоріи нужно отдѣльно ~~изслѣдовать~~, испытать, опредѣлить, и только тогда уже вывести, данная истина кажущаяся ли только или дѣйствительная.

Его ученіе о мышленіи не можетъ возвыситься надъ этою двойственностію и выдти изъ нея—явный недостатокъ, потому что мышленіе какъ высшее должно быть простымъ, не распадающимся на части, высшее есть единично. Платонъ нашолъ это высшее единство въ первоосновѣ, въ идеѣ. Аристотель отвергнулъ Платоновы идеи, какъ неясныя и несостоятельныя, но то, чѣмъ онъ замѣнилъ ихъ, не открыло тайны. Назвать ли ученіе Аристотеля шагомъ назадъ? Нѣтъ. Оно есть шагъ впередъ, но доказавшій снова, что человѣческій разумъ не могъ самъ по себѣ, безъ откровенія, познать высшее единство, познать Бога.

* * *

(Метафизика и физика). Задача метафизики, которую Аристотель называлъ также теологіею или первою философіею, познать существо Бога, не изъ свойствъ его, но какъ оно есть въ самомъ себѣ и чрезъ само себя. Здѣсь путемъ индукціи или наведенія доходитъ онъ до признанія одной общей высшей причины, которая дѣйствуетъ для высшей цѣли. Она сама не имѣетъ начала, вѣчна, неизмѣнна, и носитъ свою причину въ самой себѣ. Все существующее произошло чрезъ нее, такъ какъ она изъ самой себя произвела причины всего прочаго, равно какъ всякой дѣятельности въ мірѣ. Эта высшая причина, или Богъ, совершенно необходима, самостоятельна, неподвержена никакому вліянію какого бы то ни было рода, никакой страсти, источникъ всего сущаго, всесовершенная. Въ Богѣ нераздѣльны мысль и дѣйствіе, мысль есть и дѣйствіе, поэтому Богъ всевѣдущъ. Онъ безграниченъ, безтѣлесенъ, простъ и нераздѣлимъ, поэтому совершенно блаженъ, такъ какъ въ немъ все въ гармоническомъ сочетаніи.

Вотъ представленіе Бога! Повидимому достойное представленіе, при ближайшемъ изслѣдованіи иное. Богъ Ари-

стотеля лишонъ свободы воли, самоопредѣляемости — онъ необходимъ, и только въ такой необходимости самостоятеленъ. Такимъ образомъ не то дѣлается, чего онъ хочетъ, но исполняется то, чего онъ долженъ хотѣть; сбывается что нибудь не потому, что онъ говоритъ, но происходитъ то, чего онъ не могъ не допустить до дѣйствія, потому что внутренно къ тому обязанъ. Такой богъ не есть истинно живой, потому что жизнь состоитъ въ свободѣ воли. Жизнь этого бога есть не что иное, какъ вѣчное круговращеніе причины и дѣйствія, онъ есть не что иное, какъ безтѣлесная, никогда не успокоивающаяся машина.

Равнымъ образомъ и міръ Аристотеля, вопреки Платону, не есть одушевленное цѣлое, но цѣлое механически устроенное и въ стройномъ порядкѣ дальше и дальше движущееся. Законы, дѣйствующіе въ мірѣ, суть на необходимости основанныя и изъ нея вытекающія правила, по которымъ все происходитъ и исчезаетъ, чтобы снова явиться и исчезнуть, и въ этомъ круговоротѣ вѣчно двигаться. Отдѣльныя вещи измѣнчивы, но опредѣленнымъ перемѣнамъ подвержены въ силу необходимости. Такова же и душа человѣка, безсмертна, правда, но относительно свободы ограничена. Непреложный законъ необходимости царитъ надъ цѣлымъ міромъ и надъ отдѣльными частями его.

(Этика и политика). Этика должна указать намъ, какимъ образомъ мы должны пріобрѣтать добродѣтель. Цѣль всякой добродѣтели есть благополучіе (блаженство); въ чемъ же оно состоитъ? Конечно въ томъ, что составляетъ конечную цѣль всякой разумной дѣятельности. Счастье не состоитъ въ обладаніи вещественными богатствами, ни въ какихъ либо особенныхъ тѣлесныхъ или душевныхъ свойствахъ и качествахъ; оно состоитъ въ совершенно добродѣтельной дѣятельности души. Никто не получилъ оной отъ природы, но каждый можетъ пріобрѣсти ее; по какимъ же правиламъ? Аристотель отвѣчаетъ: избѣгай всякаго излишества, но

остерегайся также и недостатка въ чемъ нибудь, нужды! Добродѣтель есть умѣнье во всемъ наблюдать мѣру, находить истинную средину. Кто же способенъ къ этому? Тотъ, кто свободно дѣйствуетъ, безъ принужденія, по своему усмотрѣнію и собственной самоопредѣляемости; онъ умѣетъ въ каждомъ случаѣ избрать доброе и избѣгнуть злаго; доброе въ высшемъ смыслѣ слова есть все, равносильное разумному.

Этой цѣли — добродѣтели можно достигнуть только въ гражданскомъ обществѣ; поэтому къ ученію о морали присоединяется ученіе о государствѣ — политика. Государство основано на семействѣ, которое въ маломъ видѣ есть образъ благоустроенной общины, а послѣдняя образъ государства. Въ семействѣ существуетъ извѣстное отношеніе мужа и жены, родителей и дѣтей: отношеніе свободныхъ людей. Мужъ пользуется неограниченною властью надъ дѣтьми подобно царю, надъ женою такою властью какая бываетъ въ республикѣ, гдѣ правящіе и правимые равны другъ другу. Другія отношенія въ семействѣ между господиномъ и слугою (рабомъ); послѣдній есть собственность перваго.

Въ государствѣ существуютъ тѣ же отношенія, только болѣе развитыя, такъ какъ государство есть гражданскій союзъ семействъ и общинъ. Здѣсь не всѣ — граждане, а только тѣ, которые участвуютъ въ законодательствѣ, судѣ и управленіи: власти и судьи. Для поддержанія государства трудятся земледѣльцы, ремесленники, купцы, для защиты есть воины. Три формы правленія считаются лучшими, каждая при извѣстныхъ обстоятельствахъ: монархическая, аристократическая и республиканская; но государство лучшее будетъ то, въ которомъ правительство, будетъ ли оно сосредоточено въ рукахъ одного или многихъ лицъ, стремится къ общему благу.

* * *

Философія Аристотеля имѣетъ не тотъ видъ, какой имѣетъ философія Платона. Это прочный, во всѣхъ частяхъ хорошо построенный домъ, въ которомъ человѣкъ можетъ удобно поселиться: онъ найдетъ въ немъ все, нужное для земной жизни. Квадры вырублены изъ твердаго и лучшаго матеріала, они безъ украшеній, но хорошо вышлифованы и плотно прилажены другъ къ другу. Правда, и здѣсь столбы, на которыхъ покоится все зданіе, стремятся въ высь, но надъ ними не распростерся смѣло возведенный куполъ; безопасная кровля просто, но прочно покоится надъ зданіемъ. На входящаго въ этотъ домъ не повѣетъ небеснымъ дыханіемъ, за то господствующій внутри порядокъ, чистота производятъ пріятное впечатлѣніе. Свѣтъ въ домѣ не есть небесное сіяніе, но блескъ земнаго дня, свѣтящій сквозь окна. Чувствуешь себя повсюду только земнымъ жителемъ, нѣтъ ничего, что бы тянуло къ неземному—небесному.

За то тѣмъ больше число живущихъ въ этомъ домѣ и вполнѣ довольныхъ своимъ жилищемъ. Аристотель стоитъ на вершинѣ и вмѣстѣ на границѣ греческой философіи. Кругозоръ грековъ не пошолъ дальше, ни въ отношеніи къ предметамъ видимаго міра, ни относительно небесныхъ вещей. Только изрѣдка рѣшался кто нибудь бросить боязливый взглядъ въ широкую даль, но не могъ усмотрѣть ничего существенно новаго. Платонъ и Аристотель достигли полнаго вѣдѣнія о томъ, что человѣческій умъ смогъ проникнуть своими силами, безъ просвѣщенія отъ Бога. Вся поздпѣйшая философія, то тѣмъ то другимъ путемъ развивала только отдѣльныя мысли ихъ.

ФИЛОСОФІЯ ПОСЛѢ АРИСТОТЕЛЯ.

Греческіе мыслители до Сократа обращали всѣ силы ума на познаніе невидимаго міра. Сократъ первый заботился о томъ, чтобы признанную истину сдѣлать правиломъ жизни и дѣятельности. Въ ученіи Платона и Аристотеля и то и другое подверглось обсужденію, но позднѣйшіе философы обратили свое вниманіе только на одно полезное для жизни, на правила, по которымъ нужно дѣйствовать здѣсь на землѣ. Этимъ они стали въ противорѣчіе съ мыслителями іонійской, элеатской и пифагорейской школъ, и ихъ ученіе нисколько не подвинуло знанія невидимыхъ вещей; только этика, благодаря имъ, получила дальнѣйшее развитіе и обработку.

Философія Эпикура (род. 342 до Р. Х.), имѣетъ большое сходство съ киренейскою. Задачею мышленія онъ поставлялъ отыскать такія правила жизни, слѣдуя которымъ человѣкъ былъ бы въ состояніи достигнуть благополучія. Чтобы достигнуть онаго, человѣкъ долженъ знать, къ чему онъ долженъ стремиться и чего избѣгать. Для этого нужно ему знаніе природы (физика), далѣе знаніе собственныхъ своихъ духовныхъ силъ, съ помощью которыхъ онъ будетъ въ состояніи отличить истинное отъ ложнаго (каноника), наконецъ знаніе самыхъ правилъ жизни (этика).

Міровое цѣлое казалось ему безконечнымъ и безграничнымъ, а отдѣльныя вещи считалъ онъ составленными изъ разнородныхъ, безконечно малыхъ частицъ (атомовъ). Эти частицы вслѣдствіе различныхъ движеній соединяются въ опредѣленныя, ограниченныя пространствомъ тѣла, которыя,

какъ воспринимаемыя чувствами, преходящи. Самая душа человѣка состоитъ изъ малѣйшихъ атомовъ, которые распространены по всему тѣлу. Если разрушится соединеніе ихъ съ тѣломъ, она распадается на свои атомы; поэтому душа смертна, какъ и тѣло.

Наше познаніе отличаетъ истинное отъ ложнаго. Познаніе истинно, когда оно совершенно соотвѣтствуетъ предмету, на который обращено. Чувства не обманываютъ насъ, потому что при воспріятіи предметовъ онѣ остаются въ страдательномъ положеніи, только принимаютъ впечатлѣнія. Но при обсужденіи воспринятаго чувствами появляются ошибки. Поэтому сужденія должно подвергать повѣркѣ и очищать ихъ. Это совершается при помощи понятій, то есть представленій о вещахъ, которыя (представленія) существовали въ душѣ уже прежде самыхъ воспріятій. Если эти представленія или понятія согласны съ сужденіями, значитъ мы имѣемъ истину, если же нѣтъ такого согласія, значитъ есть погрѣшность. Пріобрѣтаемое при помощи чувствъ представленіе есть единственное основаніе и опора истины.

Такими мыслями Эпикуръ показалъ, какую цѣну онъ даетъ чувственному міру и чувственнымъ орудіямъ, чрезъ которыя мы познаемъ этотъ міръ. Если чувства насъ не обманываютъ, если ихъ воспріятія суть единственныя и послѣднія основы истины, то понятно, что душа дѣлается тѣломъ и притомъ смертною; вся духовная дѣятельность послѣ сего не имѣетъ никакой цѣны. Только то, что дѣйствуетъ на чувства, только подлежащее чувствамъ имѣетъ значеніе.

На этомъ основаніи построилъ Эпикуръ и свою этику. При стремленіи къ высшему благополучію мы должны избѣгать чувства неудовольствія, искать же чувства удовольствія. Удовольствіе соотвѣтствуетъ человѣческой природѣ, неудовольствіе дѣйствуетъ разрушительно на природу человѣка. Стремленіе къ удовольствію есть добродѣтель, и по-

слѣдняя есть только средство, а не цѣль. Впрочемъ не слѣдуетъ предаваться всякому удовольствію, потому что нѣкоторыя радости влекутъ за собой скорбь, такихъ радостей слѣдуетъ избѣгать; и если необходимо подчиниться скорби, то слѣдуетъ подчиниться той, изъ которой проистекаетъ радость. Страданія души еще большее зло, чѣмъ тѣлесныя страданія, также какъ душевная радость есть высшее благо, чѣмъ чувственныя наслажденія. Многія изъ нашихъ желаній ненатуральны и не необходимы; мы должны заботиться только объ удовлетвореніи тѣхъ изъ нихъ, которыя естественны и необходимы. Если онѣ удовлетворены, мы ощущаемъ высшее счастіе: отсутствіе скорби и невозмутимое довольство душевное. Такимъ образомъ премудръ не весельчакъ и гуляка, но тотъ, кто съ разумнымъ убѣжденіемъ постоянно стремится къ безпечальному состоянію душевному и тѣлесному. Онъ съумѣетъ сохранить спокойствіе души во всѣхъ положеніяхъ жизни, даже когда приблизится смерть, которая лишаетъ насъ чувствъ и ощущеній, поэтому есть ни добро, ни зло.

* *
*

Стоическая школа, основателемъ которой былъ Зенонъ, (род. 340 г. до Р. Х.), образуетъ во многихъ отношеніяхъ контрастъ съ эпикурейскою, но и та и другая согласны въ томъ, что душа имѣетъ тѣлесныя свойства, и что познавать возможно только то, что можно воспринимать тѣлесными чувствами. Клеантосъ (около 265 г. до Р. Х.), и Хризиппосъ (около 280 г.) преимущественно развивали мысли Зенона и закончили систему его ученія.

Правила, которыя наблюдали стоики чтобы достигнуть познанія истины, были основаны на слѣдующихъ трехъ положеніяхъ: обозначеніе словомъ, мысль выраженная словомъ, и самый предметъ означенный мыслью. Реторика, наука

краснорѣчія, и грамматика, наука о языкѣ, у нихъ должны были предшествовать логикѣ, наукѣ мышленія, а физика, занимающаяся уже самыми предметами, и этика, имѣющая дѣло съ нравственными требованіями, идутъ послѣ логики.

Въ логикѣ они сначала обращали вниманіе на душу. Эта человѣческая жизненная сила, какъ они называли душу, состоитъ изъ осьми «частей»: пяти чувствъ, способности говорить, производить (изобрѣтать) и думать. Эта послѣдняя способность, заключающая въ себѣ силу ощущенія, желанія и воли, есть господствующая сила; она пользуется языкомъ для обозначенія своихъ представленій. Представленія состоятъ или изъ непосредственныхъ впечатлѣній предметовъ на наши чувства, или изъ сравненія многихъ подобныхъ предметовъ, или изъ перехода отъ чувственныхъ воспріятій къ невидимымъ предметамъ. Кромѣ того душа образуетъ представленія, когда она узнанное въ одномъ мѣстѣ воспроизводитъ и обдумываетъ въ другомъ, (какъ бы и здѣсь находился на лицо самый предметъ), или многія представленія совокупляетъ въ одно цѣлое, или наконецъ, выводитъ изъ противоположнаго то, что хочетъ узнать. Вѣрность представленій основывается на сходствѣ ихъ съ самыми предметами. Тѣ представленія, которыя имѣютъ такое сходство, или основныя, служатъ къ тому, чтобы ими повѣрять правильность другихъ; онѣ опираются на достаточныхъ основаніяхъ, тогда какъ другія суть только взгляды и мнѣнія.

Въ физикѣ стоики различаютъ прежде всего познаніе тѣлъ природы отъ познанія человѣческаго тѣла и отъ познанія міроваго цѣлаго. Только послѣднее — метафизика — подлежитъ философскому разсмотрѣнію, тогда какъ первое есть задача математиковъ, второе—задача врачей. Міровое цѣлое является у нихъ разумнымъ, потому что міръ прекраснѣе всего, а что имѣетъ разумъ лучше неразумнаго. Міровое цѣлое имѣетъ сознаніе, потому что нѣкоторыя

части, изъ которыхъ оно состоитъ, имѣютъ оное, значитъ и цѣлое также имѣетъ сознаніе; наконецъ оно одушевлено и одарено разсудкомъ, потому что произвело одушевленныя и мыслящія существа. Такимъ образомъ основа міра разумномыслящее, разумною волею одаренное существо. Первоначальная сила міра есть теплота, такъ какъ все живущее проникнуто ею; равнымъ образомъ она есть всепроизводящая сила, которая изъ первичной матеріи чрезъ выдѣленіе однороднаго изъ разнороднаго произвела всѣ вещи. Происшедшій такимъ образомъ міръ, какъ сумма всѣхъ отдѣльныхъ предметовъ, ограниченъ и безпрестанно движется кругомъ. Конецъ его совершится чрезъ горѣніе, когда уничтожится необходимое для его поддержки отношеніе между водою и огнемъ, и послѣдній получитъ перевѣсъ.

Этика стоиковъ, при помощи которой они стремились достигнуть познанія высшаго блага, основана на самой сильной, первоначальной потребности души, потребности самосохраненія. Удовольствіе есть только слѣдствіе удовлетворенія этой потребности. Поэтому у нихъ было высшимъ правиломъ жизни: живи сообразно съ природою! Кто такъ поступаетъ, тотъ добродѣтеленъ, и блаженство будетъ его удѣломъ. Если такимъ образомъ добродѣтель есть только средство для цѣли, то она видоизмѣняется, являясь мудростію, умѣренностію, мужествомъ, справедливостію. Первая обнимаетъ собою познаніе того, что человѣкъ долженъ дѣлать и чего не дѣлать. Умѣренность состоитъ въ познаніи того, что заслуживаетъ пріобрѣтенія Мужество учитъ, чего мы не должны бояться и чего страшиться, справедливость — правильной оцѣнкѣ всѣхъ вещей. Истинное знаніе нераздѣльно съ дѣломъ; что добродѣтельный узналъ какъ истину, къ тому онъ стремится, того хочетъ. Истина есть добро, ложь есть зло. Мудрый выбираетъ по свободной самоопредѣляемости то, что онъ узналъ за истину, глупый есть рабъ чужихъ мнѣній. Первый можетъ по обстоятель-

ствамъ предпочитать смерть жизни, тогда самоубійство есть добродѣтель.

* * *

Школа, извѣстная подъ именемъ *Новой Академіи*, къ которой принадлежали Аркезилаосъ (род. 316 г. до Р. Х.), Карнеадесъ изъ Кирене (215 г. до Р. Х.), Пирронъ, Агриппа, Менодотосъ, Секстосъ, прозванный эмпирикомъ и другіе, оказала заслугу тѣмъ, что внесла въ общій кругъ понятій новый элементъ: сомнѣніе. Эти люди старались показать, что умъ человѣка можетъ познавать только феномены (видимую сторону) вещей, но никакъ не истинныя ихъ свойства. Такъ какъ они подвергли сомнѣнію всѣ прежнія познанія видимаго и невидимаго міра и признавали ихъ ложными, а нѣкоторыя частныя ошибки и дѣйствительно указали, то и дошли до положенія, будто бы познаніе вещей невозможно. Никто не можетъ сказать, что такой-то предметъ дѣйствительно таковъ, можетъ только утверждать, что онъ объ немъ такого-то мнѣнія, что онъ ему кажется такимъ-то. Чѣмъ съ большею опредѣленностью и основательностью прежніе мыслители, какъ Платонъ и Аристотель, выставляли неложными и несомнѣнными добытыя ими знанія, тѣмъ съ болѣе рѣзкимъ противорѣчіемъ выступала новая школа противъ ихъ положеній. Впрочемъ и эта школа опиралась на убѣжденіяхъ и приводила ряды доказательствъ, которыя частію заимствовала отъ разума, частію изъ наблюденій надъ явленіями.

Это направленіе, явившееся на границѣ древняго и новаго міра, снова показываетъ, что умъ человѣческій, безъ просвѣщенія божественнымъ откровеніемъ, не въ состояніи былъ отыскать истину. Здѣсь новая школа высказала вѣрную мысль и оказала въ этомъ отношеніи большую заслугу. Но когда она въ частности подвергла сомнѣнію все, считавшееся

до сихъ поръ истиннымъ, тутъ зашла она уже слишкомъ далеко. Тѣмъ сильнѣе чувствовалась потребность въ окончательномъ открытіи истины въ такое время, когда всѣ стояли на краю пропасти, въ которую грозила рухнуть вся человѣческая мудрость, какъ ложная. Язычество сдѣлало что могло безъ откровенія Божія; теперь близокъ былъ моментъ, когда небесный свѣтъ долженъ былъ появиться во тьмѣ, потому что умъ достигъ въ своемъ развитіи того пункта, на которомъ онъ, заблудившись въ имъ самимъ выработанныхъ знаніяхъ, явился способнымъ, склоннымъ и готовымъ принять въ себя вѣчное познаніе Бога.

Б. КРУГЪ ПОНЯТІЙ РИМЛЯНЪ.

Древнеримское право.

Римскій умъ не любилъ возводить высокія, воздушныя зданія богатыхъ геніальностью мыслей, которыя стремятся отъ видимой земли къ незримому небу; ему пришлось упражнять свои силы надъ прочнымъ устройствомъ здѣшней жизни. Въ то время, какъ греки, съ живымъ сочувствіемъ къ неземному, старались изслѣдовать основы всѣхъ существъ и вещей, послѣднія причины всякой жизни и всякаго движенія, не менѣе даровитый римскій духъ упражнялся въ томъ, чтобы устроить земную жизнь на прочномъ основаніи. Правда и греки создали государственныя формы и

дѣйствующія въ нихъ законы, въ которыхъ нельзя не видѣть крѣпкаго народа, способнаго и къ самоуправленію, равно и къ защитѣ отъ непріятеля. Но даже и эти законы, устроивающіе общественную и гражданскую жизнь, были построены греками на основаніи столь привлекательныхъ для нихъ воззрѣній на законы неземнаго міра. Другое у римлянъ: римлянинъ строилъ свое государство на основахъ, которыми онъ обязанъ былъ не изслѣдованію невидимыхъ законовъ природы, но которыя нужно было приложить къ жизни, значитъ, которыя выросли также изъ жизни. Его уму не хотѣлось теряться въ идеалахъ, онъ устремилъ пристально свой взоръ на землю, и смотрѣлъ разсуждая о томъ, что эта земля предлагаетъ человѣку и въ чемъ отказываетъ ему; въ то же время онъ сознавалъ свою силу обладать ею. Грекъ стремился къ развитію силъ разсудка, римлянинъ къ выработкѣ воли и характера. Міръ греческихъ мыслей заключенъ въ ихъ философіи, міръ римскихъ мыслей въ наукѣ права.

Римское право есть самобытное, совершеннѣйшее произведеніе римскаго ума, возникшее, выработанное и вполнѣ законченное среди кровавыхъ битвъ. Каждый шагъ на пути къ прочнѣйшему, болѣе сильному устройству законныхъ основъ государства, къ равноправности гражданъ въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу, къ ихъ подчиненію высшимъ государственнымъ цѣлямъ, каждая попытка довести до надлежащей величины ростокъ, выходящій на живомъ деревѣ государственнаго устройства, стоили битвъ и крови. Большими жертвами, славными дѣлами римское право достигло своего совершенства, сложилось въ одно стройное цѣлое. Здѣсь дѣло шло не о томъ, чтобы побороть другіе взгляды, представленія и мнѣнія, или примирить ихъ между собою, (такъ бывало въ греческихъ философскихъ школахъ), здѣсь стояли другъ противъ друга строго раздѣленныя, и имѣвшія сильную корпорацію общины и союзы, люди, сильные умомъ

и характеромъ, но различные по внѣшнимъ жизненнымъ отношеніямъ.

Патриціи равно какъ и плебеи—богатые и бѣдные, свободно рожденные и кліенты, благородные и земледѣльцы — всѣ стремились къ одной цѣли—на правѣ основанному и на правѣ укрѣпленному устройству. Но пути ихъ были различны. Тѣ, которымъ богатство и почетъ, происхожденіе и образованіе доставили преимущество надъ другими, старались выработать право для утвержденія на немъ своихъ преимуществъ. Другіе противодѣйствовали имъ, стараясь пріобрѣсти то, что первые уже имѣли, своимъ перевѣсомъ при послѣднемъ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ. Что было важнаго, прочнаго, могучаго въ характерѣ народа, все проявилось въ этомъ стремленіи римскаго духа къ самостоятельности.

Древнѣйшее время римскаго государственнаго устройства было благопріятно выработкѣ патриціанскихъ правъ, въ лицѣ царя была вершина государственнаго устройства. Консулятъ обязанъ своимъ происхожденіемъ побѣдоносному напору плебейскаго духа, народнаго ума. Но напрасно этотъ умъ пытался упрочить надолго свое могущество. И консулятъ дѣлался мало по малу опорою патриціанскаго значенія. Тогда народный элементъ римскаго характера снова явился въ видѣ трибуната; въ народныхъ трибунахъ римскій народъ нашолъ по крайней мѣрѣ на время противовѣсіе патриціанской силѣ. Какъ прибой морской волны прибываетъ и убываетъ, такъ возвышалась и падала власть то благородныхъ, то народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ и право подвергалось многимъ колебаніямъ. Уже въ предложеніи Терентилла Арсы (462 г. до Р. Х.), который требовалъ изданія письменныхъ законовъ, противоположныя стремленія сознательно высказались. Что жъ было слѣдствіемъ сего? Соперничество патриціевъ и плебеевъ, борьба и кровопролитіе, ни одна сторона не хотѣла уступить, пока наконецъ чрезъ восемъ лѣтъ пре-

ложеніе было принято и исполнено. Первое римское собраніе законовъ, двѣнадцать таблицъ, вошло въ силу; на немъ законно основана политическая или государственно-гражданская равноправность патриціевъ и плебеевъ.

Въ двѣнадцати таблицахъ находились главныя основы государственнаго устройства, гражданскихъ правъ и правъ личныхъ. Ими обезпечивалась собственность отъ всякаго посягательства, воръ, поджигатель, равно какъ опекунъ, захватившій имѣніе своего питомца и ростовщикъ, обогатившійся неправымъ путемъ на счетъ другихъ, подвергаются наказанію. Признана святость присяги, лжесвидѣтеля свергали съ Тарпейской скалы. Тутъ браку дана законность; онъ былъ отчасти неразрывнымъ, только мужъ могъ искать развода. За отцомъ признано неограниченное право власти надъ дѣтьми и челядью.

Въ такихъ границахъ двигалась римская жизнь; что выходило изъ этихъ границъ, носило печать незаконности. Кто поступалъ такимъ образомъ, считался беззаконнымъ и подвергался наказанію. Кто повиновался законамъ, тотъ пользовался покровительствомъ государтва, котораго обязанностью было защищать права и лица.

ДРЕВНЕРИМСКІЙ КУЛЬТЪ.

Съ стремленіемъ римскаго ума устроить государственную жизнь на прочномъ основаніи закона, рука объ руку шло другое — сообщить гражданской и домашней жизни болѣе

сильный, опредѣленно выработанный видъ религіознымъ освященіемъ. Для римлянина боги не были на небѣ витающими силами, какими они были для грека, силами, которыя иногда вмѣшиваются въ дѣла людей; у римлянъ сила боговъ проявлялась преимущественно въ земной жизни. Служеніе богамъ есть преимущественно дѣло домашнее, семейное; оно дѣло государства въ той мѣрѣ, въ какой государство представляетъ большое семейство всего гражданства. Въ тихомъ домашнемъ уединеніи чтитъ римлянинъ своихъ пенатовъ и поручаетъ имъ судьбу своего семейства. Страхъ предъ гнѣвомъ боговъ побуждаетъ его добросовѣстно исполнять богослужебные обряды. Какъ въ общественной жизни онъ подчинялся существующимъ законамъ, такъ въ отношеніи къ богамъ онъ подчинялся точному исполненію того, чего по его понятію боги имѣли право отъ него требовать.

Римскій умъ не занимался изслѣдованіемъ начала міра и существа боговъ Онъ не создалъ себѣ ни своего искусства, ни своей религіи; и то и другое онъ усвоилъ себѣ въ томъ видѣ, какъ нашолъ. Римлянинъ не имѣлъ той творческой фантазіи, которая такъ свойственна была греку и которая заставила его усмотрѣть въ мірѣ такую полноту духовныхъ силъ, проявившихся впослѣдствіи въ видѣ боговъ. Римлянинъ привелъ въ связь съ своими нравственными понятіями тѣ образы боговъ древнеиталійскаго происхожденія, которые онъ тамъ нашолъ. Больше онъ ничего не желалъ. Ему довольно было убѣжденія въ существованіи этихъ боговъ и ихъ силѣ. Онъ понималъ, что боги не только содержатъ въ своихъ рукахъ и направляютъ прошедшую судьбу человѣка, но что также отъ ихъ воли зависитъ и будущее. Никто не знаетъ темнаго грядущаго дня, только они одни, да тотъ, кому они откроютъ будущія судьбы. Поэтому содержали священныхъ куръ, и вѣщій жрецъ могъ толковать будущее, смотря на то, какъ куры клюютъ разсыпанныя зерна. Потому жъ убивали жертвенныхъ живот-

ныхъ, и изъ внутренностей ихъ узнавали будущее. Голосъ и полетъ птицъ, нѣкоторыя явленія на небѣ и т. под. все это было полнымъ значенія предзнаменованіемъ того, что въ совѣтѣ боговъ рѣшено относительно судьбы государства, или частнаго гражданина.

Радостный характеръ, свойственный греческимъ праздникамъ въ честь боговъ, не соотвѣтствовалъ духу римлянъ. У нихъ были серьезно-торжественные праздники, установленные не для развлеченія, но по чувству долга: такихъ почестей желаютъ боги. И здѣсь проявляется тотъ же римскій духъ, умѣвшій связать земное свое существованіе съ волею небесныхъ боговъ. Римлянину нѣтъ дѣла до занятій боговъ своими собственными дѣлами, за то онъ хлопочетъ о томъ, что боги рѣшили относительно судьбы людей. На этомъ основано убѣжденіе въ существованіи боговъ, на этомъ обязанность воздавать имъ честь, на этомъ радостное сознаніе ихъ благосклонности къ намъ, ровно какъ устрашающая мысль навлечь на себя ихъ гнѣвъ.

При всемъ томъ религія не есть существенное условіе жизни, она есть только опора государства и существующаго правленія. Государство стоитъ выше религіи, поэтому оно можетъ передѣлать ее такъ, какъ найдетъ болѣе удобнымъ. Счастіе жизни не зависитъ отъ религіи, но главнымъ образомъ отъ устройства государства. Поэтому римляне предоставляли побѣжденнымъ народамъ полную религіозную свободу, но, не безпокоясь объ ихъ религіи, они обращали большое вниманіе на то, чтобы они слѣдовали существующимъ законамъ, чтобы сохраняли государственное устройство, и, если можно, управлялись по римскимъ законамъ.

ДРЕВНЕРИМСКАЯ ЖИЗНЬ.

Римляне были народомъ земледѣльческимъ, поэтому умъ ихъ былъ обращенъ на тотъ кусокъ земли, который доставлялъ имъ необходимое для поддержанія тѣлесной жизни. Образъ жизни ихъ былъ простъ, воздержепъ, умѣренъ, далекъ отъ всякой роскоши. Человѣкъ, сегодня носившій сенаторскій жезлъ, на другой день работалъ плугомъ на своемъ полѣ. Если опасность государству ставила его во главѣ войска, онъ спасалъ отечество славною побѣдою надъ непріятелемъ; но на другой день рука, носившая диктаторскій мечъ, воздѣлывала въ своемъ саду землю для овощей. Такъ римскій народъ держался дознаннаго, вѣрнаго, надежныхъ основаній жизни, такъ онъ закалился въ обширной завоевательной борьбѣ и выказалъ крѣпкое свое сложеніе въ прилежной выработкѣ собственнаго туземнаго государственнаго устройства.

Женщина занимала у римлянъ почетное мѣсто. Она далека была отъ того рабскаго презрѣнія, съ которымъ смотрѣли на нее греки; въ Римѣ на нее смотрѣли почти какъ на равную мужу, его помощницу. Она не чужда была и образованію мужа, потому что не была стѣснена въ обращеніи съ мужчинами; она не была ограничена стѣнами дома, не была исключена отъ участія въ государственныхъ событіяхъ. Такъ какъ она дѣлила съ мужемъ радость и горе въ семействѣ, то и радости и печали общественной жизни не были ей чужды. Она принимала участіе въ побѣдныхъ торжествахъ, когда врагъ былъ прогнанъ и государство спасено, она не уклонялась отъ траура и сѣтова-

нія, когда консулы объявляли отечество въ опасности. Поэтому-то были святы узы, соединявшіе мужа и жену, и мнѣніямъ жены оказывалось должное уваженіе. Государство защищало права женщинъ.

Стремленія грековъ были обращены къ небу, римлянъ къ землѣ. Поэтому греческія разсудочныя изслѣдованія довольно поздно достигли законченности, греческое искусство въ постепенномъ развитіи поздно достигло своей цѣли. Римскій умъ, обращавшій главное вниманіе на полезное, на общее благо, уже съ раннихъ поръ проявилъ себя выполненіемъ столько же замѣчательныхъ, сколько и полезныхъ дѣлъ. Въ городѣ не было хорошей воды. Что за исполинское сооруженіе былъ аппіевъ водопроводъ, aqua Appia, который снабжалъ Римъ водою изъ водоема, отстоящаго отъ Рима на полторы нѣмецкихъ мили. Онъ шолъ на пространствѣ одинадцати тысячъ шаговъ подъ землею, построенъ былъ изъ квадровъ, а части, выдававшіяся изъ подъ земли, состояли изъ прекрасно выстроенныхъ арокъ, поддерживавшихъ желоба, по которымъ текла вода. Еще болѣе великолѣпное сооруженіе была via Appia, военная дорога изъ Рима въ Капую, длиною въ 40 нѣмецкихъ миль. И здѣсь основу образовали хорошо сплоченные другъ съ другомъ квадры, на которые насыпанъ былъ крупный песокъ. По сторонамъ дороги построены были дома для отдохновенія, а помильные камни указывали путешественнику разстояніе отъ Рима.

Такимъ-то образомъ римлянинъ заботился о томъ, что относилось къ земной его жизни и всему такому сообщалъ прочность и характеръ. Онъ меньше хлопоталъ о томъ, чтобы придумать что нибудь новое—изобрѣсти, онъ бралъ то, что находилъ готовымъ и пользовался этимъ такъ, какъ казалось лучше его практическому уму. Оттого онъ остался простъ нравами и въ обращеніи съ другими; простъ, но силенъ былъ его языкъ. Пока онъ еще не подчинился влія-

нію греческаго образованія, пока онъ былъ чисто римскимъ языкомъ, въ немъ не было искусственнаго состава предложеній. Этотъ языкъ ясно и понятно, пріятно и съ силою отпечатлѣвалъ мысли, которыхъ служилъ выраженіемъ. Онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ простой природѣ римскаго ума, которому нравится все прямое, долговѣчное и важное.

Во время войны Римъ являлся совершенно инымъ, чѣмъ въ мирное время. Каждый гражданинъ имѣлъ оружіе и слѣдовалъ за своимъ полководцемъ, въ городѣ оставались только старики, женщины и дѣти. Каждый гражданинъ считалъ своею обязанностію защищать государство, домашній очагъ, равно какъ римскія владѣнія и римское право отъ непріятельскихъ нападеній: служба въ войскѣ была для него почетною службою. Римскій солдатъ не имѣлъ себѣ равнаго по храбрости и стойкости, по мужеской силѣ и энергіи. Онъ повиновался приказаніямъ вождя, потому что понималъ, что только одна воля и подчиненіе всѣхъ этой волѣ даетъ силу войску и обѣщаетъ побѣду. Когда оканчивалась война, полководецъ опять поступалъ въ ряды гражданъ.

Но полевая жизнь должна все таки имѣть отпечатокъ домашней жизни, безпокойнаго рысканья римлянинъ не любилъ. Въ своемъ крѣпкомъ лагерѣ, который онъ строилъ всюду, даже тогда, когда приходилось остановиться въ немъ на короткій отдыхъ, онъ находилъ отраженіе своего роднаго города. Поэтому онъ употреблялъ много труда на лагерь и не считалъ тягостнымъ носить съ собою вещи, нужныя для постройки лагеря. Лагерь, совершенный четырехугольникъ, былъ въ то же время и городомъ съ главными и второстепенными улицами, съ большими и маленькими жилищами, съ форумомъ и ораторскою трибуною, былъ обнесенъ валомъ, который окруженъ былъ еще водянымъ рвомъ. Четверо воротъ служили для входа и выхода. Чѣмъ продолжительнѣе была остановка, тѣмъ сильнѣе укрѣпляли лагерь. Даже зимою устроивали лагерь и снабжали оный еще боль-

шими средствами обороны противъ непогоды и нападенія враговъ. Въ этомъ лагерѣ трудно было напасть въ расплохъ на римлянина, еще труднѣе побѣдить его,—лагерь служилъ мѣстомъ отступленія въ случаѣ несчастной битвы, большею же частію опорною точкою для боеваго строя.

* * *

Такова была римская натура и римская жизнь, прочно выработанная во всѣхъ отношеніяхъ, отпечатокъ первобытной силы римскаго духа. Правда, римскіе нравы должны были казаться грубыми тонкообразованнымъ грекамъ, но величіе и достоинство римскаго характера неминуемо производило впечатлѣніе на неримлянина. То, что умъ его размышленіемъ и наблюденіемъ дѣлалъ своею собственностію, на то онъ налагалъ печать прочности и энергіи и пользовался онымъ для стройки своей государственной жизни. Наука и обладаніе знаніями имѣли для него настолько цѣны, на сколько то и другое служило къ обезпеченію прочныхъ жизненныхъ отношеній и къ образованію характера. Этимъ укрѣплялась воля и облегчалась рѣшимость на великія дѣла. Если рѣшеніе было сдѣлано, римлянинъ не щадилъ никакихъ жертвъ, никакихъ трудовъ для его выполненія, и успокоивался не раньше, какъ всякое противодѣйствіе было преодолѣно и цѣль вполнѣ достигнута. Мудрость и умѣнье, ясный разсудокъ, здравость сужденія свойственны были римскому уму въ высокой степи. То, что онъ знаетъ, знаетъ совершенно; то, чѣмъ задумалъ онъ владѣть, къ тому онъ стремится и достигаетъ. Если онъ усмотрѣлъ, что только его воля нужна, что бы достигнуть чего нибудь, того онъ достигнетъ: воля и дѣло у него были неразрывно связаны.

ДРЕВНЕРИМСКОЕ СТИХОТВОРСТВО (ПОЭЗІЯ).

Духовной потребности древнихъ римлянъ удовлетворяли древніе жреческіе гимны, которые, награвированные на деревянныхъ или мраморныхъ доскахъ, носили и пѣли при торжественныхъ случаяхъ. Это были старинныя, переходившія по преданію, пѣсни въ честь боговъ, которыя тщательно сохранялись неизмѣнными, и которыхъ торжественныя мелодіи направлены были къ тому, чтобы возвысить важность и глубокое значеніе празднествъ въ честь боговъ. Онѣ были сложены на умбрійскомъ и латинскомъ языкахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ дошли до нашего времени. Кромѣ того были народныя пѣсни, которыя подобно сколіямъ грековъ пѣлись за обѣдомъ и въ которыхъ прославлялись дѣла древнихъ героевъ. Онѣ также изустно передавались изъ рода въ родъ до тѣхъ поръ, пока вытѣсненныя новымъ образованіемъ не подверглись забвенію. Подобнымъ же образомъ при погребальныхъ процессіяхъ пѣли *нении*, или траурныя пѣсни, на свадьбахъ пѣли веселыя, частію, сатирическія *фесценніи*; на гробахъ иногда можно было прочесть эпитафію въ стихахъ. Тогда же получила начало комедія, сначала въ весьма несовершенной формѣ, въ родѣ импровизированнаго разговора на оскомъ нарѣчіи. Эти народныя увеселенія, или игры, выполняемыя свободными римскими юношами, назывались *ателланами*. Къ нимъ присоединились сатирическія игры, которыя введены были для умилостивленія боговъ, послѣ одной язвы 364 г. до Р. Х. Онѣ были этрусскаго происхожденія и сопровождались танцами.

Впрочемъ все это было не болѣе, какъ только неразвившіеся начатки, попытки сообщить выраженіе общему духу народа. Только въ половинѣ третьяго столѣтія до Р. Х. римскій духъ достигъ въ нѣкоторыхъ выдающихся личностяхъ самостоятельнаго проявленія въ литературныхъ произведеніяхъ. Хотя греческое образованіе дало первый толчокъ этому дѣлу, и первые, проявившіе себя авторскою дѣятельностію, были по происхожденію греки,—при всемъ томъ они писали на римскомъ языкѣ и въ римскомъ духѣ, такъ какъ жизненные интересы привели ихъ въ Римъ и они были въ Римѣ своими.

Такимъ грекомъ былъ Ливіусъ Андроникусъ, воспитатель дѣтей Ливія Салинатора, первый писавшій римскія трагедіи и комедіи; онъ же перевелъ Одиссею на римскій языкъ и тѣмъ положилъ начало римскому эпосу. Энейусъ Невіусъ, урожденный кампанецъ уже началъ въ своихъ комедіяхъ давать большое мѣсто ѣдкой сатирѣ. Онъ писалъ также трагедіи, въ которыхъ искусно передѣлывалъ греческія пьесы въ латинскія; онъ въ героической поэмѣ сохранилъ для потомства событія первой пунической войны, въ которой самъ участвовалъ. Но смыслъ римскаго народа мало интересовался глубокомысленною трагедіею и болѣе склонялся на сторону комедіи, непосредственно захватывающей жизнь; ему нравилось, когда острота и насмѣшка касались правовъ современности, особенно высшаго общества. По тѣмъ же причинамъ римлянинъ умѣлъ оцѣнить анналы Квинтуса Эннія, въ которыхъ онъ складною рѣчью изложилъ римскую исторію. Это было первое героическое произведеніе чисто римскаго происхожденія, котораго сочинитель, грекъ по рожденію, былъ другомъ старшаго Катона и Сципіона Африканскаго. Равнымъ образомъ онъ прославилъ подвиги послѣдняго въ одномъ стихотвореніи, и написалъ много трагедій, сатирическихъ пьесъ и эпиграммъ. Кромѣ нихъ прославились еще Маркусъ Пакувіусъ, племянникъ Эннія и Луціусъ

Аттіусъ, какъ даровитые трагики, въ произведеніяхъ которыхъ виды и должная обработка предмета, и сила мысли и выраженія.

Творецъ римской комедіи собственно есть Маркусъ Аттіусъ Плаутусъ, умбрійскаго происхожденія и современникъ второй пунической войны. Онъ былъ бѣденъ смолоду, всю жизнь оставался такимъ, и долженъ былъ вертѣть ручную мельницу, чтобы поддерживать свое существованіе. И при такой работѣ даровитый человѣкъ сочинялъ свои комедіи, изъ которыхъ до насъ дошло двадцать. Ихъ можно назвать совершеннѣйшими образцами народнаго творчества, полными остроумія и шутки, написанными естественно и искусно. Съ горькою насмѣшкою, которая скрывается за невинною шуткою, Плаутусъ бичевалъ упадавшіе нравы своего времени, и умѣлъ провести предъ очами зрителей самыя животрепещущія сцены. Изъ его сочиненій мы можемъ узнать лучше, чѣмъ изъ всякаго другаго источника, домашнюю и общественную жизнь римлянъ, равно какъ духъ народа, когда-то сильный, теперь же ослабѣвающій. Онѣ суть вѣрное зеркало духа времени, подчинившагося чуждому вліянію, что указывало на неминуемо близкій упадокъ государства.

НОВОРИМСКАЯ ЖИЗНЬ.

Пока сила Рима ограничивалась обладаніемъ прилежавшей къ городу области средней Италіи, древнеримская жизнь была въ Римѣ въ полной силѣ. Но послѣ того какъ госу-

дарство, сформировавшееся внутри, обнаружило стремленіе къ расширенію границъ, римскій духъ занялся исключительно этимъ расширеніемъ предѣловъ государства. Даровитѣйшіе изъ римлянъ того времени едва находили досугъ на что нибудь другое, кромѣ придумыванья средствъ, какимъ бы образомъ распространить владѣнія римскаго государства. Это стремленіе къ внѣшнему могуществу, къ расширенію власти заключалось въ римской натурѣ, которая, сознавая свое духовное превосходство надъ народами запада, стремилась къ тому, чтобы надъ ними упражнять свои силы. Тѣсная связь государства и семьи, все устройство военнаго дѣла побуждало свободнаго римлянина, отдѣльно ли отъ другихъ, или съобща съ другими, постоянно придумывать, какъ лучше устроить государство, увеличить его; предъ этими мыслями всѣ другія становились на задній планъ, или имъ подчинялись. Поэтому мы не находимъ въ Римѣ ни одного философа, ни одной философской школы—всѣ знаменитые римляне являются на политическомъ поприщѣ или отличными воинами, или мудрыми соправителями въ государствѣ.

Исторія Рима показываетъ, какимъ вѣрнымъ, сознательнымъ шагомъ шолъ городъ къ владычеству надъ міромъ: сначала покорены были Италія, Сицилія, Африка, потомъ земли по ту сторону рѣки По, наконецъ весь востокъ. Завоевательная роль окончилась. Но при такомъ расширеніи государства римскій духъ не устоялъ въ границахъ своего первоначальнаго быта. Со всѣхъ сторонъ въ городъ стремился чуждый бытъ, чужіе нравы, чужой образъ жизни, иноземныя знанія и мудрость. И какъ поступалъ римскій народъ до сихъ поръ въ отношеніи ко всему чужеземному—что ему нравилось, то онъ усвоивалъ себѣ,—такъ было и теперь; теперь его воля была закономъ для міра, мечъ его низвергнулъ всѣ препятствія для своего господства, его городъ наполнился всѣмъ великолѣпіемъ востока и запада. Чуждый бытъ получилъ доступъ въ Римѣ, и темная сторона онаго

скорѣе и легче, чѣмъ свѣтлая. Римскій характеръ испыталъ перемѣну не къ выгодѣ своей; правда, римскій умъ ознакомился съ богатою областью воззрѣній и знаній, съ образованіемъ, но онъ потерялъ въ нравственномъ отношеніи, лишился простоты и довольства малымъ. Только немногіе люди стараго закала, какъ напр. Сципіоны, обладали на столько вѣрностью пониманія, что не подверглись врывающейся въ государство порчѣ нравовъ, имѣли столько энергіи, что даже противодѣйствовали этой порчѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ усвоивали себѣ отъ иноземцевъ свѣтлое и тонкое пониманіе искусства, глубокое знаніе и произведенія ихъ изслѣдованій. Но и они не могли удержать потока испорченности. Грекоримское образованіе, восточноримскій образъ жизни были въ противорѣчіи съ древнеримскимъ бытомъ, но они побѣдили послѣдній и повели народъ къ нравственному паденію.

При такихъ обстоятельствахъ ослабѣвалъ римскій характеръ и приходилъ къ изнѣженности и изнеможенію. Страсть къ низкимъ наслажденіямъ проникала все больше и больше, чувство высокаго изчезало, благородная, полная достоинства простота выходила изъ обычая. Высокія древнеримскіе праздники въ честь боговъ преобразились въ шумныя, пышныя, но безнравственныя празднества; дикія вакханаліи, въ которыхъ выступили отвратительныя сцены убійства, грабежа, и всѣхъ чувственныхъ наслажденій, заняли мѣсто древнихъ празднествъ. Эти роскошные пиры, такъ привившіеся къ римлянамъ, сдѣлались народными празднествами, въ которыхъ принимало участіе народонаселеніе всего Рима. Напрасно немногіе лучшіе люди, какъ Катонъ, издавали особые законы, чтобы уничтожить эту гибельную расточительность; зло всюду пролагало себѣ пути, потому что не было вѣрнаго оружія побѣдить оное.

Въ особенности гибельно дѣйствовали гладіаторскія игры, которыя получили начало около 260 года до Р. Х. При

погребальныхъ торжествахъ знатныхъ римлянъ выступали предъ жадною до зрѣлищъ толпою формально для гладіаторскаго боя приготовленные рабы; глаза народа съ неистовымъ довольствомъ слѣдили за кровавыми битвами. Спустя нѣсколько времени къ нимъ присоединился бой съ дикими животными, что только больше увеличивало грубость народа. Песокъ арены покрывался кровью людей и животныхъ, которые умирали въ страшномъ бою. Такъ консулъ Метеллъ выставилъ на арену сто слоновъ, которыхъ онъ отнялъ въ Сициліи у карѳагенянъ, и скоро дошло до того, что львы, тигры, гіены, пантеры, медвѣди должны были вступать въ бой съ рабами или преступниками для насла-жденія толпы.

Чуждый духъ теперь началъ уничтожать древнеримскіе нравы, домашніе и семейные, началъ проникать въ отношенія гражданъ между собою. Святость брака исчезла. Узы, соединявшія родителей и дѣтей, узы послушанія и любви ослабѣли. Общее воспитаніе, которое поручали иноземнымъ рабамъ, вело къ тому, чтобы льстить юношеству раннею зрѣлостію, что̀ для послѣдняго было въ высшей степени гибельно. На мѣсто древнеримскаго, прямаго, честнаго быта вошли въ жизнь коварство и обманъ, стремленіе только къ собственной выгодѣ, корыстолюбіе и своекорыстіе, нечестность и неблагодарность. Духъ партій, проявившійся въ ходѣ общественныхъ дѣлъ, перешолъ въ партейную ненависть, вторгнулся въ семейства, осмѣивая и расторгая узы родства и открывая двери всякому своеволію.

Впрочемъ и этому новоримскому быту осталась свойственною одна черта древняго—это уваженіе къ государственному праву. Основныя черты твердо поставленнаго въ древнее время права не легко могли изгладиться. Онѣ продолжали быть опорами государственнаго устройства, онѣ дѣлали несокрушимыми основы римскаго характера. И разслабленный

новорим.лянинъ все еще умѣлъ отличать право отъ произвола, даже тогда, когда самъ предавался произволу. Во всѣхъ случаяхъ общественной и гражданской жизни, когда открывалось нарушеніе права, онъ не медлилъ подвергнуть наказанію нарушителя права. Низпроверженіе римскаго государственнаго устройства, уничтоженіе существующихъ положеній права, всегда находили противодѣйствіе, и только чрезъ потоки пролитой крови можно было рѣшить дѣло.

ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ ВЪ РИМѢ.

Между всѣмъ чуждымъ, нашедшимъ доступъ въ Римѣ послѣ разрушенія Коринѳа и Карѳагена, не послѣднее мѣсто имѣли понятія грековъ о Богѣ и мірѣ. Хотя эти понятія только мало по малу прививались на западѣ, при всемъ томъ, сильно пробудившееся желаніе ознакомиться съ ними поближе, совпало съ извѣстнымъ историческимъ событіемъ.

Въ 156 году до Р. Х. явились въ Римъ послы изъ Аѳинъ. Они имѣли порученіе просить римскій сенатъ объ уничтоженіи одного указа, которымъ была узаконена денежная пеня, наложенная сикіонянами на аѳинянъ за опустошеніе города Орона. Послы были представителями трехъ знаменитѣйшихъ аѳинскихъ школъ: Карнеадесъ, основатель новой академіи, Критолаосъ изъ Фазелиса, глава перипатетической и Діогенъ изъ Вавилона, представитель стоической школы.

Сенатъ принялъ ихъ въ торжественномъ засѣданіи и вы-

слушалъ порученія, съ которыми они прибыли, и которыя они изложили убѣдительно и краснорѣчиво. И не здѣсь только они показали свое блистательное краснорѣчіе, въ частныхъ кружкахъ они умѣли заставить слушать себя. Необыкновенное умѣнье говорить и говорить ораторски произвели глубокое впечатлѣніе на воспріимчивыхъ римлянъ. Здѣсь они въ первый разъ услышали изъ устъ даровитыхъ мужей ученіе Аристотеля и Зенона Кипрскаго. Въ особенности нашли живое сочувствіе полныя мысли рѣчи Карнеадеса. Всѣ, желавшіе слыть образованными, устремились къ нему, чтобы учиться у него философіи и риторикѣ. Правда, не мало было и такихъ, которые были противъ греческаго образованія и ожидали отъ него только порчи римскихъ нравовъ; цензоръ Маркусъ Порціусъ Катонъ, провелъ въ сенатѣ опредѣленіе, по которому запрещено было грекамъ оставаться долѣе въ Римѣ. Но когда чрезъ нѣсколько лѣтъ Коринѳъ былъ разрушенъ и Греція сдѣлалась римскою провинціею, греческій бытъ и греческая наука стали неудержимо проникать въ главный городъ запада.

Люди болѣе свободнаго образа мыслей, чѣмъ Катонъ, не отвергали превосходства греческой мыслительности надъ римскою, и были друзьями и покровителями грековъ: таковы были Сципіонъ Африканскій младшій, Кайусъ Леліусъ, Луціусъ Лицинусъ, Лукуллусъ и многіе другіе. Въ преклонныхъ лѣтахъ самъ Катонъ услаждался воззрѣніями стоиковъ. Съ этихъ поръ знатные римляне отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе риторамъ, римскіе юноши отправлялись на время въ Аѳины, чтобы тамъ усовершествоваться въ наукахъ, римскіе ораторы и государственные люди начали знакомиться съ произведеніями греческихъ мыслителей. Въ особенности воззрѣнія Эпикура и стоиковъ нашли много приверженцевъ въ Римѣ. Мысль эпикурейцевъ, обращенная на жизнь и ея удобства, не входящая въ глубокія изслѣдованія о послѣднихъ причинахъ всякаго бытія, особенно соотвѣтствовала

римскому характеру. Важная строгость стоиковъ, ихъ нравственные взгляды, которые они умѣли провести съ научною точностью, особенно привлекали благороднѣйшихъ изъ римлянъ. Правовѣды старались научно внести въ римское право ученіе стоиковъ; тѣ же, которые послѣ трудныхъ занятій государственными дѣлами, искали отдыха и успокоенія, находили оные въ разговорахъ съ друзьями о правилахъ Эпикура. Даже женщины старались пріобрѣсти греческое образованіе и потомъ внести оное въ семейства.

Важнѣйшую услугу распространенію стоическихъ взглядовъ между римлянами оказалъ Панеціусъ Родосскій (140 до Р. Х.). Получивъ образованіе въ Аѳинахъ, онъ основалъ, по возвращеніи своемъ въ Родосъ, школу, которая скоро пріобрѣла такую славу, что римскіе юноши такъ-же охотно посѣщали Родосъ, какъ и Аѳины. Сципіонъ Африканскій посѣтилъ въ Родосѣ знаменитаго мужа и убѣдилъ его сопутствовать ему сначала въ Азію, потомъ въ Римъ. Здѣсь, кромѣ Сципіона, познакомились съ нимъ Леліусъ и Полибіусъ, знаменитый исторіографъ, и Панезій основалъ въ Римѣ общество, котораго члены обязывались жить по правиламъ стоиковъ. Онъ умѣлъ очистить стоическіе взгляды отъ всѣхъ искаженій и привести ихъ къ первоначальной простотѣ, сдѣлать ихъ понятными и для посредственныхъ умовъ и пробудить къ нимъ общее одушевленіе. Высокія начала стоиковъ доставили нѣкоторымъ изъ благороднѣйшихъ римлянъ точку опоры въ то время, когда добрые нравы начали быстро исчезать въ Римѣ, онѣ предохранили этихъ людей отъ гибели въ общей пучинѣ развращенія.

* *
*

Греческая мыслительность нашла въ Римѣ двухъ краснорѣчивыхъ представителей: въ лицѣ поэта Лукреціуса Кара эпикурейская, и въ лицѣ оратора Марка Туллія Цицерона

стоическая, перемѣшанная однако со взглядами Эпикура и новой академіи. Первый (род. 95 г. до Р. Х.) оставилъ намъ дидактическую поэму «О природѣ вещей», которая и до нашего времени служитъ главнымъ источникомъ для ознакомленія съ воззрѣніями эпикурейцевъ. Разъясненіями природы, которыя онъ будто бы почерпнулъ въ сочиненіяхъ Эпикура, онъ предостерегалъ людей отъ суевѣрія, старался освободить ихъ отъ религіознаго страха, и привести ихъ къ познанію самихъ себя и лежащихъ на нихъ обязанностей. Онъ передавалъ взгляды своего учителя съ благороднымъ одушевленіемъ и могучимъ словомъ.

Цицеронъ (род. 108 г. до Р. Х.), образецъ стиля, умѣлъ неподражаемымъ образомъ ясно и понятно передавать на римскомъ языкѣ мысли греческихъ мудрецовъ. Правда, ни онъ, ни Лукрецій не развили далѣе выставленныхъ послѣдними началъ греческой мысли,—такой силы самостоятельнаго мышленія не было въ римскомъ духѣ. Но такъ какъ они, особенно послѣдній, сдѣлали сначала тяжолый языкъ римлянъ столь гибкимъ, что онъ сталъ способенъ къ передачѣ мыслей греческихъ философовъ, — то этимъ и проложили греческой мыслительности доступъ въ Римъ. Цицеронъ заслуживаетъ первенства въ этомъ отношеніи предъ поэтомъ Лукреціемъ, такъ какъ писалъ въ прозѣ. Что придумалъ Эпикуръ, то Цицерону казалось необходимымъ для того, чтобы наслаждаться жизнью, сдѣлать ее пріятною; строгимъ стоикамъ онъ отдавалъ справедливое уваженіе за ихъ ученіе объ обязанностяхъ человѣка; онъ усвоилъ себѣ начала Новой академіи и училъ имъ, чтобы чрезъ діалектику подвинуть впередъ краснорѣчіе, и ея сужденіями о природѣ вещей уничтожить сомнѣніе въ высшихъ истинахъ. Такъ какъ Цицеронъ дѣлалъ извлеченія изъ сочиненій разныхъ мыслителей, и только группировалъ ихъ мысли, то самъ онъ и не представилъ никакой прочной, связной системы,

которая бы могла оживить ослабѣвшую духовную силу язычества. Такъ произошло, что римскій духъ чѣмъ больше отпадалъ отъ законовъ нравственныхъ, тѣмъ сильнѣе подпадалъ общей испорченности. Нравственное зерно греческой мыслительности только начало прозябать, но до здоровыхъ побѣговъ, до цвѣтенія и плодовъ оно не доросло.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РИМА.

ВВЕДЕНІЕ. 1

1. ВРЕМЯ ЦАРЕЙ.

Древній Римъ. 5
Древнѣйшее устройство Рима. 9
Первые властители Рима. 14
Нума Помпилій. 15
Смерть Тарквинія Приска. 18
Сервій Туллій. 20
Тарквиній гордый. 24

2. РЕСПУБЛИКА.

Патриціи и плебеи. 26
Коріоланъ. 30
Этруски и Кельты. 37
Бреннъ въ Римѣ. 42
Пирръ. 48

Стр.

3. ПУНИЧЕСКІЯ ВОЙНЫ.

Карѳагенъ. 55
Первая Пуническая война. 61
Вторая Пуническая война. 74
Разрушеніе Карѳагена и Коринѳа. 89

4. РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ.

Безпокойства при Гракхахъ. 99
Кимвры и Тевтоны. 106
Кайусъ Марій, консулъ. 112
Сулла и царь Митридатъ. 115
Марій и Сулла, диктаторъ. 122

5. ПАДЕНІЕ РЕСПУБЛИКИ.

Побѣды Помпея. 131
Первый тріумвиратъ. 140
Цезарь и Помпей. 149
Цезарь императоръ. 153
Второй тріумвиратъ. 160
Цезарь Октавій Августъ. 166

II. КАРТИНЫ РИМСКОЙ ЖИЗНИ.

Домъ. 171
Комната учебныхъ занятій. 178
Поѣздка въ помѣстье. 184
Вилла. 196

Стр.
Обѣдъ 204
Погребеніе 217

III. ОЧЕРКИ ИЗЪ МІРА ПОНЯТІЙ И МЫСЛИ ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ (ПРИБАВЛЕНІЕ).

Грекоримскій храмъ славы 225
А.) Кругъ греческой мысли 230
Происхожденіе міра 234
Олимпійскіе боги 239
Подземный міръ 249
Древнѣйшіе мыслители 251
Пиѳагоръ 259
Мышленіе Элеатовъ 264
Софисты 271
Сократъ и его ученики 276
Мудрость Платона 279
Аристотель 291
Философія послѣ Аристотеля 302
Б.) Кругъ понятій римлянъ 308
Древнеримское право . . . . . —
Древнеримскій культъ 311
Древнеримская жизнь 314
Древнеримская поэзія 318
Новоримская жизнь 320
Греческая философія въ Римѣ 324

2007237932